

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

2023 Том 19 № 4

Издаётся с 1992 года

Выходит 4 раза в год

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4

ISSN: 1999-9836 (Print)

ISSN: 2713-3397 (Online)

РЕГИОНОВ РОССИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук (Институт экономики РАН)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-78712 от 20 июля 2020 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, РУКОВОДИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА И РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бобков Вячеслав Николаевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, заведующий Сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; директор Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Гулюгина Алефтина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА – ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чащина Татьяна Викторовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИИ

Мачелян Гарри Григорьевич — кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

Одинцова Елена Валерьевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Черных Екатерина Алексеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института эко-

номики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

СЕКРЕТАРЬ

Рязанцев Вадим Игоревич — младший научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

Бурак Пётр Иосифович — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, директор Института региональных экономических исследований, Россия

Волгин Николай Алексеевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, советник генерального директора ВНИИ труда Минтруда России, главный редактор журнала «Социально-трудовые исследования», Россия

Головнин Михаил Юрьевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института экономики РАН, Россия

Гонтмахер Евгений Шлёмович — доктор экономических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, Россия

Гринберг Руслан Семёнович — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Института экономики РАН, Россия

Долгушкин Николай Кузьмич — академик РАН, доктор экономических наук, профессор, вице-президент РАН, Россия

Ивченков Сергей Григорьевич — доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии молодёжи Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Куклин Александр Анатольевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия

Ленчук Елена Борисовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научного направления «Экономическая политика» Института экономики РАН, Россия

Музычук Валентина Юрьевна — доктор экономических наук, доцент, заместитель директора Института экономики РАН по научной работе, Россия

Одегов Юрий Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник научной школы «Теория и технологии менеджмента» Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова

Рыбаковский Леонид Леонидович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Субетто Александр Иванович — доктор экономических наук, доктор философских наук, кандидат технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте РФ, почётный президент Ноосферной общественной Академии наук, руководитель Философского Совета Русского Космического Общества, вице-президент Петровской академии наук и искусств, Россия

Тощенко Жан Терентьевич — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник группы исследований социокультурной динамики, почётный доктор Института социологии РАН, заведующий Кафедрой теории и истории социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Риччери Марко — доктор политических наук, профессор, генеральный директор Института политических, экономических и социальных исследований, Италия

Хепп Рольф — доктор социологических наук, профессор Свободного Берлинского университета, Германия

Херрманн Петер — доктор социологических наук, профессор, научный сотрудник Центра по правам человека юридического факультета Центрального Южного университета, КНР

Хусаинов Булат Доскалиевич — доктор экономических наук, академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доцент, советник по науке Института экономических исследований, Казахстан

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдеев Юрий Алексеевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, Россия

Александрова Ольга Аркадьевна — доктор экономических наук, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения Центра по изучению проблем народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия

Гришаев Сергей Васильевич — доктор социологических наук, доцент, директор Красноярского филиала Академии труда и социальных отношений, Россия

Дахин Андрей Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор Нижегородского центра социально-экономической экспертизы, Россия

Золотов Александр Владимирович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и методологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия

Иванова Алла Ефимовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранения

тального поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Россия

Каменева Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Леонидова Галина Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующая Лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала Вологодского научного центра РАН, Россия

Локтюхина Наталья Викторовна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра финансов социальной сферы ФГБУ НИФИ Минфина России; профессор кафедры экономики труда и управления персоналом экономического факультета Академии труда и социальных отношений, Россия

Мацуляк Иван Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры экономической политики и экономических измерений Государственного университета управления, Россия

Мотрич Екатерина Леонидовна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, Россия

Наберушкина Эльмира Кямаловна — доктор социологических наук, доцент, профессор Департамента социологии Финансового университета, Россия

Симонова Марина Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой управления персоналом Самарского государственного экономического университета, профессор кафедры АСГИИ Самарского государственного технического университета, Россия

Соболева Ирина Викторовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром развития человеческого потенциала Института экономики РАН, Россия

Тюриков Александр Георгиевич — доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия

Чубарова Татьяна Владимировна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром экономической теории социального сектора Института экономики РАН, Россия

Ярашева Азиза Викторовна — доктор экономических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, ведущий аналитик Научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента ДЗМ, Россия

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Савова Ралица — кандидат экономических и социологических наук, представитель Европейского культурного маршрута «Лонгобардские пути через Европу», член Международного научного комитета «Амелио Тальяферри» (Италия), член редакционного комитета онлайн-журнала по истории и историографии «Storia e Futuro» (Италия), член Европейской сети регионального мониторинга рынка труда (EN RLMM), член Европейского консорциума политических исследований (Великобритания), Болгария

Чоба Юдит — кандидат социологических наук, профессор социологии факультета социологии и социальной политики Дебреценского университета, Венгрия

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

«ОБРАЗОВАНИЕ, КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ»

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	469
СТАТЬЯ НОМЕРА – СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	473
<i>Андрюшина Е.В., Григорьева Н.С.</i> Актуальное состояние научно-экспертного дискурса о тенденциях развития российской высшей школы.....	473
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	483
<i>Белехова Г.В., Леонидова Г.В.</i> Качество трудовой жизни школьных учителей: опыт измерения в Вологодской области.....	483
<i>Музычук В.Ю.</i> Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов».....	501
<i>Попов А.В.</i> Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр-периферия» в модельном регионе России.....	515
<i>Даикова Е.С., Дорохова Н.В., Сьянова А.А.</i> Занятость молодёжи в экономике Воронежской области: актуальные проблемы и перспективные направления их решения.....	529
<i>Бобков В.Н., Вередюк О.В.</i> Дестандартизация занятости в условиях реформирования экономики: состояние научного дискурса.....	542
<i>Гулюгина А.А., Чащина Т.В.</i> Уровень жизни домохозяйств с детьми в современной России: факторы риска.....	556
<i>Антипов В.И., Чащина Т.В.</i> Оценка эффективности использования продуктовых карточек для бедных.....	572
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	591
<i>Воробьева О.Д., Рубина А.Е.</i> Подходы к оценке вклада трудовых мигрантов в экономику принимающей страны.....	591
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	602
<i>Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.</i> Армянская диаспора в России: занятость и социально-экономическое самочувствие.....	602
<i>Швыряев П.С.</i> Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения.....	616
ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	630
<i>Шамиурин В.И., Шамиурина Н.Г.</i> О философии государственного, державного мышления и биологизме социума.....	630
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	641
<i>Бобков В.Н.</i> О конференции «Экономика труда и проблемы миграции»: на Пятом Российском экономическом конгрессе.....	641
<i>Черных Е.А.</i> Нобелевская премия по экономике за 2023 год «за углубление нашего понимания позиций женщин на рынке труда».....	645
ПЕРСОНАЛИИ	648
<i>Мачхелян Г.Г.</i> Юбилей мудрого поэта, патриота и гражданина великой страны (к 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова).....	648
«Волшебное сияющее слово» (слова стихотворения <i>Р. Гамзатова</i> «Мама», английский текст и музыка <i>Г.Г. Мачхеляна</i>).....	651
«Колыбельная любимой» (слова стихотворения <i>Р. Гамзатова</i> «Какую песню спеть тебе, родная?», музыка <i>Г.Г. Мачхеляна</i>).....	652

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции. Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию. Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187.

Подписано в печать 02.12.2023.
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ № 702.

Адрес редакции:
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, 32.
Телефон +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru
Сайт журнала: <https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

Оригинал-макет подготовлен и отпечатан в ООО «Издательство «Шелест»
Юридический адрес: 426060, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел. +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
Электронный адрес: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

Журнал доступен на следующих платформах:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Readera: <https://readera.org/vcugjournal>
ЭБС «Знаниум»: <https://znanium.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

2023 Vol. 19 No. 4

Issued since 1992

on a quarterly basis

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4

ISSN: 1999-9836 (print)

ISSN: 2713-3397 (online)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER

Federal State Budget Institution of Science —
RAS INSTITUTE OF ECONOMICS

Registration massmedia license No 015476, December 2, 1996.

Reregistered PI No. FS77-78712, July 20, 2020.

EDITOR-IN-CHIEF, HEAD OF THE EDITORIAL COUNCIL AND EDITORIAL BOARD

Bobkov, Vyacheslav Nikolayevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Director of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

EDITORIAL STAFF

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Gulyugina, Aleftina Aleksadrovna — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF – EXECUTIVE SECRETARY

Chashchina, Tat'yana Viktorovna — PhD in Economics, Senior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

Chernykh, Ekaterina Alekseyevna — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

Machkhelyan, Garry Grigor'evitch — PhD in Economics, Associate Professor, Independent Researcher

Odintsova, Yelena Valer'yevna — PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics

SECRETARY

Ryazantsev, Vadim Igorevitch — Junior Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics

EDITORIAL COUNCIL

Burak, Pyotr Iosifovitch — Vice-President of RANS, RANS Academician, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Regional Economic Research, Russia

Golovnin, Mikhail Yur'yevitch — Doctor of Economics, Corresponding Member of RAS, Director of the RAS Institute of Economics, Russia

Gontmakher, Evgeny Shlyomovitch — Doctor of Economics, Professor, Professor of the National Research University – Higher School of Economics, Russia

Grinberg, Ruslan Semyonovitch — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of RAS, Scientific Manager of the RAS Institute of Economics, Russia

Dolgushkin, Nikolai Kuz'mitch — Vice-President of RAS, RAS Academician, Doctor of Economics, Professor, Russia

Ivchenkov, Sergey Grigor'evitch — Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Chair of Youth Sociology of the Saratov State University, Russia

Kuklin, Alexandr Anatol'yevitch — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker at the Ural Federal University, Russia

Lenchuk, Yelena Borisovna — Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Research School «Economic Policy» at the RAS Institute of Economics, Russia

Muzychuk, Valentina Yur'yevna — Doctor of Economics, Assistant Professor, Deputy Director of the RAS Institute of Economics on Research Work, Russia

Odegov, Yuriy Gennad'yevitch — Doctor of Economics, Professor, Head of the Scientific School «Theory and Technologies of Management» at the Plekhanov Russian University of Economics, Russia

Rybakovsky, Leonid Leonidovitch — Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker of the RAS FCTAS Institute of Demographic Research Instyite, Russia

Subetto, Aleksandr Ivanovitch — Doctor of Economics, Doctor of Philosophy, PhD in Engineering, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the North-West Institute of the Management of the Russian Academy of the National Economy of the Public Service under President of the Russian Federation; Honoured President of the Noosphere Public Academy of Sciences; Head of

the Philosophy Council of the Russian Space Society; Vice-President of the Petrovskaya Academy of Sciences and Art, Russia

Toshchenko, Zhan Terent'yevitch — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of RAS, Chief Research Worker of the Sociocultural Dynamics Research Group, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the RAS FCTAS, Head of the Chair of Theory History and Sociology at the Sociology Faculty Russian State Arts University, Russia

Volgin, Nikolai Alekseyevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Adviser to Director General of the All-Russia Scientific Research Institute of Labour, Editor-in-Chief of the Journal «Social and Labour Research», Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Ricceri, Marco — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor, Director General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies (EURISPES), Italy

Hepp, Rolf D. — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany

Herrmann, Peter — Doctor of Sociology, Professor, Research Worker at the Human Rights Centre Law School at the Law Faculty of the Central South University, PRC

Khusainov, Bulat Doskaliyevitch — Doctor of Economics, Associate Professor, Academician of the Kazakhstan Academy of Natural Sciences, Adviser on Sciences at the Institute of Economic Studies, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

Alexandrova, Ol'ga Arkad'yevna — Doctor of Economics, Deputy Director on Research Work, Institute of Socioeconomic Problems of Population of the RAS FCTAS; Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Arkhangel'skiy, Vladimir Nikolayevitch — PhD in Economics, Head of the Department of Theoretical Problems of Reproduction and Population Policy at the Centre Studying Problems of Population, Lomonosov Moscow State University, Russia

Avdeev, Yuriy Alekseyevitch — PhD in Economics, Leading Research Worker at the Pacific Institute of Geography at the Far Eastern Branch of the RAS, Russia

Chubarova Tat'yana Vladimirovna — Doctor of Economics, Leading Research Worker, Head of the of the Centre of the Economic Theory at the Social Department, RAS Institute of Economics, Russia

Dakhin Andrey Vasil'yevitch — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the department of history and theory of state and law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Director of Nizhny Novgorod Center for Socio-Economic Expertise Russia

Grishaev, Sergey Vasil'yevitch — Doctor of Sociology, Associate Professor, Director of the Krasnoyarsk Branch of the Academy of Labor and Social Relations, Russia

Ivanova, Alla Yefimovna — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Health and Self-Preservation Behaviour at the RAS FCTAS Institute for Demographic Studies, Russia

Kameneva, Tat'yana Nikolayevna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Sociology Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Leonidova, Galina Valentinovna — PhD in Economics, Associate Professor, Leading Research Worker, Head of the Laboratory of Researching Problems of Development of Labour Potential at the RAS Vologda Research, Russia

Loktyukhina, Natal'ya Viktorovna — Doctor of Economics, Professor, Leading Research Worker at the Centre of the Social Sphere Finances, Research Financial Institute of the Ministry of Finance, Professor at the Chair of Labour Economics and Personnel Management, Faculty of Economics, Academy of Labor and Social Relations, Russia

Matskulyak, Ivan Dmitriyevitch — Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Chair of economic policy and measurement at the State University of Management, Russia

Motrich, Yekaterina Leonidovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Research Worker at the Institute of Economic Research of the RAS Far Eastern Branch, Russia.

Naberushkina, El'mira Kyamalovna — Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Simonova, Marina Viktorovna — Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Chair of Personal Management, Samara State University of Economics, Professor of the Department of ASGill Samara State Technical University, Russia

Soboleva, Irina Viktorovna — Doctor of Economics, Chief Research Worker, Head of the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Russia

Tyurikov, Alexander Georgyevitch — Doctor of Sociology, Professor, Head of the of the Chair of Sociology at the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia

Yarasheva, Aziza Viktorovna — Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the RANS, Chief Research Worker, Head of the Laboratory of Behavioral Economic Research at the Institute of Socioeconomic Problems of Population, RAS FCTAS; Leading Analyst at the Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Healthcare Department, Russia

Zolotov, Aleksandr Vladimirovitch — Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Methodology at the Lobachevskiy Nizhny Novgorod State Research University, Russia

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL BOARD

Csoba, Judith — PhD of Sociology, Professor of Sociology, Department of Socio-logy and Social Policy of University of Debrecen, Hungary

Savova, Ralitsa — PhD of Economics and Sociology, Representative of the European Cultural Route «Longobard ways through Europe»; Member of the International Scientific Committee «Amelio Taljaferry» (Italy); Member of the Editorial Committee of the online journal on the history and historiography «Storia e Futuro» (Italy); Member of the European Net of the Regional Labour Market Monitoring (EN RLMM); Member of the European Consortium of Political Research (Great Britain), Bulgaria

CONTENTS THE ISSUE THEME:

«EDUCATION, QUALITY OF WORK LIFE, STATE AND FAMILY VALUES»

CHIEF EDITOR'S COLUMN	469
ARTICLE OF THE ISSUE – SOCIOLOGICAL RESEARCH	473
<i>Andryushina EV, Grigorieva NS</i> Current State of Scientific and Expert Discourse on Trends in the Development of Russian Higher Education.....	473
ECONOMIC RESEARCH	483
<i>Belekhova GV, Leonidova GV</i> Quality of Working Life of School Teachers: Measurement Experience in the Vologda Region.....	483
<i>Muzychuk VYu</i> Employment and Labour Payment in the Cultural Sector: Outcomes of the Budget Reform and the May Decrees.....	501
<i>Popov AV</i> Problems and Prospects for the Development of the Employment Sphere Along the “Center-Periphery” Axis in the Model Region of Russia.....	515
<i>Dashkova ES, Dorokhova NV, Syanova AA</i> Youth Employment in the Economy of the Voronezh Region: Actual Problems and Promising Directions of their Solution.....	529
<i>Bobkov VN, Veredyuk OV</i> De-Standardisation of Employment in Economic Reformatting Context: State of Scientific Discourse.....	542
<i>Gulyugina AA, Chashchina TV</i> Standard of Living of Households with Children in Modern Russia: Risk Factors.....	556
<i>Antipov VI, Chashchina TV</i> Evaluation of the Effectiveness of the Use of Food Cards for the Poor	572
DEMOGRAPHIC RESEARCH	591
<i>Vorob'eva OD, Rubina AE</i> Approaches to Assessing the Contribution of Migrant Workers to the Economy of the Host Country.....	591
SOCIOLOGICAL RESEARCH	602
<i>Osadchaya GI, Yudina TN</i> Armenian Diaspora in Russia: Employment and Socioeconomic Well-being.....	602
<i>Shvyryaev PS</i> The Problem of Cybercrime in Russia: Current State and Prospects for Solution.....	616
PHILOSOPHICAL RESEARCH	630
<i>Shamshurin VI, Shamshurina NG</i> On the Philosophy of State, Sovereign Thinking and the Biologism of Society.....	630
SCIENTIFIC LIFE	641
<i>Bobkov VN.</i> About «The Labor Economics and Migration Problems» Conference: at the V th Russian Economic Congress.....	641
<i>Chernykh EA</i> Nobel Prize in Economic Sciences for 2023 «for Having Advanced Our Understanding of Women’s Labour Market Outcomes»....	645
PERSONALITIES	648
<i>Machkhelyan GG</i> Anniversary Celebrations Dedicated to the Great Country’s Wise Poet, Patriot and Citizen (Commemorating the 100 th Anniversary of Rasul Gamzatov’s Birth).....	648
«A Bright and Magic Word» (lyrics by <i>Rasul Gamzatov</i> , done into English by <i>Machkhelyan GG</i> , music by <i>Machkhelyan GG</i>).....	651
«Lullaby for My One and Only Love» (lyrics by <i>Rasul Gamzatov</i> , music by <i>Machkhelyan GG</i>).....	652

While quoting the reference to the Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia» is required.
The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.
Issued quarterly. All materials received by the Editorial Board are subject to reviewing.
Subscription index 71187.

Signed for publication 02.12.2023.
Format 60x84/8. Circulation 700 copies. Order № 702.

Editorial Office Address:
32 Nakhimovskiy Prospekt, Moskva 117218, Russian Federation.
Telephone: +7 499 125 8445
E-mail: vcugjournal@mail.ru
Internet: <https://inecon.org/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii.html>

The original layout was prepared and printed by LLC Shelest Publishing Company
164 Engel'sa Ulitsa, Izhevsk 426060, Russian Federation.
Telephone: +7 904 317 7693, +7 963 548 5143
E-mail: shelest.izd@yandex.ru, malotirazhka@mail.ru

The journal is available on the following platforms:
Elibrary.ru: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=9199
Reader: <https://readera.org/vcugjournal>
EBS "Znaniy": <https://znaniy.com/catalog/magazines/issues?ref=9830c947-1df0-11e4-b05e-00237dd2fde2>
CYBERLENINKA: <https://cyberleninka.ru/journal/n/uroven-zhizni-naseleniya-regionov-rossii?i=1083907>

Редакторская заметка
EDN EADDAU

Колонка главного редактора

EDI (Editorial article)
EDN EADDAU

Chief Editor's Column

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С 2023 года учредителем журнала «Уровень жизни населения регионов России» является институт экономики РАН. Журнал включён в первую категорию журналов ВАК Минобрнауки (К1), обновлены научные специальности, редакционный Совет и редакционная Коллегия.

Тема четвёртого номера: **«ОБРАЗОВАНИЕ, КАЧЕСТВО ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ».**

В представленном читателю выпуске журнала содержатся методологические и аналитические работы, посвящённые экономическим, демографическим, социологическим и философским аспектам развития современной России и её регионов, новости научной жизни и публикации персоналий.

Выпуск завершает дискуссию по проблемам развития российского образования, начатую в первом номере журнала за 2023 год. Статьёй номера является социологическое исследование **«Актуальное состояние научно-экспертного дискурса о тенденциях развития российской высшей школы»** авторов **Е.В. Андрюшиной**, канд. полит. наук, доцента кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доцента кафедры русского языка и коммуникативных технологий Университета науки и технологий МИСИС, и **Н.С. Григорьевой**, д-ра полит. наук, профессора, заведующей кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова. Целью исследования является краткое обобщение позиций экспертов, опубликовавших свои статьи в выпусках журнала «Уровень жизни населения регионов России», относительно различных аспектов реформ российского образования в ретроспективе и перспективе, выявление тех вопросов, которые не нашли должного отражения в указанных публикациях, представление собственного взгляда на направления развития российского высшего образования в современных условиях. Авторы выделили общие суждения и позиции авторов, которые были предложены в рамках дискуссии, состоявшейся на страницах журнала, объединив таким образом мнения участников заочной дискуссии. В исследовании были обозначены некоторые частные позиции авторов-участников дискуссии относительно перспектив высшего образования, отмечен недостаток внимания к отдельным современным реалиям образовательных процессов. Авторы поставили вопрос не только о реформировании системы высшего образования на уровне государства, но и о возможности и целесообразности создания россицентричной модели высшего образования как макрорегионального (имея в виду регион Российская Федерация–Союз Независимых государств–Азиатско-Тихоокеанский регион–Африка) образовательного центра. В заключение статьи рассмотрены основные положения пилотного проекта по реформе высшего образования, стартующего в шести вузах страны на период 2023–2026 учебных годов.

В рубрике **«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуются статьи об опыте измерения качества трудовой жизни школьных учителей, тематика которой тесно связана с качеством российского образования; об итогах бюджетного реформирования сферы культуры в части кадрового потенциала и оплаты труда; проблемах и перспективах развития сферы занятости с точки зрения территориальной специфики; актуальных проблемах занятости молодёжи и перспективных направлениях их решения; состоянии научного дискурса по проблемам дестандартизации занятости в условиях переформатирования экономики; факторах риска снижения уровня жизни домохозяйств с детьми в современной России, а также статья об оценке эффективности возможного введения продуктовых карточек для бедных.

Статья **«Качество трудовой жизни школьных учителей: опыт измерения в Вологодской области»** *Г.В. Белеховой*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника отдела исследования уровня и образа жизни населения ВолНЦ РАН, и *Г.В. Леонидовой*, канд. экон. наук, доцента, ведущего научного сотрудника, заведующей Центром социально-демографических исследований отдела исследования уровня и образа жизни населения ВолНЦ РАН посвящена обобщению опыта исследования качества трудовой жизни учителей общеобразовательных школ Вологодской области на основе оценок удовлетворённости различными компонентами трудовой жизни, влиянию данных компонент на результативность образовательного процесса. Целью исследования явилось выявление особенностей и закономерностей качества трудовой жизни школьных учителей, в том числе в зависимости от их социально-профессиональных характеристик. Качество трудовой жизни учителей исследовалось в аспектах самооценки в контексте удовлетворённости учителями основными его компонентами, обозначен ряд перспективных управленческих направлений, которые могут способствовать повышению качества трудовой жизни школьных учителей.

В статье **«Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов»**, автором которой является д-р экон. наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института экономики РАН, главный научный сотрудник Государственного института искусствознания *В.Ю. Музычук*, представлен анализ оценки итогов бюджетного реформирования сферы культуры через призму преобразований, затрагивающих вопросы кадрового потенциала и оплаты труда. Целью исследования является анализ ситуации с кадровым обеспечением и уровнем оплаты труда в сфере культуры. Отдельное внимание отводится оценке реализации «майских указов» Президента РФ от 2012 г. в части повышения оплаты труда работников учреждений культуры. Даны рекомендации по оценке эффективности реализации государственной политики в сфере культуры.

Статья **«Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр-периферия» в модельном регионе России»** *А.В. Попова*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника ВолНЦ РАН, посвящена анализу особенностей и перспектив развития сферы занятости по оси «центр-периферия» на примере Вологодской области. В исследовании выявлена взаимосвязь между социально-экономическим развитием территорий и их близостью к центрам деловой активности, обозначены перспективы развития сферы занятости на периферии, которые связаны, прежде всего, с созданием новых рабочих мест, расширением мер социальной поддержки по закреплению кадров, реализацией промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов. В работе даны рекомендации федеральным и региональным органам власти для совершенствования социально-экономической политики с целью преодоления дисбалансов пространственного развития.

В статье **«Занятость молодёжи в экономике Воронежской области: актуальные проблемы и перспективные направления их решения»** авторов *Е.С. Дашковой*, д-ра экон. наук, доцента, заведующего кафедрой экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета, *Н.В. Дороховой*, д-ра экон. наук, доцента, профессора кафедры рекреационной географии, страноведения и туризма, профессора кафедры экономики труда и основ управления Воронежского государственного университета и *А.А. Сьяновой*, старшего преподавателя кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета, посвящена исследованию актуальных проблем занятости молодёжи в Воронежской области. В исследовании в результате ретроспективного анализа были выявлены этапы и особенности развития сферы занятости молодёжи в постсоветский период. По результатам социологического опроса были выявлены особенности и проблемы трудоустройства и занятости молодёжи в Воронежской области. Авторами были предложены перспективные направления нивелирования выявленных проблем: совершенствование и повышение эффективности профориентационной работы на основе разработки и внедрения инновационных методик, повышение инвестиционной привлекательности региональной экономики и создание новых высокотехнологичных рабочих мест, а также привлечение талантливой молодёжи из других регионов и стран, разработка и реализация инструментария финансового и нефинансового стимулирования работодателей к увеличению оплаты труда молодых работников, распространение практики субсидирования трудоустройства молодёжи.

В статье **«Дестандартизация занятости в условиях реформирования экономики: состояние научного дискурса»** авторов *В.Н. Бобкова*, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, главного научного сотрудника, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН и *О.В. Вередюк*, канд. экон. наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета, проанализированы итоги международной академической дискуссии «Дестандартизация занятости

в условиях переформатирования экономики» в рамках VII Санкт-Петербургского Международного форума труда, состоявшегося в 2023 году. В статье рассмотрено состояние научного дискурса по проблемам дестандартизации занятости под влиянием текущих макрошоков. В исследовании доказана гипотеза, что академическое дискуссионное поле эластично отвечает на текущие изменения экономической ситуации. В заключении статьи приводятся предложения участников академической дискуссии в Программный комитет Международного форума труда.

В статье **«Уровень жизни домохозяйств с детьми в современной России: факторы риска»** *А.А. Гулюгиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН, и *Т.В. Чащиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника Лаборатории исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми Института экономики РАН, проведён анализ ключевых индикаторов уровня жизни домохозяйств с детьми – реальных располагаемых ресурсов и покупательной способности расходов на потребление. Авторами выявлены факторы, создающие риски снижения уровня жизни домохозяйств с детьми, которые сгруппированы по уровню их образования. В исследовании выявлено, что индикаторы уровня жизни домохозяйств с детьми и факторы риска существенно дифференцированы по признаку детности, а индикаторы уровня жизни снижались для всех домохозяйств с детьми за период 2018–2022 гг. Авторами доказано, что среди малоимущих домохозяйств глубина бедности наиболее значительная при наличии 3-х и более детей. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00537.

Статья **«Оценка эффективности использования продуктовых карточек для бедных»** *В.И. Антипова*, канд. физ.-мат. наук, и *Т.В. Чащиной*, канд. экон. наук, старшего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, посвящена проблеме преодоления бедности населения России. Авторами проведено обоснование возможности и целесообразности введения продуктовых карточек для малоимущих слоёв населения. Расчёты произведены методом гипотетического увеличения денежных доходов домашних хозяйств путём раздачи продуктовых карточек и «погружении» их в имитационную модель воспроизводства ВВП России Р1-4-2(2023-0). В статье доказано, что увеличение денежных доходов беднейших слоёв населения приводит к существенному увеличению ВВП и поступлений в консолидированный бюджет России.

Рубрика **«ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** представлена статьёй **«Подходы к оценке вклада трудовых мигрантов в экономику принимающей страны»** д-ра экон. наук, профессора, главного научного сотрудника Института демографических исследований ФНИСЦ РАН *О.Д. Воробьевой* и аспиранта Института демографических исследований ФНИСЦ РАН *А.Е. Рубиной*, посвящённой разработке методических рекомендаций по оценке социально-экономического потенциала диаспоры трудовых мигрантов и экономического вклада трудовой миграции в принимающей стране. В исследовании определены понятия человеческого капитала диаспоры и социально-экономического потенциала; обозначены методические подходы к оценке социально-экономического потенциала диаспоры трудовых мигрантов в принимающей стране; изложены методические рекомендации по оценке социально-экономического потенциала представителей диаспоры трудовых мигрантов в России; определены методологические подходы к оценке их вклада в социально-экономическое развитие региона; разработаны методические рекомендации по оценке экономического вклада трудовой миграции.

В рубрике **«СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** публикуются статьи, посвящённые анализу процесса интеграции армян в российскую трудовую и социально-экономическую среду, а также исследованию актуального состояния проблемы киберпреступности в России.

В статье **«Армянская диаспора в России: занятость и социально-экономическое самочувствие»** *Г.И. Осадчей*, д-ра социол. наук, профессора, руководителя отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, и *Т.Н. Юдиной*, д-ра социол. наук, профессора, главного научного сотрудника отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, проведена оценка занятости и уровня социально-экономического самочувствия армянской диаспоры в трёх российских регионах с наибольшей численностью общины. В статье дан критический анализ научной литературы по социальному и социально-экономическому самочувствию социальных групп; обоснован подход, эмпирические индикаторы, методические рекомендации по расчёту индексов социально-экономического самочувствия; дан анализ занятости, социально-экономического самочувствия в экономической и социальной сфере. В исследовании сделан вывод о том, что в целом уровень социально-экономического самочувствия демонстрирует относительную устойчивость

и активную включённость армян в российскую трудовую и социально-экономическую среду, особенно в Краснодарском крае. Работа выполнена при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 20-511-05007.

Исследование **«Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения»** *П.С. Швыряева*, аспиранта факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова посвящено исследованию актуального состояния проблемы киберпреступности в России. На основе опроса экспертов-практиков и исследователей-теоретиков проблемы киберпреступности, автором выявлены причины ухудшения ситуации в стране с проблемой киберпреступности и определены наиболее эффективные стратегии её решения.

Рубрика **«ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»** представлена статьёй **«О философии государственного, державного мышления и биологизме социума»** авторов *В.И. Шамиурина*, д-ра социол. наук, профессора кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, и *Н.Г. Шамиуриной*, д-ра экон. наук, профессора кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования Первого МГМУ им. И.М. Сеченова. Статья посвящена проблемам философского осмысления государственного, державного мышления как основе общественного мнения, которое направлено на обоснование идеи суверенитета личности, общества и государства в соответствии с культурно-историческими, цивилизационными и религиозными традициями преемства, имеющими целью утверждение собственной авторской позиции, вырабатываемой на основе универсализма, системности и целостности как объективности, страхующими от рисков и ошибок.

Рубрика **«НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ»** знакомит читателей со статьёй *В.Н. Бобкова*, д-ра экон. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, координатора конференции Пятого Российского экономического конгресса, **«О конференции «Экономика труда и проблемы миграции» на Пятом Российском экономическом конгрессе»**, посвящённой обзору выступлений и итогам конференции «Экономика труда и проблемы миграции», проведённой в рамках Пятого Российского экономического конгресса, состоявшегося 2023 году в г. Екатеринбурге, а также со статьёй *Е.А. Черных*, канд. экон. наук, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН, **«Нобелевская премия по экономике за 2023 год «за углубление нашего понимания позиций женщин на рынке труда»**, посвящённой результатам исследований доктора философии, профессора Гарвардского университета, научного сотрудника Национального бюро экономических исследований США К. Голдин, лауреата Нобелевской премии по экономике в 2023 г.

В рубрике **«ПЕРСОНАЛИИ»** опубликована статья *Г.Г. Мачхеляна* канд. экон. наук, доцента **«Юбилей мудрого поэта, патриота и гражданина великой страны (к 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова)»**, посвящённая творчеству Р. Гамзатова, а также две новые песни на стихи Р. Гамзатова: **«Волшебное сияющее слово»** (слова стихотворения «Мама», английский текст и музыка Г.Г. Мачхеляна) и **«Колыбельная любимой»** (слова стихотворения «Какую песню спеть тебе, родная?», музыка Г.Г. Мачхеляна).

Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор *В.Н. Бобков*

СТАТЬЯ НОМЕРА – СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 37.0+378.111+378.147+378.4

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_1_473_482

EDN ILXRWO

Актуальное состояние научно-экспертного дискурса о тенденциях развития российской высшей школы

Евгения Владимировна Андрияшина^{1,3}, Наталья Сергеевна Григорьева²

^{1,2} Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

³ Университет науки и технологий МИСИС, Москва, Россия

¹ (eugenie80@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2443-5677>)

² (Grigorieva@spa.msu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7707-6754>)

Аннотация

В начале 2023 года журнал «Уровень жизни населения регионов России» инициировал публикацию серии статей, в фокусе которых были реформы образования в России, а именно анализ пройденного и разработка основных направлений и положений модернизации системы образования РФ при сохранении черт национальной традиционности.

Целью данной статьи является: во-первых, краткое обобщение позиций экспертов относительно различных аспектов реформ российского образования в ретроспективе и перспективе, во-вторых, выявление тех вопросов, которые не нашли должного отражения в указанных публикациях, в-третьих, представление собственного взгляда на направления развития российского высшего образования в современных условиях. Авторы выделили: «Точки согласия», объединяющие эпизоды с символическими заголовками а – «Вперёд в прошлое» и vice versa», б – «Маятник образовательной госполитики» и с – «И снова о Болонской системе», объединив таким образом мнения участников заочной дискуссии. Далее были обозначены «Особенные позиции» каждого и «Дефицит внимания» к отдельным современным реалиям образовательных процессов, а именно, к вопросам, связанным с процессами продолжающейся интернационализации высшего образования, которые являются объективной реальностью XXI столетия и которые необходимо учитывать независимо от тактических манёвров политической элиты и меняющейся конъюнктуры в мировой политике. На сегодняшний день векторы образовательной мобильности студентов и преподавателей поменяли своё направление с Запада на Восток, поэтому своевременно ставить вопрос не только о реформировании системы высшего образования на уровне национального государства, но и о возможности и целесообразности создания некой россиецентристской модели высшего образования как макрорегионального (имея в виду регион РФ-СНГ-АТР-Африка) образовательного центра.

В заключении рассматриваются основные положения пилотного проекта по реформе высшего образования, стартующего в шести вузах страны на период 2023–2026 учебных годах.

Ключевые слова: реформы образования, государственная образовательная политика, Болонская система, модернизация высшего образования, интернационализация высшего образования, россиецентристская модель высшего образования, вуз, наука

Для цитирования: Андрияшина Е.В., Григорьева Н.С. Актуальное состояние научно-экспертного дискурса о тенденциях развития российской высшей школы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 473–482. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_1_473_482; EDN ILXRWO

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_1_473_482

EDN ILXRWO

Current State of Scientific and Expert Discourse on Trends in the Development of Russian Higher Education

Evgenia V. Andryushina¹, Natalia S. Grigorieva²

^{1,2} Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia

¹ National University of Science and Technology MISIS

¹ (eugenie80@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-2443-5677>)

² (Grigorieva@spa.msu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-7707-6754>)

Abstract

At the beginning of 2023, the magazine "Standard of Living of the Population of Russian Regions" initiated the publication of a series of articles that focused on educational reforms in Russia, namely the analysis of what has been accomplished and the development of the main directions and provisions for modernizing the education system of the Russian Federation while preserving the features of national tradition.

The purpose of this article is: firstly, a brief summary of the positions of experts regarding various aspects of Russian education reforms in retrospect and in the future, secondly, to identify those issues that are not properly reflected in these publications, thirdly, to present our own views on the directions development of Russian higher education in modern conditions. The authors highlighted: "Points of agreement", combining episodes with symbolic headings a – "Forward to the past" and vice versa", b – "Pendulum of educational state policy" and c – "And again about the Bologna system", thus uniting the opinions of the participants of the correspondence discussions. Next, the "Special Positions" of each and the "Lack of Attention" to certain modern realities of educational processes were identified, namely, to issues related to the processes of ongoing internationalization of higher education, which are the objective reality of the 21st century and which must be taken into account regardless of the tactical maneuvers of the political elite and the changing situation in world politics. Today, the vectors

of educational mobility of students and teachers have changed their direction from West to East. Therefore, it is timely to raise the question not only about reforming the higher education system at the level of the national state, but also about the possibility and feasibility of creating a certain Russian-centric model of higher education as a macro-regional (meaning the Russian Federation-CIS-APR-Africa region) educational center.

In conclusion, the main provisions of the pilot project for the reform of higher education, starting in six universities in the country for the period 2023–2026 academic years, are considered.

Keywords: education reforms, state educational policy, Bologna system, modernization of higher education, internationalization of higher education, Russian model of higher education, university, science

For citation: Andryushina EV, Grigorieva NS. Current State of Scientific and Expert Discourse on Trends in the Development of Russian Higher Education. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):157-168. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_1_473_482

Введение

Состояние современного отечественного образования на протяжении последних трёх десятилетий является предметом довольно острых дискуссий как в научном дискурсе, так и в среде практиков, представителей гражданских структур, бизнес-сообщества и других разнообразных социальных групп и заинтересованных сторон. Это обусловлено как самой природой высшего образования, так и процессов, в результате которых сформировалась современная российская образовательная система, отличная от советской модели. Особенно актуальна данная проблематика сегодня в связи с коренными трансформациями внешнеполитических обстоятельств, перепозиционированием России на международной арене, радикальной сменой политико-экономической повестки дня российской политико-административной элиты. Сфера образования, наряду с экономикой, стала объектом пристального внимания для лиц, принимающих решения на самом высоком уровне. На страницах журнала «Уровень жизни населения в регионах России» в ходе дискуссии нашли отражение интегрированные систематизированные позиции ряда экспертов относительно широкого круга проблем, существующих сегодня в отечественной системе образования, главной из которых является выявление тех факторов, которые повлияли на сложившуюся ситуацию со средним и высшим образованием в современной России, обобщение социально-экономических последствий постоянного реформирования данной сферы, прогнозирования различных сценариев и направлений развития будущей системы образования, поиска возможных путей выстраивания новой эффективной системы среднего и высшего образования и управления ею. Вопрос – «что было, что есть и что будет»? – далеко не праздный для всех участников заочной дискуссии.

Целью данной статьи, помимо некоего обобщения позиций коллег относительно вышеописанных аспектов российского образования в ретроспективе и перспективе, является выявление тех аспектов, которые не нашли должного отра-

жения в предыдущих публикациях в рамках объявленной дискуссии на страницах данного журнала, а также собственное видение направлений развития образования.

Объект – система высшего образования современной России. **Предмет** – факторы, определяющие актуальное состояние и перспективы развития образования.

Источниками для данной статьи стали, во-первых, работы представителей научно-преподавательского сообщества, опубликованные на страницах журнала в течение текущего года¹, посвящённые образовательной тематике, во-вторых, статистические данные и экспертные позиции относительно интернационализации высшего образования, в-третьих, данные пилотного проекта, проведённого в мае–июне 2023 г. авторами статьи на предмет выявления степени желанности и готовности российских студентов к научной деятельности. К тому же многие позиции сформировались в результате профессиональной включённости авторов на протяжении нескольких десятилетий работы в МГУ имени М.В. Ломоносова, Университета науки и технологий МИСИС (МИСИС), а также многочисленных стажировок и опыта преподавания в зарубежных университетах. Кроме того, источником для некоторых предложений авторов послужил опыт подготовки к лицензированию совместных с китайскими вузами про-

¹ Александрова О.А. Проблемы высшей школы: внутри и вне системы образования // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 2. С. 157–168; Греченко А.И., Одегов Ю.Г. Модернизация «болонизации» – по какому пути пойти? // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 61–69; Мачелян Г.Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 47–60; Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 3. С. 338–349; Чередниченко Г.А. Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 3. С. 407–420; Яковлева Н.Г. Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 36–46.

грамм по социально-экономическим дисциплинам на факультете государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

Мы не ставим задачу анализа плюсов и минусов Болонской системы: во-первых потому, что обсуждение, то затихая, то активизируясь, идёт очень давно и есть публикации, в которых подобный анализ был проделан, как в начале 2000-х [1], так и в последующие годы [2; 3], а во-вторых – актуальной является иная задача – создать понятный, а главное, действенный механизм реформирования высшего образования в связи с выходом Российской Федерации из Болонского процесса.

Здесь будет вполне уместно вспомнить одно из замечаний ректора МГУ академика В.А. Садовниченко, сделанное фактически двадцать лет тому назад во время выступления на Всероссийском совещании заведующих кафедрами гуманитарных и социально-экономических дисциплин, состоявшегося в ноябре 2003 г. в г. Москве о том, что «противников интеграции образования России в Международное образовательное пространство нет; есть разница в подходах к её осуществлению» [4, с. 66].

Точки согласия

Прежде всего остановимся на общих суждениях и позициях авторов, которые были предложены в рамках дискуссии, состоявшейся на страницах журнала. Не претендуя на полноценное обращение ко всем аспектам, затронутым в статьях уважаемых коллег, обратимся к наиболее интересным для авторов настоящего обзора.

Практически все исследователи сосредоточили внимание на выделении факторов, обусловивших последствия сущностных, институциональных и процессуальных трансформаций в средней и высшей школе, которые непременно следует рассматривать не по отдельности, а как дополняющие друг друга элементы единой образовательной системы. Иными словами, комплексный подход – лейтмотив всех, без исключения, работ, одним из ключевых принципов которого является анализ на основе рассмотрения взаимодействия многообразных элементов системы, что при эффективном исполнении позволяет значительно повысить эффективность всей системы управления. Все авторы, без исключения указали на то, что одна из ведущих причин неудач в реформах образования состоит именно в игнорировании комплексного подхода [5; 6; 7; 8; 9; 10].

Кроме того, участники дискуссии обращают внимание на происшедшую смену ценностного подхода к образованию на рыночный, утилитарный. Отметим, что авторы статей довольно обстоятельно систематизировали и подвели проме-

жуточные итоги развёрнутой дискуссии относительно последствий неолиберальной парадигмы в образовании (и не только), следствием которой стала ориентация российского образования на коммерческие принципы и результаты, «маркетизации» и коммерциализации образовательного сектора (подробнее – статьи О.А. Александровой [5], Н.Г. Яковлевой [10]).

Мы разделяем данную позицию и ещё раз хотели бы зафиксировать, что нехарактерный для советского периода «рыночный» подход в образовательной сфере, по сути, стал главной причиной изменения онтологических характеристик образования как такового в постсоветской России, его трансформации из «блага» в «услугу», своего рода «товар». При этом воспитание посредством формирования определённой ценностной системы практически исчезло не только из практик, но и теоретических и идеологических оснований образовательной политики и образовательного процесса. Это повлияло на приоритеты и содержание работы преподавателей в средней и высшей школе, существенно изменив их функционал. Большая же часть вузов на практике перестали быть агентами, реализующими не только образовательную, но и воспитательную функции, превращаясь в игрока на рынке, стремящегося к максимизации прибыли. Образование стало восприниматься как некий «сервис» и куда-то исчезло понимание, что высшее образование – это, прежде всего, благо, которое общество предоставляет молодому поколению (заметим, что в результате учащиеся приобретают необходимые знания, навыки и умения, тем самым увеличивая человеческий капитал и создавая возможности роста личного благосостояния).

Подобные трансформации ещё на уровне среднего образования в школе также привели к негативным результатам [7] в виде не только катастрофического снижения качества уровня образования [11], но и дополнительному нарастанию социальной и территориальной дифференциации на всех уровнях образования, что весьма убедительно показано в статье Г.А. Чередниченко [9], «социал-дегенератизму» и «виртуальному убаюкиванию» вместо реального улучшения уровня и качества жизни» [6, с. 67], невозможности образовательной системы готовить квалифицированные кадры для рынка труда, несоответствия квалификации выпускников ожиданиям и требованиям работодателей [8], снижения расходов на социальную сферу в общем и на образование в частности, неспособности развивать весь человеческий потенциал как «спектр созидательных способностей человека, в том числе способность к труду, личностные качества, а также способность к творческой деятельности» в целом [10, с. 37].

Мы присоединяемся к авторам, которые единогласно отмечают потребность и необходимость реанимирования ценностной парадигмы в трактовках отечественного образования, отхода от несработавшего и неэффективного в российских реалиях неолиберального прагматического подхода [6]. Возврат к традиционным функциям образования, а именно, качественному обучению и воспитанию, дополняющих одна другую, обоснован. При этом есть основания опасаться крайних форм реализации такого возврата в виде жёстких идеологически окрашенных курсов по образу и подобию худших вариантов советского периода (к чему призывают некоторые исследователи в границах состоявшейся дискуссии) и политики в рамках учебных заведений в целом на волне зачастую крайне жёсткой антагонистической риторики в отношении всего «прозападного».

А – «Вперёд в прошлое» и vice versa

Как верно отмечают участники актуальной дискуссии, линейный возврат к классической советской модели образования в современных условиях невозможен и даст негативные результаты в силу разной мотивации советской и современной молодёжи [6], отличных атрибутов советского и современного российского «хронотопов», упомянутых в статье Н.Г. Яковлевой [10].

Для сравнения можно обратиться к опыту Китайской Народной Республики, где образование реализуется в традициях ценностной парадигмы. Так, например, на первых курсах китайских вузов читаются такие политико-идеологические дисциплины, как «Основы теории марксизма», «Идеология Мао Цзэдуна и теоретическая система социализма с китайской спецификой». В реалиях КНР это необходимое условие легитимации специфического национального правящего режима, но в то же время экономическая система КНР «работает» на формирование не только ценностной мотивации, но и целерациональной (по М. Веберу), так как профессия преподавателя как в средней, так и особенно в высшей школе, является не только крайне престижной в китайском обществе, но и высокооплачиваемой. Для студентов же Правительство КНР и сами учебные заведения предлагают разнообразные формы финансовой поддержки в виде грантов самого широкого профиля: от поддержки талантливых студентов, иностранных учащихся, успешно овладевших китайским языком, до систематических выплат студентам из менее ресурсообеспеченных семей.

Следующим объединяющим сюжетом дискуссии как раз и стало введение и последствия ЕГЭ в российской системе образования, который единодушно критикуется большинством авторов

статей. Не будем останавливаться подробно на этом, однако отметим, что при наличии скорее негативного отношения к ЕГЭ, например, в странах АТР, он сохраняется как способ «выравнивания возможностей». Так, в упомянутом выше Китае существует национальный аналог ЕГЭ – гаокао – который довольно эффективно позволяет решать задачи справедливого открытого доступа молодёжи к высшему образованию. Таким образом можно заключить, что сама идея ЕГЭ не может априори восприниматься как зло для незападных образовательных систем. Скорее всего речь снова идёт о том, как российские практики реализации ЕГЭ подменили и исказили первоначальный курс ЕГЭ на снижение зависимости от социально-территориально-экономической дифференциации, построение прозрачной системы поступления школьников в вузы и т.п. Национальные особенности российского правящего и региональных режимов (коррупция), подмена содержательной компоненты образования в средней школе, ориентация системы обучения старших классов не на формирование знаний, а на технические и организационные особенности сдачи ЕГЭ и другие проблемы привели к прямо противоположным, по сравнению с заявленными целями, результатам [7; 9].

Б – Маятник образовательной госполитики

Далее, «популярным сюжетом» для обсуждения практик и прогнозов развития отечественной системы образования стала оценка государственной политики в области высшего образования. Данный аспект дискурса отражает консолидированную критическую позицию участников дискуссии относительно несистемного перманентного реформирования российского образования [6; 9]. При этом если одни критикуют её и за полное отсутствие целеполагания [6], перекосы в сторону смены модели финансирования социальной сферы, то О.А. Александрова [5] с опорой на работы О.Н. Смолина [12] справедливо затрагивает вопрос о реальных приоритетах политико-административной элиты и именно её роли в проведении любых реформ в постсоветской России. По нашему мнению, в этом-то и кроется определяющая причина актуального состояния системы образования в целом, поэтому остановимся на данном сюжете подробнее, так как, на наш взгляд, исследованию роли разных элементов политико-управленческой элиты, а, главное, латентным механизмам формирования образовательной госполитики, уделено недостаточное внимание в рамках состоявшейся дискуссии.

Представляется, что образовательная госполитика последних трёх десятилетий действительно

но ярко демонстрирует специфику принятия и реализации государственных решений в России в целом, а именно: закрытый круг лиц, принимающих решения, преобладание латентных механизмов и приоритет интересов высоко репутационных персон при проведении реформ [13], крайне сингулярное включение экспертов и представителей научного и образовательного сообщества в процессы выработки образовательной госполитики, высокая зависимость национальных государственных политик от международной конъюнктуры и внешнеполитических приоритетов России. Профессиональные и политические сети являются ключевыми акторами принятия решений о приоритетах и направлениях государственной образовательной политики, при этом одной из базовых причин незавершённости, маятникового характера, сингулярности и не связанности преобразований зачастую становится смена команд [13]. Такие латентные основания и механизмы принятия решений в образовании подкреплялись мероприятиями реальной финансово-экономической политики, направленной на «отход государства» от финансирования образования. Излишняя политизация образовательной сферы во многом определяет скачкообразный характер образовательных реформ, частую смену индикаторов эффективности образования, постоянное переформатирование содержания образовательного «контента» в виде обновления стандартов, ФГОСов, появлению разных вариантов реализации многоуровневой модели высшего образования и т.д. (что также затрагивалось в статье Т.О. Разумовой и И.Г. Телешовой [8]). Таким образом можно заключить, что политическая воля и приоритеты реальных ресурсообеспеченных акторов в системе принятия решений в образовании определяют основные векторы развития отечественного образования во многом без учёта мнения экспертов, практиков, наконец, общества в целом.

С – И снова о Болонской системе

Следующим сюжетом, на котором естественным образом фокусируются участники дискуссии, является переход российского образования к Болонской системе и резкий отказ от неё сегодня. Однако, не задерживаясь на сути самой системы, её роли в европейском образовательном пространстве и т.д. в силу довольно проработанного исследования данных аспектов в теоретическом дискурсе, лишь выскажем собственную позицию. Представляется, что Россия так и не реализовала в полной мере принципы и технологии Болонской системы [1], и в этом смысле критика данной западной модели не вполне уместна. Час-

тичное заимствование некоторых её элементов в совокупности с особенностями национальных практик реализации не могли привести к положительным результатам. Вместе с тем, «система высшего образования, базирующаяся на формате Болонской системы, многолетними усилиями её сторонников глубоко вросла в систему российского образования» [6, с. 62] и не учитывать это нельзя. Представляется, что анонсированные на высшем государственном уровне призывы о рациональном совмещении лучших практик образовательных моделей, «синтеза всего лучшего, что было в советской системе образования и опыта последних десятилетий»² (включая и Болонский процесс) необходимо учитывать при построении будущей модели образования в России. К сожалению, обсуждение проблем выхода из Болонского процесса проходит на неблагоприятном фоне. И вместо глубокого и спокойного анализа преимуществ и недостатков сложившейся системы и тех опасностей, с которыми мы можем неминуемо столкнуться при «обратном» переходе, мы наблюдаем два крайних варианта: полное отторжение уже достигнутого и безоглядное стремление быстро перейти к некоей новой схеме, о которой пока мало чётких представлений, а есть благие пожелания (кажется, мы это уже проходили). В то же время совершенно очевидно, что время обсуждения уже давно наступило.

Особенные позиции

Далее хотелось бы кратко выделить некоторые частные позиции относительно перспектив высшего образования. В предложенных авторами статьях условно можно выделить различные рекомендации относительно будущего контура российской образовательной модели. Спектр довольно широк: от общих призывов выведения образовательных проблем из сферы образования за её пределы, «перемен в организации общественных институтов» [9, с. 18], курс на «социализацию образования» [10], до углубления практик проектного подхода в управлении образованием [6], уточнения, пересмотра и введения «компетентностной модели профессиональной квалификации, которая будет включать в себя не только профессиональные, но и универсальные и общепрофессиональные компетенции. При этом нужно иметь в виду, что, с одной стороны, на базе одной «академической квалификации» могут быть сформированы несколько «профессиональных квалификаций», с другой стороны, одна «профессиональная квалификация» может быть сформиро-

² Полная стенограмма послания Владимира Путина Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года // Комсомольская правда: [сайт]. 21.02.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27468/4724024/> (дата обращения: 21.08.2023).

рована на базе разных «академических квалификаций». [8, с. 345]. Правильным будет заметить, что разновекторность высказанных предложений не позволяет успешно соединить их в некую единую картину будущего образования.

Дефицит внимания

Соглашаясь с большинством коллег относительно смены реалий, социально-экономических обстоятельств и условий, в которых осуществляется реформирование сферы образования в России сегодня, мы отмечаем недостаток внимания к вопросам, связанным с процессами глобализации, интернационализации высшего образования, которые являются, по нашему мнению, *объективной реальностью* XXI столетия и которые необходимо учитывать независимо от тактических манёвров политической элиты и меняющейся конъюнктуры в мировой политике. Процессы интернационализации высшего образования, с одной стороны, стали результатом целенаправленной политики вузов западных государств, с другой же – интернационализация превратилась и в самостоятельный процесс углубления взаимодействия как на уровне отдельных вузов, так и регионов мира. В целом, трактуя интернационализацию как «процесс, при котором цели, функции и организационные особенности предоставления образовательных услуг приобретают международное измерение» [14, с. 2], отметим, что в настоящее время и в данной сфере можно наблюдать смену рыночной парадигмы на ценностную [15]. Сегодня интернационализация способствует формированию личности, общества, а «интернациональное высшее образование не только репрезентирует культуру нового типа, но само в определённом смысле есть культура нового типа» [16, с. 98].

За восемь веков эволюции интернационализации вузы как основные её акторы, перешли к многофункциональной модели: от сингулярной активности старейших европейских университетов по передаче знаний до современных пост классических инновационных университетов, выполняющих множество функций [17, с. 460].

Ключевым механизмом реализации данного процесса является академическая мобильность студентов и преподавателей, что создаёт новые типы социальной и культурной адаптации, прежде всего, принимающей стороны, «уникальный климат как внутри образовательной организации, так и в её отношениях с иностранными региональными и глобальными партнёрами» [15]. Меняется и содержание образовательного процесса с учётом специфики преподавания в мультикультурной среде, развиваются языковые, коммуника-

тивные, цифровые компетенции преподавателей и административного аппарата вузов, создаются научные образовательные сети – которые можно назвать *академическим нетворкингом* (авторское определение) [18, с. 100–105]. Существующие на сегодняшний день существенные изменения в архитектуре доноров и реципиентов образовательного пространства (последние 10 лет в список стран-принимающих иностранных субъектов и преподавателей включились страны Азиатско-Тихоокеанского региона (особенно Китай), особое положение занимает и наше государство, которое в период с 2014 по 2019 год привлекло порядка 300 000 (и более по данным 2022 и 2023 гг.)³ иностранных студентов и несмотря на прогнозы⁴ относительно упущения лидирующих позиций в списке принимающих стран сумела их сохранить. Предсказуемо в нашу страну приезжают студенты из дружественных стран (СНГ, КНР), особенно возросло в 2023 году число иностранных студентов по квоте. Поэтому нам представляется, что целесообразно ставить вопрос не только о реформировании системы высшего образования на уровне национального государства, отвечая на запросы отечественного бизнеса, экономики, социума в целом, но и о возможности и целесообразности создания некой *россиецентристской* модели высшего образования как макрорегионального (имея в виду регион РФ-СНГ-АТР-Африка) образовательного центра. Это вопрос является предметом особого научного интереса для авторов данного обзора и требует дальнейшего развития.

Все вышеперечисленные обстоятельства о перспективах интернационализации в России ставят вопросы о необходимости их учёта в образовательной повестке дня для политико-административной элиты современной России особенно в условиях смены образовательной парадигмы и приоритетов.

Другим сюжетом, пока не нашедшем достаточной рефлексии в развёрнутом теоретическом дискурсе, является объявленный Президентом курс на подготовку научных кадров и новое (или хорошо забытое старое) позиционирование аспирантуры. «В отдельный уровень профессионального образования будет выделена аспирантура, задача которой готовить кадры для научной и препода-

³ По прогнозу Минобрнауки число иностранных студентов в вузах РФ вырастет до 435 тыс. к 2030 году // Российский союз ректоров: [сайт]. 08 июня 2023. URL: <https://rsr-online.ru/news/2023/6/8/po-prognozu-minobrnauki-chisloinostrannyh-studentov-v-vuzah-rf-vyrastet-do-435-tys-k-2030-godu/> (дата обращения: 27.08.2023).

⁴ Доклад Франции «Ключевые показатели студенческой мобильности в мире 2022». URL: https://ressources.campusfrance.org/publications/chiffres_cles/en/synthese_chiffres_cles_2022_en.pdf (дата обращения: 27.01.2023).

вательской деятельности. Хочу подчеркнуть, переход на новую систему должен быть плавным»⁵. С одной стороны, государство заинтересовано в развитии инновационной т.н. суверенной экономики; осуществлении технологического прорыва за счёт развития науки, с другой – необходимо чёткое реальное понимание того, насколько студенческая молодёжь готова заниматься наукой. В целом, на сегодняшний момент количество молодых учёных в России снижается вследствие многих причин, главная из которых – финансовая⁶. В качестве дополнительного доказательства обратимся к результатам пилотного исследования, которое мы провели в мае-июне 2023 года среди студентов МГУ имени М.В. Ломоносова и МИСИС. Результаты опроса позволили заключить, что к факторам, которые привлекают молодёжь в науку, можно отнести «существенную финансовую поддержку (55,8%), а также востребованность и перспективы профессионального и личного развития (11,5%). Значимыми факторами являются и такие, как предоставление государством социальных льгот и привилегий для молодых учёных (нулевая ипотека/рассрочка при приобретении жилья, личного транспорта) (7,7%), модернизация инфраструктуры науки, качественное оборудование (материальная исследовательская база) (5,8%)» [19, с. 165]. Да и в самом образовательном процессе студенты ратуют за раннее привлечение к научной деятельности, буквально с первого курса. Именно время начала информирования о научных перспективах и возможностях будет работать на формирование академической мотивации, упомянутому выше академическому нетворкингу, скорейшей научной социализации и интеграции в научное сообщество.

Связанным с развитием научного сообщества в современной России является вопрос и об использовании инновационных технологий в высшем образовании, имеющих целью создание определённой персональной образовательной траектории конкретного студента с учётом развития его творческих, академических способностей и даже возможностей личностного развития (как известно, в практиках многих вузов, использующих балльно-рейтинговые системы, дополнительные бонусы студенты получают не только за

⁵ Полная стенограмма послания Владимира Путина Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года // Комсомольская правда: [сайт]. 21.02.2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27468/4724024/> (дата обращения: 21.08.2023).

⁶ В среднем стипендии аспирантам в 2023 г. составляют порядка 9000–13000 рублей, в зависимости от региона России. Многим аспирантам приходится работать (а не подрабатывать), чтобы хоть как-то содержать себя (свои семьи). В то же время очная форма обучения, участие в различных научных проектах, работа в лабораториях и т.д. не оставляют времени для своего полноценного финансового обеспечения.

активную общественную деятельность, спортивные достижения, но и за развитие личных компетенций (чтение новых книг, начало музыкальных, вокальных занятий и т.д.)⁷.

Отсутствие должного внимания как со стороны государства, так и самих образовательных структур к внедрению инновационного образования в отечественной высшей школе, является негативным фактором вследствие как объективных процессов (смены парадигмы общественного развития [20], перехода к информационному обществу и новыми, более высокими требованиями к интеллектуальным параметрам работника [21, с. 79]), так и потребности со стороны молодого поколения получать знания с помощью новых технологий (гибридная модель образования, геймификация образовательного процесса, формирование студентами образовательного контента самостоятельно). Как показали результаты проведённого опроса и серии интервью со студентами МИСИС, «сам процесс обучения и образовательный контент, являясь определённой моделью предоставления и приращения современных знаний и компетенций, обуславливают желание студентов оставаться в научно-академической среде» [19, с. 168]. Однако сегодня практики приобщения молодёжи к науке продолжают носить сингулярный характер, а университеты отдают предпочтение классическим форматам обучения. Речь не идёт о том, что этот формат следует отвергнуть, а о соблюдении оптимального баланса между классикой и инновацией.

Заключение

Прогнозировать новые контуры отечественного высшего образования достаточно сложно, но необходимо. При этом крайне важно в рамках возвращения к ценностной парадигме осуществлять реальный, а не нормативный подход к воспитанию как базовой функции общественного блага – образования. Выстраивание эффективной модели функционирования и развития отечественной высшей школы обязательно должно основываться на укреплении взаимосвязи между всеми уровнями образования, особым акценте на науку, как можно более раннем привлечении студентов к научной деятельности, осмысленном сбалансированном синтезе инновационных и классических практик преподавания и обучения.

С учётом интернационализации как атрибута современного этапа развития образовательной сферы следует уже сейчас выстраивать собственную *россиецентристскую* модель высшего образования, которая играла бы приоритетную роль

⁷ В качестве примера можно сослаться на опыт кафедры иностранных языков и коммуникативных технологий МИСИС.

в долгосрочной перспективе. Речь идёт о вовлечении иностранных студентов и преподавателей из т.н. «дружественных» стран в российскую образовательную среду, создавая таким образом определённый противовес западным образовательным центрам. И сейчас для этого есть все предпосылки.

Учитывая ключевую роль государства в формировании и реализации отечественной образовательной государственной политики, хотелось бы надеяться на большую институализацию данного направления активности государства и меньшую зависимость от крайне вариативных изменчивых интересов некоторых команд в составе политико-административной элиты, более плавный, инкрементальный, а не резкий характер реформ на основе расширения круга контрагентов, заинтересованных в формировании образовательной госполитики как минимум за счёт включения в неё самих обучающихся, представителей бизнеса и научно-экспертного сообщества.

Вместе с тем на данный момент политическая воля требует скорейших рецептов перестраивания высшей школы, в связи с чем в мае президент РФ В.В. Путин подписал указ о запуске пилотного проекта по реформе высшего образования на период 2023–2026 гг. Подразумевается замена бакалавриата базовым высшим образованием, а магистратуры — специализированным (под специализированной подготовкой понимается магистратура, ординатура и ассистентура-стажировка). Задача эксперимента — рассмотреть различные

модели и возможные решения в рамках новой системы высшего образования. Проект будет реализован в шести вузах страны⁸, на определённых специальностях, прежде всего инженерно-технического профиля. Например, в МИСИС с нового учебного года откроют магистерские программы по IT и экономическим специальностям продолжительностью год. Для исследовательской магистратуры будет сохранён двухгодичный срок обучения, что позволит дать студентам необходимые знания для построения научной карьеры (но предполагается, что в случае необходимости он может быть увеличен ещё на год). Именно такого рода предположения позволяют говорить о том, что в целом программы изменений ещё не до конца готовы и подразумевается их корректировка по промежуточным результатам.

Перестраивая (в который раз) сложившуюся на данный момент систему высшего образования в России, нужно чётко знать цель, во имя которой это делается, равно как и учитывать те неизбежные потери, которые проявятся и очень скоро. Поэтому, представляется, что важнейшим фактором успешных преобразований должно стать более чёткое, дифференцированное целеполагание относительно возможности и необходимости перенесения практик пилотного проекта на образовательную систему в целом, без учёта профиля (технический, гуманитарный), детального описания сроков обучения в разных вузах опять же с учётом профиля и направления подготовки.

Список литературы

1. Григорьева Н.С. Возможности и ограничения Болонского процесса: российская система высшего образования между традицией и современностью // Государственное управление. Электронный вестник. 2005. № 5. С. 1–10. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/vipusk_65 (дата обращения: 21.08.2023). EDN MPWELZ
2. Луценко Н.О. Последствия присоединения России к Болонской системе в условиях современного политико-экономического кризиса // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 1. С. 9–25. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-1-860>; EDN YXCAHJ
3. Востриков В.Н., Лищук Е.Н., Савченко Н.В. Плюсы и минусы Болонского процесса в российском высшем образовании // Символ науки. 2018. № 8. С. 51–59. EDN XXSDON
4. Садовничий В.А. Роль кафедр гуманитарных и социально-экономических дисциплин в процессе модернизации высшей школы // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 1. С. 64–85. EDN RDPQFN
5. Александрова О.А. Проблемы высшей школы: внутри и вне системы образования // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 157–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168; EDN CWEOYO
6. Гретченко А.И., Одегов Ю.Г. Модернизация «болонизации» – по какому пути пойти? // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 61–69. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69; EDN MHAPNQ
7. Мачхелян Г.Г. Актуальные проблемы перестройки системы образования в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 47–60. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60; EDN MEUYVW
8. Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 338–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349; EDN GGKNRO

⁸ Московский авиационный институт (МАИ), Университет науки и технологий МИСИС, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Санкт-Петербургский горный университет (СПГУ), Балтийский федеральный университет (БФУ) им. Иммануила Канта и Национальный исследовательский Томский государственный университет (ТГУ).

9. Чердниченко Г.А. Эпоха ЕГЭ и реформ в образовании (взгляд социолога) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 407–420. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_8_407_420; EDN NQFGBM
10. Яковлева Н.Г. Российское образование: глобальные и национальные вызовы формированию человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 1. С. 36–46. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46; EDN GNWDCQ
11. Андриюшина Е.В., Луценко Н.О. Государственная политика РФ в области образования // Власть. 2014. № 7. С. 77–81. EDN SHWOAX
12. Смолин О.Н. Образование – для всех: Философия. Экономика. Политика. Законодательство. М.: Проспект–ТК Велби, 2006. 411 с. ISBN 978-5-482-01161-4
13. Андриюшина Е.В., Луценко Н.О. Публичные и латентные структуры в формировании современной российской политики в сфере образования // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2014. № 4. С. 92–100. EDN STDPEZ
14. Knight J. Updating the definition of internationalization // International Higher Education. 2003. P. 2–31. <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391>
15. Андриюшина Е.В., Рябинина А.М. Последствия интернационализации высшего образования в современном мире: теория и практика // Власть. 2023. Том 31. № 2. С. 24–29. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9518>; EDN WCQIOB
16. Михайлова Н.В. Культурологический подход к исследованию интернационализации высшего образования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 39. С. 93–101. [10.17223/22220836/39/9](https://doi.org/10.17223/22220836/39/9); EDN SRMCVK
17. Челнокова О.Ю. Трансформация классических университетов в национальные исследовательские университеты: региональный аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13. № 3(2). С. 460–468. EDN RNKKIV
18. Khorsandi Taskoh A. Internationalization in Canadian Higher Education Institutions: Ontario // Higher Education for the Future. 2020. P. 97–117. <https://doi.org/10.1177/2347631120930538>
19. Андриюшина Е.В., Андриюшков С.А., Григорьева Н.С. Потребности и мотивации студентов к научно-исследовательской работе в условиях современного инновационного образования // Власть. 2023. Том 4. № 31. С. 162–170. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9735>; EDN CDMARD
20. Карпенко М. Новая парадигма образования XXI века // Высшее образование в России. 2007. № 4. С. 93–97.
21. Дебердеева Т.Х. Новые ценности образования в условиях информационного общества // Инновации в образовании. 2005. № 3. С. 5–12. EDN HTYLAN

Информация об авторах:

Евгения Владимировна Андриюшина – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии управления, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры русского языка и коммуникативных технологий, Университет науки и технологий МИСИС, Москва, Россия

(e-mail: eugenie80@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 167084) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2443-5677>)

Наталья Сергеевна Григорьева – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии управления, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

(e-mail: grigorieva@spa.msu.ru) (РИНЦ Author ID: 303559) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7707-6754>)

(ResearcherID: AAV-3891-2021) (ScopusID: 57211140021).

Заявленный вклад авторов:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Наталья Сергеевна Григорьева

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Grigorieva N.S. Opportunities and Limitations of the Bologna Process: The Russian Higher Education System Between Tradition and Modernity. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik= Public Administration. E-journal*. 2005;(5):1-10. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/vipusk_65 (access date: 21.08.2023). (In Russ.)
2. Lutsenko N.O. Consequences of Russia's joining the Bologna system in the current political and economic crisis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta=Bulletin of Moscow State Regional University* (e-journal). 2018;(1):9–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-1-860>
3. Vostrikov V.N., Lishchuk E.N., Savchenko N.V. Pros and Cons of the Bologna Process in Russian Higher Education. *Simvol nauki=Symbol of Science*. 2018;(8):51–59. (In Russ.)
4. Sadovnichiy V. A. The role of the departments of humanitarian and socio-economic disciplines in the process of modernization of higher education. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya=Social and humanitarian knowledge*. 2004;(1):64–85. (In Russ.)
5. Aleksandrova O.A. Problems of higher school: inside and outside the education system. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living standards of the population of regions of Russia* 2023. 2023;19(2):157–168. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168
6. Gretchenko A.I., Odegov Yu.G. Modernization of "Bologonization" – which way to go? *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living standards of the population in the regions of Russia*. 2023;19(1):61–69. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_5_61_69

7. Machkhelyan G.G. Actual problems of restructuring the education system in modern Russia. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living standards of the population of regions of Russia*. 2023;19(1):47–60. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_4_47_60
8. Razumova T.O., Teleshova I.G. Transformation of the System of Higher Professional Education: Challenges and Perspectives. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living standards of the population of regions of Russia*. 2023;19(3):338–349. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349
9. Cherednichenko G. A. The Era of the USE and Reforms in Education (the View of a Sociologist). *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):407–420. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3
10. Yakovleva N.G. Russian education: global and national challenges to the formation of human potential. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii=Living standards of the population in the regions of Russia*. 2023;19(1):36–46. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_3_36_46
11. Andryushina E.V., Lutsenko N.O. State educational policy of the Russian Federation. *Vlast'*. 2014;(7):77–8. (In Russ.)
12. Smolin O.N. Education for All: Philosophy. Economy. Policy. Legislation. Moscow: Prospekt – Velby; 2006. 411 p. (In Russ.) ISBN 978-5-94628-329-8
13. Andryushina E.V., Lutsenko N.O. Public and latent structures in the formation of the modern Russian state policy in the sphere of education. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie: politologiya, ehkonomika, pravo=Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2014;7(4):92–100. (In Russ.)
14. Knight J. Updating the definition of internationalization. *International Higher Education*. 2003;2–31. <https://doi.org/10.6017/ihe.2003.33.7391>
15. Andryushina E.V., Ryabinina A.M. Consequences of the internationalization of higher education in the modern world: theory and practice. *Vlast'*. 2023;31(2):24–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9518>
16. Mikhailova N.V. Culturalogical approach to the study of the higher education internationalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie=Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art History*. 2020;(39):93–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22220836/39/9>
17. Chelnokova O.Yu. Transformation of Classical Universities into National Research Universities: Regional Aspect. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ehkonomika. Upravlenie. Pravo*. 2013;13(3(2)):460–468. (In Russ.)
18. Khorsandi Taskoh A. Internationalization in Canadian Higher Education Institutions: Ontario. *Higher Education for the Future*. 2020;97–117. <https://doi.org/10.1177/2347631120930538>
19. Andryushina E.V., Andryushkov S.A., Grigorieva N.S. The needs and motivation of students for research work in the conditions of modern innovative education. *Vlast'*. 2023;4(31):162–170. (In Russ.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9735>
20. Karpenko M. A new paradigm of education in the 21st century. *Vyshee obrazovanie Rossii=Higher Education in Russia*. 2007;(4):93–97. (In Russ.)
21. Deberdeeva T.Kh. New values of education in the information society. *Innovatsii v obrazovanii=Innovation in Education*. 2005;(3):5–12. (In Russ.)

Information about the authors:

Evgenia V. Andryushina – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Sociology for Management Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor of the Department of the Russian Language and Communication Technologies, National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russia (e-mail: eugenie80@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2443-5677>)

Natalia S. Grigorieva – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Sociology for Management Department, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (e-mail: grigorieva@spa.msu.ru) (PIИЦ Author ID: 303559) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7707-6754>) (ResearcherID: AAV-3891-2021) (ScopusID: 57211140021).

Authors' declared contribution:

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The author responsible for the correspondence is Natalia S. Grigorieva.
The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 01.12.2023

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 331.54+331.1

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_2_483_500

EDN IQDANP

Качество трудовой жизни школьных учителей: опыт измерения в Вологодской области

Галина Вадимовна Белехова¹, Галина Валентиновна Леонидова²

^{1,2} Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

¹ (belek-galina@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-6373-9043>)

² (galinaleonidova@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0361-2099>)

Аннотация

Самореализация школьных учителей в трудовой деятельности и результативность образовательного процесса зависят от качественных характеристик трудовой жизни. Условия и организация труда, уровень зарплаты, отношения в коллективе и с учащимися, система мотивации и развития, социальное признание так или иначе отражаются на профессиональной деятельности школьных педагогов. Цель исследования – выявление особенностей и закономерностей качества трудовой жизни школьных учителей, в том числе в зависимости от их социально-профессиональных характеристик. Эмпирическую базу составили данные опроса учителей общеобразовательных школ, проведённого с помощью онлайн-сервиса Google в Вологодской области в апреле-мае 2020 года. Перечень исследуемых компонентов качества трудовой жизни сформирован с учётом специфики учительского труда. Качество трудовой жизни исследовалось в терминах самооценки в контексте удовлетворённости учителей основными его компонентами. Определена высокая удовлетворённость учителей психологическим климатом, низкая удовлетворённость оплатой труда и социальной значимостью профессии. Установлено отсутствие различий в оценках удовлетворённости компонентами трудовой жизни в зависимости от пола, наличия детей и территориальной принадлежности школы. Выявлена высокая преданность профессии: только 30% учителей готовы при возможности уйти из образовательной сферы. Чем больше стаж по профессии и выше профессиональная категория, тем меньше учителей готовы сменить работу. В то же время с ростом квалификационного уровня и стажа преподавательской деятельности наблюдается снижение уровня удовлетворённости большинством компонентов трудовой жизни. Обозначен ряд перспективных управленческих направлений, которые могут способствовать повышению качества трудовой жизни школьных учителей.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, школьный учитель, субъективный подход, социологический опрос, удовлетворённость, преподавательский стаж, оплата труда, условия труда, социальная значимость труда

Для цитирования: Белехова Г.В., Леонидова Г.В. Качество трудовой жизни школьных учителей: опыт измерения в Вологодской области // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 483–500. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_2_483_500; EDN IQDANP

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_2_483_500

EDN IQDANP

Quality of Working Life of School Teachers: Measurement Experience in the Vologda Region

Galina V. Belekhova¹, Galina V. Leonidova²

^{1,2} Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

¹ (belek-galina@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-6373-9043>)

² (galinaleonidova@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-0361-2099>)

Abstract

School teachers' fulfilment in work and the effectiveness of the educational process depend on the qualitative characteristics of working life. The conditions and organization of work, wages, professional relationships and relations with students, system of motivation and development, social recognition in one way or another affect the professional activities of school teachers. The purpose of the study is to identify the features and patterns of the quality of the working life of school teachers, including depending on their socio-professional characteristics. The research is based on a survey of teachers of secondary schools in the Vologda Oblast, conducted by the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences using the Google Forms platform in April-May 2020. The list of studied components of the quality of working life is formed taking into account the specifics of teaching work. The quality of working life was studied in terms of self-assessment in the context of teachers' satisfaction with its main components. The results demonstrate high satisfaction with the psychological climate, low satisfaction with wages and the social significance of the profession. It was defined that there were no differences in the assessments of satisfaction with the components of working life, depending on gender, presence of children and territorial affiliation of the school. The research revealed high commitment to the profession: only 30% of teachers are ready to leave the educational sphere if possible. The longer the employment period and the higher the professional category, the fewer teachers are ready to change jobs. At the same time, with an increase of the qualification level and teaching experience, there is a decrease in the level of satisfaction with most components of working life. In conclusion proposed some management areas that can help improve the quality of the working life of school teachers.

Keywords: quality of working life, school teacher, subjective approach, sociological survey, satisfaction, teaching experience, wages, working conditions, social significance of work

For citation: Belekhova GV, Leonidova GV. Quality of Working Life of School Teachers: Measurement Experience in the Vologda Region. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):483–500. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_2_483_500

Введение

Социальное самочувствие и материальное благополучие школьных педагогов как одной из наиболее важных профессиональных категорий работающего населения находится в центре внимания исследователей в силу их особой роли в процессах воспроизводства социальной структуры общества. В начале XXI века система российского образования приступила к масштабной модернизации (внедрение нормативного финансирования (2001 г.), новой системы оплаты труда (2008 г.) и ЕГЭ (2009 г.); реализация национального проекта «Образование» (2010 г.); оптимизация региональных систем общего образования (2011–2013 гг.); переход на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) второго поколения (2011 г.); принятие нового закона «Об образовании» (2012 г.); введение профессионального стандарта педагогов (2014 г.) и т.д.). Реформирование системы образования продолжается и сегодня. Введён эффективный контракт (2013 г.); сформирована система учительского роста (НСУР), направленная на установление для педагогических работников уровней владения профессиональными компетенциями (2015–2017 гг.); запущена программа поддержки педагогов в небольших населённых пунктах «Земский учитель» (2019 г.); реализуется новый национальный проект «Образование» (2019 г.). В целях устранения излишней документальной нагрузки на учителей в 2022 г. приняты поправки в закон «Об образовании», способствующие дебиюрократизации учительского труда, а в 2023 г. обсуждается закон о статусе учителя (внесён на рассмотрение осенней сессии Государственной Думы). В целях признания особого статуса педагогических работников 2023-й год объявлен в России Годом педагога и наставника, мероприятия которого направлены на повышение престижа профессии учителя и решение насущных проблем современной системы образования.

Наряду с этим, в связи с возникающими вызовами внешнего характера (пандемия COVID-19, осложнение геополитической обстановки) в сфере образования резко усилились процессы его цифровизации (2020 г.) и были предприняты меры по повышению эффективности патриотического и духовно-нравственного воспитания детей (включение в программу по внеурочной деятельности предмета «Разговоры о важном»;

введение церемонии поднятия государственного флага в школах (2023 г.) и т.д.). Необходимость соответствующей подготовки и освоения навыков в области цифровых образовательных технологий накладываются на проблемы, традиционно присущие этой сфере деятельности – невысокая оплата труда [1; 2], организационные и психологические нагрузки (повседневная многозадачность, нагрузка дополнительными внеурочными заданиями, работа с проблемными школьниками, контроль за дисциплиной учащихся, общение с родителями и проч.) [3; 4].

Вышеперечисленные процессы формируют среду профессиональной деятельности учителей, от качественных характеристик которой во многом зависит их компетентность и результативность образовательного процесса. В данном контексте значимым представляется обращение к идее качества трудовой жизни (КТЖ), состоящей в обеспечении таких условий занятости, которые бы способствовали экономическому благополучию работающего человека, его самоутверждению и самореализации как в трудовых отношениях, так и в других сферах жизнедеятельности (семейной, потребительской, духовной) [5, с. 8; 6, с. 15–17; 7]. С управленческой точки зрения мониторинг качества трудовой жизни позволит выявлять проблемные зоны и осуществлять необходимую корректировку с целью повышения социального самочувствия учителей и их самореализации в трудовой деятельности.

Соответственно, **цель проведённого исследования** заключалась в выявлении особенностей и закономерностей качества трудовой жизни школьных учителей на основе анализа индивидуальных оценок удовлетворённости работой, в том числе в зависимости от социально-профессиональных характеристик респондентов. **Объект исследования** – учителя общеобразовательных школ региона (Вологодская область). **Предмет исследования** – качество трудовой жизни в разрезе оценок удовлетворённости разными аспектами работы. Для достижения поставленной цели решены следующие **задачи**: во-первых, раскрыто соотношение категорий «качество трудовой жизни» и «удовлетворённость работой», рассмотрены подходы к оценке КТЖ применительно к учительскому труду; во-вторых, на материалах социологического исследования, проведённого в Вологодской области, оценена удовлетворён-

ность школьных учителей работой (в том числе с учётом индивидуальных характеристик респондентов), что позволило выявить особенности качества трудовой жизни данной группы. **Гипотеза исследования** состояла в том, что оценка качества трудовой жизни (т.е. его субъективное восприятие через удовлетворённость) в большей степени различается в зависимости от профессиональных, нежели от социально-демографических характеристик учителей общеобразовательных школ.

Качество трудовой жизни: опыт измерений в педагогической среде

Первые идеи качества трудовой жизни (КТЖ) появились ещё в начале XX века в рамках разнообразных экономических теорий (теория трудовой стоимости К. Маркса, теория протестантской трудовой этики М. Вебера, концепция Э. Дюркгейма и др.) [8, с. 43]. Интерес к параметрам КТЖ вызвал появление мотивационных теорий, содержательная сущность которых состояла в исследовании и объяснении того, что стимулирует работника и каковы мотивы его трудовых действий. Среди них «школа научного менеджмента» (Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Гантт) с идеей использования прогрессивной заработной платы для повышения мотивации сотрудников; «школа человеческих отношений» / «школа поведенческих наук» (Ф. Герцберг, Д. МакКлелланд), где главенствующая роль отводилась внутренним потребностям, которые определяют поведение человека, направленное на достижение целей. Точкой отсчёта развития концепции «качество трудовой жизни» можно считать Международную конференцию по вопросам трудовых отношений, прошедшую в 1972 г. в Нью-Йорке [9, с. 88]. Российская экономическая и социологическая традиция исследования КТЖ сложилась благодаря работам В.Н. Бобкова, Б.М. Генкина, В.Ф. Потуданской, П.В. Савченко, Г.Э. Слезингера, В.А. Ядова.

Несмотря на растущее внимание исследователей к данной категории, не сформировалось единого научного подхода к пониманию и оценке КТЖ. Зачастую КТЖ позиционируется как составной элемент качества жизни [10, с. 214]. Интересен подход коллектива исследователей под руководством В.Н. Бобкова, согласно которому КТЖ рассматривается как многомерная категория, включающая оценку качества занятости и качества трудовой среды (рабочих мест) [11, с. 27–28]. В большинстве исследований [10; 11; 12; 13] измерение КТЖ осуществляется посредством некоторого набора объективных и/или субъективных показателей, что предполагает использование статистических данных и результатов социологических опросов. При этом удовлетворённость ра-

ботой обыкновенно рассматривается в качестве наилучшего обобщающего субъективного показателя, наиболее доступного способа субъективной оценки качества трудовой жизни [14; 15].

В общем виде удовлетворённость работой означает «позитивное эмоциональное состояние работника, возникающее в результате самооценки работы или опыта работы» [16, с. 1304]. Удовлетворённость работой – это «своеобразный инструмент оценки работником окружающей рабочей среды (средств и предметов труда, человеческого окружения) с учётом объективно-необходимых критериев реальности, приемлемой с учётом представлений о хорошей жизни степени насыщения потребностей» [17, с. 232]. В исследовательской практике удовлетворённость трудом предстаёт неким синтетическим конструктом, характеризующим «состояние трудовых отношений с позиции субъекта труда» [18, с. 10].

В отечественных и зарубежных исследованиях социального самочувствия и качества трудовой жизни педагогов значительно шире в отличие от школьных учителей представлен ракурс преподавателей вузов. В качестве инструментария преимущественно используются социологические опросы преподавателей одного или нескольких учебных заведений.

Одним из первых исследований качества трудовой жизни в среде школьных учителей в зарубежной науке упоминается исследование Росмиллера [19], который на примере преподавателей столичных общеобразовательных школ США показал влияние компонентов КТЖ (упорядоченная рабочая среда, адекватное материально-техническое обеспечение, грамотное руководство, доверительные взаимоотношения учеников и учителей, сплочённость персонала, взаимодействие между школой и обществом) на их удовлетворённость и качество работы. В австралийском исследовании [20] определены позитивные (профессиональное взаимодействие, демократичное руководство, обратная связь, совместное принятие решений) и негативные (плохие отношения с персоналом, бюрократизация, требования родителей, плохие условия труда, авторитарное руководство) факторы качества трудовой жизни учителей школ. В работе [21] на примере средних школ индийского города Майсур обнаружено, что большая часть (70%) учителей обладает средним уровнем качества трудовой жизни; у учителей-женщин КТЖ выше, чем у мужчин; нет значимых различий КТЖ в зависимости от опыта работы и типа школ (государственные, частные).

В отечественной научной литературе вопросы оценки самочувствия и удовлетворённости трудом учителей школ освещаются больше в рамках

конкретных ситуаций. Например, в ходе исследования взаимосвязи удовлетворённости работой с отношением учителей к инклюзии предлагается измерять удовлетворённость по четырем компонентам – уровень безопасности и защищённости, организация рабочего процесса, вознаграждение, вовлечённость в работу [22]. В качестве ключевых выводов обозначается, во-первых, наличие сильной прямой связи между показателями удовлетворённости организацией рабочего процесса и позитивной оценкой педагогами образовательной инклюзии; во-вторых, выявление низкой удовлетворённости работой по фактору безопасности и защищённости [22, с. 71–73]. Особое место в исследованиях учительского труда занимают вопросы бюрократической нагрузки и её влияния на самочувствие педагогов общеобразовательных организаций, качество их профессиональной деятельности. В частности, на основе социологических опросов учителей школ Пензенской области, проведённых в 2018–2019 гг., определено, что «работа с отчётной документацией занимает до 90% объёма рабочего времени, свободного от часовой преподавательской нагрузки» [23, с. 88], что во многом отрицательно влияет «на социальное самочувствие педагогов и качество их профессиональной деятельности» [23, с. 92].

Примером обобщённой оценки КТЖ посредством субъективного подхода является работа петербургских исследователей, в которой проанализированы представления учителей о качестве трудовой жизни по таким аспектам, как денежное довольствие, состояние учебной базы, равномерность нагрузки, санитарно-гигиенические условия, отношения с руководством, повышение квалификации, в том числе в зависимости от квалификационного уровня и стажа работы. Установлено, например, что «с ростом квалификации у учителей повышается удовлетворённость... разнообразием работы» [24, с. 161], но в то же время «учителя с категорией... предъявляют повышенные требования к справедливости в распределении учебной нагрузки по сравнению с работниками без категории» [24, с. 162].

Многолетние исследования самочувствия социально-профессиональной группы учителей Вологодской области проводятся в Вологодском научном центре Российской академии наук (ВолНЦ РАН). В частности, в рамках мониторинга (осуществляется с 2011 г. с интервалом в несколько лет в форме раздаточного анкетирования по месту работы респондентов) определены различия в удовлетворённости условиями труда между городскими и сельскими педагогами [25]; выявлены снижение «стремления к выходу из профессии» [26, с. 241] и положительная динамика

удовлетворённости рядом аспектов (отношения с учениками, приверженность профессии) [26, с. 242]. Наряду с этим отмечено сохранение высокой неудовлетворённости педагогов доходами и учебной нагрузкой и снижение запаса терпения у молодых специалистов [26, с. 245].

Интерес к проблеме качества занятости и удовлетворённости работой, условиями труда усилился в связи с переходом к дистанционному преподаванию в период пандемии COVID-19 [27; 28]. Рост требований к педагогам в условиях обновления системы образования вызвал интерес к проблеме изучения факторов социально-психологической адаптации учителей и оценке влияния на неё такого показателя, как удовлетворённость профессией [29]. Риски учительской профессии заключаются в снижении её престижности, обусловленной, по мнению исследователей, «размыванием гарантий стабильной занятости; ростом нагрузки без адекватного роста оплаты труда; увеличением бюрократизации и регламентации профессиональной деятельности» [30, с. 122]. Эти и другие выводы, полученные при изучении проблем учительского корпуса, подчёркивают актуальность обращения к параметрам качества трудовой жизни и коррелируют с выбранными нами показателями его оценки.

Таким образом, исследования проблем качества трудовой жизни в профессиональной группе педагогов малочисленны, особенно в среде школьных учителей. Слабо изучены также региональная специфика качества трудовой жизни преподавателей средних общеобразовательных школ: влияние стажа, квалификационного уровня, территориальной принадлежности школы (городская, сельская) и социально-демографических характеристик на удовлетворённость трудом. В рамках данного исследования мы постараемся рассмотреть обозначенные аспекты.

Использованные данные и методы

В исследовании для изучения КТЖ используется субъективный подход, поскольку он позволяет получить более содержательное представление о качественном состоянии трудовой жизни работников, нежели анализ статистических показателей. Исследование строится на анализе распределения индивидуальных оценок удовлетворённости школьных учителей основными компонентами трудовой жизни. К их числу относятся те, что воспроизводятся на повседневном уровне, оказывают влияние на результаты труда и формируют относительно устойчивую иерархию элементов производственных ситуаций, а именно оплата труда, условия труда, организация труда, содержание труда, отношения с коллегами и ру-

ководителями, использование рабочего времени [17], а также система мотивирования и развития работника, социальная значимость профессии.

Удовлетворённость оценивается с помощью вопроса «Насколько Вы удовлетворены разными аспектами Вашей трудовой жизни ...?» нечётным числом ответов: «не удовлетворён», «скорее не удовлетворён», «не могу сказать, удовлетворён или нет», «скорее удовлетворён», «удовлетворён» (по аналогии с 5-балльной шкалой Лайкерта). Крайние варианты ответов при анализе суммируются. Компоненты КТЖ и соответствующие им показатели измерения удовлетворённости приведены в таблице 1.

Наряду с этим для выявления особенностей КТЖ школьных учителей нами были рассчитаны индексы удовлетворённости отдельными аспектами трудовой жизни и сводный индекс удовлетворённости, а также проведён сравнительный анализ их распределения по ряду критериев (со-

циально-профессиональных характеристик респондентов). Для расчётов проведена унификация субъективных оценок респондентов. Средний уровень – нейтральный (вариант «затрудняюсь ответить»), т.е. респондент не может однозначно определить, удовлетворён он или нет; ему присваивается нулевое значение. Наибольшая удовлетворённость (ответ «удовлетворён») имеет оценку +1 балл, а наименьшая (ответ «не удовлетворён») – -1 балл¹. На основе унифицированных оценок рассчитывались индексы удовлетворённости отдельными аспектами трудовой жизни и сводный индекс удовлетворённости (среднеарифметические величины унифицированных оценок). Рассчитанные индексы изменяются в интервале от (+1) до (-1). Среднее значение (0) свидетельствует о преобладании среди опрошенных нейтральных оценок, т.е. о балансе количества людей, удовлетворённых и неудовлетворённых трудовой жизнью. Все расчёты выполнены в SPSS.

Таблица 1

Компоненты и индикаторы качества трудовой жизни с учётом специфики учительского труда

Table 1

Components and Indicators of Quality of Working Life, Taking into Account the Specifics of Teaching Work

Компонент КТЖ	Составляющие КТЖ	Субъективные индикаторы КТЖ
Оплата труда	– размер заработной платы, – справедливость оплаты труда по отношению к трудовому вкладу, – система материального стимулирования	Удовлетворённость указанными составляющими. Удовлетворённость оплатой труда в целом.
Условия, организация и содержание труда	– санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда, – техническая оснащённость рабочего места, – работа профсоюзной либо иной рабочей организации, – содержание образования (образовательные стандарты)*	Удовлетворённость указанными составляющими. Удовлетворённость условиями, организацией и содержанием труда в целом.
Развитие работника	– мотивация к трудовой деятельности, – возможности обучения, повышения квалификации	Удовлетворённость указанными составляющими. Удовлетворённость развитием работника в целом.
Психологический климат в трудовом коллективе	– отношения в профессиональном коллективе, – отношения с руководством, – отношения с родителями обучающихся*, – отношения с обучающимися*	Удовлетворённость указанными составляющими. Удовлетворённость психологическим климатом в целом.
Приверженность профессии*	– отсутствие желания при возможности сменить место работы*	Приверженность профессии.
Взаимодействие с общим жизненным пространством	– возможность сочетать трудовые и семейные обязанности	Удовлетворённость балансом трудовой и нетрудовой жизни.
Социальная значимость труда	– положение в обществе, – престиж профессии, – социальная значимость профессии	Удовлетворённость указанными составляющими. Удовлетворённость социальной значимостью труда в целом.

* – значком отмечены составляющие, относящиеся к специфике учительского труда.

Источник: составлено авторами.

¹ Индикатор «Приверженность профессии» измерялся вопросом: «Хотите ли Вы, при возможности, сменить работу на другую, не связанную с образованием». Перевод в баллы проводился следующим образом: при ответе «Да» и «Скорее да, чем нет» присваивался – 1 балл, при ответе «Нет» и «Скорее нет, чем да» присваивался +1 балл, при ответе «Затрудняюсь ответить» присваивалось 0 баллов.

Эмпирической базой выступили результаты очередного этапа социологического опроса учителей общеобразовательных школ Вологодской области, проведённого Вологодским научным центром РАН с использованием платформы Google Forms в апреле-мае 2020 года². Для исследования сформирована целенаправленная, репрезентативная, квотная выборка. Первоначально объём выборки определялся исходя из доверительного интервала ошибки, равного 5%, и доверительной вероятности, равной 95%. Учитывая, что генеральная совокупность учителей общеобразовательных школ Вологодской области в 2019/2020 учебном году составляла 8577 человек³, то объём выборочной совокупности был рассчитан в количестве 370 человек. Однако, принимая во внимание непредвиденные обстоятельства проведения исследования (первые месяцы самоизоляции по причине пандемии COVID-19, повсеместный перевод на дистант и проч., и, как следствие, высокая загруженность учителей и более низкий по сравнению с предыдущими анкетными опросами отклик) было принято решение оптимизировать параметры выборки (доверительный интервал ошибки остался равен 5%, доверительная вероятность уменьшена до 90%), в связи с чем требуемый объём выборки составил 265 человек. В ходе онлайн-опроса были опрошены 272 педагога; после «ремонта» базы данных и исключения анкет с нулевыми ответами по ключевым вопросам объём анализируемой выборки составил требуемые 265 человек.

В полученной выборке соблюдены следующие квоты. Первая квота – место работы. В генеральной совокупности 85% учителей работают в городских школах, 15% – в сельских школах⁴, соот-

² Ранее проведены: I этап (2011 г.) – опрошены 394 чел.; II этап (2015 г.) – опрошено 457 чел. в школах, включённых в выборку в 2011 г.; III этап (2017 г.) – опрошено 424 человек. «На первом этапе осуществлён отбор школ с учётом равного представительства организаций с наилучшими и с наихудшими результатами по ЕГЭ. В большинстве своём те же школы приняли участие и во втором этапе мониторинга (удельный вес совпадений – 83%)» [31, с. 5]. На третьем и четвёртом (2020 г.) этапах исследование было продолжено с учётом ранее выработанных принципов (отбор школ, учёт квот по территориям и стажу работы респондентов).

³ Источник данных о генеральной совокупности: Сводные отчёты по форме федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2019/20 учебного года». Сводны 00-1 (ГОУ+НОУ) (город+село). Вологодская область. Таблица 3.1. «Распределение численности персонала по уровню образования и полу (без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера)» // Министерство просвещения РФ (Статистика. Общее образование. Банк документов). URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/c38a1f764e0c77030235de22850ae531/> (дата обращения: 14.08.2023).

⁴ В ходе опроса (все волны опроса школьных учителей) опрашивались респонденты из двух крупных городов Во-

логодской области (Вологда и Череповец) и 8-ми районов (Бабаевский, Кирилловский, Тарногский, Великоустюгский, Грязовецкий, Никольский, Шекснинский). Такой подход используется во всех социологических исследованиях, проводимых Вологодским научным центром РАН. При этом принято допущение, что районы приравниваются к сельской местности, поскольку уровень их урбанизации невысокий.

ответственно квоты составили 225 и 40 человек. По итогу опрошено 231 учитель из городских и 34 учителя из сельских школ. Вторая квота – педагогический стаж. В генеральной совокупности общий стаж работы менее 3-х лет имеют 6%, стаж в 3–20 лет – 31%, стаж более 20 лет – 63% учителей. Квоты составили 14, 78 и 173 человека соответственно. По итогу опрошено 32 учителя со стажем до 3-х лет, 102 учителя со стажем 3–20 лет и 131 учитель со стажем более 20 лет. Третья квота – профессиональная категория. В генеральной совокупности высшую квалификационную категорию имеет практически половина учителей (46%), первую категорию – 34%, не имеют категории – 20%. Квоты составили 123, 91 и 51 человека соответственно. По итогу опрошено 122 учителя с высшей категорией, 91 – с первой категорией и 52 – без категории.

Большинство опрошенных учителей – женщины (94%)⁵. Основным местом работы является обычная общеобразовательная школа (74%); почти каждый пятый учитель работает в Центре образования (17%), ещё 5% учителей трудоустроены в гимназии или лицее; оставшиеся 4% – в коррекционных школах (1%), школах с углублённым изучением отдельных предметов (2%) и инклюзивным обучением (0,5%), а также совместители (0,5%).

Из-за небольшой наполняемости выборки (265 чел. по сравнению с более оптимальным вариантом в 370 чел.) исследование носило разведывательный характер для проверки валидности применяемой методики оценки КТЖ и проверки ряда гипотез, в т.ч. связанных с влиянием социально-профессиональных характеристик учителей на удовлетворённость аспектами трудовой жизни. На предыдущих этапах исследования оценка КТЖ не проводилась, а измерялась удовлетворённость трудом по ограниченному перечню показателей (размер зарплаты, условия труда, психологический климат, содержание образования, престиж профессии, положение в обществе). Кроме того, предыдущие этапы исследования преследовали цель оценить экономическое положение и социальное самочувствие школьных учителей в период знаковых реформ в системе образования. В частности, в 2011 году, прошедшем под эгидой Года учителя, произошли масштабные

логодской области (Вологда и Череповец) и 8-ми районов (Бабаевский, Кирилловский, Тарногский, Великоустюгский, Грязовецкий, Никольский, Шекснинский). Такой подход используется во всех социологических исследованиях, проводимых Вологодским научным центром РАН. При этом принято допущение, что районы приравниваются к сельской местности, поскольку уровень их урбанизации невысокий.

⁵ Данное смещение характерно для сферы образования (среди учителей организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования 89% женщин).

преобразования в рамках модернизации школы (оптимизация региональной системы, внедрение ФГОС); в 2015 году стали проявляться проблемы в работоспособности введённой годом ранее системы оплаты труда учителей; в 2017 г. стартовала работа по созданию национальной системы учительского роста (НСУР), а также обозначилась тенденция к выполнению «майских» указов Президента РФ в части уровня оплаты учителей. Исследование 2020 года, помимо продолжения мониторинга экономического положения и социального самочувствия учителей школ, было ориентировано на оценку внедрения цифровых технологий в образовательный процесс и анализ качества трудовой жизни.

Также следует отметить особый внешний контекст условий (первые месяцы пандемии COVID-19), в которых проводилось исследование. Эпидемиологическая ситуация оказала негативное влияние на социальное самочувствие школьных учителей Вологодской области – более половины из них (52%) испытывали «напряжение и раздражение» (в 2 раза больше, чем в среднем по региону – 27%) [28, с. 208]. Причинами негативных настроений стали технические (дефицит необходимой техники, проблемы образовательных платформ, качество Интернет-соединения), организационные (увеличение нагрузки на учителей; сложности в проведении некоторых занятий и т.д.) и коммуникативные (потеря прямого контакта с обучающимися, снижение образовательной мотивации школьников и т.д.) трудности. Одна-

ко, как показывают исследования, негативная ситуация «лишь отчасти коснулась профессионального поведения и организационной культуры педагогов» [28, с. 215], и в целом «педагогическое сообщество показало большой внутренний потенциал к изменениям ... и заинтересованность в эффективном внедрении дистанционных образовательных технологий в учебный процесс» [32, с. 135–136]. Поэтому влияние периода проведения опроса считаем несущественным в контексте цели данного исследования.

Результаты исследования

Согласно проведённым расчётам (таблица 2), сводный индекс удовлетворённости качеством трудовой жизни показал нейтральную позицию учителей (0,032, что близко к нулевому уровню), т.е. уравнивание удовлетворительных и неудовлетворительных оценок. Более всего учителя школ удовлетворены психологическим климатом (частный индекс равен 0,644), не удовлетворены заработной платой (-0,586).

Значение сводного индекса удовлетворённости у учителей-женщин и учителей-мужчин существенно не различается (0,024 и 0,153). Однако женщины демонстрируют большую неудовлетворённость оплатой труда и социальной значимостью труда. Вместе с тем заметных различий в значениях частных и сводного индексов удовлетворённости трудовой жизнью в зависимости от наличия детей и территориальной принадлежности школы не выявлено.

Таблица 2

Частные и сводный индексы удовлетворённости учителей школ Вологодской области аспектами трудовой жизни в разрезе социально-профессиональных характеристик

Table 2

Private and Composite Indices of Satisfaction of School Teachers in the Vologda Region with Aspects of Working Life in the Context of Socio-Professional Characteristics

Категория респондентов	Доля категории в выборке, %	Частные индексы удовлетворённости							Сводный индекс удовлетворённости
		оплата труда	условия, организация и содержание труда	развитие работника	приверженность профессии	психологический климат	жизненное пространство	социальная значимость	
<i>В среднем по опросу</i>									
Все учителя	100	-0,586	0,025	0,205	0,358	0,644	-0,080	-0,322	0,032
<i>Пол</i>									
Мужской	6	-0,354	0,156	0,344	0,125	0,750	-0,125	-0,167	0,153
Женский	94	-0,601	0,016	0,196	0,373	0,637	-0,077	-0,332	0,024
<i>Наличие детей</i>									
Нет детей	24	-0,532	0,131	0,266	0,333	0,694	-0,145	-0,296	0,079
Есть дети	76	-0,602	-0,009	0,187	0,366	0,627	-0,059	-0,330	0,018

Категория респондентов	Доля категории в выборке, %	Частные индексы удовлетворённости							Сводный индекс удовлетворённости
		оплата труда	условия, организация и содержание труда	развитие работника	приверженность профессии	психологический климат	жизненное пространство	социальная значимость	
<i>Территориальная принадлежность</i>									
Городская школа	87	-0,583	0,044	0,183	0,394	0,646	-0,091	-0,351	0,031
Сельская школа	12	-0,608	-0,103	0,353	0,118	0,625	0,000	-0,127	0,039
<i>Преподавательский стаж</i>									
Более 20 лет	49,5	-0,641	-0,127	0,145	0,321	0,655	-0,122	-0,460	-0,041
3-20 лет	38,5	-0,520	0,136	0,248	0,422	0,584	-0,078	-0,274	0,074
До 3-х лет	12	-0,570	0,289	0,323	0,312	0,790	0,097	0,083	0,220
<i>Профессиональная категория</i>									
Высшая категория	46	-0,705	-0,125	0,124	0,377	0,590	-0,156	-0,440	-0,067
Первая категория	34	-0,440	0,088	0,297	0,418	0,646	-0,044	-0,352	0,085
Без категории	20	-0,562	0,260	0,235	0,212	0,770	0,039	0,000	0,178
<i>Материальное положение*</i>									
Денег достаточно (1)	1	0,667	0,625	0,750	1,000	1,000	0,500	1,000	0,806
Покупка многих товаров не вызывает трудностей (2)	3,5	0,333	0,361	0,500	0,556	0,778	0,778	0,185	0,469
Денег достаточно для продуктов и одежды (3)	60	-0,500	0,072	0,296	0,428	0,691	0,038	-0,282	0,095
Денег хватает только на питание (4)	32	-0,855	-0,106	0,035	0,165	0,563	-0,353	-0,455	-0,124
Денег не хватает (5)	3,5	-0,889	-0,028	-0,167	0,556	0,389	-0,556	-0,556	-0,179

* Примечание: полная характеристика материального положения:

(1) Денег достаточно, чтобы ни в чем не отказывать; (2) Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка машины недоступна; (3) Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом; (4) Денег хватает только на приобретение продуктов питания; (5) Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги.

Рассчитано авторами на основе: социологический опрос учителей общеобразовательных школ Вологодской области на платформе Google Forms / ВолНИЦ РАН, 2020.

Более высокие требования к своему рабочему месту предъявляют высококвалифицированные педагоги с большим трудовым стажем. Такой вывод можно сделать на основании снижения уровня удовлетворённости большинством аспектов трудовой жизни с ростом квалификационного уровня и стажа (таблица 2). Исключением являются психологический климат и устойчивость занятости. Вероятно, здесь свою роль играют внутренние психологические процессы – формирование дружеских отношений и чувства единения с коллегами, усиление привязанности к рабочему месту с возрастом.

Другая закономерность выявлена при анализе удовлетворённости в разрезе самооценки материального положения: чем ниже покупательная способность, тем выше неудовлетворённость всеми компонентами трудовой жизни (таблица 2). Особенно резкое снижение удовлетворённости отмечается по компоненту «оплата труда», что косвен-

но говорит о том, что материальная составляющая является для российского учительства принципиально значимой в современных условиях.

Далее рассмотрим подробнее оценки удовлетворённости отдельных компонентов трудовой жизни в разрезе социально-профессиональных характеристик учителей.

Оплата труда. В майских указах Президента России от 2012 г. определялось, что к 2018 г. средние зарплаты школьных учителей должны были быть доведены до 100% от средних трудовых доходов по региону. По данным Росстата⁶, в 2020 г. средний за-

⁶ Итоги федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за январь–декабрь 2020 года. Средняя заработная плата педагогических работников образовательных организаций общего образования государственной и муниципальной форм собственности. Вологодская область. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1eEUBIVB/itog-monitor05-20.htm> (дата обращения: 14.08.2023).

работок учителей общего образования государственной и муниципальной форм собственности в Вологодской области составлял 37720 руб., что было на 3% выше среднемесячной начисленной зарплаты наёмных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (36527 руб.). При этом большая часть школьных учителей региона не удовлетворена размером зарплаты (77%), справедливостью вознаграждения по сравнению с трудовым вкладом (81%) и системой материального стимулирования (64%; таблица 3). Женщины больше мужчин не

удовлетворены уровнем зарплаты и её соотношением с трудовым вкладом. Учителя сельских школ чаще говорят о неудовлетворённости системой материального стимулирования (76% против 63% учителей городских школ). Кроме того, чем больше трудовой стаж и выше профессиональная категория учителей, тем менее они удовлетворены размером зарплаты, справедливостью её начисления и системой стимулирования. Вполне объяснимо, что педагоги с высоким профессиональным статусом более требовательны к достойному вознаграждению своего труда.

Таблица 3

Удовлетворённость учителей школ оплатой труда, в % от числа опрошенных

Table 3

Satisfaction of School Teachers with Wages, in % of the Number of Respondents

Вариант ответа	Пол		Территория		Общий стаж работы			Профессиональная категория			Среднее по опросу
	Ж	М	Город	Район	Более 20 лет	От 3 до 20 лет	До 3 лет	Высшая	Первая	Без категории	
<i>Размер заработной платы</i>											
Удовлетворён	13,7	18,8	13,9	14,7	13,0	16,7	9,7	9,8	25,3	3,9	14
Затрудняюсь ответить	8,9	12,5	9,1	8,8	6,9	7,8	22,6	6,6	5,5	21,6	9
Не удовлетворён	77,4	68,8	77,0	76,5	80,2	75,5	67,7	83,6	69,2	74,5	77
<i>Справедливость оплаты по отношению к трудовому вкладу</i>											
Удовлетворён	12,4	31,3	13,0	17,6	12,2	15,7	12,5	9,0	19,8	13,5	14
Затрудняюсь ответить	4,8	12,5	5,2	5,9	3,8	6,9	6,3	2,5	6,6	9,6	5
Не удовлетворён	82,7	56,3	81,8	76,5	84,0	77,5	81,3	88,5	73,6	76,9	81
<i>Система материального стимулирования</i>											
Удовлетворён	18,1	31,3	19,5	14,7	13,0	25,5	21,9	10,7	26,4	25,0	19
Затрудняюсь ответить	17,3	6,3	17,7	8,8	20,6	13,7	9,4	20,5	13,2	13,5	17
Не удовлетворён	64,7	62,5	62,8	76,5	66,4	60,8	68,8	68,9	60,4	61,5	64

Условия, организация и содержание труда.

Преобладающее число учителей школ позитивно оценивает санитарно-гигиеническую обстановку и безопасность труда (68%), но недовольны техническим оснащением рабочего места (50%), особенно в сельских школах – 71% (таблица 4). Низкие оценки технической оснащённости рабочих мест связаны с отсутствием либо недостаточно современной компьютерной техникой, так востребованной в период пандемийных ограничений.

Наиболее проблемной областью трудовой жизни учителей оказалась организационная и содержательная составляющие. Это касается профсоюзных организаций, работой которых педагоги в равной степени удовлетворены (39%) и наоборот (35%) наряду с достаточно предста-

вительной группой неопределившихся (26%; таблица 4). Можно предположить, что такие оценки складываются в условиях отсутствия значимых эффектов от работы профсоюзов. Кроме того, превалирует негативное отношение учителей к образовательным стандартам (59%), что свидетельствует об усталости учительского корпуса от постоянного реформирования отрасли, необходимости перманентного подстраивания к изменяющимся внешним и внутренним условиям в образовании.

Следует отметить, что, как и в отношении оплаты труда, чем больше трудовой стаж и выше профессиональная категория учителей, тем менее они удовлетворены рассмотренными аспектами трудовой жизни.

Таблица 4

Удовлетворённость учителей школ условиями, организацией и содержанием труда, в % от числа опрошенных

Table 4

Satisfaction of School Teachers with the Conditions, Organization and Content of Work, in % of the Number of Respondents

Вариант ответа	Пол		Территория		Общий стаж работы			Профессиональная категория			Среднее по опросу
	Ж	М	Город	Район	Более 20 лет	От 3 до 20 лет	До 3 лет	Высшая	Первая	Без категории	
<i>Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда</i>											
Удовлетворён	66,3	100	68,4	67,6	57,3	75,5	90,6	56,6	74,7	84,6	68
Затрудняюсь ответить	16,5	0,0	15,6	14,7	20,6	12,7	3,1	19,7	14,3	7,7	16
Не удовлетворён	17,3	0,0	16,0	17,6	22,1	11,8	6,3	23,8	11,0	7,7	16
<i>Техническая оснащённость рабочего места</i>											
Удовлетворён	43,4	37,5	46,3	20,6	33,6	50,0	59,4	38,5	41,8	55,8	43
Затрудняюсь ответить	6,4	12,5	6,5	8,8	7,6	7,8	0,0	5,7	7,7	7,7	7
Не удовлетворён	50,2	50,0	47,2	70,6	58,8	42,2	40,6	55,7	50,5	36,5	50
<i>Работа профсоюза</i>											
Удовлетворён	38,7	37,5	38,7	38,2	32,8	42,6	50,0	29,8	47,3	44,2	39
Затрудняюсь ответить	24,6	43,8	27,0	17,6	23,7	29,7	21,9	26,4	23,1	28,8	26
Не удовлетворён	36,7	18,8	34,3	44,1	43,5	27,7	28,1	43,8	29,7	26,9	35
<i>Содержание образования (образовательные стандарты)</i>											
Удовлетворён	20,2	18,8	19,6	23,5	15,4	20,6	37,5	14,9	19,8	32,7	20
Затрудняюсь ответить	21,4	18,8	21,7	17,6	20,0	24,5	15,6	18,2	23,1	25,0	21
Не удовлетворён	58,5	62,5	58,7	58,8	64,6	54,9	46,9	66,9	57,1	42,3	59

Развитие работника. Меры стимулирования трудовой деятельности не вызывают особого оптимизма у респондентов: доли удовлетворённых (39%) и неудовлетворённых (41%) примерно равны. В группе удовлетворённых больше доля сельских учителей (47% против 38% среди городских), учителей с небольшим стажем работы (58% со стажем до 3-х лет против 34% с более чем 20-летним стажем) и не имеющих квалификационной категории (47% по сравнению с 31% среди преподавателей с высшей категорией; таблица 5).

Удовлетворённость другим аспектом – возможностями обучения и повышения квалифи-

кации – заметно выше (64%). Это скорее всего объясняется тем, что работа по улучшению профессиональных знаний и компетенций является неотъемлемой частью деятельности учителей, и поэтому они проявляют высокую активность в сфере повышения квалификации и профессионального роста. Согласно данным опроса, большинство вологодских педагогов регулярно повышают свой квалификационный уровень (в 2020 г. – 78%). Отметим, что удовлетворённость данным аспектом трудовой жизни заметно не различается по трудовому стажу и профессиональной категории, тогда как различия по полу и территории в процентном отношении более существенны.

Таблица 5

Удовлетворённость учителей школ развитием работников, в % от числа опрошенных

Table 5

Satisfaction of School Teachers with the Development of Employees, in % of the Number of Respondents

Вариант ответа	Пол		Территория		Общий стаж работы			Профессиональная категория			Среднее по опросу
	Ж	М	Город	Район	Более 20 лет	От 3 до 20 лет	До 3 лет	Высшая	Первая	Без категории	
<i>Мотивация к трудовой деятельности</i>											
Удовлетворён	38,1	50,0	37,6	47,1	34,4	38,6	58,1	31,4	44,0	47,1	39
Затрудняюсь ответить	20,6	12,5	21,0	14,7	19,8	22,8	12,9	19,8	22,0	17,6	20
Не удовлетворён	41,3	37,5	41,5	38,2	45,8	38,6	29,0	48,8	34,1	35,3	41
<i>Возможности обучения, повышения квалификации</i>											
Удовлетворён	63,1	75,0	62,3	73,5	63,4	64,7	62,5	63,1	68,1	57,7	64
Затрудняюсь ответить	15,3	6,3	14,7	14,7	13,7	18,6	6,3	14,8	13,2	17,3	15
Не удовлетворён	21,7	18,8	22,9	11,8	22,9	16,7	31,3	22,1	18,7	25,0	21

Приверженность профессии. Одной из тенденций начала 2000-х гг. среди социально-профессиональной группы учителей было желание сменить профессию. В 2011 г. по данным ВолНЦ РАН более половины (57%) вологодских учителей были внутренне к этому готовы. К 2020 г. их доля сократилась до 30%. Чаще всего об этом говорили учителя из районов области (44% по сравнению с 27% городских учителей) и педагоги, не имеющие категории (37% против 26% среди педагогов с первой и 29% – с высшей категорией). Сдерживающими факторами «ухода из профессии» являются преданность профессии (призвание), длительный стаж и наличие профессиональной категории. Данные закономерности свидетельствуют о необходимости работы над закреплением людей в профессии, что подчёркивает важность повышения качества трудовой жизни школьных учителей.

Психологический климат. Наилучшим образом ситуация обстоит именно с психологической обстановкой. Уровень удовлетворённости высок по всем составляющим – отношения в коллективе (77%), отношения с родителями обучающихся (76%), отношения с обучающимися (90%), отношения с руководством (68%; таблица 6).

Вместе с тем отношения с руководством являются более проблемными. Следует отметить невысокую удовлетворённость этим аспектом среди учителей со стажем (разница между ними и молодыми специалистами составляет 14 процентных пунктов) и высшей категорией (12 п.п.). Вероятнее всего, влияние на оценки оказывают такие ситуации, как «справедливость в распределении заданий, поощрениях и наказаниях, частота проявления деструктивного поведения со стороны руководства (игнорирование достижений, нарушение обещаний, грубость и пр.)» [33, с. 30].

Таблица 6

Удовлетворённость учителей школ психологическим климатом, в % от числа опрошенных

Table 6

Satisfaction of School Teachers with the Psychological Climate, in % of the Number of Respondents

Вариант ответа	Пол		Территория		Общий стаж работы			Профессиональная категория			Среднее по опросу
	Ж	М	Город	Район	Более 20 лет	От 3 до 20 лет	До 3 лет	Высшая	Первая	Без категории	
<i>Отношения в коллективе</i>											
Удовлетворён	75,8	93,8	77,8	70,6	79,4	71,3	84,4	73,0	80,2	80,4	77
Затрудняюсь ответить	8,1	0,0	7,4	8,8	6,1	7,9	12,5	9,0	2,2	13,7	8

Окончание таблицы 6

Вариант ответа	Пол		Территория		Общий стаж работы			Профессиональная категория			Среднее по опросу
	Ж	М	Город	Район	Более 20 лет	От 3 до 20 лет	До 3 лет	Высшая	Первая	Без категории	
Не удовлетворён	16,1	6,3	14,8	20,6	14,5	20,8	3,1	18,0	17,6	5,9	15
<i>Отношения с родителями обучающихся</i>											
Удовлетворён	76,3	75,0	75,8	79,4	78,6	71,6	81,3	72,1	79,1	80,8	76
Затрудняюсь ответить	8,4	6,3	9,1	2,9	6,9	10,8	6,3	7,4	8,8	9,6	8
Не удовлетворён	15,3	18,8	15,2	17,6	14,5	17,6	12,5	20,5	12,1	9,6	16
<i>Отношения с обучающимися</i>											
Удовлетворён	89,9	93,8	90,0	91,2	90,1	88,2	96,8	92,6	84,6	94,1	90
Затрудняюсь ответить	3,2	0,0	2,6	5,9	3,1	3,9	0,0	2,5	5,5	0,0	3
Не удовлетворён	6,9	6,3	7,4	2,9	6,9	7,8	3,2	4,9	9,9	5,9	7
<i>Отношения с руководством</i>											
Удовлетворён	67,5	81,3	68,0	70,6	67,2	65,7	81,3	63,1	71,4	75,0	68
Затрудняюсь ответить	14,9	6,3	15,2	8,8	15,3	14,7	9,4	15,6	11,0	17,3	14
Не удовлетворён	17,7	12,5	16,9	20,6	17,6	19,6	9,4	21,3	17,6	7,7	18

Взаимодействие с жизненным пространством. Чуть больше половины (55%) опрошенных учителей не преподают в своей школе других предметов, кроме основного; большая часть из них не работает по совместительству (64%) и не занимается частным репетиторством (74%). Однако учебная нагрузка настолько велика, что многие учителя (46%) не удовлетворены возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности. Причём, чем больше трудовой стаж и выше категория, тем выше доля неудовлетворительных

оценок (таблица 7). Согласно данным международного сравнительного исследования педагогического корпуса (TALIS-2018), «при общем сходстве структуры рабочего времени наших учителей отличает то, что ощутимо больше времени (на треть) у них занимает общая административная работа, прежде всего отчётность – более 4 часов (при средних по странам 3 часах)»⁷. Только 6% российских учителей в исследовании TALIS-2018 выразили согласие с тезисом «моя работа оставляет мне достаточно времени на личную жизнь»⁸.

Таблица 7

Удовлетворённость учителей школ возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности (балансом труда и личной жизни), в % от числа опрошенных

Table 7

Satisfaction of School Teachers with the Opportunity to Combine Work and Family Responsibilities (Work-Life Balance), in % of the Number of Respondents

Вариант ответа	Пол		Территория		Общий стаж работы			Профессиональная категория			Среднее по опросу
	Ж	М	Город	Район	Более 20 лет	От 3 до 20 лет	До 3 лет	Высшая	Первая	Без категории	
Удовлетворён	37,9	37,5	37,4	41,2	36,6	36,3	48,4	35,2	37,4	45,1	38
Затрудняюсь ответить	16,5	12,5	16,1	17,6	14,5	19,6	12,9	13,9	20,9	13,7	16
Не удовлетворён	45,6	50,0	46,5	41,2	48,9	44,1	38,7	50,8	41,8	41,2	46

⁷ Отчёт по результатам Международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения (TALIS-2018). Часть 2. Учителя и директора школ как ценные профессионалы. Москва, 2020. URL: https://fioco.ru/Media/Default/Documents/МСИ/ТАЛИС_Отчёт_итог_2%20часть.pdf (дата обращения: 14.08.2023).

⁸ Там же.

Социальная значимость (таблица 8). Несмотря на высокое значение роли учителя в воспитании и подготовке будущих кадров для экономики, проблема ценности учительской профессии остаётся болезненной. Учителя обеспокоены акцентировкой внимания на труде учителя как категории «обслуживающего персонала». Согласно результатам опросов ВолНЦ РАН, социальной значимостью профессии в 2015 г. были удовлетворены 60% школьных преподавателей, в 2017 г. – 51%, в 2020 г. – только 27%. Опрошенные учителя также в большинстве своём не удовлетворены престижем профессии и положением в обществе (по состоянию на 2020 г. – 74% и 45% соответственно).

Аналогично другим компонентам КТЖ, удовлетворённость социальной значимостью труда снижается с ростом трудового стажа и квалификационной категории. Такая закономерность может указывать, с одной стороны, на усиление с течением времени у школьных учителей ощущения нереализованных ожиданий, а, с другой стороны, на признаки профессионального выгорания. Общественные причины снижения социальной значимости профессии учителя, по мнению некоторых учёных, «связаны не только с экономической составляющей, но и с постепенной утратой роли учителя как единственного источника получения знаний» [34, с. 341].

Таблица 8

Удовлетворённость учителей школ социальной значимостью труда, в % от числа опрошенных

Table 8

Satisfaction of School Teachers with the Social Significance of Work, in % of the Number of Respondents

Вариант ответа	Пол		Территория		Общий стаж работы			Профессиональная категория			Среднее по опросу
	Ж	М	Город	Район	Более 20 лет	От 3 до 20 лет	До 3 лет	Высшая	Первая	Без категории	
<i>Положение в обществе</i>											
Удовлетворён	40,6	50,0	38,1	61,8	33,6	45,1	59,4	35,2	42,9	51,9	41
Затрудняюсь ответить	14,5	6,3	13,9	14,7	17,6	12,7	3,1	14,8	15,4	9,6	14
Не удовлетворён	45,0	43,8	48,1	23,5	48,9	42,2	37,5	50,0	41,8	38,5	45
<i>Престиж профессии</i>											
Удовлетворён	16,3	18,8	15,8	20,6	10,9	15,8	40,6	12,6	11,0	34,6	16
Затрудняюсь ответить	9,3	18,8	9,2	14,7	7,8	12,9	9,4	7,6	12,1	11,5	10
Не удовлетворён	74,4	62,5	75,0	64,7	81,4	71,3	50,0	79,8	76,9	53,8	74
<i>Социальная значимость профессии</i>											
Удовлетворён	26,5	37,5	26,8	29,4	19,8	27,5	56,3	21,3	22,0	50,0	27
Затрудняюсь ответить	11,2	12,5	11,7	8,8	9,2	17,6	0,0	10,7	15,4	5,8	11
Не удовлетворён	62,2	50,0	61,5	61,8	71,0	54,9	43,8	68,0	62,6	44,2	62

Проверка гипотезы. Для проверки статистической значимости взаимосвязи удовлетворённости учителей аспектами трудовой жизни и их профессиональных и социально-демографических характеристик были рассчитаны коэффициенты корреляции. Переменные «удовлетворённость», «стаж» и «категория» принадлежат порядковой шкале; дихотомические переменные «пол» и «территория» также можно рассматривать как порядковые⁹. Предварительно был проведён тест

⁹ См.: SPSS: искусство обработки информации. Анализ статистических данных и восстановление скрытых закономерностей: пер. с нем. / А. Бьюль, П. Цёфель. Спб.: ДиаСофтЮП, 2005. С. 193.

с использованием критерия хи-квадрат Пирсона, чтобы проверить взаимную независимость анализируемых переменных¹⁰. Расчёты критерия хи-квадрат Пирсона подтвердили наличие линейной зависимости профессиональных и социально-демографических характеристик учителей с удовлетворённостью большинством рассмотренных компонентов трудовой жизни, кроме развития работников, приверженности профессии и взаимодействия с жизненным пространством (здесь можно предположить существование нелинейной связи).

¹⁰ Там же. С. 191–192.

Далее проведена проверка формы распределения анализируемых переменных по тесту Колмогорова-Смирнова, которая показала, что они отклоняются от нормального распределения ($p < 0,05$)¹¹. Для переменных, принадлежащих к порядковой шкале и/или не подчиняющихся нормальному распределению, может быть рассчитана ранговая корреляция по Спирману¹² (таблица 9). Подчеркнём, что коэффициент корреляции выражает не причинную (обусловленность одного признака другим), а функциональную (взаимную согласованность изменения признаков) зависимость между признаками.

Рассчитанные коэффициенты корреляции Спирмена свидетельствуют о наличии обратной связи слабой силы между удовлетворённостью справедливостью оплаты по отношению к трудовому вкладу и профессиональной категорией учителей. Корреляции между категорией и переменными «удовлетворённость размером зарплаты» и «удовлетворённость системой материального стимулирования» (в таблице 9 выделены курсивом) значимы на уровне $p=0,75$, т.е. граница значимости преодолена незначительно, что можно трактовать как наличие тенденции к проявлению закономерности¹³ (также обратной).

Таблица 9

Теснота парной связи независимых переменных (пол, территория, стаж, категория) с удовлетворённостью учителей школ аспектами трудовой жизни (корреляция Спирмена)

Table 9

Closeness of paired association of independent variables (gender, territory, teaching experience, category) with school teachers' satisfaction with aspects of work life (Spearman's correlation)

Удовлетворённость компонентами трудовой жизни	Независимые переменные			
	Пол	Территория	Стаж работы	Профессиональная категория
1.1. Размер зарплаты	-0,048	-0,005	-0,078	<i>-0,110</i>
1.2. Справедливость оплаты по отношению к трудовому вкладу	-0,160**	-0,047	-0,056	-0,146*
1.3. Система материального стимулирования	-0,031	0,087	-0,056	<i>-0,110</i>
2.1. Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	-0,170**	0,008	-0,249**	-0,248**
2.2. Техническая оснащённость рабочего места	0,013	0,170**	-0,186**	-0,127*
2.3. Работа профсоюза	-0,045	0,039	-0,158*	-0,170**
2.4. Содержание образования (образовательные стандарты)	0,018	-0,010	-0,146*	-0,190**
3.1. Мотивация к трудовой деятельности	-0,042	-0,047	-0,126*	-0,148*
3.2. Возможность обучения, повышения квалификации	-0,051	-0,087	-0,003	0,014
4.1. Приверженность профессии (возможность смены места работы)	0,071	0,093	-0,021	0,047
5.1. Отношения в профессиональном коллективе	-0,098	0,059	0,021	-0,088
5.2. Отношения с родителями обучающихся	0,011	-0,019	0,030	-0,099
5.3. Отношения с обучающимися	-0,029	-0,017	-0,027	0,034
5.4. Отношения с руководством	-0,066	-0,007	-0,050	-0,117
6.1. Возможность сочетать трудовые и семейные обязанности	0,013	-0,034	-0,062	-0,085
7.1. Положение в обществе	-0,027	-0,174**	-0,134*	-0,119
7.2. Престиж профессии	-0,057	-0,074	-0,217**	-0,191**
7.3. Социальная значимость профессии	-0,063	-0,005	-0,219**	-0,182**

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

¹¹ Там же. С. 249–250.

¹² Там же. С. 259.

¹³ Там же. С. 244.

Статистически подтверждены слабые обратные связи переменных стажа работы и профессиональной категории с удовлетворённостью санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда, технической оснащённостью рабочего места, работой профсоюза, образовательными стандартами, мотивацией к трудовой деятельности. Кроме того, рассчитанные коэффициенты корреляции подтверждают наличие обратных связей слабой силы между переменными стажа и категории с удовлетворённостью социальной значимостью профессии, престижем профессии и положением в обществе.

В отношении переменных «пол» и «территория» проведённые расчёты позволили установить слабые обратные связи по заметно меньшему числу компонентов трудовой жизни (удовлетворённость справедливостью оплаты, санитарно-гигиенической обстановкой, технической оснащённостью, положением в обществе).

Также отметим, что при проведении теста Хи-квадрат было подтверждено наличие связи между удовлетворённостью психологическим климатом (отношениями в коллективе, с обучающимися и их родителями, с руководством) и переменными квалификации и стажа, однако рассчитанные коэффициенты корреляции Спирмена не дали значимого результата. Можно предположить существование нелинейной связи, опосредованной ненаблюдаемыми факторами.

Таким образом, поставленная гипотеза частично подтверждается расчётами статистических коэффициентов.

Заключение

В России на протяжении нескольких лет ведётся системная работа по улучшению уровня жизни и условий труда педагогов образовательных школ. Она контролируется на разных уровнях, начиная с федерального, реализуется посредством национальных проектов и Указов Президента РФ. На наш взгляд, следует смотреть на проблему шире, ориентируясь на категорию качества трудовой жизни, которая в зарубежной практике уже не одно десятилетие выступает одним из наиболее важных и эффективных инструментов управления человеческими ресурсами. Программы КТЖ обеспечивают баланс между профессиональной, личной и общественной жизнью, повышают удовлетворённость сотрудников работой, их лояльность и преданность организации, эффективность их трудовой деятельности, что закономерно улучшает результаты работы всей организации.

В ходе исследования было изучено качество трудовой жизни учителей общеобразователь-

ных школ Вологодской области на основе оценок удовлетворённости различными компонентами трудовой жизни. Определено, что:

- учителя школ наиболее удовлетворены психологическим климатом, наиболее не удовлетворены оплатой труда (особенно размером зарплаты и её справедливостью по отношению к трудовому вкладу);

- большая часть педагогов не удовлетворена содержанием образования в части образовательных стандартов;

- многие учителя (46%) не удовлетворены возможностью сочетать трудовые и семейные обязанности, хотя более половины из них не преподают в своей школе других предметов, кроме основного, не работают по совместительству и не занимаются репетиторством;

- учителя в большинстве своём не удовлетворены социальной значимостью своего труда, престижем профессии и положением в обществе;

- высока преданность профессии – только 30% учителей готовы при возможности уйти из образовательной сферы.

Также подтверждена поставленная гипотеза. Анализ комбинационных таблиц и коэффициентов корреляции показал, что удовлетворённость многими аспектами трудовой жизни в большей степени изменяется в зависимости от квалификационного уровня и стажа преподавательской деятельности, нежели от социально-демографических характеристик учителей. Выявлены статистически значимые связи профессиональных характеристик учителей и удовлетворённости оплатой труда, социальной значимостью труда, условиями, организацией и содержанием труда. Статически не подтвердилась связь между профессиональными характеристиками и удовлетворённостью психологическим климатом, балансом работы и личной жизни, аспектами развития персонала. Отсутствие и слабый характер установленных взаимосвязей говорит о существовании более сложной, нелинейной зависимости между переменными КТЖ и характеристиками учителей, опосредованной ненаблюдаемыми факторами, что требует дополнительных исследований.

Полученные результаты позволили прояснить картину качества трудовой жизни школьных учителей. Исходя из них, следует, прежде всего, ориентироваться на улучшение материального благосостояния учителей средних общеобразовательных школ, своевременное материально-техническое обновление образовательных организаций, формирование позитивного имиджа учителя в глазах общественности и СМИ, снижение бюрократизации и оптимизацию образователь-

ных стандартов, в том числе путём привлечения учителей к формированию образовательной политики. Минимизация проблемных зон, наряду с учётом выявленных закономерностей, позволит администрациям образовательных организаций и региональным органам управления образова-

нием обратить внимание на значимость качества трудовой жизни школьных учителей, принять конкретные меры для его повышения, и тем самым сохранить профессиональный контингент работников образования и обеспечить их всестороннее развитие.

Список литературы

1. Оплата труда педагогов: как изменить ситуацию к лучшему? / И.В. Абанкина, А.А. Вавилова (научная редакция), П.В. Деркачёв, К.В. Зиньковский, И.А. Кравченко, Н.Е. Суркова. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 68 с. ISSN 2500-0608
2. Соловьёва Т.С. Статус учителя в современном российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 1. С. 1–17. <https://doi.org/doi:10.15838/sa/2018.1.13.3>; EDN YUEAJZ
3. Шафранов-Куцев Г.Ф., Ефимова Г.З. Специфика жизни и педагогической деятельности на Крайнем Севере (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 136–150. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.26.136>; EDN YGRPTD
4. Бергис Т.А., Кривуля Ю.С. Проблема профессионального стресса педагогов в условиях современной образовательной системы // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30). С. 47–49. <https://doi.org/10.26140/knz4-2020-0901-0013>; EDN BMCNKZ
5. Миляева Л.Г. Теоретические вопросы и методики комплексного анализа качества трудовой жизни // Социально-трудовые исследования. 2019. № 1(34). С. 6–18. EDN ZAKMGD
6. Головина С.Ю. От программы достойного труда к концепции качества трудовой жизни // Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции «Международные трудовые стандарты и национальное законодательство о труде и социальном обеспечении (к 100-летию МОТ)», Минск, 1-2 ноября 2019 г. / отв. ред. К.Л. Томашевский. Минск: Международный университет «МИТСО». 2019. С. 15–20. ISBN 978-985-497-350-0
7. Черных Е.А. Качество трудовой жизни и удовлетворённость работой российских женщин и мужчин: сравнительный анализ // Социально-трудовые исследования. 2023. № 52(3). С. 87–103. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-87-103>; EDN GATTPJ
8. Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Качество трудовой жизни удалённых работников: методологические подходы и первые оценки по ЕС и России // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 42–56. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.4>; EDN LVZFLZ
9. Quality of Working Life and Productivity: aAn Overview of the Conceptual Framework / D.J. Horst, E.E. Broday, R. Bondarick, L.F. Serpe, L.A. Pilatti // International Journal of Managerial Studies and Research (IJMSR). 2014. Vol. 2. No. 5. P. 87–98. ISSN 2349-0330 (Print); ISSN 2349-0349 (Online)
10. Черных Е.А. Качество трудовой жизни и удовлетворённость занятостью на российском рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 2. С. 214–226. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.6>; EDN MYDVVI
11. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: монография / под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1
12. Жолудева В.В., Мельниченко Н.Ф. Статистическая оценка качества трудовой жизни работников в Российской Федерации // Статистика и экономика. 2018. Т. 15. № 4. С. 42–51. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-42-51>; EDN UYMXYG
13. Корель Л.В., Комбаров В.Ю. Качество трудовой жизни на современном промышленном предприятии (результаты социологического обследования ИТР) // ЭКО. 2011. Т. 1. № 10. С. 102–117. EDN OKELUP
14. Черных Е.А. Динамика и детерминанты удовлетворённости работой россиян в характеристике человеческого потенциала // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. № 2. С. 199–215. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215; EDN FNPCJE
15. Вередюк О.В. Качество занятости молодёжи в России: анализ оценок удовлетворённости работой // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 306–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>; EDN XSWAUP
16. Locke E.A. The Nature and Causes of Job Satisfaction. In: Dunette M.D., ed. Handbook of Industrial and Organizational Psychology. Chicago, IL: Rand McNally, 1976. P. 1297–1349. ISBN 0528629123
17. Темницкий А.Л. Удовлетворённость работой на предприятии как определяющий фактор качества трудовой жизни рабочих России // Сборник научных трудов «Современный менеджмент. Проблемы, гипотезы, исследования». Вып. 4: в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2012. С. 231–238. EDN VIKJYH
18. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Удовлетворённость работой как конструкт в эмпирических исследованиях // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 8–26. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.4999>; EDN YKWDXH
19. Rosmiller R. The Secondary School Principal Teachers' Quality of Work Life // Educational Management Administration and Leadership. 1992. Vol. 20. Is. 3. P. 132–146. <https://doi.org/10.1177/174114329202000302>
20. Hart P. Teacher Quality of Work Life: Interpreting Work Experiences, Psychological Distress and Morale // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 1994. Vol. 67. Is. 2. P. 109–132. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1994.tb00555.x>
21. Manju N.D. Quality of work life perception of school teachers // International Journal of Education and Psychological Research. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 77–80. e-ISSN 2279-0179
22. Учитель в инклюзивном классе: взаимосвязь отношения к инклюзии с удовлетворённостью работой / Л.М. Волосникова, С.В. Игнатжева, Л.В. Федина, Ж.Ю. Брук // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 60–87. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-60-87>; EDN ILZVNI
23. Полутин С.В., Мананникова Ю.В. Процессы бюрократизации и дебюрократизации учительского труда и их влияние на качество профессиональной деятельности педагогов: результаты социологического проекта // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 1. С. 75–97. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.098.024.202001.075-097>; EDN PKKСМЕ
24. Ермолин А.В., Городилов П.В. Представленность в сознании учителей степени удовлетворённости качеством трудовой жизни // Профессиональные представления. 2019. № 1. С. 158–164. EDN UQFVJQ

25. Головчин М.А. Отношение к учительскому труду у городских и сельских педагогов: по материалам социологического мониторинга // Наука и школа. 2018. № 1. С. 110–118. EDN YVKBMF
26. Головчин М.А., Соловьева Т.С. Социальное и профессиональное самочувствие учителей российских школ в период реформ и контрреформ // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3. С. 233–252. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.2-233-252>; EDN YGLJVB
27. Копинг-стратегии и удовлетворённость работой у учителей в условиях дистанционного преподавания во время пандемии COVID-19 / В.А. Манина, А.В. Петракова, А.А. Куликова, Е.А. Орёл, Т.Н. Канонир // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 1. С. 52–65. <https://doi.org/10.17759/pse.2023000001>; EDN KVWVWLW
28. Проблемы и перспективы дистанционного обучения в оценках учителей и родителей обучающихся / Г.В. Леонидова, Р.М. Валиахметов, Г.Р. Баймурзина, Л.В. Бабич // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 202–219. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.12>; EDN KNPVYV
29. Сиврикова Н.В., Черникова Е.Г., Соколова Н.А. Удовлетворённость жизнью и образовательным процессом как предикторы социально-психологической адаптации учителей // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 6. С. 87–100. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.06>; EDN ZXWMZR
30. Вольчик В.В., Посухова О.Ю. Реформы в сфере образования и прекариатизация учителей // TERRA ECONOMICUS. 2017. Т. 15. № 2. С. 122–138. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138>; EDN YUOWPT
31. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона: монография / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева; под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина; под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой, к.э.н. О.Н. Калачиковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с. ISBN 978-5-93299-404-7
32. Чернышов С.А. Массовый переход школы на дистанционное обучение в оценках локального педагогического сообщества // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 3. С. 131–155. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-3-131-155>
33. Козина И.М., Серёжкина Е.В. Оценка психосоциальных рисков и качество трудовой жизни российских профессионалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 21–40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1891>
34. Вознесенская Е.Д. Мир профессий глазами современной молодежи: изменения в постоянстве // Грани российского образования. М.: Центр социологических исследований, 2015. С. 326–357. EDN VCLSEX

Информация об авторах:

Галина Вадимовна Белехова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, отдел исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук (ВолНЦ РАН), Вологда, Россия (e-mail: belek-galina@yandex.ru) (РИНЦ Author ID: 630621) (ResearcherID: I-8182-2016) (ScopusID: 57194492144) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-6373-9043>)

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром социально-демографических исследований, отдел исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук (ВолНЦ РАН), Вологда, Россия (e-mail: galinaleonidova@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 77412) (ResearcherID: I-7139-2016) (ScopusID: 55377958600) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-2099>)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Галина Валентиновна Леонидова.

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Abankina I.V., Derkachov P.V., Vavilova A.A. (ed.), et al. Remuneration for teachers: how to change the situation for the better. Moscow: NRU HSE; 2021. 68 p. (In Russ.) ISSN 2500-0608
2. Soloveva T.S. The status of a teacher in the modern Russian society. *Sotsial'noe prostranstvo=Social area*. 2018;(1). (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/sa/2018.1.13.3>
3. Shafranov-Kutsev G.F., Efimova G.Z. Specifics of life and pedagogical activity in the Far North (in terms of the Yamalo-Nenets Autonomous District). *Arktika i Sever=Arctic and North*. 2017;(26):136-150. (In Russ.) <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.26.136>
4. Bergis T.A., Krivulya Ju.S. The problem of professional stress of teachers in the modern educational system. *Karel'skij nauchnyj zhurnal=Karelian Scientific Journal*. 2020;9(1):47-49. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/knz4-2020-0901-0013>
5. Milyaeva L.G. Theoretical and methodological approaches and methods of complex analysis of quality of working life. *Social'no-trudovye issledovaniya=Social and labour research*. 2019;(1):6-18. (In Russ.)
6. Golovina S.Yu. From the program of decent work to the concept of the quality of working life. In: International labor standards and national legislation on labor and social security (to the 100th anniversary of the ILO): collection of articles of the V international scientific-practical conference on November 1-2, 2019. Minsk. 2019;15-20. (In Russ.) ISBN: 978-985-497-350-0
7. Chernykh E.A. Quality of working life and job satisfaction of Russian women and men: a comparative analysis. *Social'no-trudovye issledovaniya=Social and labour research*. 2023;(3):87-103. (In Russ.) <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-87-103>
8. Loktyukhina N.V., Chernykh E.A. Quality of working life of remote employees: methodological approaches and first assessments for the EU and Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2021;17(1):42-56. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.4>
9. Horst D.J., Broday E.E., Bondarick R. et al. Quality of working life and productivity: an overview of the conceptual framework. *International Journal of Managerial Studies and Research (IJMSR)*. 2014;2(5):87-98. ISSN 2349-0330 (Print); ISSN 2349-0349 (Online)
10. Chernykh E.A. Quality of working life and job satisfaction on the Russian labour market. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(2):214-226. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.6>
11. Bobkov V.N. (resp. ed.), Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. The level and quality of life of the population of Russia: from reality to the design of the future: monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2021. 274 p. (In Russ.) ISBN 978-5-89697-388-1

12. Zholudeva V.V., Melnichenko N.F. Statistical evaluation of the quality of working life of employees in the Russian Federation. *Statistika i ekonomika=Statistics and Economics*. 2018;15(4):42-51. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2018-4-42-51>
13. Korel L.V., Kombarov V.Yu. The quality of working life at a modern industrial enterprise (results of a sociological survey of engineers). *EKO=ECO*. 2011;1(10):102-117. (In Russ.)
14. Chernykh E.A. Dynamics and determinants of job satisfaction of Russians in the characteristics of the human potential. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(2):199-215. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_4_199_215
15. Veredyuk O.V. Quality of youth employment in Russia: analysis of job satisfaction assessments. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;(3):306-323. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>
16. Locke E.A. The Nature and Causes of Job Satisfaction. In: Dunette M.D., ed. *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*. Chicago, IL: Rand McNally, 1976. P. 1297-1349. ISBN 0528629123
17. Temnitskiy A.L. Satisfaction with work at the enterprise as a determining factor in the quality of the working life of workers in Russia. In: *Modern management. Problems, hypotheses, research: collection of scientific papers*. Iss. 4: at 2 pm. Part 2. Moscow: Ed. home of the Higher School of Economics. 2012;231-238. (In Russ.)
18. Tatarova G.G., Bessokirnaya G.P. Satisfaction with work as a construct in empirical studies. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*. 2017;23(1):8-26. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.4999>
19. Rosmiller R. The secondary school principal teachers' quality of work life. *Educational Management Administration and Leadership*. 1992;20(3):132-146. <https://doi.org/10.1177/174114329202000302>
20. Hart P. Teacher Quality of work life: interpreting work experiences, psychological distress and morale. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 1994;67(2):109-132. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8325.1994.tb00555.x>
21. Manju N.D. Quality of work life perception of school teachers. *International Journal of Education and Psychological Research*. 2014;3(2):77-80. e-ISSN: 2279-0179
22. Volosnikova L.M., Ignatjeva S.V., Fedina L.V. et al. Teacher in an inclusive classroom: relationship between attitudes towards inclusive education and job satisfaction. *Voprosy obrazovaniya=Educational Studies Moscow*. 2022;(2):60-87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-60-87>
23. Polutin S.V., Manannikova Yu.V. The Processes of bureaucratization and debureaucratization of teachers' work and their influence on the quality of teachers' professional activity: sociological project results. *Integracija obrazovaniya=Integration of Education*. 2020;24(1):75-97. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.098.024.202001.075-097>
24. Ermolin A.V., Gorodilov P.V. Representation in the minds of teachers satisfaction with the quality of working life. *Professional'nye predstavleniya=Professional Perceptions*. 2019;(1):158-164. (In Russ.)
25. Golovchin M.A. Attitudes of urban and rural teachers towards educational work: on the materials of sociological monitoring. *Nauka i shkola=Science and School*. 2018;(1):110-118. (In Russ.)
26. Golovchin M.A., Soloveva T.S. Social and professional well-being of the Russian school teachers during the period of reforms and counter-reforms. *Ideji i idealy=Ideas and Ideals*. 2018;10(3):233-252. (In Russ.) <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-3.2-233-252>
27. Manina V.A., Petrakova A.V., Kulikova A.A. et al. Teachers' coping strategies and job satisfaction in distance teaching during the COVID-19 pandemic. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie=Psychological Science and Education*. 2023;28(1):52-65. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2023000001>
28. Leonidova G.V., Valiakmetov R.M., Baimurzina G.R., et al. Problems and prospects of distance learning in the estimates provided by teachers and schoolchildren's parents. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020;13(4):202-219. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.12>
29. Sivrikova N.V., Chernikova E.G., Sokolova N.A. Teachers' satisfaction with life and educational process as predictors of their social and psychological adaptation. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta=Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017;7(6):87-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1706.06>
30. Volchik V.V., Posukhova O.Yu. Education reforms and precariatization of school teachers. *TERRA ECONOMICUS*. 2017;15(2):122-138. (In Russ.) <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2017-15-2-122-138>
31. Il'in V.A. (sc. ed.), Shabunova A.A., Kalachikova O.N. (gen. eds.), et al. *Teacher and educational reform: a view from the region: monograph*. Vologda: FGBUN VoIRC RAS, 2018;178 p. (In Russ.) ISBN 978-5-93299-404-7
32. Chernyshov S.A. Massive shift of schools towards distance learning in the estimates of a local pedagogical community. *Obrazovanie i nauka=The Education and Science Journal*. 2021;23(3):131-155. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-3-131-155>
33. Kozina I.M., Serezhkina E.V. Measuring psychosocial risks and quality of work life among Russian professionals. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021;(3):21-40. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1891>
34. Voznesenskaya E.D. How modern young people see the world of professions: changes in the status quo. In: *Dimensions of Russian education*. Moscow: Center for Sociological Research. 2015;326-357 (In Russ.)

Information about the authors:

Galina V. Belekova – PhD in Economics, Senior Researcher; Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

(e-mail: belek-galina@yandex.ru) (PIHЦ Author ID: 630621) (ResearcherID: I-8182-2016) (ScopusID: 57194492144)

(ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-6373-9043>)

Galina V. Leonidova – PhD in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Center of Social and Demographic Research, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

(e-mail: galinaleonidova@mail.ru) (PIHЦ Author ID: 77412) (ResearcherID: I-7139-2016) (ScopusID: 55377958600)

(ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0361-2099>)

Authors' declared contribution:

The authors contributed equally to this article.

The author declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Galina V. Leonidova.

The article was submitted 19.08.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 01.12.2023

Оригинальная статья
УДК 331.2+331.5+338.46
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514
EDN JDQMBF

Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов»

Валентина Юрьевна Музычук^{1,2}

¹ Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
(vm-instecon@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0008-7902-7228>)

² Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

Аннотация

В данной статье анализируются итоги бюджетного реформирования сферы культуры через призму преобразований, затрагивающих вопросы кадрового потенциала и оплаты труда. Отдельное внимание отводится оценке реализации «майских указов» Президента РФ от 2012 г. в части повышения оплаты труда работников учреждений культуры. Показано, что повышение оплаты труда работников культуры происходило одновременно с сокращением численности занятых в этой сфере. Несмотря на декларативную отчётность чиновников о выполнении «майских указов» по повышению оплаты труда, в сфере культуры эти нормативы были выполнены только в отношении федерального и регионального звена, в то время как в подавляющем большинстве муниципальных учреждений культуры указанное нормативное значение достигнуто не было. В результате бюджетного реформирования занятость в сфере культуры сократилась более чем на 10% за период с 2012 по 2022 гг., а оплата труда достигла 75% от уровня средней заработной платы по экономике, что по-прежнему свидетельствует о низком статусе профессий в этой области.

Ключевые слова: бюджетная реформа, сфера культуры, культурные индустрии, культурная политика, экономика культуры, оплата труда в сфере культуры, занятость в сфере культуры, «майские указы»

Для цитирования: Музычук В.Ю. Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 501–514. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514; EDN JDQMBF

RAR (Research Article Report)
https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514
EDN JDQMBF

Employment and Labour Payment in the Cultural Sector: Outcomes of the Budget Reform and the May Decrees

Valentina Yu. Muzychuk^{1,2}

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(vm-instecon@yandex.ru), (<https://orcid.org/0009-0008-7902-7228>)

² State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Abstract

This paper analyzes the results of budget reform in the cultural sector through the prism of transformations concerned with issues of employment and labour payment. Special attention is given to assessing the implementation of the May Decrees of the President of the Russian Federation of 2012 in terms of increasing wages for employees of cultural institutions. It is shown that the increase in wages for cultural employees occurred simultaneously with a reduction in the number of people employed in this area. Despite the declarative reporting of officials on the implementation of the May decrees to increase wages, in the cultural sphere these standards were met only in relation to the federal and regional segment, while in the vast majority of municipal cultural institutions the specified standard were not achieved. As a result of budget reform, employment in the cultural sector fell by more than 10% from 2012 to 2022, and wages reached 75% of the average wage in the economy, which continues to indicate the low status of professions in this field.

Keywords: budget reform, cultural sector, cultural industries, cultural policy, cultural economics, labour payment in the cultural sector, employment in the cultural sector, May decrees

For citation: Muzychuk VYu. Employment and Labour Payment in the Cultural Sector: Outcomes of the Budget Reform and the May Decrees. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossi=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):501–514. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514

Введение

Проблема занятости и оплаты труда работников сферы культуры не теряет своей актуальности с советских времен, несмотря на прошедшие 30 с лишним лет с момента распада Советского Союза. С одной стороны, в советский период как, впрочем, и в настоящее время, в официальной риторике признавалась важность сферы культуры с точки зрения приобщения широких слоёв населения к культурным ценностям, обеспечения доступности культурных благ, формирования эстетических категорий и идеалов среди подрастающего поколения, вследствие чего декларировала государственную обеспокоенность о кадровом потенциале сферы культуры. С другой стороны, с 70-х гг. прошлого века вплоть до наших дней профессия в сфере культуры имела низкую востребованность в обществе ввиду отсутствия паритета между годами, затраченными на профессиональное обучение, и оплатой труда, а также перспективами карьерного роста. Так, в советский период оплата труда в сфере культуры не превышала 70% от уровня среднемесячной заработной платы по экономике в целом (70% – максимум – 1970–1975 гг.; в остальное время в пределах 60–65%) [1].

Что же тогда побуждало и побуждает людей выбирать профессию в сфере культуры? В экономике культуры со времен У. Баумоля существует определённый компенсаторный механизм – так называемый, психологический доход (*psychic income*), под которым понимается удовольствие и удовлетворение, испытываемое от выполнения своей работы и вместе с тем позволяющее принять тот заниженный уровень доходов, которые работники культуры получают в сравнении с оплатой труда в других областях экономики [2, р. 121, 169]. Дельта между уровнем оплаты труда в экономике в целом и в сфере культуры в частности заполняется нефинансовыми стимулами или нематериальными выгодами, а не деньгами. К этому добавляется зачастую ненормированный график работы, сезонные колебания активности, отсутствие жёсткой привязки к офисному распорядку рабочего дня и проч.

Всё сказанное отнюдь не означает, что нематериальные стимулы занятости в сфере культуры с лихвой компенсируют заниженный уровень доходов, получаемых работниками культуры. Проблема повышения оплаты труда в сфере культуры, как, впрочем, и роста престижа данного спектра профессий в общественном сознании по-прежнему очень остро стоит на повестке дня в России. Но она становится всё более актуальной в контексте общемирового тренда: крена в креативную экономику, который проявился с 90-х гг. прошлого века в развитых странах мира, и приво-

дит к тому, что сфера культуры становится питательной средой для воспроизводства креативных людей и креативных идей. Однако российская экономика дрейфует в противоположную сторону. Отечественный проект создания креативной экономики позаимствовал из зарубежного опыта исключительно акцент на коммерциализацию культурной деятельности. Концепт креативных индустрий для внутреннего рынка призван реформатировать работу сферы культуры в направлении генерации новых источников внебюджетных доходов за счёт создания добавленной стоимости. Но какие цепочки добавленной стоимости может создавать общедоступная библиотека, краеведческий музей или местный клуб (дом культуры) – основные «очаги культуры» на местах? А вот культурную среду учреждения культуры создают точно, а вместе с ней транслируют смыслы, что вносит свой вклад в формирование культурной составляющей человеческого потенциала, а значит и генерацию креативных людей. Поэтому попытка вытеснить сферу культуры в чисто рыночные отношения, сосредоточившись исключительно на купле-продаже культурных благ в целях повышения внебюджетных доходов учреждений культуры, отсекает важный вклад сферы культуры в создание территории смыслов и подготовку творческих кадров. В результате, формируемая сейчас в России креативная экономика согласно Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р) представляет собой оксюморон: учреждения культуры (некоммерческие по своей природе), которые ответственны за создание культурной среды и формирование и трансляцию смыслов, приобщение населения к культурным ценностям, а также развитие кадрового потенциала оптимизируются и коммерциализируются, а малый бизнес и индивидуальное предпринимательство – капиллярная система и основа развития рыночной экономики – находятся в жёстких тисках государственной зарегулированности. Если в целом по экономике малый бизнес и индивидуальное предпринимательство демонстрируют спад и затишье, то никаких разумных оснований полагать, что в сфере культуры они непременно будут активизироваться, не просматривается. По меньшей мере странно наблюдать, как в сфере культуры некоммерческий сегмент должен зарабатывать и переходить на самоокупаемость, а коммерческий сегмент (те самые культурные индустрии) получать бюджетную поддержку.

Процессы оптимизации и коммерциализации в рамках бюджетного реформирования сопровождаются снижением занятости в сфере культуры. В России только один человек из ста выбирает профессиональную стезю в данной сфере, и за последние два десятилетия этот показатель несколько не улучшился, что является ещё одним доказательством непривлекательности профессий в сфере культуры в общественном сознании. Финансово-экономические ведомства, напротив, видят в этом сокращении занятости позитивную тенденцию: тем самым якобы растёт производительность труда в сфере культуры. Но это может быть приемлемо, если измерять технологическую производительность труда по аналогии с промышленным производством, в то время как в сфере культуры эти методы не только контрпродуктивны, но и зачастую абсурдны.

Попробуем разобраться, что же не позволяет вывести проблему занятости и оплаты труда в сфере культуры из порочного круга недофинансирования и стигматизации «бюджетников». Целью настоящей статьи является анализ ситуации с кадровым обеспечением и уровнем оплаты труда в сфере культуры с начала 2000-х годов по 2022 г. За рассматриваемый период часть преобразований социально-экономического характера была связана с проводимой бюджетной реформой, а с 2012 г. – с реализацией мероприятий в рамках так называемых «майских указов» Президента РФ. Поэтому в данной статье необходимо решить три основные задачи: во-первых, проанализировать ограничения технологического подхода к оценке производительности труда в сфере культуры, на основании которого Минфин России выносит вердикт о низкой производительности труда в бюджетном секторе; во-вторых, сравнить методологические подходы к определению оплаты труда в сфере культуры Росстата и ГИВЦ Минкультуры России и проанализировать динамику данного показателя за рассматриваемый период, включая особенности исполнения «майских указов» Президента РФ; в-третьих, проанализировать динамику занятости в сфере культуры на протяжении рассматриваемого временного диапазона.

1. К вопросу о производительности труда в сфере культуры

В процессе реализации широкомасштабной бюджетной реформы (в терминах Минфина России) неоднократно поднимался вопрос о производительности труда работников бюджетного сектора, что напрямую связано с уровнями оплаты труда и занятости в сфере культуры. В Докладе Минфина России «Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального

бюджета» (2015 г.) среди нерешённых проблем были отмечены: «избыточная численность работников бюджетной сферы, причём и по отношению к численности занятого населения, и по отношению к обслуживаемым контингентам»; низкая производительность труда в бюджетном секторе; медленный рост качества государственных услуг [3, с. 37–41]. По мнению чиновников финансово-экономических ведомств, в сфере культуры, как, впрочем, и во всем бюджетном секторе, – низкая производительность труда. По методологии Минфина России производительность труда в бюджетном секторе определяется в натуральном выражении: в образовании – как число учителей на 1 тыс. учеников, в здравоохранении – число врачей на 10 тыс. населения, в науке – по удельному весу России в общемировом числе публикаций по индексам цитирования Web of Science и Scopus [3, с. 38–39]. В сравнении с аналогичными показателями в странах ОЭСР выносился вердикт о высокой доле работников бюджетного сектора в России и низкой производительности их труда. В этой связи, задача повышения оплаты труда работников бюджетного сектора увязывалась с необходимостью роста производительности их труда.

Так, в «дорожной карте» по образованию и науке (План мероприятий («дорожная карта») «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки»; утв. распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2012 г. № 2620-р) были заданы натуральные показатели повышения производительности труда: в дошкольном образовании – число воспитанников в расчёте на 1 педагогического работника должно быть увеличено – с 8,7 в 2012 г. до 9,8 в 2018 г.; в общем образовании – число обучающихся в расчёте на 1 учителя – с 10,9 в 2012 г. до 13 в 2018 г.; в среднем образовании – число обучающихся в расчёте на 1 педагогического работника (включая мастеров производственного обучения) – с 12,7 в 2012 г. до 13,5 в 2018 г.; в высшем образовании – число студентов в расчёте на 1 преподавателя – с 9,4 в 2012 г. до 12 в 2018 г. Исключение было сделано только для дополнительного образования детей, где не были предусмотрены подобного рода нормативы.

Однако специалисты отмечают, что такая постановка задачи касается вовсе не производительности труда, а повышения интенсивности труда работников бюджетной сферы. По сути, речь идёт об увеличении нагрузки в расчёте на одного работника, что чревато снижением качества предоставления социально значимых благ [4, с. 31, 38]. Производительность труда и интенсивность труда – не одно и то же. Подмена понятий не способствует достижению поставленной цели.

В аналогичном документе по сфере культуры (Об утверждении плана мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2606-р (ред. от 28.04.2015) были утверждены нормативы снижения численности работников учреждений культуры: в 2013 г. – 670006 чел., 2014 г. – 655266 чел., 2015 г. – 641196 чел., 2016 г. – 627796 чел., 2017 г. – 615066 чел., 2018 г. – 603000 чел. Таким образом, в «дорожной карте» была зафиксирована необходимость сокращения численности занятых в этой сфере почти на 70 тыс. человек или на 10% в течение 5-летнего периода. По мнению чиновников финансово-экономических ведомств снижение численности работников априори означает повышение производительности труда в сфере культуры. «В целом по учреждениям бюджетной сферы наблюдается сокращение численности бюджетников в расчёте на 10 тыс. человек населения. (...) Данная динамика соответствует задаче повышения производительности труда в отраслях социальной сферы, поставленной в дорожных картах, разработанных в отраслях социальной сферы в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2012 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». (...) Представленная информация свидетельствует о росте производительности труда, о повышении уровня оплаты труда, об осуществлении приносящей доход деятельности бюджетными и автономными учреждениями и о преобладании новых бюджетных учреждений в бюджетном секторе, что характеризует позитивные сдвиги в его деятельности. Таким образом, судя по формальным признакам, в целом реформа состоялась» [5, с. 32–33].

Отечественные специалисты неоднократно обращали внимание на невозможность унификации подходов к оценке производительности труда в сфере услуг по сравнению с материальным производством. Так, В.В. Егоров предложил следующую градацию услуг в контексте измерения производительности труда: 1) услуги, которые носят массовый рыночный характер, с легко идентифицированными единицами выпуска и простым способом денежной оценки (транспорт, связь, автосервис, отели и др.), поэтому процедура измерения производительности труда аналогична той, которая используется в материальном производстве; 2) государственные (муниципальные) услуги, для которых конечный результат трудно идентифицируется (образование, здравоохранение, госуправление) и нет однозначных измерительных процедур; 3) услуги, для которых производительность труда в общепринятом эконо-

номическом смысле рассчитываться не должна (творческий труд) [4, с. 30–31]. Предоставление культурных благ в массе своей относится к двум последним группам, для которых не только трудно идентифицировать конечный результат, но и бессмысленно или не приемлемо оценивать производительность труда по аналогии с материальным производством. По мнению И.В. Соболевой, «нужно выбирать не производительность, а качество результатов труда и его эффективность, понимаемую не как соотношение результатов и затрат (*efficiency*), а как степень достижения цели (*effectiveness*)» [4, с. 38].

Говоря о производительности труда в социально значимых отраслях следует иметь в виду, так называемый, *эффект интерактивности*, в соответствии с которым эффективность (результативность) труда зависит от настроения и/или способностей того человеческого контингента (зрителей, обучающихся, пациентов и т.д.), на который оказывается воздействие со стороны работника социально значимых отраслей [4, с. 38]. Результативность врача зависит от выполнения пациентом всех необходимых предписаний, назначенных ему; послесловие от похода в театр или филармонию, ощущение катарсиса возможно только при наличии внутренней работы над собой; усвоение знаний также возможно только при регулярной самостоятельной работе и т.п. Другими словами, результативность труда в сфере культуры будет возрастать при наличии обратной реакции аудитории от приобщения к культурным ценностям.

Существуют и другие теоретические подходы к обоснованию невозможности повышения производительности труда в социально значимых областях. Так, в сфере культуры особенно остро проявляется так называемая «болезнь издержек» Баумоля¹, приводящая к опережению расходов учреждений над собственными заработанными доходами. В основе этого недуга лежит *отставание производительности* (не путать с низкой производительностью. – Прим. В.М.) из-за невозможности использования новых технологий, увеличения капиталовложений, повышения квалификации рабочей силы, эффекта экономии на масштабе, которые приводят к росту производительности труда, высвобождению рабочей силы в отраслях экономики, связанных с промышленным производством. В сфере культуры нет альтернативы живому труду, а автоматизация производственного процесса не только нецелесообразна, но и противоестественна.

В связи с объективной невозможностью использования технологических инноваций в не-

¹ См. подробнее: [6; 7].

коммерческом секторе сферы культуры производительность труда в нём существенно отстает от темпов роста производительности труда в экономике. А оплата труда в сфере культуры вынуждена расти под воздействием роста общего уровня цен в экономике. В результате, расходы учреждений культуры растут быстрее, чем собственные заработанные доходы («издержки производства растут быстрее, чем цены на конечный продукт»). По мнению У. Баумоля, «количество труда, необходимого для производства этих услуг, трудно уменьшить» [8]. Поэтому единственная возможность для увеличения производительности труда в сфере культуры заключается в повышении уровня занятых. Чем больше работников будет вовлечено в культурную деятельность, тем выше будет производительность труда в сфере культуры.

Спустя более 50 лет после обнаружения этого недуга У. Баумоль не изменил своих убеждений по поводу «болезни издержек». Но его подход дополнился несколькими концептуальными соображениями [8]. Во-первых, под ростом производительности труда он понимает трудосберегающие изменения в производственном процессе, при котором выпуск продукции в единицу времени заметно увеличивается. Во-вторых, всю экономику он делит на два сегмента в контексте возможностей роста производительности труда: стагнирующий сектор (*stagnant sector*) и прогрессивный сектор (*progressive sector*)². «Болезнь издержек» возникает из-за неравных темпов роста производительности труда в разных секторах экономики. В-третьих, в стагнирующем секторе из-за невозможности применения трудосберегающих технологий из-за высокой трудоемкости производства социально значимых благ будет происходить рост расходов, что соответственно приведёт к повышению стоимости услуг. Последнего бояться не стоит, поскольку растущая производительность труда в целом по экономике будет способствовать увеличению общей покупательной способности общества и соответственно повышению общего уровня жизни (по признанию У. Баумоля, на этот факт обратила его внимание экономист Дж. Робинсон). Поэтому услуги стагнирующего сектора не станут недоступными для общества. «Реальная угроза этому желаемому будущему – глупая государственная политика» [8, р. 182]. Речь идёт о решениях чиновников финансово-экономических ведомств по поводу сокращения расходов на социально значимые отрасли в целях достижения сбалансированности государственного бюджета и под предлогом того, что общество не может себе

такого позволить. Более того, рост стоимости услуг в стагнирующем секторе представляет собой гораздо меньшую опасность для общества, чем повышение доступности товаров и услуг прогрессивного сектора в связи с существенным ростом производительности труда (загрязнение окружающей среды, терроризм и проч.).

В ближайшее время события вряд ли будут развиваться по оптимистическому сценарию. Поэтому в России сфера культуры становится всё более уязвимой в ситуации, когда издержки по-прежнему продолжают расти в связи с особенностями «производственного цикла», а покупательная способность населения снижается (при чисто рыночном подходе). На фоне оптимизации и коммерциализации сети учреждений культуры, проводимыми чиновниками, подобного рода бюджетная политика и производная от неё культурная политика чреватые коллапсом культурной деятельности в целом.

2. Оплата труда в сфере культуры

Системное решение на государственном уровне по повышению оплаты труда в социально значимых отраслях, включая сферу культуры, было принято в 2012 г. и было анонсировано в рамках предвыборной кампании на пост Президента РФ В.В. Путина. Впоследствии они получили название «майских указов» Президента РФ. Речь идёт об одиннадцати указах Президента РФ от 07 мая 2012 г. № 596-606, в которых содержалось 218 поручений Правительству РФ на период с 2012 по 2020 гг. в отношении широкого спектра вопросов: по экономической, социальной, демографической и внешней политике России, системе государственного управления, военной службе и модернизации ВПК, обеспечения граждан России доступным жильем и др. Поручение по повышению оплаты труда в сфере культуры содержалось в Указе Президента РФ от 07 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Следует отметить, что в отношении сферы культуры не было издано отдельного указа, как это произошло в отношении здравоохранения, образования и науки (см.: Указ Президента РФ от 07 мая 2012 г. № 598 «О совершенствовании государственной политики в сфере здравоохранения»; Указ Президента РФ от 07 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»).

Квинтэссенция данных инициатив заключалась в том, чтобы «в целях сохранения кадрового потенциала, повышения престижности и привлекательности профессий в бюджетном секторе экономики принять до 1 декабря 2012 г. про-

² В работе 1966 г. экономика делилась на два сектора: где растёт производительность труда и где она постоянна (*constant*) [2, р. 167–172].

грамму поэтапного совершенствования системы оплаты труда работников бюджетного сектора экономики, обусловив повышение оплаты труда достижением конкретных показателей качества и количества оказываемых услуг» (пп. е) п. 1). Согласно 597 Указу Президента РФ Правительству РФ было дано поручение: увеличить к 2018 г. размер реальной заработной платы в 1,4–1,5 раза. Причём средняя заработная плата учителей должна была быть доведена до средней заработной платы в соответствующем регионе уже в 2012 г., а средняя заработная плата воспитателей в детских садах – в 2013 г. В отношении работников учреждений культуры наряду с преподавателями начальных и средних специальных учебных заведений аналогичная мера должна была быть введена в действие только к 2018 г. При этом врачам, преподавателям ВУЗов и научным сотрудникам средняя оплата труда должна была быть повышена к 2018 г. до 200% от средней заработной платы в соответствующем регионе.

Таким образом, при подготовке данного Указа сфера культуры де-юре и де-факто была дискриминирована по отношению с другими социально значимыми отраслями, такими как здравоохранение, наука, высшее образование, по нескольким направлениям. Во-первых, статус работников учреждений культуры в глазах чиновников априори оказался ниже статуса врачей, учёных, преподавателей ВУЗов (были приравнены к преподавателям техникумов, колледжей и училищ). Обращает также на себя внимание стилистика и терминологический аппарат государственного документа, в соответствии с которым для работников учреждений культуры речь шла не о *повышении* средней оплаты труда, а о *доведении* до 100% от средней заработной платы в соответствующем регионе. Во-вторых, размер средней заработной платы работников учреждений культуры был установлен в два раза ниже аналогичного показателя для высшего образования, здравоохранения и науки, что, в свою очередь, свидетельствует о невысоком общественном статусе профессий в сфере культуры. При этом «полный цикл подготовки профессиональных кадров» в сфере культуры, как правило, нисколько не меньше по продолжительности обучения, чем подготовка специалистов для высшего образования, здравоохранения и науки. Речь идёт об уникальной 3-ступенчатой системе подготовки профессиональных кадров для сферы культуры: «детская школа искусств – училище/колледж – ВУЗ». В-третьих, зависимость размера оплаты труда от средней заработной платы в соответствующем регионе ставит в неравные условия работников, имеющих схожую квалификацию и

выполняющих один и тот же вид работ. Так, средняя заработная плата в сфере культуры в целом по России составила в 2022 г. 49254 руб., а в региональном разрезе она варьировалась от 25349 руб. в Респ. Северная Осетия (Алания) до 125002 руб. в Чукотском а.о. (например, в Ульяновской обл. – 29718 руб., Московской обл. – 57745 руб., Краснодарском крае – 35605 руб., Свердловской обл. – 45872 руб.). Ситуация усугубляется тем, что оплата труда также зависит от уровня публичной власти, в ведении которой находится то или иное учреждение культуры: федерального, регионального или муниципального. Так, при средней заработной плате в 49254 руб. в целом по России в организациях культуры федерального ведения она составила 81314 руб., а субъектового и местного ведения – 46072 руб. (2022 г.), т.е. с разницей почти в 1,8 раза. Кроме того, в данном Указе была заложена мина замедленного действия: повышение заработной платы работников бюджетного сектора экономики увязывалось с возможным привлечением на эти цели не менее трети средств, получаемых за счёт реорганизации неэффективных организаций (пп. е) п. 1). Таким образом, рост оплаты труда априори должен был сопровождаться сокращением численности занятых, что нашло своё отражение в так называемой «дорожной карте».

В Рекомендациях Минкультуры России по разработке нормативных правовых актов по реализации мер по поэтапному повышению заработной платы работников учреждений культуры (письмо Минкультуры России от 31 октября 2012 г. № 124-01-39/04-НМ) были указаны следующие нормативные значения повышения оплаты труда: в 2012 г. – 49%, 2013 г. – 53%, 2014 г. – 59%, 2015 г. – 65%, 2016 г. – 74%, 2017 г. – 85%, 2018 г. – 100% (приложение 3), которые были заимствованы из Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р). А в утверждённой позднее «дорожной карте» в сфере культуры (Об утверждении плана мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры» (утв. распоряжением Правительства РФ от 28.12.2012 г. № 2606-р (ред. от 28.04.2015) были утверждены несколько иные пороговые значения повышения оплаты труда («примерные (индикативные) значения»): в 2013 г. – 70,3%, 2014 г. – 70,3%, 2015 г. – 70,3%, 2016 г. – 82,4%, 2017 г. – 100%, 2018 г. – 100%.

При этом дополнительные финансовые ресурсы на повышение оплаты труда работников уч-

реждений культуры должны были быть получены за счёт трёх источников: 1) с учётом возможного привлечения одной трети за счёт реорганизации неэффективных учреждений; 2) за счёт доходов, получаемых от оказания платных услуг; 3) за счёт средств субсидии. Отдельно уточнялось, что «при оценке соотношения заработной платы работников учреждений культуры со средней заработной платой в регионе учитывается вся заработная плата, полученная работником за счёт всех источников» [9].

Следует иметь в виду, что в отсутствии дополнительных бюджетных средств на повышение оплаты труда существуют по меньшей мере две легальные возможности отчитаться о выполнении поставленной задачи, чем не преминули воспользоваться в отдельных организациях бюджет-

ного сектора: 1) сократить численность занятых; 2) изменить нагрузку: перевести работников на меньшую ставку при сохранении того же самого объёма работы (при сокращении ставки с 1,0 до 0,5 автоматически можно отчитаться о повышении средней заработной платы в 2 раза). В данном случае, арифметические манипуляции позволяли рапортовать о «нужном» результате, не дожидаясь 2018 г.

В действительности ситуация выглядит несколько иначе. Рассмотрим динамику изменения средней заработной платы в сфере культуры (приводится по данным ГИВЦ Минкультуры России) и динамику изменений средней заработной платы в целом по экономике (по данным Росстата) за период с 1991 г. (данные по РСФСР) по 2022 г. (таблица 1).

Таблица 1

Динамика средней заработной платы в сфере культуры и соотношение оплаты труда в сфере культуры к оплате труда по экономике в целом, % (1991–2022)

Table 1

Dynamics of Average Wages in the Cultural Sector and the Ratio of Wages in the Cultural Sector to Wages in the Economy as a Whole, % (1991–2022)

Средняя заработная плата	1991	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
— в сфере культуры (руб.)	0,345	254	1229	4650	11734	25578	41669	44682	49254
— в целом по экономике (руб.)	0,548	472,4	2223	8555	20952	34030	51344	57244	65338
— в сфере культуры в % к средней оплате труда по экономике	63	47	55	54	56	75	81	78	75

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ГИВЦ Минкультуры России и Росстата за соответствующие годы.

За рассматриваемый временной диапазон максимальное отставание заработной платы в сфере культуры от средней заработной платы по экономике наблюдалось в 1995 г., составив 47%. В 2012 г. – год принятия «майских указов» – этот показатель достиг отметки в 56%. С 2013 г. последовал рост значений данного показателя: 2013 г. – 58%, 2014 г. – 67%, достигнув максимального значения в 2018 г. – 85%. Таким образом, декларируемое доведение средней заработной платы работников культуры до 100% от средней заработной платы по экономике де-факто выполнено не было, хотя де-юре чиновники отчитались о его выполнении (о тонкостях бюрократических отчётов и расчётов речь пойдет ниже). Более того, после 2018 г. появилась и стала укрепляться тенденция снижения данного показателя: в 2019 г. – до 83%, 2021 г. – до 78%, 2022 г. – до 75%, т.е. значение показателя в 2022 г. вернулось к ситуации 2015 г. Невзирая на эти данные, отраслевое министерство отчитывается о выполнении задачи

по повышению оплаты труда в сфере культуры до 100% по экономике (см. Доклады об основных направлениях и результатах деятельности Министерства культуры РФ за последние годы). Речь идёт об определенной методологии расчёта, которая позволяет выйти на «нужные» значения целевого показателя.

Прежде всего следует иметь в виду, что данные Росстата и ГИВЦ Минкультуры России по оплате труда работников культуры рассчитываются по разным категориям работников. Так, за 2022 г. ГИВЦ Минкультуры России отчитался о средней заработной плате *в сфере культуры* в размере 49254 рубля (81314 рубля – в организациях федерального ведения; 46072 рубля – в организациях местного ведения, т.е. суммарно по организациям регионального ведения и местного самоуправления). У Росстата несколько иные цифры: средняя заработная плата *работников учреждений культуры* в размере 51104 рубля (82958 рублей – в организациях федерального ведения; 57735 рублей –

в организациях регионального ведения; 41119 рублей – в муниципальных организациях). Причина такого расхождения заключается в том, что ГИВЦ Минкультуры России рассчитывают среднюю заработную плату в сфере культуры в целом по полному кругу государственных (муниципальных) организаций всех организационно-правовых форм (включая АНО, казенные предприятия и др.), то Росстат – только по организациям, функционирующим в организационно-правовой форме учреждения (автономные, бюджетные, казенные), поскольку он осуществляет мониторинг исполнения «майских указов» в части доведения средней заработной платы до установленного норматива. В 597 Указе Президента РФ данная инициатива касалась «работников учреждений культуры» (в точной формулировке), поэтому все другие организационно-правовые формы организаций куль-

туры не попадают в мониторинг Росстата. Кроме того, в нём не учитываются работники средне-специальных и высших учебных заведений в сфере культуры, поскольку формально они работают в образовательных учреждениях или научные сотрудники научно-исследовательских институтов сферы культуры. Между тем последние учитываются при расчёте средней заработной платы в сфере культуры ГИВЦ Минкультуры России.

Во-вторых, большой разброс значений между уровнем заработной платы в федеральных и муниципальных учреждениях культуры позволяет путём вычисления среднего арифметического выходить на «нужные» нормативные значения. Так, уровень средней заработной платы в федеральных учреждениях культуры в 2022 г. превысил уровень средней заработной платы в муниципальных учреждениях в 1,8 раза (рисунок 1).

Рисунок 1. Средняя заработная плата работников культуры по видам деятельности, % (2022)

Figure 1. Average Wages of Cultural Employees by Type of Activity, % (2022)

Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России (2022 г.).

По видам культурной деятельности нормативные значения повышения оплаты труда выполняются только театрами (научные организации отчитываются по другому нормативу (200%) и явно не выходят на заданный уровень). В театрах, музеях, концертных организациях и цирках средняя заработная плата выше уровня средней заработной платы в сфере культуры в целом. В аппарате органов управления сферой культуры субъектов РФ самый низкий уровень оплаты труда ввиду

того, что в эту категорию попадают служащие централизованных бухгалтерий, которые повсеместно распространяются в сфере культуры.

Данные мониторинга Росстата подтверждают, что в муниципальном звене (порядка 85–88% от совокупного количества учреждений культуры) отношение средней заработной платы работников учреждений культуры к средней заработной плате по субъектам РФ ни разу за период с 2013 по 2022 гг. не достигало значения в 100% (таблица 2).

Таблица 2

Динамика оплаты труда работников учреждений культуры (2013–2022), рубли; %

Table 2

Dynamics of Wages for Employees of Cultural Institutions (2013–2022), Rubles; %

Годы	Средняя заработная плата по субъектам РФ, рублей	Средняя заработная плата работников учреждений культуры, рублей				Отношение средней заработной платы работников учреждений культуры к средней заработной плате по субъектам РФ, %			
		всего	в том числе по формам собственности организаций			всего	в том числе по формам собственности организаций		
			фед.	субъектов РФ	мун.		фед.	субъектов РФ	мун.
2013	29 960	21 072	39 079	27 743	14 177	70,3	130,4	92,6	47,3
2014	32 611	23 879	49 284	28 668	17 811	73,2	151,1	87,9	54,6
2015	30 694	25 485	50 146	30 269	19 247	83,0	163,4	98,6	62,7
2016	32 633	27 080	51 499	32 436	20 184	83,0	157,8	99,4	61,9
2017	34 574	32 466	59 562	37 818	25 330	93,9	172,3	109,4	73,3
2018	37 889	38 971	68 034	44 012	31 341	102,9	179,6	116,2	82,7
2019	39 921	41 878	71 889	47 209	33 613	104,9	180,1	118,3	84,2
2020	42 366	43 014	71 721	48 319	34 699	101,5	169,3	114,1	81,9
2021	45 936	46 197	76 469	52 052	37 092	100,6	166,5	113,3	80,7
2022	50 702	51 104	82 958	57 735	41 119	100,8	163,6	113,9	81,1

* С 2017 г. – среднемесячный доход от трудовой деятельности;

Источник: составлено автором по данным Росстата по итогам федерального статистического наблюдения в сфере оплаты труда отдельных категорий работников социальной сферы и науки за 2013–2022 гг.

Отношение средней заработной платы работников федеральных учреждений культуры к средней заработной плате по субъектам РФ на протяжении всего рассматриваемого диапазона превышало 100%: 130% – в 2013 г., 180% – в 2019 г., 160% – в 2022 г.; в учреждениях регионального подчинения – с 2017 г., а в муниципальных учреждениях – ни разу. При этом Минкультуры России отчитывается о дополнительной поддержке федеральных учреждений культуры: «В целях оказания государственной поддержки подведомственным федеральным учреждениям культуры на оплату труда и начисления на выплаты по оплате труда, имея ввиду сохранение в 2022 году установленных Указом № 597 целевых значений соотношения средней заработной платы работников учреждений культуры, из резервного фонда Правительства РФ по распоряжению Правительства РФ от 26.10.2022 г. №3173-р были выделены бюджетные ассигнования в сумме 2,97 млрд. рублей» [10, с. 172].

Отношение средней заработной платы работников муниципальных учреждений культуры к средней заработной плате по субъектам РФ достигло максимального значения в 2019 г. –

84,2%, а по итогам 2022 г. снизилось до 81,1%. На этот факт неоднократно обращала внимание Счётная палата РФ. Так, в своем Заключении о результатах внешней проверки исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» и бюджетной отчётности об исполнении федерального бюджета за 2022 год» в Министерстве культуры РФ было подчёркнуто, что «основной вклад в достижение целевого показателя вносят федеральные учреждения культуры, значительно перевыполняющие целевые значения, в то время как по муниципальным учреждениям культуры данный показатель так и не был достигнут. Дифференциация заработной платы работников федеральных и муниципальных учреждений культуры, связанная в том числе с отсутствием утвержденных требований к системе оплаты труда работников в сфере культуры, формирует риски оттока из муниципальных учреждений культуры квалифицированных кадров» [11, с. 18]. Фактически, «майские указы» для работников муниципального звена сферы культуры выполнены не были (в 2018 г. – 82,7%).

Следует иметь в виду, что после 2018 г. (формально «майские указы» Президента РФ были рассчитаны на период с 2012 по 2018 гг.) Правительством РФ было принято решение пролонгировать инициативу, связанную с оплатой труда: регионам было дано указание удерживать достигнутый уровень соотношения оплаты труда работников бюджетной сферы по сравнению со средней заработной платой по экономике. Минтруд России ведёт мониторинг выполнения «майских указов» по 1020 региональным показателям (12 категорий бюджетников в 85 регионах). По методологии Минтруда России, цель считается достигнутой, если отклонение от целевого значения по заработной плате составляет не более 5%³.

По данным мониторинга Росстата за 2022 г. из 85 субъектов РФ 16 регионов отчитались о достижении или превышении 100% при соотношении средней заработной платы работников муниципальных учреждений культуры к средней заработной плате в соответствующем регионе (Владимирская обл., Московская обл., Вологодская обл., Ленинградская обл., Псковская обл., Астраханская обл., Волгоградская обл., Ростовская обл., Респ. Дагестан, Респ. Ингушетия, Чеченская Респ., Ставропольский край, Пензенская обл., Саратовская обл., Ямало-Ненецкий а.о., Алтайский край). Ещё в 28 субъектах РФ указанное соотношение попало в диапазон отклонения от целевого значения не более 5%.

В этой связи представляется важным проводить мониторинг уровня средней заработной платы в самых уязвимых учреждениях, так называемого, низового звена культуры: общедоступных библиотеках, культурно-досуговых учреждениях и детских школах искусств.

Отношение средней заработной платы работников федеральных и региональных учреждений культуры к средней заработной плате по субъектам РФ после 2019 г. стало уменьшаться. Во многом это обусловлено введением Минфином России ограничения на превышение нормативного значения. В своих Методических рекомендациях по разработке и реализации Программы оптимизации расходов бюджета субъекта Российской Федерации (от 26.02.2018 г.) в рамках решения задачи «Оптимизация расходов на содержание бюджетной сети, а также численности работников бюджетной сферы» финансовое ведомство настойчиво рекомендовало региональным властям осуществлять «мониторинг

непревышения значений целевых показателей заработной платы, установленных в региональных планах мероприятий («дорожных картах») изменений в отраслях социальной сферы, направленных на повышение эффективности образования и науки, культуры, здравоохранения и социального обслуживания населения» (п. 7.2, пп. а). Наряду с жёсткой рекомендацией о необходимости повышения доходов от внебюджетной деятельности (п. 7.2, пп. в) и расширении перечня платных услуг (п. 7.2, пп. п), непревышение установленного норматива для сферы культуры (соотношение средней заработной платы работников учреждений культуры к средней заработной плате по экономике в размере 100%) можно трактовать как сдерживание роста бюджетной составляющей заработной платы и увеличение доли её внебюджетной части. Следует отметить, что данные требования распространяются только на региональное и муниципальное звено учреждений культуры.

3. Занятость в сфере культуры

Некоммерческий сегмент сферы культуры России представлен преимущественно государственными (муниципальными) организациями, функционирующими в организационно-правовой форме учреждения (автономные, бюджетные, казенные). По данным Минфина России, в 2021 г. функционировало 92365 учреждений культуры, подведомственных Минкультуры России, органам государственной власти субъектов РФ, органам местного самоуправления, а также отдельным министерствам и ведомствам (например, Минобороны России, Минобрнауки России, Минпросвещения России и др.)⁴.

Следует отметить, что численность занятых в сфере культуры непрерывно росла на протяжении 1990–2012 гг., невзирая на тяжелейший социально-экономический кризис, охвативший Россию в середине 90-х годов XX в. и который негативно отразился на функционировании социально значимых отраслей, включая сферу культуры (данные за 1990 г. – по РСФСР). Поэтому парадоксально, что год принятия «майских указов» Президента РФ, анонсировавших совершенствование государственной политики в социально значимых отраслях – 2012 г. – стал поворотной точкой в изменении многолетней динамики роста численности занятых в сфере культуры, после которого запустился нисходящий тренд (рисунок 2).

³ Счётная палата считает, что исполнение майских указов нужно изучать по каждому бюджетнику // tass.ru: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10703891> (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ Далее в статье данные по численности занятых приводятся по государственным (муниципальным) учреждениям культуры, входящим в систему Минкультуры России.

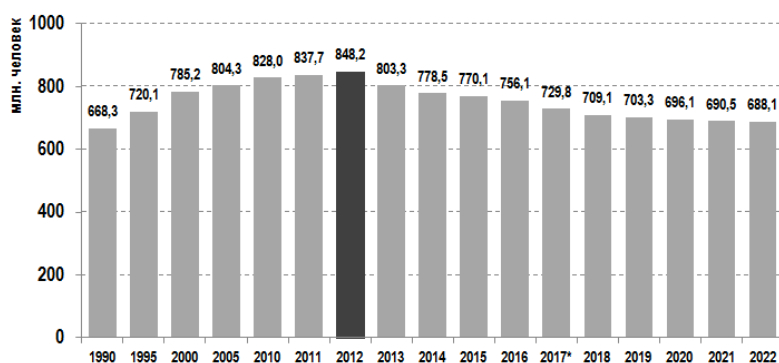

Рисунок 2. Динамика численности занятых в сфере культуры (1990–2022 гг.), тыс. чел.

Figure 2. Dynamics of the Number of Employees in the Cultural Sector (1990–2022), Thousand People

Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за соответствующие годы.

Так, с 1990 по 2012 гг. численность занятых в сфере культуры увеличилась с 668 тыс. до 848 тысяч человек, т.е. на 180 тысяч человек или в 1,3 раза за чуть более 20 лет. В 2022 г. этот показатель достиг значения в 688 тысяч человек, практически достигнув уровня 30-летней давности (668 тыс. человек в 1990 г.). Другими словами, за десять лет с 2013 по 2022 г. численность занятых в сфере культуры сократилась на 160 тысяч человек или на одну пятую от уровня 2012 г. Этот нисходящий тренд полностью связан с бюджетным реформированием, одной из целей которого наряду с повышением оплаты труда и эффективности функционирования организаций заявлялась необходимость сокращения численности занятых. В уже упоминавшихся выше Методических рекомендациях по разработке и реализации Программы оптимизации расходов бюджета субъекта Российской Федерации (от 26.02.2018 г.) в рамках решения задачи «Оптимизация расходов на содержание

бюджетной сети, а также численности работников бюджетной сферы» Минфин России указал на необходимость «соблюдения показателей оптимизации численности работников отдельных категорий бюджетной сферы в соответствии с утвержденными «дорожными картами» (п. 7.2, пп. б)).

В результате оптимизации численности занятых в сфере культуры показатель численности работников в сфере культуры в расчёте на 1000 занятых в экономике в 2022 г. вернулся к значению середины 90-х гг. прошлого века (рисунок 3). В настоящее время только 1 человек из 100 человек занятых в экономике выбирает профессию в сфере культуры.

Аналогичная ситуация наблюдается и с показателем численности работников в сфере культуры в расчёте на 1000 жителей: 5 человек из 1000 жителей работают в сфере культуры. Значение данного показателя в 2022 г. почти вернулось к уровню 1995 г.

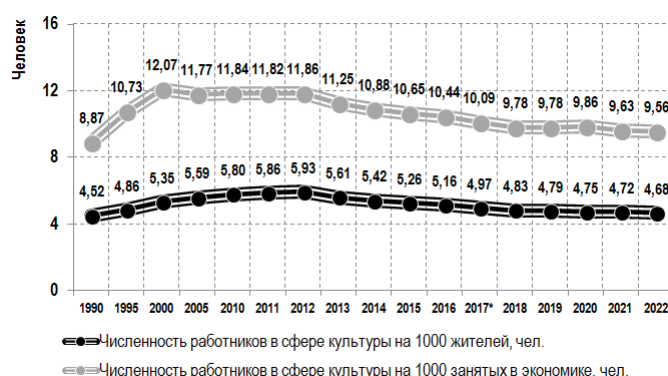

Рисунок 3. Динамика численности работников в сфере культуры в расчёте на 1000 жителей и на 1000 занятых в экономике (1990–2022 гг.), чел.

Figure 3. Dynamics of the Number of Employees in the Cultural Sector per 1000 Inhabitants and per 1000 Employed in the Economy (1990–2022), People

Источник: рассчитано автором по данным ГИВЦ Минкультуры России и Росстата за соответствующие годы.

Распределение численности работников в сфере культуры по видам деятельности демонстрирует три типа учреждений культуры, на которые приходится 60% от совокупной

численности работников в сфере культуры: общедоступные библиотеки, детские школы искусств и культурно-досуговые учреждения (рисунок 4).

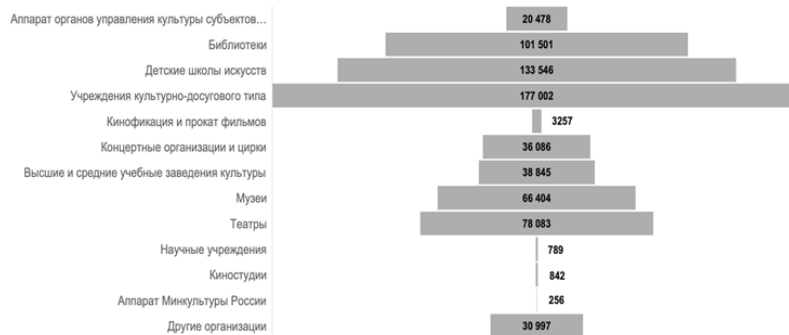

Рисунок 4. Распределение численности работников сферы культуры по видам деятельности, человек (2022)

Figure 4. Distribution of the Number of Cultural Employees by Type of Activity, People (2022)

Источник: составлено автором по данным ГИВЦ Минкультуры России за 2022 г.

Вместе с проблематикой оплаты труда в сфере культуры, получается, что 60% от совокупной численности работников культуры получают самую низкую заработную плату, поскольку подавляющее количество общедоступных библиотек, культурно-досуговых учреждений и детских школ искусств относится к муниципальному звену. Преимущественно именно для этих самых уязвимых категорий работников учреждений культуры «майские указы» выполнены не были. Поэтому ни о каком повышении престижа профессий в сфере культуры говорить пока не приходится.

Заключение

В завершении следует отметить, что если государственная политика – в большей степени про управленческие решения, приводящие к гармонизации общественных отношений, чем про деньги, то необходим кардинальный пересмотр подходов к обязательствам государства в сфере культуры как, впрочем, и во всех социально значимых отраслях. Этот вопрос приобретает особую актуальность в условиях социально-экономического неблагополучия, когда, с одной стороны, покупательная способность населения падает, а значит сфера культуры не сможет рассчитывать на рост внебюджетных доходов от предоставления культурных благ; с другой стороны, из-за санкций и иных вызовов внутреннего и внешнего характера бизнес функционирует на грани выживания, а значит благотворительная и спонсорская поддержка культуры будет отложена до лучших времён. Такие новые механизмы поддержки как фонды целевого капитала, появившиеся в последние 10-15 лет в сфере культуры, но не получившие

широкого распространения, требуют развитого финансового рынка, поэтому в ближайшее время будут вынуждены функционировать в режиме консервации.

В этой связи необходим пересмотр итогов бюджетной реформы в сфере культуры с их критическим разбором и сменой курса. Оценка эффективности деятельности учреждений культуры на основе бизнес-подхода в корне не верна, потому что уравнивает между собой частные коммерческие и государственные (муниципальные) некоммерческие организации, которые создаются и функционируют, руководствуясь совершенно разными целевыми установками.

Оценка производительности труда работников учреждений культуры на основе натуральных показателей типа количества посетителей в расчёте на одного работника не корректна по своей сути. В сфере культуры не работают оценки производительности труда, общепринятые в экономическом понимании. Безапелляционное сокращение численности занятых в сфере культуры не имеет ничего общего с декларируемым повышением производительности труда. Выполнение «майских указов» по повышению оплаты труда легло в русло проводимого бюджетного реформирования: за десять лет с 2013 по 2022 г. численность занятых в сфере культуры сократилась на 160 тысяч человек или на одну пятую от уровня 2012 г. Беспрецедентное сокращение численности занятых в сфере культуры вылилось в массовое уничтожение муниципального звена культуры – основных очагов культуры на местах: общедоступных библиотек, культурно-досуговых учреждений и детских школ искусств. Для

повышения производительности труда в сфере культуры необходимо не сокращение численности, а напротив, наращивание трудовых ресурсов, поскольку культурная деятельность трудоемка по своему «технологическому процессу» и не приемлет замены человека цифровым аналогом.

Общественный статус профессии в сфере культуры оказался ниже профессий врача, научного работника, педагога высшей школы, поскольку на государственном уровне посчитали, что оплату труда нужно довести до 100% от средней заработной платы по экономике несмотря на то, что полный цикл профессиональной подготовки в сфере культуры ничуть не меньше, чем в указанных выше областях. Для работников муниципального звена учреждений культуры «майские указы» в этой части не были выполнены, включая 2022 г. Но методология расчёта целевого показателя построена таким образом, что основной вклад в его достижение вносят федеральные учреждения культуры, которые с лихвой перекрывают невыполнение данного показателя у му-

ниципальных учреждений культуры. Ситуация усугубляется дифференциацией оплаты труда в региональном разрезе: страна одна, но за один и тот же функционал работники культуры получают разную заработную плату в различных регионах России. В этой связи необходимо ставить вопрос о выравнивании уровня заработной платы в целом по стране.

В результате, спустя тридцать лет рыночных преобразований в России проблема оплаты труда и занятости в сфере культуры по-прежнему не решена. Во многом это обусловлено изначально заложенным противоречием между целью и средствами при разработке и реализации государственной политики: повысить оплату труда работников культуры путём коммерциализации и оптимизации учреждений культуры, а также сокращения численности занятых. Результат был предсказуем, потому что «цели и средства неразделимы; фактически цели заложены в средствах. Ни одна достойная цель не может быть реально достигнута с помощью недостойных средств» [12, с. 11].

Список литературы

1. Славинская О.А. Концепция оплаты творческого труда и государственный патернализм [Текст]: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2022.
2. Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. A study of Problems common to Theater, Opera, Music and Dance. New York: The Twentieth Century Fund, 1966. 582 p.
3. Доклад «Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета». М.: Министерство финансов РФ, 2015.
4. Резервы повышения производительности труда в бюджетной сфере (по материалам научно-методического семинара Аналитического управления) // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2014. № 17(535). 73 с. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4e86676f430620d3b.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).
5. Реформа учреждений бюджетной сферы: предварительные итоги и новые вызовы / А.Г. Бирюков, Д.А. Домбровский, Е.Е. Комаровская [и др.]; под ред. А.М. Лаврова, О.К. Ястребовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 99 с. ISBN 978-5-7598-1594-5
6. Музыкачук В.Ю. Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. М., СПб.: Нестор-История, 2013. 280 с. ISBN 978-5-4469-0022-0
7. Музыкачук В.Ю. Провалы государства в сфере культуры [Текст]: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2019. 58 с.
8. Baumol W. The cost disease: Why computers get cheaper and health care doesn't. New Haven & London: Yale University Press, 2012. 249 с. ISBN: 978-0-300-17928-6
9. Рекомендации Министерства культуры России по разработке нормативных правовых актов по реализации мер по поэтапному повышению заработной платы работников учреждений культуры: письмо Министерства культуры России от 31 октября 2012 г. № 124-01-39/04-НМ.
10. Доклад «Об основных направлениях и результатах деятельности Министерства культуры РФ в 2022 год и задачах на 2023 год». М.: Министерство культуры РФ, 2023.
11. Заключение Счётной палаты Российской Федерации о результатах внешней проверки исполнения Федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» и бюджетной отчётности об исполнении федерального бюджета за 2022 год» в Министерстве культуры Российской Федерации. М.: Счётная палата РФ, 2023.
12. Паттакос А. Пленники собственных мыслей: смысл жизни и работы по Виктору Франклу. Альпина Паблишер, 2009. 160 с. ISBN 5-222-06950-8

Информация об авторе:

Валентина Юрьевна Музыкачук – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Институт экономики РАН; главный научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Москва, Россия (e-mail: vm-instecon@yandex.ru) (РИНЦ Author ID: 389202) (ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7902-7228>) (ScopusID: 57208688015) Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Slavinskaya O.A. Kontsepsiya oplaty tvorcheskogo truda i gosudarstvennyi paternalism. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2022. Scientific report. (In Russ.)
2. Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. A study of Problems common to Theater, Opera, Music and Dance. New York: The Twentieth Century Fund; 1966. 582 p.
3. Report «Ob osnovnykh napravleniyakh povysheniya ehffektivnosti raskhodov federal'nogo byudzheta». Moscow: Ministry of Finance of the Russian Federation; 2015. (In Russ.)
4. Rezervy povysheniya proizvoditel'nosti truda v byudzhetnoi sfere (po materialam nauchno-metodicheskogo seminarana Analiticheskogo upravleniya). *Analiticheskii vestnik Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya RF*. 2014;(17(535)):73. <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4e86676f430620d3b.pdf> (accessed: 20.10.2023). (In Russ.)
5. Biryukov A.G., Dombrovskii D.A., Komarovskaya E. E., et al. Reforma uchrezhdenii byudzhetnoi sfery: predvaritel'nye itogi i novye vyzovy. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics; 2017. 99 p. ISBN 978-5-7598-1594-5 (In Russ.)
6. Muzychuk V.Yu. Gosudarstvennaya podderzhka kul'tury: resursy, mekhanizmy, instituty. Moscow St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2013. 280 p. ISBN: 978-5-4469-0022-0 (In Russ.)
7. Muzychuk V.Yu. Provaly gosudarstva v sfere kul'tury. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2019. Scientific report. (In Russ.)
8. Baumol W. The cost disease: Why computers get cheaper and health care doesn't. *New Haven & London: Yale University Press*; 2012. 249 p. ISBN 978-0-300-17928-6
9. Letter of the Ministry of Culture of Russia dated October 31, 2012 No. 124-01-39/04-NM. Rekomendatsii Ministerstva kul'tury Rossii po razrabotke normativnykh pravovykh aktov po realizatsii mer po poehtapnomu povysheniyu zarabotnoi platy rabotnikov uchrezhdenii kul'tury. (In Russ.)
10. Ob osnovnykh napravleniyakh i rezul'tatakh deyatel'nosti Ministerstva kul'tury Rossiiskoi Federatsii v 2022 god i zadachakh na 2023 god. Ministry of Culture of the Russian Federation; 2023. Report. (In Russ.)
11. Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the results of an external audit of the implementation of the Federal Law O federal'nom byudzhete na 2022 god i na planovyi period 2023 i 2024 godov and budget reporting on the execution of the federal budget for 2022 in the Ministry of Culture of the Russian Federation. Moscow: Accounts Chamber of the Russian Federation; 2023. (In Russ.)
12. Pattakos A. Plenniki sobstvennykh myslei: smysl zhizni i raboty po Viktoru Franklu. Moscow: Al'pina Pablisher; 2009. 160 p. (In Russ.) ISBN 5-222-06950-8

Information about the author:

Valentina Yu. Muzychuk – Doctor of Economics, Associate Professor; Deputy Director for Science, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, State Institute for Art Studies, Moscow, Russia (e-mail: vm-instecon@yandex.ru) (РИНЦ Author ID: 633023) (ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-7902-7228>) (ScopusID: 57208688015) The author declares no conflict of interest.

The article was submitted 20.08.2023; approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 01.12.2023

Оригинальная статья

УДК 331.5

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528

EDN JQGCXU

Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр-периферия» в модельном регионе России

Андрей Васильевич Попов

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

(ai.popov@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>)

Аннотация

В условиях обострения внутренних и внешних вызовов всё большее значение для России приобретают вопросы сохранения трудового потенциала локальных территорий, находящихся вдали от мест притяжения ресурсов. Не случайно одной из характерных проблем современности является сжатие освоенного пространства и поляризация системы расселения. Цель данной статьи заключается в анализе особенностей и перспектив развития сферы занятости в модельном регионе России по оси «центр-периферия». В силу ограниченности муниципальной статистики мы обратились к результатам экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области, проведённого в апреле 2023 года. Предваряя анализ, все районы и округа были разделены на три группы: агломерационная зона, городская периферия и сельская периферия. Это позволило выявить взаимосвязь между социально-экономическим развитием территорий и их близостью к центрам деловой активности. Так, согласно мнению экспертов, периферия отличается не только скромными возможностями для реализации трудовых и жизненных планов, но и в целом неблагоприятными условиями для развития сферы занятости. При этом, несмотря на лучшее положение, будущее агломерационной зоны также видится преимущественно сквозь призму негативных сценариев. Важная роль в решении существующих проблем отводится отделениям занятости населения, которые предоставляют широкий перечень услуг для граждан и работодателей. И если первые отказываются обращаться за помощью в поиске работе из-за отсутствия желаемых вакансий и их невысокого качества, то взаимодействие со вторыми препятствует их собственной незаинтересованностью. Перспективы развития сферы занятости на периферии связаны, прежде всего, с созданием новых рабочих мест, расширением мер социальной поддержки по закреплению кадров, реализацией промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов. В свою очередь повышение эффективности деятельности отделений занятости населения можно достичь путем улучшения условий труда, сокращения бюрократической нагрузки и административных операций.

Ключевые слова: занятость, экспертный опрос, служба занятости, центр и периферия, рынок труда, социально-трудовые отношения, локальные территории

Благодарности: Автор статьи выражает благодарность Департаменту труда и занятости населения Вологодской области и лично Олегу Михайловичу Белову и Екатерине Васильевне Головкиной за содействие в проведении опроса, а также всем принявшим в нём участие экспертам.

Для цитирования: Попов А.В. Проблемы и перспективы развития сферы занятости по оси «центр-периферия» в модельном регионе России // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 515–528. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528; EDN JQGCXU

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528

EDN JQGCXU

Problems and Prospects for the Development of the Employment Sphere Along the “Center-Periphery” Axis in the Model Region of Russia

Andrei V. Popov

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

(ai.popov@yahoo.com), (<https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>)

Abstract

In the face of the deteriorating of internal and external challenges, issues of preserving the labor potential of local territories located far from places of attraction of resources are becoming increasingly important for Russia. It is no coincidence that one of the typical problems of our time is the compression of the developed space and the polarization of the settlement system. The purpose of this article is to analyze the features and prospects for the development of the employment sphere in the model region of Russia along the “center-periphery” axis. Due to the limited municipal statistics, the study turned to the results of an expert survey of employment service specialists of the Vologda region, conducted in April 2023. Anticipating the analysis, all districts were divided into three groups: agglomeration zone, urban periphery and rural periphery. This made it possible to reveal the relationship between the social and economic division of territories and their proximity to centers of business activity. Thus, according to experts, the periphery is distinguished not only by modest opportunities for the implementation of labor and social plans, but also by unfavorable conditions for the development of the employment sphere in general. At the same time, despite the better position, the future of the agglomeration zone is also seen mainly through the prism of negative scenarios. An important role in solving existing problems is assigned to employment offices, which provide a wide range of services for citizens and employers. And if the former refuse to seek help in finding a job due to the lack of desired vacancies and their low quality, then interaction with the latter is hindered by their own disinterest. Prospects for the development of the employment sphere in the periphery are primarily associated with the creation of new jobs, the expansion of support retention of workers, the implementation of industrial, infrastructure and socially signifi-

cant projects. In turn, an increase in the efficiency of the activities of employment services can be achieved by improving working conditions, reducing the bureaucratic burden and administrative operations.

Keywords: employment, expert survey, employment service, center and periphery, labor market, social and labor relations, local territories

Acknowledgements: The author of the article is grateful to the Department of Labor and Employment of the Vologda oblast and personally to Oleg Mikhailovich Belov and Ekaterina Vasilievna Golovkina for their assistance in conducting the survey, as well as to all the experts who took part in it.

For citation: Popov AV. Problems and Prospects for the Development of the Employment Sphere Along the "Center-Periphery" Axis in the Model Region of Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):515–528. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_4_515_528

Введение

Перспективы развития сферы занятости тесно связаны с социально-экономическим положением территории. Сложно представить ситуацию на рынке труда в отрыве от демографических процессов, определяющих совокупное предложение рабочей силы, или макроэкономической динамики, которая может сигнализировать о грядущем сокращении потребности в кадрах. Полный перечень факторов весьма широк и едва ли поддается исчерпывающему описанию, учитывая влияние внешней среды, которое зачастую рассматривается сквозь призму современных трендов (глобализация, цифровизация общества, роботизация производства и т.д.). В авангарде изменений находятся благополучные страны, однако и там многое зависит от близости районов и областей к центрам деловой активности [1]. Неравномерность пространственного развития, как правило, становится невольной причиной, определяющей трудовые стратегии людей: от поиска работы и организации бизнеса в родных краях до маятниковой миграции и переезда на постоянное место жительства в другой населённый пункт.

В настоящее время вопросы взаимодействия центра и периферии являются предметом активного обсуждения в экономической литературе благодаря исследованиям А. Венаблеса, П. Кругмана, М. Фуджиты и др., внёсшим большой вклад в понимание природы агломерационных процессов и возникающих на их основе эффектов [2]. Таким образом произошло зарождение новой экономической географии, одним из актуальных вызовов для которой становится междисциплинарный диалог [3]. Выход за рамки проблематики размещения хозяйственной деятельности и расселения населения открывает широкие возможности для раскрытия особенностей общественного развития. В нашем случае это означает расширение представлений о занятости, анализ территориальной специфики которой обычно осуществляется по линии «город-село» или в ракурсе населённого пункта определённого размера или свойства (например, моногород). Вместе с тем агломе-

рационный подход крайне редко встречается в исследованиях социально-трудовой направленности, что имеет принципиальное значение для России, характерными чертами которой выступают сжатие освоенного пространства и поляризация системы расселения [4]. В текущих условиях негативные демографические тенденции воспринимаются как данность и не могут быть преодолены, поэтому на первый план выходит поиск источников притяжения населения, где важная роль отводится сфере занятости. Однако оценить её состояние на низовом, муниципальном уровне является далеко нетривиальной задачей в силу ограниченности официальной статистики [5, с. 58].

Распространённым способом восполнения недостающей информации является проведение социологических опросов, причём не только местных жителей, но и экспертного сообщества, обладающего квалифицированной точкой зрения по тем или иным вопросам. В этой связи нельзя не отметить специалистов региональной сети государственной службы занятости, которые имеют глубокие знания о развитии локальных рынков труда. Кроме того, сама по себе институциональная структура оказывает значительное воздействие на социально-трудовые отношения, формируя тем самым контуры будущей сферы занятости. Отсюда и повышенный интерес к обозначенной группе экспертов. В то же время получение более объёмной картины требует изучения мнения местных жителей, представителей власти и бизнеса, что в конечном итоге заметно повышает трудоёмкость полевых работ.

Обращаясь к научной литературе в этой области, можно увидеть, что в отечественной практике наблюдается смещение акцентов с внешней среды на внутренние аспекты функционирования службы занятости [6; 7], включая проблемы профилирования безработных [8] и содействия трудоустройству уязвимых слоёв [9; 10]. При этом территориальная специфика встречается лишь в отдельных работах [11]. Похожим образом обстоят дела и в зарубежных источниках, в которых обсуждаются возможности расширения охвата

населения услугами государственной службы занятости, совершенствования её деятельности для преодоления дисбаланса на рынке труда [12; 13]. Пространственные аспекты социально-трудовых отношений можно найти, например, в работах о последствиях трансграничных перемещений людей [14]. Изучение внутрорегионального уровня также не получило широкого отклика.

Цель настоящей статьи заключается в анализе особенностей и перспектив развития сферы занятости в модельном регионе России по оси «центр-периферия». Объект исследования – сфера занятости населения в Вологодской области как типичном субъекте РФ по основным социально-экономическим показателям¹. **Предмет исследования** – социально-трудовые отношения, возникающие в процессе взаимодействия субъектов рынка труда. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что за пределами агломерационной зоны отмечаются схожие условия для занятости вне зависимости от степени урбанизации территории.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели мы обратились к итогам социологического исследования, проведённого научным коллективом гранта РНФ № 22-28-01986 в апреле 2023 года. Речь идет об экспертном опросе специалистов отделений занятости населения (далее – ОЗН) Вологодской области. Сбор данных осуществлялся путём отправки электронных писем со ссылкой на Google Forms на адрес организаций, подведомственных

Департаменту труда и занятости населения региона. Процедура отбора и количество респондентов не оговаривались, однако одним из условий было заполнение анкеты руководителем. Всего в опросе приняло участие 68 человек из всех отделений занятости населения Вологодской области (кроме ОЗН по Харовскому муниципальному округу), включая КУ ВО «Центр занятости населения Вологодской области». Принципиальная особенность нашей работы заключается в расширении территориального охвата анализа с 9 до 27 муниципальных образований и изменении подхода к их группировке, о чём будет сказано ниже, а также в углублении представлений о функционировании государственной службы занятости в современных условиях.

При обработке данных мы придерживались агломерационного подхода, который позволяет выявить взаимосвязь между социально-экономическим развитием территорий и их близостью к местам притяжения трудовых, финансовых и иных ресурсов. Таким образом анализ результатов экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области осуществлялся на основе объединения муниципальных образований в 3 группы: агломерационная зона, городская периферия и сельская периферия (таблица 1). Первая из них включает пространство двух формирующихся моноцентрических агломераций (с ядрами в городах Вологда и Череповец) [15], а оставшиеся – находящиеся за их пределами районы и округа с преобладанием городского и сельского населения соответственно.

Таблица 1
Территориальный и количественный охват экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области (2023 г.)

Table 1
Territorial and Quantitative Coverage of the Expert Survey of Employment Service Specialists of the Vologda Region (2023)¹

Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
– г. Вологда и Вологодский округ (6, включая КУ ВО «Центр занятости населения Вологодской области») – г. Череповец и Череповецкий район (3) – Грязовецкий округ (3) – Кадуйский округ (2) – Сокольский округ (3) – Шекснинский район (3)	– Бабаевский округ (3) – Белозерский округ (3) – Великоустюгский округ (4) – Кирилловский район (2) – Устюженский округ (3) – Харовский округ (0) – Чагодощенский округ (2)	– Бабушкинский округ (2) – Вашкинский район (3) – Верховажский округ (2) – Вожегодский округ (2) – Вытегорский район (2) – Кичменгско-Городецкий округ (2) – Междуреченский округ (3) – Никольский район (2) – Нюксенский округ (1) – Сямженский округ (3) – Тарногский округ (3) – Тотемский округ (3) – Усть-Кубинский округ (3)
Итого опрошено, чел.:	20	31

Источник: здесь и далее – рассчитано на данных экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области, ФГБУН ВолНИЦ РАН, 2023 г.

¹ По состоянию на 2021 г., Вологодская область в среднем занимает 40-е место среди 85 субъектов РФ. Более подробно см.: Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная государственная служба статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 25.09.2023)

В рамках принятого подхода можно использовать и более детализированную группировку и выделять, например, соседей третьего и четвертого порядка, однако, поскольку периферийная местность имеет во многом схожие черты [16], нами сделан акцент на степени её урбанизации. Как видно из рисунка 1, при отдалении от агломерационной зоны количество сельских территорий заметно возрастает, что нельзя не принимать во внимание. Исключение составляет только Великоустюгский округ, который хоть и находится дальше всего от административного и экономического центров Вологодской области, отличается высокой долей городских жителей (свыше 70%)².

Обсуждение результатов исследования, полученных при помощи метода многомерного час-

тотного распределения признаков, начинается с характеристики общей ситуации в агломерационной зоне и на периферии. Для этого опрошенные эксперты оценили привлекательность локальных территорий для жизни, распространённость различных явлений в сфере занятости и благоприятность условий для её развития, популярность основных каналов трудоустройства и т.д. Далее мы перешли непосредственно к вопросам деятельности ОЗН, где особая роль отводится взаимодействию с гражданами и работодателями. Завершает аналитическую часть статьи дискуссия о приоритетных мерах, направленных на преодоление негативных трендов по оси «центр-периферия» и улучшение работы государственной службы занятости.

Рисунок 1. Карта территориального охвата исследования (2023)
Figure 1. Map of the Territorial Coverage of the Study (2023)

Общая характеристика занятости

Согласно мнению экспертов, агломерационная зона является наиболее привлекательным местом для проживания (рисунок 2). Её отличают комфортность жилья, близость к крупным развитым центрам, широкие возможности для поиска работы и получения качественного профессионального образования, перспективы для жизни и т.д. В сравнении с другими территориями худшие оценки наблюдаются только в отношении безопасности жизни и благоприятной экологической обстановки, где на первый план выходит сельская периферия. В остальном же она лишена каких-либо преимуществ, что особенно отчётливо прослеживается

на примере экономических аспектов, получивших меньше всего позитивных откликов. Так, ни один из респондентов не отметил позицию о хорошем состоянии местной экономики, и лишь 3% высказались о широких возможностях для трудоустройства и высоких заработных платах. Впрочем, вопросы оплаты труда относятся к числу проблемных вне зависимости от близости районов к региональным центрам. В свою очередь городская периферия занимает промежуточное положение в части привлекательности места проживания, в одних случаях ближе к агломерационной зоне (развитая социальная инфраструктура, перспективы получения образования и т.д.), а в других – к сельской периферии (близость к крупным развитым центрам, возможности для досуга и др.).

² Демографический ежегодник Вологодской области. 2018–2021 гг. Вологда: Вологдастат, 2022. 95 с.

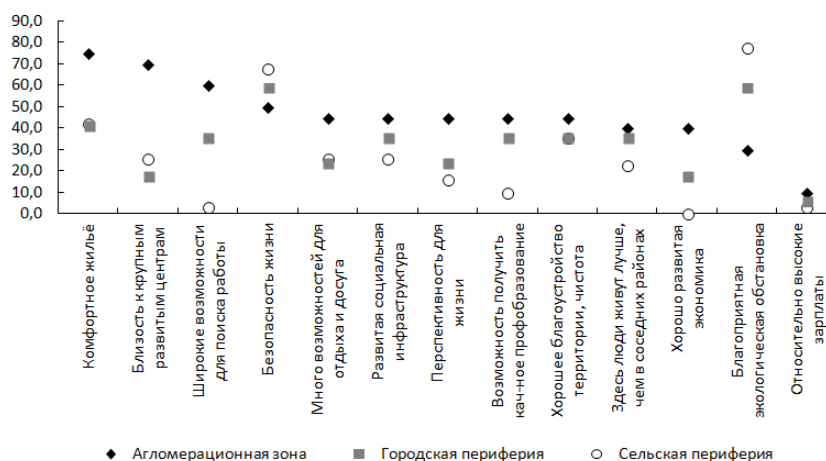

Рисунок 2. Оценка привлекательности места проживания, %
 Figure 2. Assessment of the Attractiveness of the Place of Residence, %

Переходя непосредственно к вопросам развития социально-трудовых отношений, можно увидеть, что характерной чертой Вологодской области является дефицит кадров (таблица 2). Помимо этого, многие эксперты обращают внимание на распространённость легальной самозанятости, выраженность которой, к слову, сокращается при удалении от агломерационной зоны, а также неформальной и сезонной занятости, где наблюда-

ется обратная картина. При этом по показателям ведения личного подсобного хозяйства с целью продажи продукции и удалённой работы значимые различия между выделенными группами территорий отсутствуют. Однако представленность данных практик гораздо ниже. В этом смысле сокращённое рабочее время вообще не было отмечено никем, что весьма закономерно в условиях нехватки трудовых ресурсов.

Оценка распространённости различных явлений в сфере занятости, %

Таблица 2

Assessment of the Prevalence of Different Phenomena in the Employment Sphere

Table 2

Вариант ответа	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
Дефицит кадров	75,0	64,7	67,7
Легальная самозанятость	65,0	47,1	38,7
Неформальная занятость (получение зарплаты «в конверте», работа без трудового договора и т.д.)	55,0	58,8	64,5
Маятниковая трудовая миграция	45,0	23,5	51,6
Сезонная занятость	45,0	52,9	74,2
Занятость во вредных и/или опасных условиях труда	40,0	11,8	6,5
Вахтовый метод работы	35,0	17,6	58,1
Ведение личного подсобного хозяйства с целью продажи продукции	35,0	29,4	38,7
Работа по специальности	30,0	23,5	19,4
Участие в профсоюзном движении	25,0	11,8	19,4
Высокая безработица	5,0	23,5	19,4
Удалённая занятость (на основе использования современных средств связи)	5,0	5,9	9,7
Неполная занятость (сокращённый день/неделя)	0,0	0,0	0,0

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

По оси «центр-периферия» особый интерес представляют отдалённые сельские поселения, находящиеся в сложном социально-экономическом положении. Именно здесь большую популярность получили маятниковая трудовая миграция

и вахтовый метод работы как реакция местных жителей на отсутствие подходящих вакансий по месту проживания. Ничего подобного в городской периферии мы не видим, хотя эксперты в равной степени оценивают угрозы высокой безрабо-

тицы. Регулярные поездки в другие населённые пункты часто наблюдаются и в агломерационной зоне, что является типичным из-за близости к региональным центрам [17]. Там же концентрируются рабочие места, предполагающие занятость во вредных и/или опасных условиях труда. Практики работы по специальности и участия в профсоюзном движении распространены не сильно и в основном характерны для крупных городов.

Результаты опроса свидетельствуют, что агломерационная зона является не только привлекательным местом для жизни, но и отличается самыми благоприятными условиями для развития сферы занятости (рисунок 3). Лучше всего обстоят

дела с инфраструктурной поддержкой, а хуже – с демографической повесткой. Примечательно, что данные факторы наряду с экономическим положением и институциональной средой, согласно мнению экспертов, не могут служить источником позитивных изменений в городской и сельской периферии. Ситуация выглядит довольно мрачно, а контрасты с агломерационной зоной слишком ощутимы. Оптимизм придают разве что относительно высокие оценки социокультурных условий, а именно – отношения населения к месту проживания, доверия друг другу и т.д. Однако использование этого резерва имеет множество ограничений и едва ли возможно само по себе, без наличия других ресурсов.

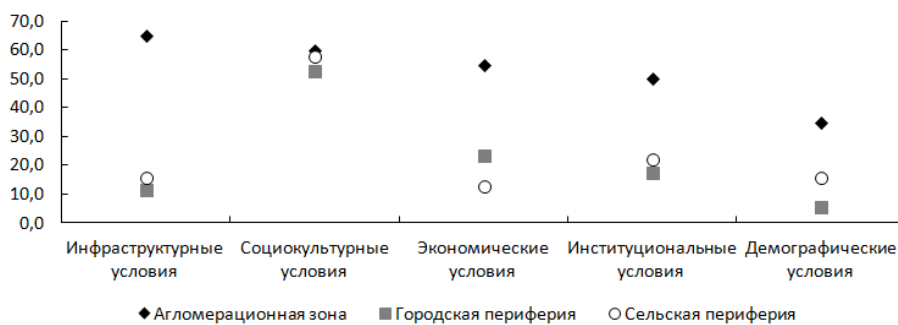

Рисунок 3. Оценка благоприятности условий для развития сферы занятости, %
Figure 3. Assessment of the Favorable Conditions for the Development of Employment, %

Исходя из этого, не удивительно, что прогнозы экспертов о перспективах наступления различных событий для рынка труда носят в основном негативный оттенок (таблица 3). Если на периферии ожидается, прежде всего, увеличение оттока молодёжи, усиление дисбаланса между спросом и предложением, повышение безработицы, то в агломерационной зоне – рост неформальной за-

нятости. Проблема поляризации рынка труда в большей степени свойственна городской местности. Принимая во внимание распределение ответов респондентов, ключевой угрозой являются именно миграционные настроения молодёжи, которые в случае реализации приведут к затуханию экономической и социальной жизни, причём не только на периферии.

Оценка перспектив наступления различных событий для рынка труда, %
Assessing the Prospects for the Occurrence of Various Events for the Labor Market, %

Вариант ответа	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
<i>Позитивные события</i>			
Рост предпринимательской активности	30,0	35,3	12,9
Распространение удалённой занятости	25,0	23,5	16,1
Создание новых высокопроизводительных рабочих мест	25,0	0,0	12,9
Повышение реального заработка	20,0	5,9	6,5
<i>Негативные события</i>			
Рост неформальной занятости	70,0	35,3	35,5
Увеличение оттока молодого населения	65,0	82,4	93,5
Усиление поляризации рынка труда (например, увеличение разрыва в зарплате)	30,0	29,4	22,6
Увеличение дисбаланса спроса и предложения на рынке труда	15,0	29,4	29,0
Рост безработицы	10,0	17,6	22,6

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

Позитивные сценарии главным образом касаются агломерационной зоны, которая, как и городская периферия, имеет определённый потенциал для роста предпринимательской активности и распространения удалённой занятости. Кроме того, в крупных городах и прилегающих к ним районах вероятно создание новых высокопроизводительных рабочих мест и повышение заработка. Однако подавляющее большинство опрошенных куда более скептически относятся к перспективам развития локальных рынков труда в обозримом будущем.

Деятельность государственной службы занятости

Предоставление различных услуг населению является одним из приоритетных направлений

деятельности государственной службы занятости. Как видно из рисунка 4, вне зависимости от места жительства люди обычно обращаются в ОЗН с целью получения статуса безработного (в т.ч. ради пособия) и реального поиска работы. Причем иерархия распределения ответов экспертов сохранена, что красноречиво свидетельствует о злободневности проблемы «профессиональных безработных» [18; 19], в особенности на периферии. Профессиональное обучение также может быть упомянуто как востребованное направление, хотя в основном это касается Вологодской и Череповецкой агломераций. Все остальные услуги играют заметно меньшую роль для населения.

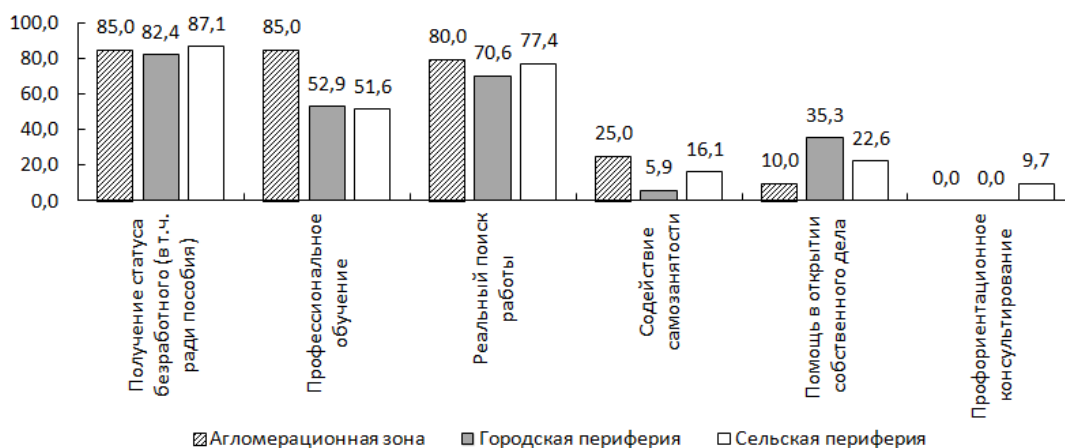

Рисунок 4. Основные причины обращения граждан в государственную службу занятости, %
Figure 4. The Main Reasons for the Appeal of Citizens to the Employment Service, %

Помимо государственной службы занятости к числу популярных каналов трудоустройства специалисты ОЗН относят рекрутинговые сайты, объявления в социальных сетях, помощь друзей и родственников, прямое обращение к работодателю (таблица 4) и т.д. И если в агломерационной зоне чаще отмечают веб-порталы поиска вакансий и карьерные мероприятия, то на периферии – объявления в СМИ. Услуги

кадровых агентств не получили широкого распространения. Интересным представляется тот факт, что только 15% опрошенных экспертов заявили о неважности наличия у соискателя цифровых компетенций для успешного трудоустройства. Остальные же сделали акцент на необходимости иметь базовый уровень или хотя бы готовность их осваивать для большинства должностей.

Оценка популярности различных каналов трудоустройства, %

Таблица 4

Assessing the Popularity of Various Employment Channels, %

Table 4

Вариант ответа	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
Сайты поиска вакансий (hh.ru, rabota.ru и т.д.)	60,0	35,3	32,3
Объявления в социальных сетях	50,0	52,9	51,6
Услуги государственной службы занятости	45,0	52,9	45,2

Окончание таблицы 4

Вариант ответа	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
Помощь друзей или родственников	45,0	52,9	54,8
Прямое обращение к работодателю	45,0	47,1	58,1
Посещение дней карьеры и иных подобных мероприятий	45,0	23,5	22,6
Объявления в СМИ (например, газеты)	30,0	47,1	38,7
Услуги кадровых агентств	0,0	0,0	6,5

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

Как показывают исследования, предлагаемые службой занятости вакансии отличаются невысоким качеством, в то время как самостоятельный поиск работы позволяет претендовать на более высокие позиции [20, с. 210]. Результаты опроса в полной мере подтверждают данный тезис (таблица 5). Среди основных причин отказа

населения от обращения в ОЗН при поиске работы – отсутствие желаемых вакансий и их невысокое качество. Такая ситуация характерна для всех выделенных групп территорий. Также каждый четвёртый-пятый эксперт указал на трудоёмкость получения услуг. Значимость иных причин несущественна.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, основные причины отказа местного населения от обращения в государственную службу занятости при поиске работы?», %

Table 5

Distribution of Answers to the Question: “What, in your Opinion, are the Main Reasons for the Refusal of the Local People to Apply to the Employment Service when Looking for a Job?”, %

Вариант ответа	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
Невысокое качество предлагаемых вакансий (например, низкие зарплаты)	65,0	58,8	58,1
Отсутствие желаемых вакансий, в т.ч. для работы по специальности	60,0	58,8	77,4
Трудоёмкость получения услуги	25,0	17,6	22,6
Неуверенность в том, что им будет оказана реальная помощь	15,0	5,9	12,9
Неудачное расположение центра занятости, неудобный график работы	15,0	0,0	16,1
Неинформированность населения о возможностях служб занятости	10,0	17,6	3,2
Желание найти работу иным путем, чтобы не тратить время впустую	5,0	17,6	16,1
Плохой имидж центра занятости	5,0	0,0	0,0
Личный негативный опыт обращения (или знакомых)	0,0	0,0	0,0

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

В отличие от местного населения взаимодействие ОЗН с работодателями носит гораздо более разнообразный характер (рисунок 5). Согласно оценкам экспертов, наибольшей востребованностью пользуются услуги подбора кандидатов на имеющиеся вакансии и оказания консультационной помощи по правовым вопросам сферы занятости. Последнее направление особенно вы-

деляется в сельской периферии. В свою очередь организация мероприятий по актуальным проблемам, ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, а также информирование о положении на рынке труда находят отклик в основном в крупных городах и прилегающих к ним районах. При этом и за их пределами такая деятельность активно ведётся.

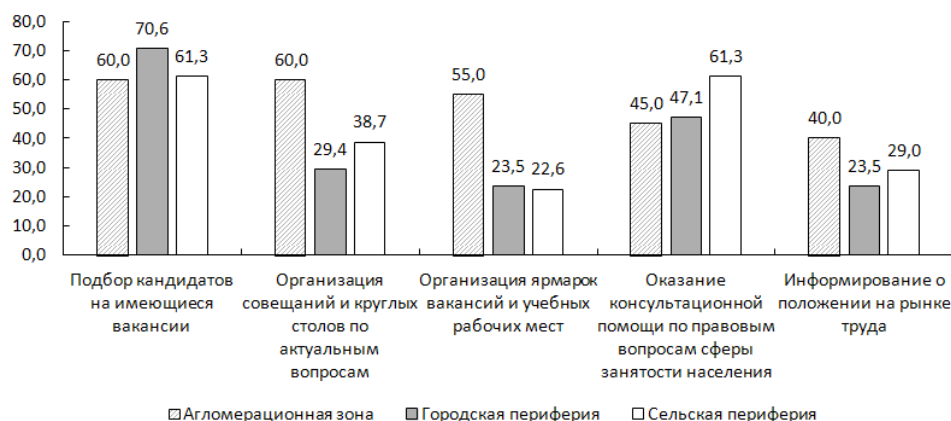

Рисунок 5. Оценка востребованности услуг, предоставляемых отделениями занятости населения, для работодателей, %

Figure 5. Assessment of the Demand for Employment Services for Employers, %

Несмотря на разнообразие представляемых услуг, в ОЗН отмечают, что эффективному взаимодействию с работодателями препятствует, прежде всего, незаинтересованность самого бизнеса (таблица 6). Объяснить такую точку зрения едва ли возможно без приведения аргументированных доводов каждой из сторон, которыми мы, увы, не обладаем. Вместе с тем, выбирая вариант ответа «другое», эксперты обозначили ряд ценных идей, в некоторой степени проливающих свет на имеющиеся проблемы. Так, многими были высказаны соображения о сложностях работы с Единой цифровой платформой «Работа в России» (регулярные сбои в системе, отсутствие доступа, трудоёмкость и сложность про-

цессов), вплоть до непринятия работодателями нововведения об электронном взаимодействии в целом. Также встречались и отдельные комментарии, согласно которым к числу барьеров можно отнести распространение неформальной занятости, бюрократическую нагрузку, отсутствие подходящих кандидатур на востребованные вакансии. Что касается территориальной специфики, то в агломерационной зоне сотрудники ОЗН чаще обращают внимание на наличие конкурентных преимуществ у рекрутинговых сайтов и агентств, а в городской и сельской периферии – на невысокий уровень информированности бизнеса о возможностях и направлениях деятельности службы занятости.

Таблица 6
Основные проблемы, препятствующие эффективному взаимодействию государственных служб занятости с работодателями, %

Table 6
The Main Challenges to Effective Interaction of Employment Services with Employers, %

Вариант ответа	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
Незаинтересованность во взаимодействии со стороны бизнеса	50,0	70,6	58,1
Наличие конкурентных преимуществ у JOB-сайтов и частных кадровых агентств	35,0	11,8	12,9
Невысокий уровень информированности работодателей о возможностях и направлениях деятельности служб занятости	10,0	23,5	22,6
Отсутствие доверия друг к другу	10,0	0,0	3,2
Имеющийся негативный опыт обращения	10,0	0,0	0,0
Неудачное расположение центра занятости, неудобный график работы	10,0	0,0	6,5
Плохой имидж центра занятости	0,0	0,0	0,0

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

Приоритетные меры по решению проблем в сфере занятости и улучшению работы государственной службы занятости

Одним из ключевых направлений по преодолению негативных тенденций в сфере занятости является создание новых рабочих мест (таблица 7). На это обратили первоочередное внимание сотрудники ОЗН, находящиеся на городской и сельской периферии Вологодской области. Кроме того, они гораздо чаще отмечали важность реализации промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов, что, по всей видимости, позволит снизить разрыв в уровне и качестве жизни по оси «центр-периферия» и, как следствие, повысить привлекательность отдалённых территорий. В свою очередь ограниченность ресурсной базы в большей степени требует развития эффективных механизмов партнёрства органов власти, бизнеса и гражданского общества. Общими для всего региона также называются меры по содействию занятости

уязвимых слоёв (инвалидов, женщин с детьми и т.д.), расширению социальной поддержки граждан, закреплению молодёжи и высококвалифицированных кадров и их семей в родных местах. Помимо этого, в агломерационной зоне делается акцент на популяризации рабочих профессий в силу концентрации крупных промышленных предприятий.

Все остальные меры не столь значимы. Среди них: развитие профессиональных образовательных программ подготовки и переподготовки кадров, совершенствование системы поддержки самозанятости и предпринимательства, усиление профориентационной работы и развитие профсоюзного движения. Отдельно бы хотелось отметить «незамеченное» предложение по повышению производительности труда. Несмотря на актуальность проблемы и заинтересованность государства в её решении, респонденты отдали предпочтение другим направлениям, что кажется весьма симптоматичным.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Каковы первоочередные меры, которые, на Ваш взгляд, необходимо предпринять для решения проблем в сфере занятости?», %

Table 7

Distribution of Answers to the Question: “What are the Priority Measures that, in your Opinion, Should Be Taken to Solve Problems in the Field of Employment?”, %

Вариант ответа	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
Создание новых рабочих мест	65,0	94,1	90,3
Организация рабочих мест для уязвимых слоёв общества (инвалидов, женщин с детьми и т.д.)	50,0	47,1	51,6
Популяризация рабочих профессий	50,0	17,6	38,7
Расширение мер социальной поддержки, закреплению молодёжи и высококвалифицированных кадров и их семей в муниципальном образовании	50,0	47,1	51,6
Развитие профессиональных образовательных программ подготовки и переподготовки кадров, в т.ч. программ развития цифровых навыков	35,0	17,6	25,8
Совершенствование программ поддержки самозанятости и предпринимательства	30,0	17,6	32,3
Реализация промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов на территории муниципального образования	20,0	58,8	61,3
Повышение производительности труда	15,0	11,8	12,9
Усиление профориентационной работы среди местной молодёжи	15,0	11,8	6,5
Развитие эффективных механизмов партнёрства органов власти, бизнеса и гражданского общества в сфере занятости	10,0	35,3	22,6
Развитие профсоюзного движения	5,0	17,6	9,7

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

Нельзя обойти стороной и рекомендации по улучшению работы государственной службы занятости как одного из ключевых институтов регулирования рынка труда. Будучи непосредственно вовлечёнными в деятельность ОЗН, эксперты заявили о необходимости обеспечения благоприятных условий труда (таблица 8). Прежде всего, подчеркивалась важность увеличения заработной платы сотрудников, величина которой заметно ниже средней по региону, вплоть до уровня МРОТ. Также высказывались предложения о расширении социальных гарантий (например,

таблица 8). Прежде всего, подчеркивалась важность увеличения заработной платы сотрудников, величина которой заметно ниже средней по региону, вплоть до уровня МРОТ. Также высказывались предложения о расширении социальных гарантий (например,

частичная компенсация санаторно-курортного лечения). Всё это позволит повысить социальное самочувствие и квалификацию сотрудников, снизить текучесть кадров и т.д., что в конечном итоге позитивно скажется на качестве и объёме предоставляемых услуг. Аналогичных эффектов можно ожидать и при сокращении бюрократической нагрузки и административных операций, ставшими

серьёзной проблемой на периферии. Причины этого могут быть связаны со скромным штатом сотрудников (порой буквально до нескольких человек), недостаточным для комфортной работы. Нередко возникают ситуации, когда один сотрудник ОЗН выполняет множество самых разных функций.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос: «Какие действия, с Вашей точки зрения, необходимо предпринять для улучшения работы государственной службы занятости?», %

Table 8

Distribution of Answers to the Question: “What Actions, in your Opinion, Should Be Taken to Improve the Work of the Employment Service?”, %

Вариант ответа	Агломерационная зона	Городская периферия	Сельская периферия
Улучшение условий труда	60,0	94,1	74,2
Оптимизация процесса предоставления услуг на основе внедрения цифровых технологий	35,0	17,6	29,0
Сокращение бюрократической нагрузки и административных операций	35,0	70,6	71,0
Повышение компетентности сотрудников	30,0	11,8	19,4
Формирование позитивного имиджа службы занятости	30,0	23,5	19,4
Повышение информированности о направлениях деятельности службы занятости	25,0	11,8	9,7
Кардинальная модернизация службы занятости	25,0	29,4	19,4
Адаптация форм и инструментов поддержки для конкретных групп безработных	15,0	5,9	0,0
Обеспечение эффективного профилирования безработных	5,0	0,0	3,2

Примечание: ранжировано по второму столбцу.

Не получившая широкого отклика мера по оптимизации процесса предоставления услуг на основе внедрения цифровых технологий, в большей степени характерная для агломерационной зоны, приобретает новые смыслы в дополнительных ответах респондентов. В них упоминаются проблемы, связанные со стабильностью работы порталов «Работа в России» и «Госуслуги», качеством интернет-подключения и производительностью компьютерной техники, что касается не только сотрудников ОЗН, но и простых граждан (потребителей услуг). Среди оставшихся направлений можно выделить повышение информированности о деятельности службы занятости, формирование её позитивного имиджа и кардинальную модернизацию в целом. Все они сопряжены с масштабными изменениями последних лет, когда на месте сложившихся структур открываются современные кадровые центры. В Вологодской области такая работа ведётся с 2019 года³. При этом, как мы видим, основные сложности имеют весьма злободневный характер.

³ Реализация мероприятия по повышению эффективности службы занятости населения Вологодской области в рамках регионального проекта «Содействие занятости» // Интерактивный портал службы занятости населения Вологодской области: [сайт]. URL: <https://czn.gov35.ru/News/Detail/ec9e36def7c8-458f-bf01-530651eb343b> (дата обращения: 04.08.2023)

Заключение

Таким образом, проведённый анализ позволил погрузиться в специфику социально-трудовых отношений по оси «центр-периферия». Гипотеза исследования нашла своё подтверждение на данных экспертного опроса специалистов отделений занятости населения Вологодской области. Полученные результаты служат наглядным отражением того, как при удалении муниципальных образований от мест притяжения ресурсов происходит стремительное сокращение возможностей для реализации трудовых и жизненных планов. По всем рассмотренным пунктам агломерационная зона находится в более выигрышном положении, чем городская и сельская периферия. Худшие оценки наблюдаются разве что по показателям безопасности жизни и благоприятной экологической обстановки. Однако и здесь ситуация далека от идеальной. На фоне повсеместной проблемы дефицита кадров эксперты описывают будущее локальных рынков труда преимущественно сквозь призму негативных сценариев (прежде всего, рост неформальной занятости и увеличение оттока молодёжи). И если в Вологодской и Череповецкой агломерациях созданы от-

носителем благоприятные условия для развития сферы занятости, за исключением демографического фактора, то отдалённые территории положительно отличаются только социокультурными ценностями.

Во всём многообразии происходящих процессов большая роль отводится государственной службе занятости. В её районных отделениях проводится постоянная работа по взаимодействию с местными жителями, которое, как правило, ограничивается вопросами получения статуса безработного и трудоустройства. При этом поиск работы таким путём выбирают далеко не многие из-за отсутствия желаемых вакансий и их невысокого качества. Другие причины обращений в ОЗН встречаются гораздо реже, хотя в агломерационной зоне популярностью также пользуются программы профессионального обучения. В свою очередь деловые отношения с работодателями раскрываются по широкому спектру направлений, где на первый план выходят услуги подбора кандидатов на имеющиеся вакансии и оказания консультационной помощи. В крупных городах и прилегающих к ним районах находят отклик организация мероприятий по актуальным проблемам, ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, информирование о положении на рынке труда. В этом случае показатели по периферии ниже, но не сильно. Эффективному взаимодействию, по мнению опрошенных, препятствует незаинтересованность со стороны бизнеса и, в меньшей степени, наличие конкурентных преимуществ у рекрутинговых сайтов. Здесь нельзя не отметить сложности в работе с Единой цифровой платформой «Работа в России».

На вопрос, что же делать для решения проблем в сфере занятости, эксперты оказались солидарны в необходимости создания новых рабочих мест, в т.ч. для уязвимых слоёв, а также в расширении мер социальной поддержки по закреплению

молодёжи и высококвалифицированных кадров. В то же время на периферии особое внимание уделяется реализации промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов и развитию эффективных механизмов социально-го партнерства, а в агломерационной зоне – популяризации рабочих профессий. Нельзя обойти стороной и проблематику функционирования государственной службы занятости, в районных отделениях которой сложилась напряжённая ситуация с обеспечением благоприятных условий труда и высокой бюрократической нагрузкой. Учитывая небольшой штат сотрудников, это может негативно сказываться на качестве и объёме предоставляемых услуг. Отсюда и важность продолжения начатых несколько лет назад модернизационных преобразований, которые должны повысить эффективность и привлекательность отделений занятости населения. В этом ключе нельзя оставлять без внимания и возможность проведения социальных экспериментов, например, по улучшению взаимодействия с малым и средним бизнесом [21].

Полученные результаты могут быть использованы федеральными и региональными органами власти для совершенствования социально-экономической политики с целью преодоления дисбалансов пространственного развития. Получение более объёмной картины и отслеживание динамики происходящих изменений требуют усиления работы всех заинтересованных сторон по сбору и публикации актуальной информации на муниципальном уровне, что и станет ориентиром в наших дальнейших исследованиях за счёт изучения мнения местных жителей, представителей госструктур и бизнеса. Всё это будет способствовать лучшему пониманию проблем и перспектив развития локальных территорий.

Список литературы

1. Hudson R. Rising powers and the drivers of uneven global development // *Area Development and Policy*. 2016. Vol. 1. No. 3. P. 279–294. <https://doi.org/10.1080/23792949.2016.1227271>
2. Изотов Д.А. Новая экономическая география: границы возможностей // *Пространственная экономика*. 2013. № 3. С. 123–160. EDN SBPPKF
3. Захарова Е.А., Давыдов Д.В., Земцова Е.М. Новая экономическая география: тридцать лет спустя // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2023. Т. 39. № 1. С. 127–155. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.106>; EDN NUYKPT.
4. Короленко А.В. Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // *Проблемы развития территории*. 2023. Т. 27. № 1. С. 47–75. <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.1.123.4>; EDN WKKITH
5. Зубаревич Н.В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 57–70. <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7>; EDN YZPHNX

6. Горина Е.Е. Служба занятости: проблемы формирования и оптимизация функционирования // Регионология. 2010. № 2(71). С. 176–186. EDN MSXJN
7. Лежнева Ю.А. Объективные трудности в работе центров занятости населения // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 255–262. EDN PAAGJT
8. Галынис К.И. Экспертная оценка методики профилирования безработных граждан в Забайкальском крае // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 107(4). С. 87–94. EDN SDHPZB
9. Нефедьева Е.И., Седых О.Г., Тарабан О.В. Эксперты о предпринимательской деятельности как альтернативной форме занятости инвалидов // Социологические исследования. 2021. № 11. С. 73–78. <https://doi.org/10.31857/S013216250012422-7>. EDN AEOSYI
10. Щепетков С.С. Биржа труда как канал трудоустройства на региональном рынке труда (по материалам опроса специалистов центров занятости г. Челябинска) // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2016. № 33(2). С. 193–197.
11. Долженко Р., Долженко С., Антонов Д. Роль и возможности служб занятости региона (взгляд стейкхолдеров Свердловской области) // ЭКО. 2023. № 53(6). С. 152–176. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-6-152-176>; EDN OYXCFI
12. Andersen T., Feiler L., Schulz G. The role of employment service providers. Guide to anticipating and matching skills and jobs. Vol. 4. European Centre for the Development of Vocational Training & International Labour Office: Publications Office of the European Union, 2015. 127 p. <https://doi.org/10.2816/816485>
13. Stephens D., Hamblin Y. Employability skills: are UK LIM departments meeting employment needs? The results of a survey of employment agencies identifies gaps in UK LIM curricula in the UK // New Library World. 2006. Vol. 107(5/6). P. 218–227. <https://doi.org/10.1108/03074800610665211>
14. Wiesböck L. A preferred workforce? Employment practices of East-West cross-border labour commuters in the Central European Region // Österreich Z Soziol. 2016. Vol. 41. P. 391–407. <https://doi.org/10.1007/s11614-016-0245-3>
15. Кожевников С.А. Агломерационные процессы на Европейском Севере России: опыт Вологодской области // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 718–741. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741>; EDN YQJHCP
16. Попов А.В., Соловьева Т.С. Перспективы занятости населения России по оси «центр-периферия» (на примере Вологодской области) // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 47–59. <https://doi.org/10.31857/S013216250027366-5>; EDN QSZXOO
17. Martinus K., Suzuki J., Bossaghzadeh S. Agglomeration economies, interregional commuting and innovation in the peripheries // Regional Studies. 2020. Vol. 54. No. 6. P. 776–788. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1641592>
18. Оценка готовности работодателей к страхованию от безработицы: научная аналитика на основе изучения мнения / Е.В. Ганебных, Н.К. Савельева, А.А. Созинова, О.В. Фокина, Т.А. Бурцева, В.И. Беспятовых // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 12. С. 1621–1638. <https://doi.org/10.18334/et.8.12.113946>; EDN PPRSOW
19. Локтюхина Н.В., Феоктистова О.А. Совершенствование организационной и финансовой моделей содействия занятости в России // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 4. С. 29–45. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-4-29-45>; EDN ZYZKQV
20. Гильтман М.А., Мерзлякова А.Ю., Антосик Л.В. Выход из зарегистрированной безработицы: оценка влияния индивидуальных характеристик // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 193–219. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-193-219>; EDN QJUOOF
21. Algan Y., Crépon B., Glover D. The Value of a Vacancy: Evidence from a Randomized Evaluation with Local Employment Agencies in France. J-PAL working paper, 2020. 60 p. URL: https://www.povertyactionlab.org/sites/default/files/research-paper/5484_Active-Labor-Markets-Evidence-from-Public-Service-France_January2020.pdf (дата обращения: 25.09.2023).

Информация об авторе:

Андрей Васильевич Попов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия
(e-mail: ai.popov@yahoo.com) (РИНЦ Author ID: 633023) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>) (ResearcherID: I-8785-2016)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Hudson R. Rising powers and the drivers of uneven global development. *Area Development and Policy*. 2016;1(3):279–294. 10.1080/23792949.2016.1227271
2. Izotov D.A. New Economic Geography: the Possibilities and Restrictions. *Prostranstvennaya Ekonomika=Spatial Economics*. 2013;(3):123–160. (in Russ.)
3. Zakharova E., Davydov D., Zemtsova E. New economic geography: Thirty years later. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika=St Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2023;39(1):127–155. (in Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu05.2023.106>

4. Korolenko A.V. Spatial transformations of Russia's territories: Trends and regional differences in resettlement. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*. 2023;27(1):47-75. (in Russ.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2023.1.123.4>
5. Zubarevich N. Inequality of regions and large cities of Russia: what was changed in the 2010s? *Obshchestvennye nauki i sovremennost=Social Sciences and Contemporary World*. 2019;(4):57-70. <https://doi.org/10.31857/S086904990005814-7>. (in Russ.)
6. Gorina E.E. Employment service: formation and optimisation of functioning. *Regionologiya=Russian Journal of Regional Studies*. 2010;(2(71)):176-186. (in Russ.)
7. Lezhneva Yu.A. Objective difficulties in work of the centers of employment of the population. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya=Modern Problems of Science and Education*. 2012;(3):255-262. (in Russ.)
8. Galynis K. Expert estimation methods of profiling the unemployed in Zabaikalsky Kray. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta=Transbaikal State University Journal*. 2014;(4(107)):87-94. (in Russ.)
9. Nefedyeva E.I., Sedykh O.G., Taraban O.V. Experts on Entrepreneurship as an Alternative Form of Employment for Disabled People. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2021;(11):73-78. (in Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250012422-7>
10. Shchepetkov S.S. The labor exchange as a channel for employment in the regional labor market (based on a survey of specialists from employment centers in Chelyabinsk). *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya=Economics and Management in the 21st Century: Development Trends*. 2016;33(2):193-197. (in Russ.)
11. Dolzhenko R., Dolzhenko S., Antonov D. The Role and Opportunities of Regional Employment Services (Sverdlovsk Region's Stakeholders' View). *EKO=ECO Journal*. 2023;53(6):152-176. (in Russ.) <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-6-152-176>
12. Andersen T., Feiler L., Schulz G. The role of employment service providers. Guide to anticipating and matching skills and jobs. Volume 4. European Centre for the Development of Vocational Training & International Labour Office: Publications Office of the European Union; 2015. 127 p. <https://doi.org/10.2816/816485>
13. Stephens D., Hamblin Y. Employability skills: are UK LIM departments meeting employment needs? The results of a survey of employment agencies identifies gaps in UK LIM curricula in the UK. *New Library World*. 2006;107(5/6):218-227. <https://doi.org/10.1108/03074800610665211>
14. Wiesböck L. A preferred workforce? Employment practices of East-West cross-border labour commuters in the Central European Region. *Österreich Z Soziol*. 2016;41:391-407. <https://doi.org/10.1007/s11614-016-0245-3>
15. Kozhevnikov S.A. Agglomeration Processes in the European North of Russia: Experience of the Vologda Region. *Regionologiya=Regionology*. 2018;26(4):718-741. (in Russ.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.718-741>
16. Popov A.V., Soloveva T.S. Employment prospects for the population of Russia along the center-periphery axis (the case of Vologda region). *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Research*. 2023;(8):47-59. (in Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250027366-5>
17. Martinus K., Suzuki J., Bossaghzadeh S. Agglomeration economies, interregional commuting and innovation in the peripheries. *Regional Studies*. 2020;54(6):776-788. <https://doi.org/10.1080/00343404.2019.1641592>
18. Ganebnyh E.V., Saveleva N.K., Sozinova A.A., Fokina O.V., Burtseva T.A., Bespyatyh V.I. Assessment of employers' readiness for unemployment insurance: scientific analysis based on the opinion survey. *Ekonomika truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2021;8(12):1621-1638. (in Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.8.12.113946>
19. Loktyuhina N.V., Feoktistova O.A. Improving the organizational and financial models of employment assistance in Russia. *Finansovyy zhurnal=Financial Journal*. 2022;14(4):29-45. (in Russ.) <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2022-4-29-45>
20. Giltman M., Merzlyakova A., Antosik, L. Analysis of exit from registered unemployment: Opportunities for forming an active regional policy in the labor market. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya=Public Administration Issues*. 2022;(1):193-219. (in Russ.) <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-193-219>
21. Algan Y., Crépon B., Glover D. The Value of a Vacancy: Evidence from a Randomized Evaluation with Local Employment Agencies in France. J-PAL working paper; 2020. 60 p. URL: https://www.povertyactionlab.org/sites/default/files/research-paper/5484_Active-Labor-Markets-Evidence-from-Public-Service-France_January2020.pdf (accessed: 25.09.2023).

Information about the author:

Andrei V. Popov – PhD in Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia (e-mail: ai.popov@yahoo.com) (РИНЦ Author ID: 633023) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4803-1354>) (ResearcherID: I-8785-2016)
The author declare no conflict of interest.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 26.09.2023; accepted for publication 01.12.2023

Оригинальная статья

УДК 331.5

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_5_529_541

EDN NPDOEE

Занятость молодёжи в экономике Воронежской области: актуальные проблемы и перспективные направления их решения

Екатерина Сергеевна Дашкова¹, Наталья Васильевна Дорохова², Анастасия Александровна Сьянова³

^{1,2,3} Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия

¹ (dashkova-82@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7323-0788>)

² (nv_dorohova@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7092-2623>)

³ (soc@hist.vsu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9270-8094>)

Аннотация

Статья посвящена исследованию актуальных проблем занятости молодёжи в одном из регионов Российской Федерации – Воронежской области. В результате ретроспективного анализа были выявлены этапы и особенности развития сферы занятости молодёжи в постсоветский период. На основе анализа статистических данных установлено, что в регионе сложилась напряжённая ситуация, обусловленная существенным сокращением численности молодёжи, а также её доли в общей численности занятого населения и безработных. По результатам социологического опроса выявлены особенности и проблемы трудоустройства и занятости молодёжи в Воронежской области. Положительными моментами исследуемой проблематики являются: высокий уровень удовлетворённости качеством полученного образования, предпочтение молодыми работниками стандартной занятости, эффективность института наставничества, активная и эффективная деятельность профсоюзных организаций Воронежской области в вопросах организации работы с молодёжью. В числе проблем выделены: недостаточные масштабы профориентационных мероприятий, «дискриминация» по опыту работы при трудоустройстве, низкий уровень заработной платы. В качестве перспективных направлений нивелирования проблем, выявленных по результатам исследования, обоснованы: совершенствование и повышение эффективности профориентационной работы на основе разработки и внедрения инновационных методик, отличающихся широким использованием современных информационно-коммуникационных технологий и учитывающих специфику ценностных ориентиров «поколения Z» и «поколения Альфа»; повышение инвестиционной привлекательности региональной экономики и создание новых высокотехнологичных рабочих мест с целью «удержания» молодёжи в регионе, а также привлечение талантливой молодёжи из других регионов и стран; разработка и реализация инструментария финансового и нефинансового стимулирования работодателей к увеличению оплаты труда молодых работников; распространение практики субсидирования трудоустройства молодёжи.

Ключевые слова: занятость населения, профориентация, трудоустройство, молодёжь, занятость молодёжи, профсоюз, Воронежская область

Для цитирования: Дашкова Е.С., Дорохова Н.В., Сьянова А.А. Занятость молодёжи в экономике Воронежской области: актуальные проблемы и перспективные направления их решения // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 4. С. 529–541. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_5_529_541; EDN NPDOEE

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_5_529_541

EDN NPDOEE

Youth Employment in the Economy of the Voronezh Region: Actual Problems and Promising Directions of their Solution

Ekaterina S.Dashkova¹, Natalia V.Dorokhova², Anastasia A. Syanova³

^{1,2,3} Voronezh State University, Voronezh, Russia

¹ (dashkova-82@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7323-0788>)

² (nv_dorohova@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7092-2623>)

³ (soc@hist.vsu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9270-8094>)

Abstract

The article is devoted to the study of current problems of youth employment in one of the regions of the Russian Federation – the Voronezh region. As a result of a retrospective analysis, the stages and features of the development of youth employment in the post-Soviet period were identified. Based on the analysis of statistical data, it was found that a tense situation has developed in the region due to a significant reduction in the number of young people, as well as their share in the total number of employed and unemployed. According to the results of a sociological survey, the features and problems of youth employment and employment in the Voronezh region have been identified. The positive aspects of the studied issues are: a high level of satisfaction with the quality of education received, preference for standard employment by young workers, the effectiveness of the mentoring institute, active and effective activity of trade union organizations of the Voronezh region in organizing work with young people. Among the problems highlighted are: insufficient scale of career guidance activities, "discrimination" based on work experience in employment, low wages. As promising areas of leveling the problems identified by the results of the study, the following are justified: improving and increasing the effectiveness of career guidance based on the development and implementation of innovative methods, characterized by the extensive use of modern information and communication technologies and taking into account the specifics of the value orientations of "generation Z" and "generation Alpha"; increasing the investment attractiveness of the regional economy and creating new high-tech jobs in order to "retain" young people in the region, as well as attracting talented youth from other regions and countries; developing and implementing tools for financial and non-financial incentives for employers to increase the wages of young workers; spreading the practice of subsidizing youth employment, including non-profit organizations, and individual entrepreneurs.

Keywords: employment, career guidance, employment, youth, youth employment, trade union, Voronezh region

For citation: Dashkova ES, Dorokhova NV, Syanova AA. Youth Employment in the Economy of the Voronezh Region: Actual Problems and Promising Directions of their Solution. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):529–541. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_5_529_541

Введение

Вопросы занятости молодёжи остаются острыми и актуальными на протяжении всего постсоветского периода развития экономики Российской Федерации, однако на различных его этапах они имели свою специфику. Так, в 90-е годы XX века в результате глубочайшего системного кризиса и масштабного сокращения рабочих мест, резко возросла молодёжная безработица, которая достигла своего максимума в 1998 г. и составила 45,7 % в возрастной группе до 20 лет, 22,8% – в группе 20–24 лет и 14,2% – в группе 25–29 лет¹. Кроме того, обострилась проблема «утечки умов», молодёжь активно стала вовлекаться в теневую и криминальную занятость, существенно трансформировались профессиональные предпочтения молодёжи.

В период с 2000 гг. и до момента начала пандемии COVID-19 проблемы занятости молодёжи имели следующие проявления: усилился дисбаланс рынка труда и рынка образовательных услуг, зародившийся в 90-е годы, и, как следствие, возник дефицит рабочих и инженерных профессий; существенно снизилось качество приобретённых профессиональных компетенций, что обусловлено высокой мотивацией среди молодёжи к получению документа об образовании, а не соответствующих знаний, умений и навыков, и в результате чего упала конкурентоспособность молодых людей на рынке труда; возросла вовлечённость молодёжи в нестандартную занятость, что отрицательно сказалось на её правовой и социальной защищённости.

Период с начала коронавирусной пандемии и по настоящее время характеризуется фундаментальными преобразованиями во всех сферах жизнедеятельности общества, что отражается, в том числе, на занятости молодёжи. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий привело к масштабному распространению дистанционной и платформенной занятости среди молодёжи, росту популярности в молодёжной среде «интернет-профессий». Начало специальной военной операции привело к активизации миграционных процессов, прежде всего среди молодых специалистов IT-сферы и работников иностранных компаний, и, как следствие, к усилению дефицита на рынке труда. Важно отметить, что в настоящее время специфика проб-

лем занятости молодёжи определяется вступлением в социально-трудовые отношения нового поколения Z, отличающегося восприятием мира и окружающей действительности сквозь призму Интернет-пространства, отсутствием интереса к получению фундаментального образования, нежеланием трудиться в условиях стандартной занятости, стремлением к отдыху и удовольствию.

Обозначенная траектория развития сферы занятости молодёжи с присущими ей проблемами существенно дифференцирована в региональном разрезе. Исследование региональной специфики проблем в сфере труда и занятости молодёжи, изучение её социально-экономических ориентаций даёт возможность сформулировать актуальные направления совершенствования молодёжной политики в социально-трудовой сфере. Соглашаясь с позицией Ведехина А.Ю., эффективность принимаемых решений, направленных на регулирование молодёжной занятости, во многом предопределяет характер дальнейшего развития экономики страны².

Целью данной статьи является исследование современного состояния и динамики развития сферы занятости молодёжи в региональном разрезе и разработка комплекса рекомендаций, направленных на нивелирование выявленных по результатам анализа проблем. В соответствии с целью был решен ряд задач, предполагающий проведение ретроспективного анализа основных этапов развития сферы занятости в Российской Федерации; обоснование теоретико-методологического базиса исследования; разработка и практическая реализация эмпирического инструментария исследования особенностей и проблем трудоустройства и занятости молодёжи в Воронежской области; анализ полученных на основании эмпирического исследования результатов и разработка рекомендаций по нивелированию выявленных проблем. Объектом исследования выступает сфера занятости молодёжи, предметом – совокупность социально-трудовых отношений, возникающих в процессе трудоустройства и занятости молодёжи. Гипотеза исследования состоит в том, что молодёжь в процессе трудоустройства и занятости сталкивается с широким спектром проблем, в числе которых как «традиционные» (низкая заработная плата и неэффективная про-

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России, 2002 // Росстат: [сайт]. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B02_61/IssWWW.exe/Stg/d010/i010600r.htm (дата обращения: 10.06.2023).

² Ведехин А.Ю. Совершенствование процесса содействия занятости молодёжи : дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Ведехин Александр Юрьевич; науч. рук. Ю.В. Герций; ВНИИ Труда. Москва, 2022. 159 с.

форентация), так и специфические проблемы, обусловленные реалиями современного этапа социально-экономического развития.

Основные теоретические положения и методический инструментарий

Теоретической основой данного исследования выступают современные труды зарубежных (Р. Буае, Г. Стэндинг [6], Т. Вильтхаген, Ф. Трос [7]) и отечественных (В.Н. Бобков [8], Е.Я. Варшавская [9], В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников [10], Р.П. Колосова, Т.О. Разумова [11], О.А. Колесникова [12], Л.А. Костин [13], Л.В. Санкова [14], М.В. Симонова [15], А.А. Федченко [16] и др.) учёных в области рынка труда, занятости и безработицы.

Акцент на изучение проблем молодёжной занятости сделан в работах Г. Бертола, Ф. Блау, Л. Кана [17], которые исследуют особенности положения молодёжи на рынке труда стран ОЭСР и обосновывают целесообразность объединения представителей данной демографической группы в профсоюзы для отстаивания их интересов и укрепления их позиции на рынке труда. Также в своих работах Г. Мартин [18] проводит межстрановой сравнительный анализ занятости и безработицы среди молодёжи и доказывает влияние на их показатели демографического и образовательного факторов. Богаченко Е.Д.³, Ведехин А.Ю.⁴, Вишневская Н.Г.⁵, Вязова Н.С.⁶, Гневашева В.А.⁷, Полищук Е.А.⁸ и др. исследуют особенности занятости и безработицы среди молодежи Российской Федерации, изучают тенденции развития и специфику молодёжного сегмента рынка труда, а также анализируют перспективы государственного регулирования и поддержки занятости молодёжи. Левина Е.В. и Дудин М.Н. акцентируют внимание на влиянии про-

цесса цифровизации и распространения сетевых технологий на занятость молодёжи [1], Леушкина В.В. изучает занятость данной демографической группы в разрезе сельской и городской местности [2], Забелина О.В., Асалиев А.М. и Дружинина Е.С. предлагают направления совершенствования политики поддержки занятости молодёжи [3], Бочаров В.Ю., Гаврилюк В.В., Гильтман М.А. проанализировали особенности занятости такой группы молодёжи, как «новый рабочий класс» [4], Вередюк О.В., Черных Е.А. исследовали особенности поведенческих установок поколения Z на рынке труда [5]. Большое внимание исследователи уделяют проблемам занятости молодёжи в отдельных регионах нашей страны. Так, Маслова Е.В.⁹ исследует охват молодёжи Воронежской области различными формами нестандартной занятости, Звездинская А.В.¹⁰ акцентирует внимание на повышении конкурентоспособности безработной молодёжи на рынке труда этого региона, гендерные аспекты занятости молодёжи в Воронежской области изучает Зенкова О.А.¹¹. Однако, до настоящего времени недостаточно изученными остаются проблемы трудоустройства молодёжи в Воронежской области, а также специфика занятости данной демографической группы в современных условиях, чему и посвящено данное исследование.

В рамках данного исследования под занятостью мы понимаем: «совокупность экономических отношений между людьми по поводу: обеспечения населения рабочими местами и его участия в хозяйственной деятельности; формирования, распределения и перераспределения трудовых ресурсов для участия в общественно полезном труде; обеспечения расширенного воспроизводства рабочей силы»¹².

Под молодёжью, согласно законодательству Российской Федерации, понимается «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, ... имеющих гражданство Российской Федерации»¹³.

⁹ Маслова Е.В. Регулирование нестандартной занятости населения в Российской Федерации: теоретико-методологические и практические вопросы: дис. ... д-ра эк. наук: 08.00.05 / Маслова Елена Валерьевна; ВНИИ Труда. Москва, 2018. 414 с.

¹⁰ Звездинская А.В. Управление повышением конкурентоспособности безработной молодежи в регионе : дис. ... канд. эк. наук : 08.00.05 / Звездинская Анна Владимировна; науч. рук. О.А. Колесникова; ВГУ. Воронеж, 2013. 232 с.

¹¹ Зенкова О.А. Рост занятости женщин как направление снижения гендерной асимметрии на рынке труда: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Зенкова Олеся Андреевна; науч. рук. О.А. Колесникова; ВГУ. Воронеж, 2021. 257 с.

¹² Дорохова Н.В. Трансформация форм занятости населения в современной экономике Российской Федерации: теория, методология, практика: дис. ... д-ра эк. наук: 08.00.05 / Дорохова Наталья Васильевна; ВНИИ Труда. Москва, 2020. С. 42.

¹³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ "О молодёжной политике в Российской Федерации". URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Богаченко Е.Д. Реализация принципов достойного труда в сфере занятости молодёжи: дис. ... канд. эк. наук : 08.00.05 / Богаченко Екатерина Дмитриевна; науч. рук. Л.В. Санкова; ВГУ. Воронеж, 2017. 235 с.

⁴ Ведехин А.Ю. Совершенствование процесса содействия занятости молодёжи: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Ведехин Александр Юрьевич; науч. рук. Ю.В. Герций; ВНИИ Труда. Москва, 2022. 159 с.

⁵ Вишневская Н.Г. Формирование конъюнктуры молодёжного сегмента рынка труда в современной России: дис. ... д-ра эк. наук: 08.00.05 / Вишневская Нина Геннадьевна; ВНИИ Труда. Москва, 2019. 366 с.

⁶ Вязова Н.С. Формирование механизма управления занятостью молодёжи на основе использования потенциала человеческого капитала: дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05 / Вязова Наталья Сергеевна; науч. рук. Т.И. Безденежных; СПбГЭУ. Санкт-Петербург, 2021. 151 с.

⁷ Гневашева В.А. Развитие молодёжного сегмента рынка труда на основе формирования профессиональных компетенций через систему высшего профессионального образования: дис. ... д-ра эк. наук: 08.00.05 / Гневашева Вера Анатольевна; Всероссийский центр уровня жизни. Москва, 2012. 362 с.

⁸ Полищук Е.А. Регулирование рынка труда молодёжи : теория, методология, практика: дис. ... д-ра эк. наук: 08.00.05 / Полищук Елена Анатольевна; Орлов. гос. аграр. ун-т им. Н.В. Парахина. Симферополь, 2018. 446 с.

Соответственно, под занятостью молодёжи считаем целесообразным понимать совокупность экономических отношений по поводу обеспечения молодёжи (население в возрасте от 14 до 35 лет включительно) рабочими местами и её участия в процессе общественного воспроизводства.

Методическую основу данного исследования составила совокупность общенаучных методов (дедукция, индукция, анализ и синтез, научное абстрагирование и др.), а также методы экономико-статистического анализа и социологического опроса.

Социологический опрос, целью которого выступило выявление особенностей и проблем трудоустройства и занятости молодёжи в Воронежской области, был проведён посредством раздаточного анкетирования. Для проведения опроса была спроектирована репрезентативная выборка молодёжи в возрасте от 19 до 35 лет, основанная на данных Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. Объём выборки исследования составил 427 человек. В возрасте 19–23 лет опрошено 13,3%, 24–29 лет – 45,2%, 30–35 лет – 41,5% респондентов, распределение по полу: 51,3% – мужчин и 48,7% – женщин. Дополнительно в интересах Союза «Воронежского областного объединения организаций профсоюзов» в ряде хозяйствующих

субъектов региона, в том числе в таких крупных компаниях как: Нововоронежская АЭС, Филиал Публичного акционерного общества «Авиационный комплекс им. С.В. Ильюшина» – ВАСО, АО «Минудобрения», ПАО «Ростелеком», АО «Воронежсинтезкаучук» (СИБУР) в анкетирование был добавлен блок, связанный с ролью деятельности профсоюза в вопросах занятости. Цель социологического исследования определила необходимость решения следующих задач:

- выявление проблем, возникающих у молодёжи на этапе трудоустройства;
- изучение проблем занятости молодых работников организаций Воронежской области;
- оценка с позиции молодых работников деятельности профсоюзных организаций в части реализации молодёжной политики.

В соответствии с поставленными задачами был структурирован инструментарий исследования, в качестве которого выступала анкета.

Результаты исследования

Согласно статистическим данным, численность молодёжи в Воронежской области в абсолютном и относительном выражении за последние десять лет изменялась следующим образом (таблица 1).

Таблица 1

Динамика показателей численности молодёжи в возрасте 15–34 года за период с 2013 по 2022 гг.

Table 1

Dynamics of Indicators of the Number of Young People Aged 15–34 Years for the Period from 2013 to 2022

Показатели	Годы									
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Численность молодёжи в возрасте 15–34 года, тыс. чел.	653,8	643,3	633,1	621,2	609,1	596,1	578,8	563,8	542,2	525,1
Доля молодёжи возрастной группы 15–34 года в общей численности населения, %	28	28	27	27	26	26	25	24	24	23

Источник: составлено авторами на основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области.

Из представленных данных следует, что в анализируемом периоде отмечается устойчивая тенденция сокращения численности населения в возрасте 15–34 года. В абсолютном выражении численность молодёжи уменьшилась на 128,7 тыс. чел., в относительном сокращение составило 19,7%. Имеет место проблема сокращения доли молодёжи в общей численности населения региона (на 5 п.п.). Важно отметить, что показатель численности населения в Воронежской области в исследуемом периоде также уменьшается. Данная ситуация, на наш взгляд, обусловлена не только

демографическими факторами, но и миграционными процессами, связанными с перемещением молодых людей в более привлекательные для них в плане карьерных и зарплатных ожиданий регионы (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Московская область и др.).

Анализ показателей доли молодёжи в общей численности занятого населения и в общей численности безработных осуществлялся в возрастной группе 15–29 лет, что обусловлено используемой Росстатом методикой расчёта (таблица 2).

Таблица 2

Динамика показателей доли молодёжи в общей численности занятого населения и в общей численности безработных за период с 2013 по 2021 гг., в %

Table 2

Dynamics of Indicators of the Share of Youth in the Total Number of Employed Population and in the Total Number of Unemployed for the Period from 2013 to 2021, in %

Показатели	Годы								
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Доля молодёжи возрастной группы 15–29 лет в общей численности занятого населения	23,0	22,2	22,1	19,5	19,6	18,5	17,4	16,6	15,6
Доля молодёжи возрастной группы 15–29 лет в общей численности безработных	36,0	32,5	30,0	25,8	22,7	23,6	28,6	28,5	22,3

Источник: составлено авторами на основе данных Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Воронежской области.

Исходя из статистических данных, можно констатировать сокращение доли молодёжи как в общей численности занятого населения (на 7,4 п.п.), так и в общей численности безработных (на 13,7 п.п.).

По нашему мнению, сложившаяся в регионе ситуация является опасной как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, поскольку приводит к снижению трудового потенциала региона, а, следовательно, препятствует устойчивому развитию экономики Воронежской области.

Использование социологического инструментария позволило более глубоко и качественно

изучить проблемы трудоустройства и занятости молодых работников в регионе. Рассмотрим полученные результаты.

Первый блок «Проблемы трудоустройства молодёжи» охватил вопросы, связанные с профессиональной ориентацией, качеством полученного образования и «барьерами» при трудоустройстве.

При выявлении охвата респондентов профориентационными мероприятиями было установлено, что 52% опрошенных участвовали в этих мероприятиях. При этом большинство (55%) из участвовавших указали, что данные мероприятия помогли им осуществить правильный выбор профессии (рисунок 1).

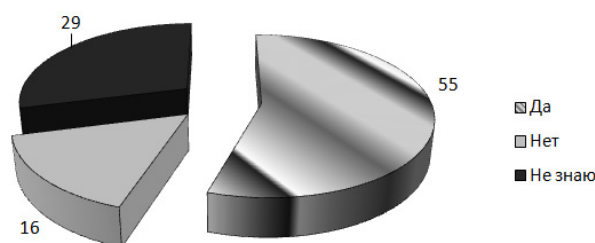

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, помогло ли Вам участие в профориентационных мероприятиях осуществить правильный выбор профессии?», в %
Figure 1. Distribution of Answers to the Question: "Do You Think That Participation in Career Guidance Events Helped You to Make the Right Choice of Profession?", in %

Источник: построено авторами на основе данных социологического опроса.

Среди молодых женщин количество тех, кому профориентация помогла в осуществлении профессионального выбора, больше, чем среди мужчин – 58% и 52%, соответственно. В разрезе возрастных групп отмечается обратная зависимость между возрастом респондентов и масштабом охвата молодёжи профориентационными мероприятиями (чем старше работники, тем процент

проходивших профориентацию ниже): 19–23 – 59%; 24–29 – 51%; 30–35 – 42%. Наиболее высокие оценки результативности (63%) профориентации даёт самая молодая категория респондентов – 19–23 года. Следовательно, профориентационная деятельность недостаточно эффективна, так как от общего числа опрошенных только четверти молодых работников она позволила сделать правиль-

ный профессиональный выбор. Причины, породившие эту проблему, имеют двойственную природу. С одной стороны, это связано с отсутствием единой системы профориентационной работы, создание которой координировало бы возможности различных социальных институтов для целенаправленной подготовки к освоению пространства будущей профессии. По моему мнению, имеет место формализм профориентационной деятельности в школах, её несвоевременный характер, некомпетентность специалистов (в том числе учителей), реализующих данную работу.

С другой стороны, данная проблема обусловлена трансформацией системы ценностей и мотивационных установок молодого поколения.

Кадничанская М.И. и Галкина Е.П. отмечают по этому поводу: «Для большинства молодёжи труд потерял смысл как средство самоутверждения, самореализации. Стремясь к хорошему заработку и к высоким доходам, многие молодые люди утрачивают нравственные ориентиры» [19, с. 54]. Современное поколение, называемое «поколение Z» (и/или «поколение Альфа»), не ставит работу на первое место и не ориентировано трудиться сверхурочно, но при этом стремится к материальному благополучию, комфорту, личному успеху, саморазвитию и самосовершенствованию.

Оценивая качество полученного образования, 89% опрошенных молодых работников указали, что удовлетворены им (рисунок 2).

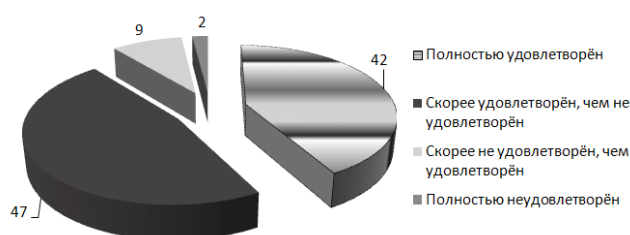

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Насколько Вы удовлетворены качеством полученного профессионального образования (в вузе, сузе)?», в %

Figure 2. Distribution of Answers to the Question: "How Satisfied are You with the Quality of Your Professional Education (at a University)?", in %

Источник: построено авторами на основе данных социологического опроса.

В разрезе уровней профессионального образования дифференциация степени удовлетворённости практически отсутствует. При этом, по гендерному признаку различия достаточно выражены. Так, среди молодых женщин полностью удовлетворены качеством полученного профес-

сионального образования 48%, а среди молодых мужчин только 36%.

Выявление проблем, с которыми сталкивались молодые работники в процессе трудоустройства, позволило получить следующие результаты (рисунок 3).

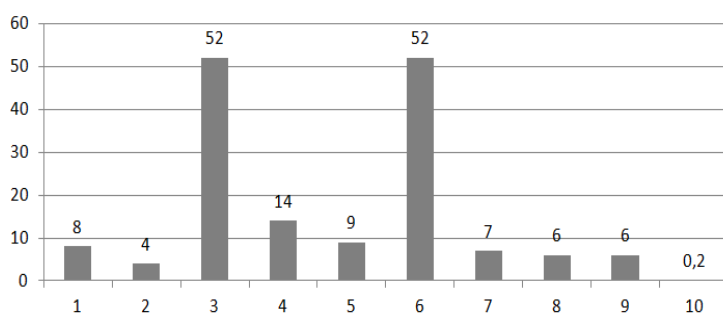

Рисунок 3. Проблемы, с которыми сталкивались молодые работники в процессе трудоустройства (можно было указать несколько проблем), в %

Figure 3. Problems Faced by Young Workers in the Process of Employment (Several Problems Could be Indicated), in %

Дискриминация по возрасту (1) Дискриминация по полу (2) Отсутствие опыта работы (3) Несоответствие полученной специальности имеющимся вакансиям (4) Завышенные требования со стороны работодателям к уровню профессиональных знаний (5) Низкая заработная плата, предлагаемая молодым работникам (6) Ошибка в выборе профессии (по которой Вы получили образование) (7) Коррупционность процесса трудоустройства (8) Нежелание работодателя официально оформлять трудовые отношения (9) Другое (наличие детей) (10).

Источник: построено авторами на основе данных социологического опроса.

Анализируя данные рисунка 3, можно констатировать, что острыми проблемами, с которыми сталкивается молодёжь при трудоустройстве, являются:

- «дискриминация» в связи с отсутствием опыта работы (указали 52% респондентов);
- низкая заработная плата, предлагаемая молодым работникам (52%).

Также в числе проблем, требующих внимания, можно обозначить: несоответствие полученной специальности имеющимся вакансиям (14%) и завышенные требования со стороны работодателя (9%).

Таким образом, как показали результаты исследования молодые работники организаций Воронежской области при высокой удовлетворённости качеством полученного образования недостаточно «охвачены» профориентационными мероприятиями и сталкиваются с рядом проблем в процессе трудоустройства,

что негативно сказывается на их дальнейшей занятости.

Второй блок исследования направлен на выявление проблем занятости молодёжи Воронежской области, и включает широкий спектр вопросов.

Первоначальным этапом знакомства и взаимодействия работника с организацией является процедура адаптации, реализуемая с использованием института наставничества, эффективное осуществление которой позволяет быстрее освоить ему профессиональные навыки, сформировать лояльность и приверженность работника к корпоративной культуре организации.

Как показали результаты настоящего исследования в организациях региона активно используются программы адаптации молодых работников, так как 62% опрошенных указали, что процедура наставничества в организации применяется (рисунок 4), из них 93% оценили её как результативную.

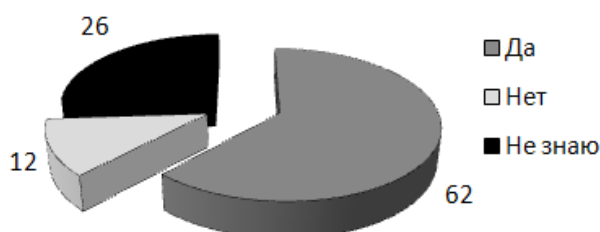

Рисунок 4. Распределение ответов на вопрос: «Используется ли в Вашей организации процедура наставничества для молодых работников?», в %

Figure 4. Distribution of Answers to the Question: "Does Your Organization Use a Mentoring Procedure for Young Employees?", in %

Источник: построено авторами на основе данных социологического опроса.

Выявление проблем, с которыми сталкивались молодые работники в процессе занятости, позволило получить следующие результаты (рисунок 5).

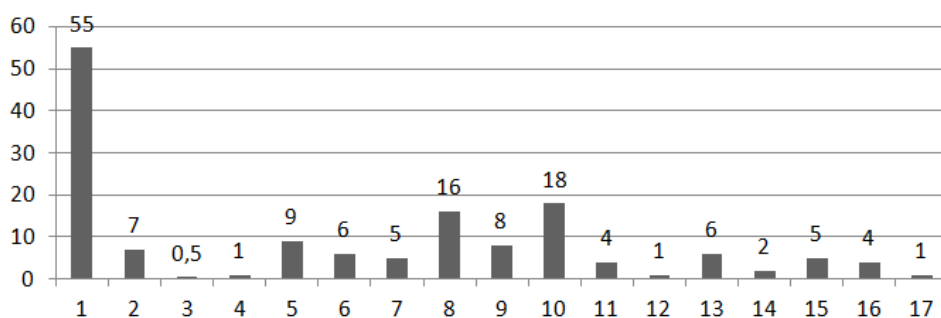

Рисунок 5. Проблемы, с которыми молодые работники сталкиваются в процессе трудовой деятельности, в %

Figure 5. Problems that Young Workers Face in the Course of Their Work, in %

Низкая заработная плата (1) Плохие условия труда (2) Использование «серых» схем оплаты труда (зарплата в «конверте») (3) Отсутствие социальных гарантий (4) Неудобный график работы (5) Отсутствие возможности для проявления инициативы (6) Отсутствие наставничества (7) Сложность совмещения трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей (8) Отсутствие возможности для профессионального развития, в том числе повышения квалификации (9) Отсутствие возможности для карьерного роста (10) Плохое отношение к молодёжи со стороны старших коллег (11) Плохое отношение к молодёжи со стороны руководства (12) Плохой морально-психологический климат в коллективе (в целом) (13) Отсутствие молодёжной организации (14) Отсутствие гласной (общественной) оценки успешного труда работников (15) Отсутствие культурно-массовых мероприятий (16) Другое (17).

Источник: построено авторами на основе данных социологического опроса.

Как показали результаты исследования, проблемы молодёжи в социально-трудовой сфере не заканчиваются на этапе трудоустройства. Так, респонденты указали на широкий спектр проблем, с которыми им приходится сталкиваться в процессе своей трудовой деятельности. В качестве основной проблемы молодые работники указали низкую заработную плату (55%). Данная проблема актуальна в Воронежской области не только для молодёжи, но и в целом для работников всех возрастов. Регион по данному показателю существенно отстаёт как от среднероссийских значений, так и от значений по ЦФО. При этом, данные Министерства труда и социального развития РФ свидетельствуют о том, что Воронежская область входит в группу регионов (всего их семь – Чукотский автономный округ,

Архангельская, Брянская, Липецкая, Воронежская области, Северная Осетия и Кабардино-Балкария), которые отличаются самыми низкими зарплатными предложениями для выпускников учебных заведений (не более 60% от средней заработной платы)¹⁴. Данная проблема, а также особенности географического положения региона провоцируют «утечку» молодёжи из области. Основными центрами притяжения для воронежской молодёжи являются Москва, Московская область и Санкт-Петербург, где заработные платы существенно выше и намного шире возможности для трудоустройства.

Следствием этой проблемы является высокая неудовлетворённость молодых работников уровнем их заработной платы – отметили 68% опрошенных (рисунок 6).

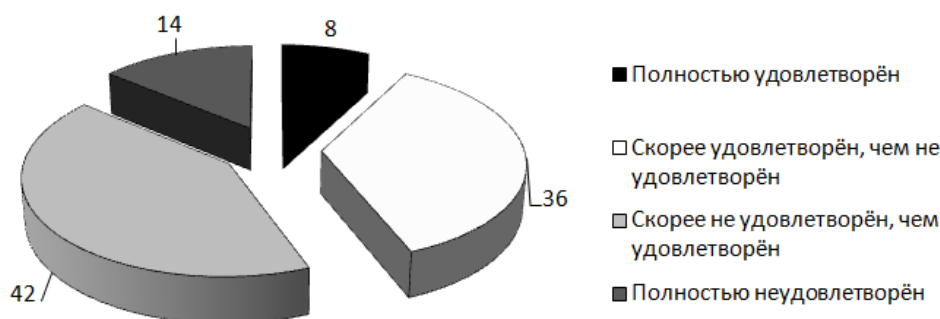

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы размером Вашей заработной платы?», в %

Figure 6. Distribution of Answers to the Question: "Are You Satisfied with the Size of Your Salary?", in %

Источник: построено авторами на основе данных социологического опроса.

По гендерному признаку отсутствует значимая разница в оценке удовлетворенности размером заработной платы. В разрезе возрастных групп она имеется. Так, наибольшее количество неудовлетворённых размером заработной платы

(61%) отмечается в группе 24–29 лет. Предполагаем, что основной причиной этого являются завышенные зарплатные ожидания и представления о своей профессиональной компетентности данной возрастной группы.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Удовлетворены ли Вы размером Вашей заработной платы?», в % (с учётом возрастных групп)

Table 3

Distribution of Answers to the Question: "Are you Satisfied with the Size of Your Salary? ", in % (Taking into Account age Groups)

Варианты ответов	Распределение по возрастным группам		
	19–23	24–29	30–35
Полностью удовлетворён	15	5	9
Скорее удовлетворён, чем не удовлетворён	36	34	36
Скорее не удовлетворён, чем удовлетворён	38	45	40
Полностью неудовлетворён	11	16	15

Источник: рассчитано авторами на основе данных социологического опроса.¹⁴

¹⁴ Котьяков призвал глав семи регионов поспособствовать повышению зарплат выпускников // TASS.RU: [сайт]. URL: https://tass.ru/obschestvo/17152099?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 15.06.2023).

Возвращаясь к анализу значимых проблем, с которыми сталкиваются молодые работники в процессе трудовой деятельности (рисунок 5), важно отметить следующие:

- отсутствие возможностей для карьерного роста (18%),
- сложность совмещения трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей (16%),
- неудобный график работы (9%).

Перечисленные проблемы во многом объясняют распределение ответов респондентов на вопрос о предпочтительной для них форме занятости (рисунок 7).

Так, 15% от общего числа респондентов ответили, что предпочли бы нестандартную занятость. При этом наиболее приоритетными формами нестандартной занятости для молодежи Воронежской области являются дистанци-

онная занятость (8%), занятость на условиях срочных трудовых договоров (6%), занятость на условиях неполного рабочего времени (3%), а также самозанятость (2%). Распространение нестандартных форм занятости в молодежной среде является, по нашему мнению, достаточно противоречивым явлением, поскольку, с одной стороны, предоставляет возможность совмещения работы с учёбой и выполнением семейных обязанностей, а, следовательно, способствует профессиональному становлению молодежи и их закреплению в профессии (но это имеет место только в том случае, если работа и получаемая профессия совпадают), с другой стороны – наличие такой работы, особенно не связанной с получаемой профессией, снижает качество освоения профессиональных компетенций, и приводит к морально-психологическому «выгоранию» молодежи.

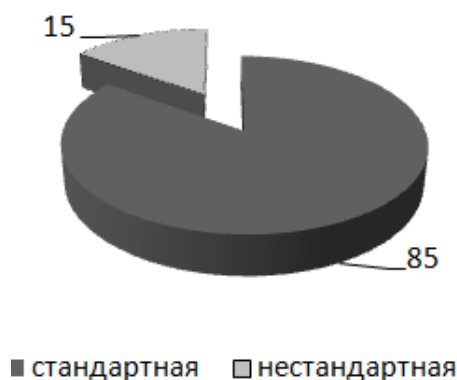

Рисунок 7. Распределение ответов на вопрос: «Какая форма занятости для Вас является более предпочтительной?», в %

Figure 7. Distribution of Answers to the Question: "Which Form of Employment is More Preferable for You?", in %

Источник: построено авторами на основе данных социологического опроса.

Таким образом, ключевой проблемой занятости молодых работников организаций Воронежской области является низкий уровень заработной платы. При этом, к числу особенностей их занятости можно отнести предпочтение существенным числом респондентов стандартной занятости и эффективность института наставничества в организациях региона.

Третий блок исследования посвящён оценке работы профсоюзных организаций.

По результатам исследования существенное число респондентов (84%) являются членами профсоюза. Среди женщин 90% вступили в профсоюз, а среди мужчин заметно меньше – 78%. При выявлении причин нежелания вступить в профсоюз (среди тех, кто не является его членом) обозначены такие, как непонимание роли профсоюза (39%) и нежелание платить профсоюзные взносы (35%).

Анализ социально-демографических характеристик респондентов позволил выявить обобщённые характеристики члена профсоюзной организации: это женщина, 30–35 лет, имеющая высшее образование, относящаяся к категории «служащие» и имеющая стаж более 3 лет.

Важно отметить, что респондентами достаточно высоко оценивается работа профсоюзных организаций с молодёжью (рисунок 8).

Основными мероприятиями в данном направлении являются:

- организация досуга, отдыха, оздоровления молодежи, формирование условий для занятий физической культурой, спортом, содействие здоровому образу жизни молодежи (54%),

- мероприятия, направленные на воспитание патриотизма и преемственности традиций в организации (33%),

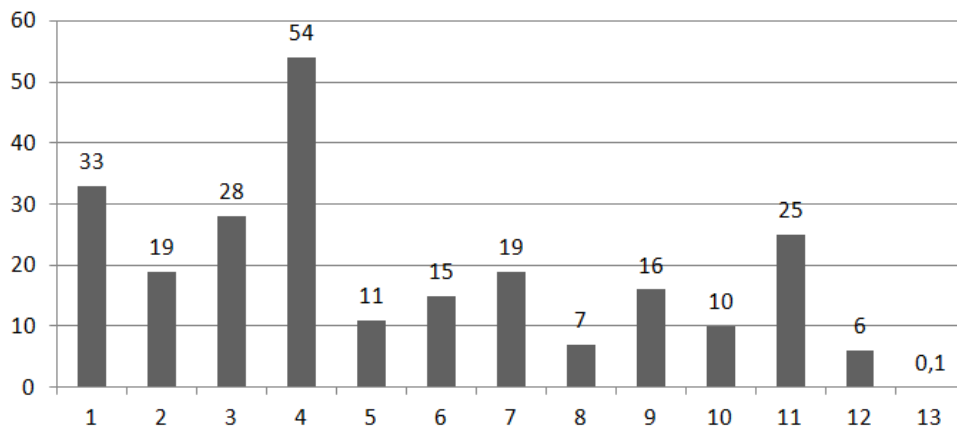

Рисунок 8. Мероприятия по работе с молодёжью, проводимые в организации, в %
Figure 8. Youth Work Activities Carried Out in the Organization, in %

Мероприятия, направленные на воспитание патриотизма и преемственности традиций в организации (1) Поддержка молодых граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, инвалидов из числа молодых граждан, а также лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (2) Поддержка инициатив молодёжи (3) Организация досуга, отдыха, оздоровления молодёжи, формирование условий для занятий физической культурой, спортом, содействие здоровому образу жизни молодёжи (4) Содействие решению жилищных проблем молодёжи, молодых семей (5) Поддержка молодых семей (6) Содействие образованию молодёжи, научной, научно-технической деятельности молодёжи (7) Выявление, сопровождение и поддержка молодёжи, проявившей одарённость (8) Развитие института наставничества (9) Обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодёжи, содействие трудоустройству молодых граждан, в том числе посредством студенческих отрядов, профессиональному развитию молодых специалистов (10) Содействие участию молодёжи в добровольческой (волонтёрской) деятельности (11) Привлечение к управлению производством (12) Другое (13).

Источник: построено авторами на основе данных социологического опроса.

- поддержка инициатив молодёжи (28%),
- содействие участию молодёжи в добровольческой (волонтёрской) деятельности (25%).

Подытожив полученные результаты, можно сделать вывод об активности и результативности деятельности профсоюзов в обследованных хозяйствующих субъектах Воронежской области по вопросам организации работы с молодёжью.

Заключение

Проведённое исследование позволило констатировать наличие как положительных моментов в занятости молодёжи, так и серьёзных проблем, требующих для решения консолидации усилий всех сторон социального партнёрства. В качестве перспективных направлений нивелирования выявленных по результатам исследования проблем можно предложить следующее:

1) совершенствование и повышение эффективности профориентационной работы, прежде всего, на основе разработки и внедрения инновационных методик, отличающихся широким использованием современных информационно-коммуникационных технологий и учитывающих специфику ценностных ориентиров «поколения Z» и «поколения Альфа». По этому поводу Дейнекина Н.А. и Кравченко О.В. отмечают следующее:

«...представителям нового поколения Z необходимо уже на этапе профориентации и начальной профессиональной самореализации быть готовыми к освоению новых технологий, методик, технологического инструментария и т.д., что позволит им демонстрировать в рамках формирования профессионального портфолио системность мышления, способность осуществлять деятельность в условиях неопределённости и обозначенного лимита времени, а также осуществлять эффективное взаимодействие с людьми, регулировать управление проектной деятельностью и т.п. Вся эта специфика должна быть отражена уже на этапе осуществления профориентационной работы, которую, в свою очередь, необходимо вести в контексте разработки моделей, отвечающих требованиям современных профессий» [20, с. 31]. Уже в настоящее время получили применение такие технологии, как мультимедиа-уроки, виртуальные экскурсии, профориентационные онлайн-игры, онлайн-профпробы, профдиагностика на основе цифрового следа и т.д.;

2) повышение инвестиционной привлекательности региональной экономики и создание новых высокотехнологичных рабочих мест с целью «удержания» молодёжи в регионе, а также привлечения талантливой молодёжи из других регионов

и стран. В качестве мероприятий, ориентированных на рост инвестиционной привлекательности, можно отметить предоставление широкого спектра гарантий и преференций бизнесу со стороны региональных органов власти, диверсификацию региональной экономики, поиск наиболее перспективных «точек роста» и создание условий для их развития, создание инфраструктурных и организационных условий для активизации инновационной деятельности и т.д. Важно отметить, что разработка и реализация перечисленных мероприятий должна осуществляться в рамках стратегического планирования и с ориентиром

на сбалансированное пространственное развитие региона;

3) разработка и реализация инструментария финансового и нефинансового стимулирования работодателей к увеличению оплаты труда молодых работников;

4) распространение практики субсидирования трудоустройства молодежи в рамках реализации Программы государственной поддержки в 2023 году юридических лиц, включая некоммерческие организации, и индивидуальных предпринимателей в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан.

Список литературы

1. Левина Е.В., Дудин М.Н. Проблема занятости молодежи в контексте глобальной цифровизации и использования сетевых технологий // Экономика труда. 2020. Том 7. № 6. С. 519–536. <https://doi.org/10.18334/et.7.6.110209>; EDN UJQNVQ
2. Леушкина В.В. Занятость молодежи в сельской и городской местности в условиях российского рынка труда // Экономика труда. 2022. Том 9. № 9. С. 1425–1440. <https://doi.org/10.18334/et.9.9.116143>; EDN RXDQKW
3. Забелина О.В., Асалиев А.М., Дружинина Е.С. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи // Экономика труда. 2021. Том 8. № 9. С. 985–1002. <https://doi.org/10.18334/et.8.9.113473>; EDN XPVUCC
4. Бочаров В.Ю., Гаврилюк В.В., Гильтман М.А. Современное положение молодежи «нового рабочего класса» на рынке труда УрФО // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Т. 14. №4. С. 42–53. <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10038>; EDN YROBNR
5. Вередюк О.В., Черных Е.А. Олимпиадники поколения Z: поведенческие установки на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 79–91. <https://doi.org/10.19181/lspr.2022.18.1.7>; EDN MMQVOU
6. Standing G. Unemployment and labour market flexibility: The United Kingdom. Geneva: Intern. labour office, 1987. 147 p. ISBN 9221052915
7. Wilthagen T., Tros F. “The Concept of ‘Flexicurity’: a new approach to regulating employment and labour markets” in ‘Flexicurity: Conceptual Issues and Political Implementation in Europe’. Transfer: European Review of labour and research. 2004. Vol. 10. No. 2. P. 166–186. <https://doi.org/10.1177/102425890401000204>
8. Бобков В.Н. Характеристики неустойчивости стандартной и нестандартной занятости в современной России // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. № 3. С. 128–139. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2018-12-3-128-139>; EDN XZPFSP
9. Варшавская Е.Я. Оценка влияния изменений возрастной и образовательной структуры населения на российский рынок труда // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 3. С. 45–52. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-45-52>; EDN PHVXVT
10. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. Polarization or upgrading? Evolution of employment in transitional Russia // Russian Journal of Economics. 2016. Vol. 2. No. 2. P. 192–218. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.06.004>
11. Колосова Р.П., Разумова Т.О., Артамонова М.В. Человек и труд в цифровой экономике (100-летию Международной организации труда посвящается) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2019. № 3. С. 174–190. <https://doi.org/10.38050/013001052019310>; EDN GGQDPH
12. Маслова Е.В., Колесникова О.А., Околелых И.В. Сдвиги на рынке труда в условиях санкционного давления и необходимые направления его регулирования // Экономика труда. 2023. Том 10. № 1. С. 27–46. <https://doi.org/10.18334/et.10.1.116949>; EDN SPMBUE
13. Костин Л.А. Проблемы экономики труда: избранное: В 2 т. Т. 1. М.: АТиСО. 2005. 591 с. EDN QQXDO
14. Санкова Л.В. Занятость инновационного типа: теоретико-методологические координаты исследования: [монография]. Саратов: Наука, 2007. 427 с. ISBN 978-5-91272-283-7; EDN PAWATT
15. Симонова М.В. Разработка концепции формирования и развития трудового потенциала Самарско-Тольяттинской агломерации: [монография]. Самара: Изд-во Самарского гос. экономического ун-та, 2015. 84 с. ISBN 978-5-94622-527-4
16. Федченко А.А. Удаленная работа в условиях использования цифровых технологий: перспективы трансформации // Экономика труда. 2021. Том 8. № 4. С. 377–390. <https://doi.org/10.18334/et.8.4.111930>; EDN NJAHIW
17. Bertola G., Blau F.D., Kahn L.M. Labor Market Institutions and Demographic Employment Patterns. NBER Working Paper No. 9043 // Journal of Population Economics. 2002. No. 20. P. 833–867. <https://doi.org/10.1007/s00148-007-0137-8>
18. Martin G. A Portrait of the Youth Labor Market in 13 Countries, 1980–2007 // Monthly Labor Review (July). 2009. No. 4. P. 3–21.
19. Кадничанская М.И., Галкина Е.П. Труд как элемент ценностной системы молодежи // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2(37). С. 53–60. EDN WKSWMF

20. Дейнекина Н.А., Кравченко О.В. Новое поколение Z. Особенности профориентационной работы. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. Вып. 3. С. 30–32. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-3-30-32>; EDN ZSTDHW

Информация об авторах:

Екатерина Сергеевна Дашкова – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и основ управления, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО «ВГУ»), Воронеж, Россия

(e-mail: dashkova-82@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 706341) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7323-0788>)

Наталья Васильевна Дорохова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры рекреационной географии, страноведения и туризма; профессор кафедры экономики труда и основ управления, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО «ВГУ»), Воронеж, Россия

(e-mail: nv_dorohova@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 669562) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-2623>)

Анастасия Александровна Сьянова – старший преподаватель кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет (ФГБОУ ВО «ВГУ»), Воронеж, Россия

(e-mail: soc@hist.vsu.ru) (РИНЦ Author ID: 697747) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9270-8094>)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Екатерина Сергеевна Дашкова.

Статья поступила в редакцию 02.07.2023; одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

- Levina E.V., Dudin M.N. The problem of youth employment in the context of global digitalization and application of network technologies. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2020;7(6):519-536. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.7.6.110209>
- Leushkina V.V. Youth employment in rural and urban areas in the Russian labour market. *Ekonomika Truda= Russian Journal of Labor Economics*. 2022;9(9):1425-1440. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.9.9.116143>
- Zabelina O.V., Asaliev A.M., Druzhinina E.S. Problems of the youth segment of the Russian labour market and novelties of the youth employment policy. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2021;8(9):985-1002. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.8.9.113473>
- Bocharov V.Yu., Gavrilyuk V.V., Gil'tman M.A. The Current Position of Young People of the «New Working Class» in the Labour Market of the Ural Federal District. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2018;14(4):42-53. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/1999-9836-2018-10038>
- Vereduyuk O.V., Chernykh E.A. Generation Z participants of intellectual olympiads: labour market behavioral attitudes. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(1):79-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.7>
- Standing G. Unemployment and labour market flexibility: The United Kingdom. Geneva: Intern. labour office; 1987. 147 p. ISBN 9221052915
- Wilthagen T., Tros F. “The Concept of ‘Flexicurity’: a new approach to regulating employment and labour markets” in ‘Flexicurity: Conceptual Issues and Political Implementation in Europe’. *Transfer: European Review of labour and research*. 2004;10(2):166–186. <https://doi.org/10.1177/102425890401000204>
- Bobkov V.N. Characteristics of Instability of Standard and Non-standard Employment in Contemporary Russia. *Mir novoi ehkonomiki=The world of new economy*. 2018;12(3):128-139. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2018-12-3-128-139>
- Varshavskaya E.Ya. Impact Assessment of Changes in the Age and Educational Structure of the Population in the Russian Labor Market. *Voprosy statistiki*. 2020;27(3):45-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-3-45-52>
- Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I. Polarization or upgrading? Evolution of employment in transitional Russia. *Russian Journal of Economics*. 2016;2(2):192-218. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.06.004>
- Kolosova R.P., Razumova T.O., Artamonova M.V. The Individual and Work in a Digital Economy (Towards 100th Anniversary of the International Labour Organization). *Vestnik Moskovskogo Universiteta=Bulletin of Moscow State University*. 2019;(3):174-190. (In Russ.) <https://doi.org/10.38050/013001052019310>
- Maslova E.V., Kolesnikova O.A., Okolelykh I.V. Shifts in the labour market under sanctions and the necessary directions for its regulation. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(1):27-46. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.10.1.116949>
- Kostin L.A. Problems of labor economics: favorites: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: ATiSO; 2005. 591 p. (In Russ.)
- Sankova L.V. Employment of innovative type: theoretical and methodological coordinates of research. Saratov: Nauka; 2007. 427 p. (In Russ.) ISBN 978-5-91272-283-7
- Simonova M.V. Development of the concept of formation and development of the labor potential of the Samara-Togliatti agglomeration. Samara: Publishing House of the Samara State University of Economics; 2015. 84 p. (In Russ.) ISBN 978-5-94622-527-4
- Fedchenko A.A. Remote work in the context of digital technologies: prospects for transformation. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2021;8(4):377-390. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/et.8.4.111930>
- Bertola G., Blau F.D., Kahn L.M. Labor Market Institutions and Demographic Employment Patterns. NBER Working Paper No. 9043. *Journal of Population Economics*. 2002;(20):833–867. <https://doi.org/10.1007/s00148-007-0137-8>

18. Martin G.A Portrait of the Youth Labor Market in 13 Countries, 1980–2007. *Monthly Labor Review* (July). 2009;(4):3–21
19. Kadnichanskaya M.I., Galkina E.P. Labour as an Element of the Value System of Youth. *OIKUMENA. Regionovedcheskie issledovaniya=OJKUMENA. Regional researches*. 2016;(2):53–60. (In Russ.)
20. Deinekina N.A., Kravchenko O.V. New Generation Z. Features of Career Guidance Counseling. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nemVostoke=The Humanities and Social Studies in the Far East*. 2012;XVIII(3):30–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2021-18-3-30-32>

Information about the authors:

Ekaterina S. Dashkova – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Labour Economics and Management Fundamentals Department, Voronezh State University (VSU), Voronezh, Russia

(e-mail: dashkova-82@mail.ru) (РИИЦ Author ID: 706341) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7323-0788>)

Natalia V. Dorokhova – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of Recreational Geography, Country Studies, and Tourism, Professor of Labour Economics and Management Fundamentals Department of Voronezh State University (VSU), Voronezh, Russia

(e-mail: nv_dorokhova@mail.ru) (РИИЦ Author ID: 669562) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-2623>)

Anastasia A. Syanova – Senior Lecturer of the Department of Sociology and Political Science of Voronezh State University (VSU), Voronezh, Russia

(e-mail: soc@hist.vsu.ru) (РИИЦ Author ID: 697747) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9270-8094>)

Authors' declared contribution:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Ekaterina S. Dashkova.

The article was submitted 02.07.2023; approved after reviewing 22.09.2023; accepted for publication 01.12.2023

Оригинальная статья

УДК 331

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_6_542_555

EDN OXDZNW

Дестандартизация занятости в условиях переструктурирования экономики: состояние научного дискурса¹

Вячеслав Николаевич Бобков¹, Олеся Васильевна Вередюк²

¹ Институт экономики РАН, Москва, Россия
(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
(o.veredyuk@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)

Аннотация

Статья посвящена анализу состояния научного дискурса по проблемам дестандартизации занятости под влиянием текущих макрошоков, формируемых усиливающимся международным санкционным давлением на Россию. Данными для анализа выступили полученные авторами статьи материалы от спикеров, презентовавших результаты своих научных исследований на международной академической дискуссии «Дестандартизация занятости в условиях переструктурирования экономики» 16 марта 2023 г. в рамках VII Санкт-Петербургского международного форума труда. Для проверки гипотезы о том, что академическое дискуссионное поле эластично отвечает на текущие изменения конъюнктуры, проведён анализ представленных докладчиками текстов методом рейтингования специфических для обсуждаемой темы слов по частоте их использования. Для оценки динамики изменений академического дискуссионного поля данные за 2023 год сопоставлены с данными схожей дискуссионной площадки Форума труда 2022 года. Показано, что исследователи продолжают поддерживать широкий спектр вопросов в рамках темы дестандартизации занятости, включая вызовы в сфере труда; оплату труда; качество трудовых ресурсов; уровень жизни домохозяйств работников; качество трудовой жизни и удовлетворённость работой; дистанционную занятость; городскую и сельскую занятость. Дискуссионное поле (на примере академической дискуссии в рамках Форума труда) в целом эластично реагирует на данные изменения конъюнктуры. При отсутствии прямого упоминания военной операции и санкций исследователи ввели их как факторы, переменные, условия своих продолжающихся исследований. Также в статье приводятся предложения участников академической дискуссии в Программный комитет Форума труда.

Ключевые слова: занятость, дестандартизация занятости, качество занятости, форум труда, научный дискурс, экономическая конъюнктура, политическая конъюнктура

Для цитирования: Бобков В.Н., Вередюк О.В. Дестандартизация занятости в условиях переструктурирования экономики: состояние научного дискурса // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 542–555. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_6_542_555; EDN OXDZNW

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_6_542_555

EDN OXDZNW

De-Standardisation of Employment in Economic Reforming Context: State of Scientific Discourse

Vyacheslav N. Bobkov¹, Olesya V. Veredyuk²

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
(o.veredyuk@spbu.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)

Abstract

The article analyses the state of the scientific discourse on the problems of employment de-standardisation under the influence of the current macro shocks formed by the increasing international sanctions pressure on Russia. The data for the analysis were the materials received by the authors of the article from the speakers who presented the results of their scientific research at the international academic discussion «Employment de-standardization in reshaping economy» on March 16, 2023 within the VII St. Petersburg International Labour Forum. To test the hypothesis that the academic discussion field is elastic in responding to current changes in the context, the texts presented by the speakers were analysed by ranking the words specific to the topic under discussion according to the frequency of their use. In order to assess the dynamics of changes in the academic discussion field, we compare the data for 2023 with data from a similar Labour Forum discussion platform in 2022. We show that researchers continue to support a wide range of issues under the theme of de-standardisation of employment, including challenges of work; pay; quality of the workforce; living standards of workers' households; quality of working life and job satisfaction; telecommuting; and urban and rural employment. The discussion field (exemplified by the academic discussion in the Labour Forum) is generally elastic in its response to these changes in the context. In the absence of direct reference to the military operation and sanctions, researchers have introduced them as factors, variables, conditions of their ongoing research. The article also provides suggestions from the participants of the academic discussion to the Programme Committee of the Labour Forum.

¹ По итогам академической дискуссии на VII Санкт-Петербургском международном форуме труда. Программа Форума см. URL: <https://labourforum.ru/programmy/> (дата обращения: 09.07.2023).

Keywords: employment, employment de-standardisation, employment quality, labour forum, scientific discourse, economic context, political context

For citation: Bobkov VN, Veredyuk OV. De-Standardisation of Employment in Economic Reformatting Context: State of Scientific Discourse. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):542–555. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_6_542_555

Введение

Изменения в сфере занятости под влиянием таких драйверов, как технологические преобразования, политические, экономические, социальные и экологические происходят постоянно. Понять приоритеты исследователей в текущий момент и то, как именно они отражаются в научных изысканиях позволяет формат академической дискуссии. Если исходить из того, что формат академической дискуссии по конкретной теме даёт возможность учёным вынести в поле публичных обсуждений предварительные результаты своих исследований ещё до завершения самих исследований, то анализ результатов дискуссии позволяет довольно оперативно понять, как текущая повестка трансформирует научные исследования (какие вопросы исследователи относят к числу приоритетных; какая роль отводится рассматриваемым изменениям, как именно происходит включение изменений в исследования и проч.).

Цель статьи состоит в том, чтобы оценить влияние макрошоков 2022 г. на текущий научный дискурс по проблемам дестандартизации занятости в России на данных по итогам академической дискуссии «Дестандартизация занятости в условиях реформирования экономики», которая состоялась в рамках VII Санкт-Петербургского международного форума труда (далее – Форум труда) 16 марта 2023 г. В центре внимания дискуссии были проблемы качества занятости, трансформирующиеся под влиянием процессов её дестандартизации. **Объектом** данной статьи выступает дестандартизация занятости в условиях реформирования экономики, понимаемая как деформация стандартной модели трудовых отношений, основанных на бессрочном трудовом договоре, работе в режиме стандартного рабочего времени (полный рабочий день, нормальная продолжительность рабочей недели) на территории работодателя с соответствующими правами и гарантиями, и развитие нестандартных (атипичных) форм занятости.

Предметом изучения является состояние дискурса о дестандартизации занятости в условиях действия импульсов макрошоков 2022 года в России.

Академическая дискуссия по проблемам дестандартизации занятости проходит в рамках Форума труда уже несколько лет подряд. В этот раз в офлайн-формате встретились исследователи из России (Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды)

и Беларуси. Они представляли такие учреждения, как Белорусский государственный технологический университет (БГТУ), Вологодский научный центр Российской академии наук (ВолНЦ РАН), Институт экономики Российской академии наук (ИЭ РАН), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (РЭУ им. Г.В. Плеханова), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Партнёрами мероприятия выступили Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и научный Центр экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. Авторы статьи выступали модераторами данного мероприятия. Академическая дискуссия – часть программы Форума труда, организованного Правительством Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургским государственным университетом, Межпарламентской Ассамблеей государств – участников Содружества Независимых Государств, ЭкспоФорумом-Интернэшнл при поддержке Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд России) и Федеральной службы по труду и занятости (Роструд).

Тема международной академической дискуссии – дестандартизация занятости – получила новый импульс в условиях продолжающейся военной операции в Украине и усиливающегося международного санкционного давления на Россию. Дополнительную актуальность ей придала ключевая тема Форума труда этого года: «От рынка труда к рынку занятости: новая реальность».

Проверяемая **исследовательская гипотеза** заключается в предположении о том, что академическое дискуссионное поле чутко реагирует (эластично отвечает) на изменения экономической и политической конъюнктуры, в текущем периоде связанное с такими макрошоками, как продолжающаяся военная операция и рост международного санкционного давления на Россию, и их кратко-, средне- и долгосрочными последствиями для сферы занятости в России.

Далее в статье представлены основные итоги международной академической дискуссии по вопросам дестандартизации занятости. Затем описаны данные и методы их анализа. После этого обобщаются полученные результаты с точки зрения проверки выдвинутой гипотезы. Завершается статья выводами и предложениями.

Дестандартизация занятости: ракурсы анализа

Дестандартизация занятости рассматривалась в рамках академической дискуссии на Форуме труда сквозь призму вызовов в сфере труда; качества трудовых ресурсов; качества трудовой жизни; дистанционной занятости; городской и сельской занятости; оплаты труда; удовлетворённости работой и уровня жизни домохозяйств работников. *Модификации вызовов в сфере труда* в условиях изменившегося контекста развития национальной экономики посвятила свой доклад **Ирина Соболева**, руководитель центра политики занятости и социально-трудовых отношений, ИЭ РАН и один из модераторов дискуссии. Изменившаяся ситуация в сфере занятости рассматривается под углом зрения вызовов для развития человеческого потенциала, с которыми сталкиваются сегодня социально-экономические системы и на которые нужно оперативно реагировать для обеспечения национальной конкурентоспособности. К числу главных вызовов относятся *демографический*, проявляющийся в старении населения и в обострении проблем с состоянием здоровья; *технологический*, связанный с цифровой революцией; *социальный*, выдвигающий на первый план проблемы обеспечения равенства возможностей, и *институциональный*, снижающий охват и эффективность традиционных институтов, которые обеспечивают взаимодействие экономических агентов. В преломлении к сфере занятости демографический вызов даёт о себе знать ростом иждивенческой нагрузки на трудоспособное население за счёт лиц старших возрастов и повышением трудоспособного возраста [1, р. 31–33; 2]. Технологический – диктует непрерывное изменение требований к работникам, а значит – факторов их конкурентоспособности [3; 4]. Социальный вызов проявляется в поляризации занятости и трудовых доходов. Институциональный вызов выдвигает на первый план необходимость пересмотра «правил игры» в условиях распространения нестандартных форм занятости.

Все эти вызовы в полной мере ощущаются в России [5; 6]. При этом их проявление неизбежно модифицируется под воздействием особенностей исторического пути развития национальной экономики в советский и постсоветский период.

Важнейшей из этих особенностей является относительно низкий уровень оплаты труда при её искажённой дифференциации, значительная часть которой генерируется неподконтрольными работнику факторами [7]. Заниженные стандарты оплаты труда берут истоки в советском периоде, когда значительная часть затрат на воспроизводство работника возмещалась из других источников в рамках централизованного финансирования социальных гарантий. В дальнейшем резкий рост воспроизводственной нагрузки на заработную плату привёл к доминированию фактора заработной платы в структуре трудовой мотивации, что способствовало росту профессионально-квалификационного дисбаланса, обостряющего технологический вызов [8].

Система вызовов в сфере занятости непрерывно усложняется. Сегодня к глобальным и национальным вызовам, с которыми Россия столкнулась до пандемии, добавилась *новая специфическая группа вызовов*, порождённых изменившейся политической и социально-экономической ситуацией. В их числе: ухудшение психического здоровья под воздействием стрессов и неуверенности в будущем; усилившийся отток из национальной экономики квалифицированных кадров и сокращение возможностей «циркуляции мозгов»; сокращение ресурсной базы как для технологической модернизации, так и для социальных инвестиций на фоне растущей потребности в социальной поддержке населения. От того, насколько оперативно и результативно получится ответить на эти вызовы во многом зависит успешность траектории дальнейшего социально-экономического развития страны.

Вопрос *заработной платы в условиях дестандартизации занятости* был поднят в докладе **Татьяны Долининой**, профессора кафедры экономики и управления на предприятиях, БГТУ. По её мнению, формы занятости населения и уровень заработной платы в стране целесообразно рассматривать сквозь призму воспроизводства рабочей силы и рабочих мест в контексте технологического развития [9].

В Беларуси наблюдаются негативные демографические тенденции: низкая рождаемость, высокая смертность и непродолжительная жизнь населения в сравнении с передовыми в этом отношении странами. Старение населения, вызванное в значительной мере демографической стагнацией, сопровождается сжатием контингента трудоспособных граждан. Это приводит к ухудшению возрастной структуры населения и росту нагрузки на трудоспособных граждан. При этом численность занятых сокращается быстрее, чем численность населения. В структуре занятого на-

селения доминируют наёмные работники (около 96%) на фоне снижения предпринимательской активности (доля предпринимательских доходов в денежных доходах населения в последние годы не превышает 7–8%)².

Беларусь – малая индустриальная экспорто-ориентированная страна. Локомотивом её экономики выступает промышленность, в которой занято около 1 млн человек или почти каждый четвёртый наёмный работник. При этом в промышленности доминируют производства, характерные для III и IV технологических укладов [10], сохраняется высокая доля низкотехнологичных производств (40,2% в 2021 г.) и наблюдается слабое приращение доли высокотехнологичных производств (4,7–5,6% в 2015–2021 гг.). Функционирование промышленных предприятий обеспечивает относительно стандартную индустриальную занятость с долей национальной специфики – большинство наёмных работников работают по срочным контрактам, что делает их уязвимыми.

Уровень неформальной занятости населения в последние годы составляет около 8–9%. При этом динамика бизнес-демографических показателей свидетельствует о развитии неблагоприятных тенденций: сближение уровня «смертности» предприятий с уровнем их «рождаемости»; снижение размера «рождаемых» предприятий (по численности наёмных работников), что указывает на угасание предпринимательской активности и снижение в этой связи потенциала неформальной занятости.

В целом в экономике Беларуси каждое седьмое предприятие (а в промышленности, строительстве, на транспорте и в торговле – каждое шестое) является убыточным и характеризуется низким уровнем производительности труда, что указывает на неэффективную занятость. Индикаторами неэффективной, а соответственно, неустойчивой занятости выступают удельный вес работников, получающих заработную плату, не превышающую величину бюджета прожиточного минимума для трудоспособного населения (1,4–2,3% в последнее десятилетие); удельный вес работников, получающих низкую заработную плату, т.е. ниже 2/3 медианной заработной платы (каждый четвёртый работник); уровень абсолютной бедности (малообеспеченности) трудоспособного населения (5,7% при 4,1% в среднем по стране в 2021 г.) при отсутствии заметного роста покупательной способности заработной платы (тяготеет к 4,5 бюджетам прожиточного минимума для трудоспособного населения в последнее десятилетие).

² Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021. Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2021. 407 с.

Перечисленные тенденции в сфере занятости населения в значительной мере обусловлены консервацией в белорусской экономике традиционных технологических укладов и снижением предпринимательской активности. Их преодоление требует улучшения качества институциональной среды. Сбалансированное развитие и функционирование политических, экономических, социальных и инновационно-технологических институтов должно обеспечить формирование мотивации к предпринимательской деятельности и созданию эффективных рабочих мест, а на этой основе – движение по траектории инклюзивного развития, опирающегося на возможности трудоспособных граждан заниматься высокопроизводительным трудом.

Качество трудовых ресурсов в условиях дестандартизации занятости было рассмотрено в докладе **Галины Леонидовой**, ведущего научного сотрудника, заведующей лабораторией исследования проблем развития трудового потенциала ВолНЦ РАН. Важным фактором развития российских территорий является наличие качественного человеческого потенциала, формирование которого сдерживается не только экономическими и социокультурными барьерами, но и теми вызовами, которые приносят в нашу жизнь процессы глобализации, информатизации, интеграции, а также дестандартизации занятости.

Одним из современных вызовов в отношении трудовых ресурсов является разрушение стандартной модели занятости, что ведёт к утрате работниками (частичной или полной) трудовых и социальных прав на защищённую и устойчивую занятость и представляет собой неустойчивую занятость [11]. Сотрудниками ВолНЦ РАН была разработана *методика оценки влияния неустойчивой занятости на основные параметры работников* на основе анализа четырех признаков [12]: форма занятости; отсутствие оформленного трудового договора; отсутствие социальных гарантий для работника; наличие опасений потерять работу.

Проведённый эмпирический анализ социологических данных мониторинга качества трудового потенциала показал, что практически по всем параметрам работники, не имеющие признаков ущемления социально-трудовых прав, или имеющие максимум один признак неустойчивости социально-трудовых отношений, дают более высокую оценку ощущениям от рабочего места (условия труда), от работы в целом и от своей жизни. При этом средняя заработная плата у таких работников и качество их трудового потенциала выше. Этот факт прямо свидетельствует о том, что наличие признаков неустойчивых трудовых

отношений является ограничителем в развитии человеческого потенциала и качества трудовых ресурсов. Согласно расчётам, произведённым исследователями, включая Г. Леонидову, по оригинальной методике по восьми базовым качествам населения, наблюдается увеличение доли работников, использующих свой потенциал в полной мере, на пределе возможностей, при одновременном сокращении доли тех, кто отметил, что применяет свои качества и умения «более-менее полно» или «частично». То есть наблюдается постепенная интенсификация использования ресурсных возможностей трудового потенциала.

Докладчик приходит к заключению, что позитивные тренды в качественных характеристиках работающего населения свидетельствуют о том, что в условиях современных вызовов активизируются адаптационные возможности трудовых ресурсов. Учитывая исчерпаемость адаптационных ресурсов, особенно в условиях интенсификации использования трудового потенциала работников, необходимо создавать условия для минимизации негативных воздействий имеющихся и формирующихся вызовов, заботиться о сохранении человеческого потенциала страны. В качестве таких условий может выступать активное внедрение на предприятиях системы мониторинга оценок работниками условий труда и здоровья [13], а также применение и распространение наиболее эффективных здоровьесберегающих технологий на рабочих местах с учётом значимости психологического комфорта.

Связь *занятости и уровня жизни работников и их домохозяйств* была освещена в докладе **Вячеслава Бобкова**, заведующего сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни, ИЭ РАН, директора научного центра экономики труда, РЭУ им. Г.В. Плеханова и **Елены Одинцовой**, ведущего научного сотрудника сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни, ИЭ РАН и научного центра экономики труда, РЭУ им. Г.В. Плеханова. Анализируя занятость в устойчивых и неустойчивых сегментах и её влияние на уровень жизни, авторы отметили, что качественные и количественные детерминанты занятости включают: концепцию рабочей силы; способы структуризации (классификация) занятости; показатели, характеризующие экономическое и социальное положение работника.

В данном исследовании авторы работали в рамках традиционной концепции рабочей силы, включающей: 1) занятых на основной работе по найму в организациях, в том числе оформленных официально и не оформленных официально; 2) занятых в неформальном секторе, для которых

данная занятость является основной; 3) безработных, определяемых по методологии МОТ (эта группа в исследовании авторов не рассматривалась).

Предложена следующая структуризация (классификация) занятости, позволяющая охарактеризовать её устойчивые и неустойчивые сегменты: стандартная – нестандартная (нетипичная) занятость; формальный – неформальный секторы занятости; устойчивая – неустойчивая (прекарная) занятость. Кроме того рассмотрен перечень показателей для измерения масштабов неустойчивой (прекарной) занятости (далее – НЗ). Разные оценки её масштабов в России, что можно объяснить, с одной стороны, различием показателей, применяемых для измерения НЗ а, с другой стороны, разными секторами, в которых проводится анализ занятости: в организациях и/или у физических лиц, в том числе с учётом или без учёта скрытой занятости [14; 15; 16]. Это затрудняет сопоставление полученных разными исследователями результатов измерения НЗ для принятия управленческих решений, направленных на сокращение её масштабов. Для решения этой проблемы проведено упорядочение показателей НЗ [17]. Доступные в статистике её показатели (24 показателя) проверены на мультиколлинеарность (путём попарной корреляции), в результате которой отобраны значимые показатели. Параллельно с этим получены экспертные оценки наиболее значимых показателей НЗ и проведена их приоритизация – выделены три группы: с высоким, средним и ниже среднего уровнем приоритетности. В результате сопоставления двух способов выявления значимых показателей НЗ были отобраны 16 показателей (в том числе пять ключевых и 12 – неключевых), характеризующих объективные показатели (13) и субъективные показатели (3) неустойчивых типов оформления занятости и её условий во всех секторах занятости. Решение этой задачи означает выявление исчерпывающего перечня значимых показателей НЗ, которые могут быть получены из данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ).

Измерение масштабов неустойчивой (прекарной) занятости было проведено авторами на основе данных 30 волны РМЭЗ (2021 г.) для сектора организаций у наёмных работников по десяти показателям [17]. Исключены три информативных показателя НЗ для занятых не по найму (занятость без регистрации или оформления документов; занятость в неформальном секторе и самозанятость) и три субъективных информативных показателя (наличие неудовлетворённо-

ти оплатой труда; наличие неудовлетворённости условиями труда; наличие у работников обеспокоенности потерей работы). Последние три показателя были исключены для получения результатов объективных измерений. Отобранные десять показателей включали *ключевые показатели*: 1) занятость на основе устной договорённости без оформления документов; 2) вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя; 3) отсутствие оплачиваемого отпуска; 4) уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы; 5) уровень дохода от основной занятости, не обеспечивающий устойчивости материального положения домохозяйств и *неключевые показатели*: 1) занятость на основе договора гражданско-правового характера; 2) занятость на основе трудового договора (служебного контракта) на определённый срок (1 год и менее); 3) задолженность по заработной плате; 4) неофициальный (частично или полностью) доход от основной занятости; 5) отклоняющаяся от стандартного продолжительность рабочего времени: продолжительность рабочей недели более 40 часов или менее 30 часов (по основному месту работы).

Наёмные работники организаций были разбиты на три группы и получены следующие удельные их веса в каждой из групп (2021 год): неустойчивая занятость (группа I) – 87,2%; переходная группа (имеются один и более неключевых индикаторов НЗ) (группа II) – 5,3%; устойчивая занятость (отсутствуют индикаторы НЗ) (группа III) – 7,5%. Группа работников с неустойчивой занятостью включала три подгруппы: с наиболее высокой концентрацией НЗ (имеются три–пять ключевых индикаторов НЗ и один и более дополнительных индикаторов НЗ) – 8,0%; с высокой концентрацией НЗ (имеются один–два ключевых индикатора и один и более неключевых индикаторов НЗ) – 33,8%; с умеренной концентрацией НЗ (имеются один–два ключевых индикатора НЗ) – 45,4%.

Результаты измерения по десяти объективным значимым индикаторам НЗ показали, что в 2021 году в секторе организаций 87,2% у наёмных работников были охвачены НЗ, из них 41,8% имели очень высокую и высокую концентрацию её показателей. Расчёты показали, что доходы от занятости не обеспечивают устойчивого материального положения домохозяйств 90,2% наёмных работников в группе I, 68,5% – в группе II и 65,7% – в группе III [18].

Качество трудовой жизни и удовлетворённость трудом на российском рынке труда рассмотрела в своём докладе **Екатерина Черных**, ведущий научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня

жизни, ИЭ РАН и научного центра экономики труда, РЭУ им. Г. В. Плеханова. Удовлетворённость работой, включающая множество аспектов, связанных с условиями труда, объединяющая денежные и неденежные вознаграждения и «штрафы» [19; 20], является важным параметром, показывающим не только субъективную оценку людьми своей работы по отношению к их ожиданиям, но и выступает хорошим фактором прогнозирования абсентеизма³, текучести кадров, добровольных увольнений и производительности труда.

Удовлетворённость работой часто выступает в исследованиях в качестве обобщающей характеристики, наилучшим из доступных способов отражающим содержание качества трудовой жизни [21]. В качестве критики докладчик отметил, что удовлетворённость работой может отражать ожидания людей, основанные на сравнении с их предыдущими местами работы, с референтными группами или с другими рабочими местами, доступными на рынке труда; является реактивной, отражая то, что уже было достигнуто в прошлом [22].

Удовлетворённость и неудовлетворённость работой объясняются разными факторами, поэтому причины этих явлений надо искать в разных сферах [23]. Ряд эмпирических исследований посвящён анализу удовлетворённости работой для различных социально-демографических групп, а также категорий работников с разными характеристиками, например [24]. Полученные в разное время и в разных странах выводы часто противоречат друг другу, поэтому в каждом конкретном временном и географическом пространстве требуются специальные исследования. Нельзя переносить выводы, полученные в одном социально-экономическом контексте, на другой контекст. Неслучайный выбор рабочего места (самоотбор) усложняет оценку влияния отдельных факторов на удовлетворённость работой [25].

Параметры качества трудовой жизни занятых на российском рынке труда, оцененные по данным 28 и 29 волн РМЭЗ, показывают, что работники, в основном, доверяют руководству (более 70%) и коллегам (более 80%). Более 50 % работников удовлетворены возможностями для профессионального роста; около 40 % – оплатой труда; немногим более 20 % – своим материальным положением [26].

³ Абсентеизм — это модель поведения, при которой работник избегает выполнения своих обязанностей и систематически отсутствует на работе. Под неявным абсентеизмом подразумевают поведение, когда формально сотрудник находится на рабочем месте, но свои обязанности не выполняет. URL: <https://www.google.com/search?q=%D0%B0%D0%B1%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B8%D0%B7%D0%BC&oq=%D0%B0%D0%B1%D1%81%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%B8%D0%B7%D0%BC&aqs=chrome..69i57j0i512l9.6994j0j15&sourceid=chrome&ie=UTF-8> (дата обращения: 08.07.2023).

Исследование выявило, что корреляционные взаимосвязи между различными видами удовлетворённости (заработной платой, условиями труда и возможностями профессионального роста) существуют, они положительные, высоко значимые и достаточно сильные. Удовлетворённость работой в целом в наибольшей степени коррелирует с удовлетворённостью условиями труда. На российском рынке труда существует корреляционная зависимость удовлетворённости работой и степени доверия работников своим коллегам и руководству, наличия подчинённых, суммы заработанных денег, типа населённого пункта (в городах самый высокий процент удовлетворённых трудом), уровня образования и желания найти другую работу. Не подтвердилось наличие зависимости удовлетворённости работой от пола, семейного положения, возраста, российской или зарубежной собственности предприятия, государственного или частного предприятия, повышения по службе или перехода в другое подразделение [26].

Проведённый докладчиком анализ показал, что рост удовлетворённости трудом значимо снижает вероятность того, что работник хочет найти новую работу, а также вероятность того, что он уже имеет вторую работу, таким образом, целенаправленная работа с повышением удовлетворённости работой сотрудников со стороны компании может способствовать снижению текучести кадров. Множественный корреляционный анализ выявил неравномерность распределения оценок удовлетворённости работой среди разных социально-демографических групп работников [26].

Влияние дистанционной занятости на удовлетворённость работой было рассмотрено в докладе **Ларисы Смирных**, профессора НИУ ВШЭ. Повышая гибкость труда и снижая издержки использования рабочей силы для работодателей, дистанционная занятость неоднозначно влияет на удовлетворённость работой сотрудников компаний. К факторам, оказывающим положительное влияние на удовлетворённость работой, относят автономность деятельности и гибкость рабочего времени, экономию издержек времени и снижение стресса. Однако есть факторы, имеющие негативное влияние на удовлетворённость работой. Это переработки, социальный вакуум, нарушение баланса между личной жизнью и профессиональной деятельностью. Исследователями были получены результаты, подтверждающие, как положительное [27], так и отрицательное влияние дистанционной занятости на удовлетворённость работой [28]. При этом эффекты удовлетворённости работой от дистанционной занятости часто различаются для отдельных социально-де-

мографических групп, например, для мужчин и женщин, и зависят от их семейного статуса [29].

На восприятие работниками дистанционной занятости оказывают влияние не только индивидуальные предпочтения, но и внешние условия. Если до COVID-19 работники скорее добровольно выбирали для себя дистанционную работу, то в период COVID-19 этот выбор стал во многом вынужденным. Как следствие, эффекты дистанционной занятости для удовлетворённости работой в период COVID-19 могли существенно поменяться по сравнению с периодом до него.

Предметом исследования докладчика стало определение последствий дистанционной занятости для удовлетворённости работой до и после COVID-19 для занятых работников, а также отдельно для мужчин и женщин. Оно вносит вклад в общую дискуссию по обсуждению социальных последствий дистанционной занятости, которые являются пока недостаточно изученными для развивающихся стран. Россия является страной с развивающейся экономикой, большой территорией и неравномерно развитой инфраструктурой. В этой связи кейс по России позволяет прогнозировать последствия применения дистанционной занятости в развивающихся странах в условиях глобализации экономики.

Выборка для проведения анализа формировалась на массиве репрезентативных панельных данных РМЭЗ за 2016–2021 гг. Это позволяет отследить удовлетворённость работой от дистанционной занятости одних и тех же индивидов за относительно длительное время. Методология анализа учитывает, что дистанционная занятость и её продолжительность являются эндогенными регрессорами в уравнениях удовлетворённости работой. С учётом этого расчеты были выполнены с применением моделей с инструментальными переменными.

Результаты исследования показали, что в течение 2016–2021 гг. на российском рынке труда дистанционная занятость оказывала положительное влияние на удовлетворённость работой. При этом и до, и в период COVID-19 её влияние на удовлетворённость работой было положительным. В России дистанционная занятость была больше распространена среди женщин, чем среди мужчин. При этом и мужчины, и женщины, которые заняты дистанционно, были больше удовлетворены работой, чем их коллеги, которые не работали дистанционно.

По результатам исследования автор пришёл к заключению, что дистанционная занятость вносит позитивный вклад в повышение уровня удовлетворённости работой на российском рынке труда. В этой связи работа из дома может

рассматриваться как форма занятости, которую стоило бы применять не только для экстренных ситуаций (например, в период пандемии), для отдельных рабочих мест или профессий. Её стоило бы использовать более широко. Повышение доступности занятости в дистанционном формате для большего числа профессий и социально-демографических групп населения могло бы способствовать повышению уровня удовлетворённости работой.

Вместе с тем, использование дистанционной формы занятости требует пересмотра регламентов и организации рабочего дня дистанционных работников. Было установлено, что при продолжительности рабочего дня более восьми часов у дистанционных работников снижается удовлетворённость работой. В этой связи, применяя дистанционную занятость, работодателям необходимо повысить внимание к соблюдению ими нормативной продолжительности рабочего дня, предусмотренной контрактами и (или) трудовым правом. Для повышения мотивации работников трудиться дистанционно, их сверхнормативная продолжительность рабочего дня должна оплачиваться по более высоким тарифам.

Перспективам городской и сельской занятости в условиях неопределённости посвятили свой доклад **Андрей Попов**, старший научный сотрудник, ВолНИЦ РАН и **Татьяна Соловьёва**, научный сотрудник, ВолНИЦ РАН. Результаты исследования получены авторами в ходе реализации гранта РНФ № 22-28-01986 «Города и сельская периферия современной России: ключевые тенденции и риски трансформации занятости в ракурсе пространственного развития территорий». Докладчики подчеркнули, что если эпидемиологический кризис повлёт за собой хотя и глобальный, но относительно непродолжительный локдаун, социально-экономические эффекты которого нашли отклик в научной литературе [30; 31], то масштабы грядущих перемен, вызванных эскалацией геополитического напряжения, ещё предстоит оценить. Впрочем, динамизм современного мира и без этого ограничивает возможности прогнозирования и долгосрочного планирования событий, а также приводит к необходимости постоянной адаптации человека к происходящим изменениям [32].

Проведённый анализ позволил, по мнению докладчиков, по-новому взглянуть на глобальные вызовы, оказывающие влияние на процессы трансформации занятости, которые в большей степени проявляются на национальном и региональном уровнях, в то время как в муниципальном разрезе более значимыми оказываются внутренние проблемы. Мониторинговые данные, по-

лученные в Вологодской области как модельном регионе, подтвердили тезис о внешней устойчивости российского рынка труда, что выражается в распространении первичной занятости и бессрочных трудовых договоров, увеличении заработка и т.д. Однако серьёзную обеспокоенность вызывает специфика трудовой жизни населения, проживающего за пределами городских агломераций. В частности, в направлении «центр-периферия» усиливается влияние барьеров, ограничивающих возможности осуществления трудовых и жизненных планов жителей отдалённых районов.

В этой связи весьма закономерно, что вопросы занятости (прежде всего, размер заработка, возможности для поиска работы и получения качественного профессионального образования) остаются ключевым фактором, определяющим привлекательность территорий, роль которого только возрастает при движении от ядра агломерации к периферии. Следствием этого являются центроостремительная миграция населения и деградация трудового потенциала за пределами крупных городов. Одной из важнейших задач в этом плане является преодоление разрыва между ядром и периферией за счёт создания центров притяжения деловой активности в регионе. Причём речь идёт не столько о крупных инвестиционных проектах, сколько о благоприятных условиях для профессиональной самореализации. Большая роль в этом начинании должна отводиться районным службам занятости населения, предоставляющим широкие возможности для трудоустройства (в том числе по специальности), обучения, психологической и консультационной помощи, поддержки предпринимательства и индивидуальной занятости.

Таким образом, в рамках академической дискуссии на Форуме труда дестандартизация занятости рассматривалась под разными углами, затрагивая вызовы в сфере труда; оплату труда; качество трудовых ресурсов; уровень жизни домохозяйств работников; качество трудовой жизни и удовлетворённость работой; дистанционную занятость; городскую и сельскую занятость.

Данные и методы исследования

Представленные в предыдущем разделе материалы получены авторами статьи от спикеров, презентовавших результаты своих научных исследований на международной академической дискуссии «Дестандартизация занятости в условиях переформатирования экономики» 16 марта 2023 г. в рамках Форума труда. Отметим, что в обзор вошло большинство (однако не все) докладов, прозвучавших в рамках академической дискуссии; не вошли обсуждения докладов.

Указанные материалы выступили в качестве непосредственных данных для проверки гипотезы, состоящей в предположении о том, что академическое дискуссионное поле чутко реагирует (эластично отвечает) на изменение экономической и политической конъюнктуры, в текущем периоде связанное с продолжающейся военной операцией и международным санкционным давлением на Россию и их кратко-, средне- и долгосрочными последствиями для сферы занятости в России.

Для исследования данных был выбран анализ представленных докладчиками текстов методом рейтингования специфических для обсуждаемой темы слов по частоте их использования. Для этого вначале с помощью встроенного в программу Wordart⁴ алгоритма автоматически удалены неспецифические (обычные) слова. Полученные после обработки алгоритмом результаты в виде слов затем вручную были обработаны и сгруппированы в укрупнённые блоки слов и словосочетаний. Это позволило избежать слов и словосочетаний, которые не повторялись. В итоговый пул вошло 84 слова и словосочетания из первоначальных трех тысяч слов. В сформированном облаке слов (также известном как облако тегов, коллаж слов) на рисунке размеры слов и

словосочетаний характеризуют частоту их употребления относительно других слов и словосочетаний. Другими словами, более крупный (мелкий) шрифт слов или словосочетаний означает, что они встречаются в анализируемых текстах чаще (реже) других.

Для оценки реакции (эластичности ответа) академического дискуссионного поля на изменения экономической и политической конъюнктуры данные текущего года были сопоставлены с данными предыдущей схожей экспертной дискуссии на площадке Форума труда – 2022 года, которая состоялась 18 марта 2022 г.⁵ Соответствующие материалы также были получены авторами данной статьи от докладчиков, выступивших на мероприятии. Сравнение данных за два периода позволяет оценить (в первом приближении) динамику соответствующего дискуссионного поля за последний год. Итоговый пул 2022 года составили 64 слова и словосочетания.

Результаты исследования

Анализ материалов академической дискуссии в 2023 и 2022 годах позволил получить следующие результаты. Начнём с наиболее частотных слов и словосочетаний.

Рисунок 1. Облако ключевых слов и словосочетаний в докладах участников академической дискуссии «Дестандартизация занятости в условиях реформирования экономики» в рамках Форума труда-2023

Figure 1. Cloud of Key Words and Word Combinations in the Reports of the Participants of the Academic discussion «Employment De-Standardization in Reshaping Economy» at the Labour Forum-2023

Источник: составлено авторами на основе текстов докладов участников дискуссии.⁴⁵

4 Официальный сайт Wordart. URL: <https://wordart.com>

5 Подробнее об итогах академической дискуссии по дестандартизации занятости в рамках Форума труда-2022 см. [33].

В академической дискуссии 2023 года лидером (как видно из рисунка 1) по частоте упоминаний с превосходством стало слово «занятость», что в целом ожидаемо. Далее в первой десятке идут работники и договоры (трудовой и ГПХ), словосочетания с удовлетворённостью (работой, оплатой труда, условиями труда, возможностями профессионального роста); труд; возможности и ограничения; показатели масштабов неустойчивой занятости; трудовой потенциал; численность и структура населения; дистанционная занятость и работа из дома. В то же время по данным 2022 года помимо занятости чаще других использовались такие слова и словосочетания, как работники; цифровизация и цифровые технологии; труд; работа; качество занятости; предприятия и компании; качество экономического роста; старение населения и возраст; прекаризация занятости.

Эти слова и словосочетания можно считать нейтральными по отношению к экономической и политической конъюнктуре 2022–2023 гг.

Следует отметить, что в академической дискуссии 2022 года и 2023 года находит отражение тема пандемии «COVID-19». Исследования продолжают по мере накопления данных, несмотря на то, что официально с 1 июля 2022 года Роспотребнадзор полностью снял введённые из-за пандемии ограничения.

Общие для дискуссий в двух периодах ключевые слова и словосочетания отражены в таблице 1. Можно заметить, что помимо уже упомянутых, на полях мероприятия неизменно обсуждаются проблемы, связанные с неустойчивостью занятости. Из данных таблицы можно также вынести различия в дискуссионном поле двух лет. Так, например, тема баланса труда и отдыха была условно замещена профессионально-квалификационным дисбалансом; неравенство доходов – бедностью; качество экономического роста – демографией и воспроизводством работника.

Таблица 1.

Сравнительный анализ использования ключевых слов и словосочетаний в докладах участников академической дискуссии «Дестандартизация занятости в условиях реформирования экономики» в рамках Форума труда–2023*

Table 1

Comparative Analysis of Key Words and Word Combinations in the Reports of the Participants of the Academic discussion «Employment De-Standardization in Reshaping Economy» at the Labour Forum–2023

		2023 год	
		Использовалось	Не использовалось
2022 год	Использовалось	Занятость; работники, наёмные работники, сотрудники; работодатели; труд; удовлетворённость работой; возможности; население (численность, структура); удалённая работа / дистанционная занятость; доходы; уровень жизни; заработная плата; (не)устойчивая занятость; технологии; рабочие места; рынок труда; (социально)-трудовые отношения; национальная (отечественная) экономика; доходы; старение, старший возраст, здоровье; права и гарантии (социально-трудовые); формы занятости; данные; прекаризация, прекарная занятость; глобализация экономики; производительность труда; текучесть кадров / наём / выбытие.	Цифровизация; договор; качество экономического роста; достойный труд; государство (сектор, управление); баланс работы и личной жизни; экономическая политика; стресс, выгорание, страх, тревога; пенсия; капиталистические трансформации в России; сектор занятости; мир, мировой; офис; неравенство доходов; национальное богатство и его распределение; традиционный сектор (отрасли, профессии); эффективность мер поддержки; гибридный формат работы; человеческий капитал; молодёжь.
	Не использовалось	Бедность; уровень неформальной занятости; трудовой потенциал; качество (трудовой) жизни; условия труда; развитие и конкурентоспособность (работника, страны); трудоспособное население; трудовые ресурсы; предпринимательская активность; демография; рождаемость и смертность; воспроизводство работника; (не)формальная занятость; (не)эффективная занятость; социально-экономическая система; социально-демографические группы; профессионально-квалификационный дисбаланс; трудовая мотивация; (не)эффективная занятость; институты; промышленность; прожиточный минимум; сектор организаций; образование; гибкость рабочего времени; отпуск; концепция рабочей силы; структуризация занятости; иждивенческая нагрузка; психологический комфорт; инклюзивное развитие; уязвимость работников; финансирование, социальные инвестиции.	

* Для избежания повторов в таблицу не вошли слова и словосочетания, отнесённые авторами к «конъюнктурным» (или контекстным).

Источник: составлено авторами на основе текстов докладов участников дискуссии.

Дополнительно нами выделены (на рисунке это сделано полужирным шрифтом и прописными буквами) слова и словосочетания, качественно характеризующие, на наш взгляд, смысловой контекст текущей дискуссии в свете проверяемой гипотезы. В 2023 году в число контекстных вошли следующие словосочетания (по мере убывания частоты встречаемости): условия неопределённости; глобальные вызовы; масштабы грядущих перемен; (пост)советский период и исторический путь; политическая ситуация; интенсификация использования трудового потенциала; модификация вызовов в сфере труда. В дискуссии 2022 года они не встречались.

В дискуссии 2022 года к «конъюнктурным» можно отнести (в том же порядке упоминания) такие слова и словосочетания, как ИТ-специалисты; политика и политическая ситуация; миграционные настроения; отъезд за рубеж; февраль 2022 года, кризис. Стоит напомнить, что дискуссия состоялась 18 марта, то есть спустя меньше месяца после ставшего триггером изменений события⁶. Однако к этому моменту уже был зафиксирован отток рабочей силы (включая ИТ-специалистов) из России за границу, что оперативно нашло отражение в рассматриваемом дискуссионном поле.

Несложно увидеть, что повторяющимся в 2023 и 2022 года контекстным словосочетанием является политическая ситуация. Можно заметить, что дискуссионное поле в целом эластично реагирует на изменение экономической и политической конъюнктуры, в текущем периоде связанное с продолжающейся военной операцией на Украине и международным санкционным давлением на Россию. Исследователи ввели эти факторы в качестве переменных составляющих продолжающиеся исследования.

Заключение

В статье представлены результаты международной академической дискуссии «Дестандартизация занятости в условиях реформирования экономики», состоявшейся в рамках Форума труда – 2023. На основе материалов спикеров дискуссии показано, что в условиях изменений экономической и политической конъюнктуры, в текущих условиях связанных с международным санкционным давлением на Россию, исследователи поддерживают изучение широкого спектра вопросов в рамках темы дестандартизации занятости, включая вызовы в сфере труда; оплату труда; качество трудовых ресурсов; уровень жизни домохозяйств работников; качество трудовой жизни и удовлетворённость работой; дистанционную занятость; городскую и сельскую занятость.

⁶ Обращение Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 09.07.2023).

При проверке гипотезы об эластичности ответа дискуссионного поля на изменение экономической и политической конъюнктуры оказывается, что дискуссионное поле (на примере академической дискуссии в рамках Форума труда 2023 и 2022 годов) в целом эластично реагирует на данные изменения. При отсутствии прямого упоминания санкций исследователи ввели их как факторы, переменные, условия своих продолжающихся исследований.

По результатам академической дискуссии участниками были внесены следующие предложения в Программный комитет Форума:

– *по изменению законодательства и практики применения законов*: ввести в законодательные акты по труду и занятости (ФЗ «О занятости...») понятие «неустойчивая (прекарная) занятость», а также зафиксировать направленность государственной политики в сфере занятости на уменьшение остроты (концентрации признаков) и сокращение масштабов неустойчивой (прекарной) занятости;

– *управленческие идеи*: при реформировании системы профессионального образования добиваться опережения повышения его качества по сравнению со сложностью рабочих мест, а также ускоренного перевооружения технико-технологической и информационной среды для реализации профессионально-квалификационных характеристик работников; внедрять в организациях систему мониторинга оценок работниками условий труда и здоровья; распространять наиболее эффективные здоровьесберегающие технологии на рабочих местах с учётом значимости психологического комфорта; активизировать работу по модернизации центров занятости населения, в т.ч. в направлении повышения эффективности и популяризации формальных каналов трудоустройства, расширения доступности предоставляемых услуг и зоны охвата местного населения; стимулировать занятость населения за пределами крупных городов за счёт реализации промышленных, инфраструктурных и социально-значимых проектов; реализовывать программы по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации работников (в т.ч. возобновить программу «Цифровые профессии») с целью предоставления дополнительных возможностей для карьерного роста и профессиональной мобильности;

– *новые научно-исследовательские направления и темы междисциплинарных исследований, включающие*: занятость в устойчивых и неустойчивых сегментах и её влияние на уровень жизни; самозанятость и фрилансерство как способы адаптации работников на рынке труда; платформенную занятость в единстве технологической, экономической и социальной составляющих; дистанционную занятость и удовлетворённость работой, а также занятость в условиях военно-политических конфликтов.

Список литературы

1. Power J.J. Ageing-demographic time-bomb or social construct: outline of the potential horizons and opportunities // *Journal of aging research and healthcare*. 2016. № 1(2). P. 31–33. <https://doi.org/10.14302/issn.2474-7785.jarh-16-1274>
2. Chan S.P. Mapped: how a demographic timebomb will transform the global economy // *The Telegraph*. 2016. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/12068068/Mapped-how-ademographic-time-bomb-will-transform-the-globaleconomy.html> (дата обращения: 08.02.2023).
3. Cedefop. Machines, robots, people and skills. Briefing Note No. 9121. 2017. URL: <http://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/publications/9121> (дата обращения: 08.02.2023).
4. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerization? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. № 114. P. 254–280. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>
5. Формирование цифровой экономики в России: вызовы, перспективы, риски / Под ред. Е.Б. Ленчук. СПб.: Алетейя, 2020. 320 с. EDN JCDEOY
6. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Вызовы для социальной политики России: необходимость новой модели // *Экономическая наука современной России*. 2017. № 3. С. 55–69. EDN ZQQPIJ
7. Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии. М.: Институт экономики РАН, 2017. 50 с. EDN XQMPGP
8. Соболева И.В. Профессионально-квалификационный дисбаланс как вызов экономической и социальной безопасности // *Экономическая безопасность*. 2022. Том 5. № 3. С. 989–1008. <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.3.114898>; EDN QJTPCB
9. Долиннина Т.Н. Воспроизводство рабочей силы и рабочих мест в национальной экономике Беларуси // *Труды БГТУ*. Сер. 5: Экономика и управление. 2022. № 2(262). С. 65–71. <https://10.52065/2520-6877-2023-268-1-1>
10. Байнев В.Ф. История экономики знаний: технико-технологический и политико-экономический анализ. Минск: Право и экономика, 2020. 158 с.
11. Бобков В.Н. Неустойчивая занятость в Российской Федерации: состояние и направления снижения // *Народонаселение*. 2019. Том 22. № 2. С. 91–104. <https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00018>; EDN AXGJGY
12. Леонидова Г.В., Чекмарёва Е.А. Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала // *Проблемы развития территории*. 2018. № 1(93). С. 7–21. <https://doi.org/10.15838/ptd/2018.2.93.1>; EDN YNUKHA
13. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Детерминанты здоровья работающего населения: условия и характер труда // *Здоровье населения и среда обитания*. 2020. № 11(332). С. 22–30. <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2020-332-11-22-30>; EDN CBVZHM
14. Бобков В.Н. Классификация современной занятости, особенности и тенденции развития её нестандартных форм в Российской Федерации // *Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости: монография* / Под ред. Н.Л. Лютова, Н.В. Черных. М.: Проспект, 2022. С. 8–28.
15. Бобков В.Н., Бобков Н.В. Неформальная занятость: идентификация и векторы преобразования. Дискурс на 14-ой ежегодной Международной конференции Европейской сети мониторинга регионального и местного рынка труда (EN RLMM) (г. Москва, 3–4 октября 2019 г.) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 4. С. 9–20. <https://doi.org/10.19181/99-9836-2019-10078>; EDN IWYZGJ
16. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одицова Е.В. Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // *Российский экономический журнал*. 2022. № 1. С. 78–107. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>; EDN YGFLOH
17. Значимые индикаторы неустойчивой занятости и их приоритетность / В.Н. Бобков, Е.В. Одицова, Т.В. Иванова, Т.В. Чащина // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. № 4. С. 502–520. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7>; EDN KWLGGN
18. Одицова Е.В. Реализация трудового потенциала работников в качестве их занятости и уровне жизни домохозяйств // *Уровень жизни населения регионов России*. 2023. Том 19. № 1. С. 99–111. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111; EDN RAUMOI
19. Clark A.E. Measures of job satisfaction: What makes a good job? Evidence from OECD countries // *OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers*. 1998. No. 34. OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/670570634774>
20. Locke E.A. What is job satisfaction? // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1969. Vol. 4. P. 309–336. URL: <https://www.libs.uga.edu/reserves/docs/scans/job%20satisfaction.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).
21. Green F., Mostafa T. Trends in job quality in Europe // *Publications Office of the European Union, Eurofound, Luxembourg*. 2012. <https://doi.org/10.2806/35164>. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1228en_0.pdf (дата обращения: 08.02.2023).
22. Warr P. *Work, Happiness and Unhappiness* // Lawrence Erlbaum Associates. New York: Psychology Press. 2007. 562 p. ISBN 9780203936856; <https://doi.org/10.4324/9780203936856>
23. Вередюк О.В. Качество занятости молодежи в России: анализ оценок удовлетворенности работой // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 3. С. 306–323. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>; EDN XSWAUP
24. Смирных Л.И. Удовлетворенность работой: выбор между стабильной занятостью и трудовой мобильностью // *Экономика образования*. 2009. № 4–2. С. 32–39. EDN TQJRQR
25. Котырло Е. Не хлебом единым: удовлетворенность работой бюджетников в сравнении с работниками частного сектора, НИУ ВШЭ, 2023 г. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/02/14/2031925271/20230214.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).
26. Черных Е.А. Качество трудовой жизни и удовлетворенность занятостью на российском рынке труда // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18. № 2. С. 214–226. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.6>; EDN MYDVVI
27. Reuschke D. The subjective well-being of homeworkers across life domains // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2019. Vol. 51. No. 6. P. 1326–1349. <https://doi.org/10.1177/0308518X19842583>
28. Song Y., Gao J. Does telework stress employees out? A study on working at home and subjective well-being for wage/salary workers // *Journal of Happiness Studies*. 2020. Vol. 21 No. 7. P. 2649–2668. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00196-6>
29. Bernhardt J., Recksiedler C., Linberg A. Work from home and parenting: Examining the role of work-family conflict and gender during the COVID-19 pandemic // *Journal of Social Issues*. 2022. June. P. 1–36. <https://doi.org/10.1111/josi.12509>

30. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / Под ред. А.Л. Кудрина. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 344 с. URL: https://www.iep.ru/files/text/Gaidar_IEP_monographs/Es_virus-text.pdf (дата обращения: 10.02.2023).
31. Социология пандемии. Проект коронаФОМ / рук. авт. колл. А.А. Ослон. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (ин-ФОМ), 2021. 319 с.
32. Костенко Е.П. Трансформация роли и функций HR в условиях новых экономических вызовов // *Journal of Economic Regulation*. 2021. № 12(4). С. 94–109. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.094-109>; EDN TAFFYU
33. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Влияние дестандартизации занятости на её качество: размышления по итогам академической дискуссии на VI Санкт-Петербургском международном форуме труда // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. № 3. С. 308–318. <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3>; EDN COBQKM

Информация об авторах:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук, Москва, Россия

(e-mail: bobkovvn@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (ResearcherID: U-6527-2019)

Олеся Васильевна Вередюк – кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

(e-mail: o.veredyuk@spbu.ru) (РИНЦ Author ID: 287329) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>) (ResearcherID: K-7044-2013)

Заявленный вклад авторов:

Бобков В.Н. – общий замысел и структурирование статьи, научное редактирование текста, выводы и рекомендации.

Вередюк О.В. – общий замысел статьи и структурирование статьи, формулирование гипотезы, аналитика, обзор и анализ позиций участников дискуссии, выводы и рекомендации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Олеся Васильевна Вередюк.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

- Power J.J. Ageing-demographic time-bomb or social construct: outline of the potential horizons and opportunities. *Journal of aging research and healthcare*. 2016;1(2):31-33. <https://doi.org/10.14302/issn.2474-7785.jarh-16-1274>
- Chan S.P. Mapped: how a demographic timebomb will transform the global economy. *The Telegraph*. 2016. URL: <http://www.telegraph.co.uk/finance/economics/12068068/Mapped-how-ademographic-time-bomb-will-transform-the-globaleconomy.html> (accessed: 08.02.2023).
- Cedefop. Machines, robots, people and skills. Briefing Note No. 9121. 2017. URL: <http://www.cedefop.europa.eu/en/publications-and-resources/publications/9121> (accessed: 08.02.2023).
- Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerization? *Technological Forecasting and Social Change*. 2017;(114):254-280. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>
- Lenchuk E.B. (ed.) Formation of digital economy in Russia: challenges, prospects, risks. Saint-Petersburg: Aleteia, 2020. 320 p. (In Russ.)
- Soboleva I.V., Chubarova T.V. Challenges to social policy in Russia: a need for a new model. *Ehkonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii=Economics of contemporary Russia*. 2017;(3):55-69. (In Russ.)
- Sobolev E.N. Wages in the system of labour relations: stereotypes and Russian realities. Moscow: Institute of economics Russian academy of sciences; 2017. 50 p. (In Russ.)
- Soboleva I.V. Professional and qualification imbalance as a challenge to economic and social security. *Ekonomicheskaya bezopasnost*. 2022;5(3):989-1008. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/ecsec.5.3.114898>
- Dolinina T.N. Reproduction of labour force and jobs in the national economy of Belarus. *Trudy BGTU. Ser. 5, Ekonomika i upravlenie=Proceedings of BSTU, issue 5, Economics and Management*. 2022;2(262):65-71. (In Russ.) <https://10.52065/2520-6877-2023-268-1-1>
- Bajnev V.F. Istoriya ehkonomiki znaniy: tekhniko-tekhnologicheskii i politiko-ehkonomicheskii analiz. Minsk: Pravo i ekonomika; 2020. 158 p. (In Russ.)
- Bobkov V.N. Precarious employment in the Russian Federation: the state and directions of reduction. *Narodonaselenie=Population*. 2019;22(2):91-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00018>
- Leonidova G.V., Chekmareva E.A. Precarious employment as a barrier to effective implementation of employment potential. *Problemy razvitiya territorii=Problems of territory's development*. 2018;1(93):7-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/ptd/2018.2.93.1>
- Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Determinants of health of the working population: conditions and nature of work. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya=Public Health and Life Environment*. 2020;11(332):22-30. (In Russ.). <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2020-332-11-22-30>
- Bobkov V.N. Classification of modern employment, features and trends in the development of its non-standard forms in the Russian Federation. In: Labor relations in the context of the development of non-standard forms of employment. Lyutov N.L., Chernykh N.V. (eds.). Moscow: Prospekt; 2022. P. 8-28. (In Russ.)
- Bobkov V.N., Bobkov N.V. Informal Employment: Identifying, Place and Role, Vectors of Transformation. A Discourse at the 14th Annual International Conference of the European Network on Regional Labour Market Monitoring (EN RLMM) (Mosk-

- va, 3–4 October 2019). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2019;(4):9-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/99-9836-2019-10078>
16. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. Social consequences of thirty years of capitalist reforms in Russia. *Rossiiskii ehkonomicheskii zhurnal=Russian Economic Journal*. 2022;(1):78-107. (In Russ.) <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2022-1-78-107>
17. Bobkov V.N., Odintsova E.V., Ivanova T.V., et al. Significant Indicators of Precarious Employment and Their Priority. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2022;18(4):502-520. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.4.7>
18. Odintsova E.V. Realization of the labor potential of employees in the quality of their employment and the standard of living of households. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(1):99-111. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_1_8_99_111
19. Clark A.E. Measures of job satisfaction: What makes a good job? Evidence from OECD countries. OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers. 1998. No. 34. OECD Publishing, Paris. <http://dx.doi.org/10.1787/670570634774>
20. Locke E.A. What is job satisfaction? *Organizational Behavior and Human Performance*. 1969;4:309-336. URL: <https://www.libs.uga.edu/reserves/docs/scans/job%20satisfaction.pdf> (accessed: 08.02.2023).
21. Green F., Mostafa T. Trends in job quality in Europe. Publications Office of the European Union, Eurofound, Luxembourg. 2012. <https://doi.org/10/2806/35164>. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1228en_0.pdf (accessed: 08.02.2023).
22. Warr P. Work, Happiness and Unhappiness. Lawrence Erlbaum Associates. New York: Psychology Press; 2007. 562 p. ISBN 9780203936856; <https://doi.org/10.4324/9780203936856>
23. Veredyuk O.V. Quality of youth employment in Russia: analysis of job satisfaction assessments. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2018;(3):306-323. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.16>
24. Smirnykh L.I. Job satisfaction: the choice between a stable employment and labor mobility. *Ekonomika obrazovaniya=Economics of education*. 2009;4(2):32-39. (In Russ.)
25. Kotyrlo E.S. Not by Bread Alone: Job Satisfaction in Public and Private Sectors. Higher School of Economics; 2023. URL: <https://www.hse.ru/data/2023/02/14/2031925271/20230214.pdf> (accessed: 08.02.2023). (In Russ.)
26. Chernykh E.A. Quality of Working Life and Job Satisfaction on the Russian Labour Market. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living standards of the population in the regions of Russia*. 2022;18(2):214-226. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.2.6>
27. Reuschke D. The subjective well-being of homeworkers across life domains. *Environment and planning A: Economy and Space*. 2019;51(6):1326-1349. <https://doi.org/10.1177/0308518X19842583>
28. Song Y., Gao J. Does telework stress employees out? A study on working at home and subjective well-being for wage/salary workers. *Journal of happiness studies*. 2020;21(7):2649-2668. <https://doi.org/10.1007/s10902-019-00196-6>
29. Bernhardt J., Recksiedler C., Linberg A. Work from home and parenting: Examining the role of work-family conflict and gender during the COVID-19 pandemic. *Journal of social issues*. 2022;June:1-36. <https://doi.org/10.1111/josi.12509>
30. Kudrin A.L. (ed.). Economics and economic policy in the context of a pandemic. Moscow: Gaidar Institute Press\$ 2021. 344 p. URL: https://www.iep.ru/files/text/Gaidar_IEP_monographs/Ec_virus-text.pdf (accessed: 10.02.2023). (In Russ.)
31. The sociology of the pandemic. CoronaFOM Project. Ed. by A.A. Olson. Moscow: Institute of Public Opinion Foundation (inFOM); 2021. 319 p. (In Russ)
32. Kostenko E.P. Transformation of the role and functions of HR in the conditions of new economic challenges. *Journal of economic regulation*. 2021;12(4):94-109. (In Russ.) <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.4.094-109>
33. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Impact of Employment De-Standardisation on its Quality: Reflections on Academic Discussion at the VI St. Petersburg International Labour Forum. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living standards of the population in the regions of Russia*. 2022;18(3):308-318. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.3>

Information about the authors:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia
(e-mail: bobkovvn@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (ResearcherID: U-6527-2019)

Olesya V. Veredyuk – PhD in Economics, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
(e-mail: o.veredyuk@spbu.ru) (РИНЦ Author ID: 287329) (ORCID: (<https://orcid.org/0000-0002-9862-633X>)) (ResearcherID: K-7044-2013)

Authors' declared contribution:

Vyacheslav N. Bobkov – general idea and structuring of the article, scientific editing of the text, conclusions and recommendations.
Olesya V. Veredyuk – general idea of the article and structuring of the article, formulation of the hypothesis, analyses, review and analysis of the positions of the participants of the discussion, conclusions and recommendations.
The authors declare no conflict of interest.
The author responsible for correspondence is Olesya V. Veredyuk.

The article was submitted 12.07.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 01.12.2023

Оригинальная статья

УДК 330.1

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571

EDN SSXEEK

Уровень жизни домохозяйств с детьми в современной России: факторы риска

Алефтина Александровна Гулюгина¹, Татьяна Викторовна Чашчина²

^{1,2} Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия,

¹ (algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

² (chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Аннотация

В статье анализируются основные индикаторы уровня жизни домохозяйств с детьми и выявляются факторы, образующие риски снижения уровня жизни. Методология исследования опирается на данные российской статистики, включая макроэкономические данные, результаты выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, комплексного наблюдения условий жизни населения, а также на результаты мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения России. В качестве основных индикаторов уровня жизни рассматриваются два взаимосвязанных расчётных индикатора – реальные располагаемые ресурсы и покупательная способность расходов на потребление (ключевой). Исследование проводится для домохозяйств с разным числом детей для периода 2018–2022 гг. Показано, что индикаторы уровня жизни домохозяйств с детьми и факторы риска дифференцированы по признаку детности. Определено, что реальные располагаемые ресурсы и уровень покупательной способности расходов на потребление снижались для всех типов домохозяйств с детьми. Выявлено, что все домохозяйства с детьми по уровню покупательной способности расходов на потребление были низкообеспеченными. Риск бедности у домохозяйств с 1 ребёнком был наименьшим, а у домохозяйств с 2-мя детьми он стал угрожающим. Домохозяйства с 3-мя и более детьми находятся в зоне предельно высокого риска бедности. Показано, что среди малоимущих домохозяйств глубина бедности при наличии 3-х и более детей наиболее значительная. Определено, что в рассматриваемом периоде домохозяйства с 1 ребёнком были менее склонны тратить прирост располагаемых ресурсов на потребление, а домохозяйства с 3-мя и более детьми наиболее склонны из-за недостаточной ресурсной обеспеченности. Выявленные факторы риска уровня жизни сгруппированы по уровню их образования – внешние (международный уровень) и внутренние (российский уровень). В рамках групп выделены их сферы влияния – социально-экономическая, денежно-кредитная, демографическая. По результатам исследования предложены меры для улучшения положения домохозяйств с детьми.

Ключевые слова: дети, дифференциация, домохозяйство, низкая обеспеченность, покупательная способность, располагаемые ресурсы, расходы на потребление, тенденции, уровень жизни, факторы риска

Благодарность: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00537, <https://rscf.ru/project/23-18-00537/>, в Институте экономики Российской академии наук

Для цитирования: Гулюгина А.А., Чашчина Т.В. Уровень жизни домохозяйств с детьми в современной России: факторы риска // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 556–571. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571; EDN SSXEEK

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571

EDN SSXEEK

Standard of Living of Households with Children in Modern Russia: Risk Factors

Aleftina A. Gulyugina¹, Tatyana V. Chashchina²

^{1,2} Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (algula@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>)

² (chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Abstract

The article analyzes the main indicators of the standard of living of households with children and identifies factors that create risks of a decline in living standards. The research methodology is based on Russian statistics, including macroeconomic data, the results of a sample survey of household budgets, sample observation of population incomes and participation in social programs, comprehensive monitoring of living conditions of the population, as well as the results of monitoring studies of incomes and living standards of the Russian population. Two interrelated calculation indicators are considered as the main indicators of living standards: real disposable resources and the purchasing power of consumption expenditures (key). The study is conducted for households with different numbers of children for the period 2018–2022. It is shown that indicators of the standard of living of households with children and risk factors are differentiated based on the number of children. It was determined that real disposable resources and the level of purchasing power of consumption expenditures decreased for all types of households with children. It was revealed that all households with children were low-income in terms of purchasing power of consumption expenditures. The risk of poverty in households with 1 child was the lowest, and in households with 2 children it became alarming. Households with 3 or more children are at extremely high risk of poverty. It has been shown that among low-income households the depth of poverty in the presence of 3 or more children is the most significant. It was determined that in the period under review, households with 1 child were less likely to spend the increase in available resources on consumption, and households with 3 or more children were most likely due to insufficient resource sufficiency. The identified risk factors for living standards are grouped by their level of

education – external (international level) and internal (Russian level). Within the groups, their spheres of influence are highlighted – socio-economic, monetary, demographic. Based on the results of the study, measures were proposed to improve the situation of households with children.

Keywords: children, differentiation, household, low income, purchasing power, disposable resources, consumption expenditures, trends, standard of living, risk factors

Acknowledgment: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 23-18-00537, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00537/>, at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

For citation: Gulyugina AA, Chashchina TV. Standard of Living of Households with Children in Modern Russia: Risk Factors. *Uroven' zhizni nasele-niya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):556–571. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_7_556_571

Введение

Уровень жизни домохозяйств с детьми является главным показателем социального благополучия общества. Первоочередные задачи для улучшения положения детей, обозначенные в рамках Десятилетия детства, объявленного Указом Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240 на период 2018–2027 годов¹, были актуализированы национальными целями, установленными Указом Президента РФ от 21.07.2020 N 474 на период до 2030 года². В условиях вызовов глобального и национального масштаба трансформируются тенденции в обществе, возрастает актуальность научных исследований в области уровня жизни домохозяйств с детьми и социальная значимость факторов риска.

Главные приоритеты российской политики в решении проблем уровня жизни домохозяйств с детьми направлены на мотивирование экономической самостоятельности и выполнения своей социальной функции³. Социальное самочувствие определяют внешние объективные условия и факторы, а своеобразной стратегией защиты от рисков в условиях общества, в котором поддерживается личная инициатива и достижение успеха, выступает, как показывают авторы монографии [1], трансформация института семьи, при этом обеспечение достойного уровня жизни вступает в противоречие с установками многодетности. Учёные единодушны во мнении, что потребность в детях в значительной степени зависит от ценностных ориентаций и материальной обеспеченности [1–6].

В числе основных социальных последствий сложившихся демографических трендов – умень-

шение числа детей в домохозяйствах и выход женщин на рынок труда, которые могут претендовать на многие позиции в связи с ростом уровня образования, при этом затраты на воспитание, содержание, образование детей, возросшие потребительские ожидания вызывают необходимость в дополнительном доходе [6]. Исследования специалистов показывают: у ребёнка, родившегося в семье с самыми низкими доходами, существенно больше причин с возрастом оказаться в самом низком квинтиле, чем в самом высоком, и наоборот, у ребёнка, родившегося в семье с самыми высокими доходами, больше шансов с возрастом оказаться в самом высоком квинтиле [7, p. 26].

Одно из наиболее распространённых направлений научных исследований – социальная поддержка домохозяйств с детьми [2–3; 5; 8–9 и др.]. Меры социальной поддержки в основном касаются бедной части населения, в то время как средние слои ориентируются только на свои трудовые доходы, корректируя в условиях неопределённости на рынке труда свои намерения по рождению детей в сторону отказа, при этом риски снижения рождаемости эксперты связывают не только со снижением числа женщин в репродуктивном возрасте, но и со структурными изменениями на рынке труда.⁴ Авторы монографии [1] на основе анализа успешного опыта развитых зарубежных стран раскрывают возможности хорошо выстроенной системы социальной поддержки родителей и детей в решении проблем материальной обеспеченности домохозяйств с детьми, способной привести к увеличению рождаемости. В работе [8] показана разрушительная сила бедности для положения и развития детей, значимость факторов и рисков экономического, демографического, социального и образовательного характера, под воздействием которых она формируется. Старт в 2022 г. специальной военной операции и частичная мобилизация трудоспособного населения вызвали необходимость в разработке комплекса

¹ Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»; Распоряжение Правительства РФ от 23.01.2021 N 122-р (ред. от 14.03.2023) «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года».

² Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

³ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р.

⁴ В Минтруде предупредили о рисках снижения рождаемости в ближайшие годы // RBC.ru: [сайт]. 08 июля 2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/07/2022/62c6ccb79a79474efe0194e2?ysclid=llmln3in3f790246858> (дата обращения: 22.08.2023).

целевых мер для поддержки участников СВО и их семей⁵.

Домохозяйства с детьми с невысокими ресурсными возможностями попадают в зону риска бедности при возникновении проблем со здоровьем, решение которых требует дополнительных расходов на лечение и восстановление, зачастую значительных. Учёные обращают внимание на тревожную тенденцию ухудшения состояния здоровья несовершеннолетних детей [2; 10; 11], последствия которого будут сказываться на их трудовой активности и доходах во взрослом состоянии. Острой является проблема смертности населения в трудоспособном возрасте. В большей своей части это – кормильцы в домохозяйствах с детьми, причём мужчины имеют, как правило, более высокую зарплату по сравнению с другими трудоспособными членами семьи, и их смерть ежегодно превращает сотни тысяч семей из среднеобеспеченных в бедных, так как они лишаются главного дохода [12]. В работе [13] рассматривается связь проблем смертности и социальной структуры, обосновывается важность развития среднего слоя, поскольку во всём мире именно средние слои «выступают в качестве носителя стереотипов поведения и связанных с ними ценностей, благоприятствующих сохранению здоровья и продлению жизни, вырабатывают стиль жизни, способствующий борьбе с нездоровьем и ранней смертностью» [13, с. 70–73].

Восходящую социальную мобильность и достижение более высокого социального статуса, независимо от текущего социального положения, даёт образование, которое предоставляет заложенная ранее инвестиционная основа и которое позволит в будущем избежать многих серьёзных экономических и социальных проблем – эти вопросы рассматриваются авторами публикаций [7; 14]. В статье [15], посвящённой неравенству инвестиций в человеческий капитал российских детей, показано, что обеспеченность и субъективное восприятие домохозяйствами своего уровня жизни являются значимыми дифференцирующими признаками расходов на образовательные услуги и сильнее всего это отражается на склонности к инвестированию в детское образование по сравнению с платными услугами для взрослых. В работе [2] обращается внимание на процесс формирования двух опасных полюсов по степени образовательного потенциала (потребляющие услуги особой интеллектуальной подготовки и лишённые даже общего среднего образования), которые, если их не остановить, приведут к росту

⁵ Социальная защита и поддержка участников СВО и членов их семей // Минобороны России: [сайт]. URL: https://mil.ru/svo_social.htm?ysclid=lp9s8ymqwi208578534 (дата обращения: 15.11.2023).

кумулятивной численности неграмотных и малограмотных, что влечёт за собой низкие доходы и безработицу.

При сокращении доходов домохозяйства с детьми оказываются в более уязвимом положении по сравнению с другими группами населения и вынуждены привлекать больше заёмных средств для поддержания приемлемого уровня жизни, а сжатие социальных программ в условиях спада демографической волны может привести к ещё большему раскачиванию «демографических качелей» [5]. Возможности для сбережений на разных этапах жизненного цикла, их резкое снижение с появлением детей, кредитная стратегия раскрываются в работах [16; 17]. Сегодня всё более актуальными становятся вопросы грамотного использования сбережений. Российская стратегия повышения финансовой грамотности⁶ выделяет в числе приоритетных целевых групп население с низким и средним уровнем доходов, склонное к рискованному типу финансового поведения в сложных жизненных обстоятельствах.

В составе российских домохозяйств с детьми, как показали итоги переписи населения 2020 г. (проведённого в 2021 г.), после переписи 2010 г. отмечался рост доли домохозяйств с 2-мя детьми (до 33,1%) и с 3-мя и более детьми (до 11,7%) при одновременном сокращении доли домохозяйств с 1 ребёнком (до 55,2%) [18]. Объектом настоящего исследования являются домохозяйства с детьми, предметом исследования – уровень жизни домохозяйства с разным числом детей. Цель исследования – проанализировать основные индикаторы уровня жизни домохозяйств с детьми, определить сложившиеся в период 2018–2022 гг. факторы риска. Под факторами риска для уровня жизни домохозяйств с детьми в настоящей работе понимаются явления и тенденции, прямо или косвенно создающие условия для образования угрожающей благосостоянию взрослых и детей опасности. Этот подход аналогичен подходу авторов⁷, согласно которому факторы риска выступают источниками возникновения рисков. Под рисками в настоящей работе понимается угрожающая благосостоянию домохозяйств с детьми опасность неблагоприятных последствий для детей и взрослых с вероятным негативным вариантом развития события в условиях неопределённости.

Гипотеза исследования рассматривается применительно к социальной структуре по признаку

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 N 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы». Раздел IV.

⁷ Гвоздева Е.А., Сорокин А.В. Риск-менеджмент: Учебное пособие для студентов всех форм обучения направления подготовки «Экономика». Издание 2-е дополненное и исправленное / Рубцовский индустриальный институт. Рубцовск, 2021. С. 25.

уровня жизни и включающей следующие слои: наименее обеспеченные (бедные), низкообеспеченные, обеспеченные ниже среднего уровня, среднеобеспеченные (нижний средний слой, ядро, верхний средний слой), высокообеспеченные [19, с. 117]. Гипотеза исследования состоит в следующем: уровень жизни домохозяйств с 1 ребёнком соответствует обеспеченности нижнего среднего слоя, факторы риска создают угрозу снижения уровня жизни со смещением в слой обеспеченности ниже среднего уровня; у домохозяйств с 2-мя детьми уровень жизни соответствует обеспеченности ниже среднего уровня, факторы риска создают угрозу снижения уровня жизни, но в рамках слоя; уровень жизни домохозяйств с 3-мя детьми соответствует слою низкообеспеченных, факторы риска создают угрозу снижения уровня жизни, но в рамках слоя.

Методология исследования и данные

Категория «уровень жизни» не имеет единого толкования. В настоящей работе за основу принимается позиция авторов [20], согласно которой категория «уровень жизни»: «характеризует потребление людей, их социальных групп и общества во всех сферах их жизнедеятельности и является относительной (в сравнении с социальными стандартами) стоимостной характеристикой их жизни, обеспечивающей то или иное её качество» [19, с. 11–12]. Данное определение включает в себя две основополагающие и взаимосвязанные характеристики уровня жизни, – доступность потребительских благ и обеспечивающая ресурсная база. Это обусловило выбор в качестве основных индикаторов уровня жизни домохозяйств с детьми в пользу покупательной способности расходов на потребление (ключевой) и реальных располагаемых ресурсов в среднем на члена домохозяйства. Оба показателя являются расчётными.

Покупательная способность расходов на потребление определяется как отношение расходов на потребление к стоимости потребительской корзины прожиточного минимума. Первый компонент – расходы на потребление – характеризует фактический уровень текущего потребления как наиболее приемлемый с учётом ресурсной обеспеченности. По методологии Росстата, расходы на потребление домашних хозяйств включают в себя потребительские расходы (часть денежных расходов домашних хозяйств, направленных на приобретение потребительских товаров и оплату услуг, не учитываются расходы на покупку произведений искусства, антиквариата, ювелирных изделий и т.п.), а также натуральные поступления в денежном эквиваленте (продукты питания, алкогольные напитки, непродовольственные това-

ры, услуги).⁸ Вторым компонентом – потребительская корзина прожиточного минимума – является минимально приемлемым стандартом потребления, освобождённым от расходов на обязательные платежи и сборы.

Реальные располагаемые ресурсы определяются в настоящей работе путём корректировки располагаемых ресурсов на темпы роста величины прожиточного минимума. По методологии Росстата, располагаемые ресурсы домашних хозяйств представляют собой объём располагаемых денежных и натуральных (в денежном эквиваленте) средств для финансирования своих расходов и создания сбережений. Применение прожиточного минимума позволяет избежать избыточную информацию в общей динамике потребительских цен, охватывающей более 500 товарных позиций, обследуемых Росстатом.

Факторы риска для уровня жизни домохозяйств с детьми в условиях санкционного давления на Россию и военно-политических вызовов подразделяются по уровню образования на внешние (международный уровень) и внутренние (российский уровень). В настоящей работе исследование сконцентрировано на демографическом, социально-экономическом и денежно-кредитном направлениях, играющих первостепенное значение для уровня жизни домохозяйств с детьми.

Информационной основой исследования уровня жизни домохозяйств с детьми стали: 1) данные Росстата, включая макроэкономические данные, итоги выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств, результаты статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам, в частности, выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, комплексного наблюдения условий жизни населения; 2) результаты мониторинговых исследований доходов и уровня жизни населения России. Исследование выполняется применительно к домохозяйствам с разным числом детей для периода 2018–2022 гг.

Для проведения исследования привлечена модель социального расслоения, применяемая в мониторинговых исследованиях доходов и уровня жизни населения, которая применительно к покупательной способности расходов на потребление имеет вид: *наименее обеспеченные* (бедные): с расходами на потребление ниже ПК (потребительской корзины прожиточного минимума); *низкообеспеченные* (1–2 ПК); *обеспеченные ниже среднего уровня* (2–3,1 ПК); *среднеобеспеченные* (3,1–11 ПК), в том числе нижний средний слой (3,1–4 ПК), ядро (4–8 ПК), верхний средний слой (8–11 ПК); *высокообеспеченные* (от 11 ПК) [18, с. 117].

⁸ Доходы, расходы и потребление домохозяйств в 2022 году. Методология // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 27.08.2023).

Результаты исследования

Численный и половозрастной состав домохозяйств с детьми во многом предопределяет их источники для формирования ресурсов. Для взрослых трудоспособного возраста это – оплата труда, доходы от самозанятости и др., для лиц старшего возраста, в основном, это пенсии и доплаты к ним, для детей – социальные выплаты. Уровень ресурсной обеспеченности, половозрастные особенности потребления, ценностные ориентиры формируют потребительское и сберегательное поведение домохозяйств с детьми. При изменении состава домохозяйств трансформируются угрозы для уровня жизни. Так, например, тенденция роста числа разводов (+17% в 2022 г. к 2018 г.⁹) ведёт к снижению денежных поступлений в связи с замещением дохода от занятости кормильца на алименты от него, которые несопоставимо меньше и связаны с угрозой возникновения задолженности по выплатам.

Тяжелой демографической проблемой является естественная убыль населения. В 2022 г. (-594,6 тыс. чел.) она была больше, чем в 2018 г., в 2,6 раза, шоковыми из-за коронавирусной пандемии были 2020–2021 гг.¹⁰ В 2020 г. в общем числе ушедших из жизни лиц трудоспособного возраста 78,3% было мужчин¹¹ – основных кормильцев в семьях. Наряду с этим отмечается повышение материнской смертности (170 чел. в 2022 г., +16% к 2018 г.¹²).

С 2022 г. усилился миграционный отток. В 2022 г. показатель международной миграции составил 668,4 тыс. чел., что в 2,8 раза больше, чем в 2021 г.¹³ При назначенных алиментах на несовершеннолетних детей в условиях развода родителей это несёт в себе опасность потерь в выплатах из-за отъезда плательщика, сокрытия доходов.

Главный экономический ресурс для уровня жизни – ВВП на душу населения – в период 2018–2022 гг. сложился нестабильным, падение показателя было зафиксировано в 2020 и 2022 годах¹⁴. Давление антироссийских санкций на экономику страны продолжает нарастать. Де-

мографические изменения влияют на состав рабочей силы, а через неё на производительность труда и заработную плату. Учёные считают, что по причине популяционной реструктуризации замедление темпа роста ВВП может составить 1% в год¹⁵. Серьёзной проблемой является высокое неравенство в распределении доходов (коэффициент фондов в 2022 г. составил 13,8%¹⁶) при значительных масштабах абсолютной монетарной бедности (11,9% в 2022 г. по методологии 2020 г. [19, с. 117]).

Ухудшало положение ускорение темпов роста потребительских цен – в 2022 г. они разошлись до 111,9%, наибольшего значения с 2018 г.¹⁷ В 2022 г. реальная начисленная заработная плата работников организаций снизилась до минимального значения (100,3%), оказались в минусе реальные располагаемые денежные доходы населения (99,0%)¹⁸. Основные причины разгона инфляции эксперты видят в том, что производитель вынужден в условиях инфляции повышать цены на свою продукцию, чтобы иметь доход и быть конкурентоспособным на рынке, а также обязан поднимать зарплату работающим, должен закладывать в цену дорогие кредиты.¹⁹

Особенность современного периода – в трансляции санкционного давления на импорт и экспорт товарной продукции и услуг на потребительские цены, что связано с высокой зависимостью российского производства от зарубежной промежуточной продукции (запчасти к оборудованию и т.п.) и взаимодействия по технологическому обслуживанию. Уход иностранных компаний поставил под угрозу рабочие места (особенно важно для регионов с промышленной структурой экономики), большую финансовую проблему создало отключение ряда банков от международной системы передачи финансовых сообщений между банками (SWIFT).²⁰ Разрыв межстрановых товар-

¹⁵ На пути к восьми миллиардам: как растёт население Земли / РБК Тренды // rbc.ru: [сайт]. 11.11.2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/63490fa29a79473b667149fb> (дата обращения: 25.10.2023).

¹⁶ Коэффициент фондов (соотношение денежных доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) в целом по России и по субъектам Российской Федерации // Росстат: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>

¹⁷ Индексы потребительских цен на товары и услуги по Российской Федерации, месяцы (с 1991 г.) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 01.09.2023).

¹⁸ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, август 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 01.09.2023).

¹⁹ Задача сдерживать рост цен сейчас выходит на первый план» (23 августа 2023) // Expert.ru: [сайт]. URL: <https://expert.ru/2023/08/23/zadacha-sderzhat-rost-tsen-seychas-vykhodit-na-pervyy-plan/> (дата обращения: 25.08.2023).

²⁰ Сазонова М. Санкции против России: итоги года // Garant.ru: [сайт]. 21 декабря 2022. URL: <https://www.garant.ru/art>

⁹ Разводы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.08.2023).

¹⁰ Рождаемость, смертность и естественный прирост // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.08.2023).

¹¹ Число умерших в трудоспособном возрасте и старше трудоспособного возраста за 2019–2020 годы // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.08.2023).

¹² Материнская смертность // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.08.2023).

¹³ Международная миграция // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 25.08.2023).

¹⁴ Индексы физического объёма валового внутреннего продукта на душу населения. ВВП на душу населения // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 27.08.2023).

ных и финансовых связей, удорожание логистических процессов из-за разрушения международной логистики стали факторами риска для уровня жизни в России.

Ресурсная обеспеченность, расходы на потребление и возможный резерв для создания сбережений заметно дифференцированы в зависимости от числа детей (таблица 1). С ростом числа детей эти показатели снижаются. Так, в 2022 г. располагаемые ресурсы домохозяйств с 1 ребёнком составили 32 433 руб., при наличии 2-х детей они были меньше на 15,8%. В худшем положении были домохозяйства с 3-мя и более детьми, у кото-

рых располагаемые ресурсы были меньше, чем с 2-мя детьми, на 31,4%. Аналогичная картина отмечается по расходам на потребление и резервам для создания сбережений. Рост располагаемых ресурсов в 2022 г. к 2018 г. составил не более 29,4%, в то время как расходы на потребление повысились на 32–36%. Резерв для создания сбережений по совокупности за рассматриваемый период у домохозяйств с 1 ребёнком (46243 руб.) был выше, чем у других домохозяйств; при наличии 2-х детей резерв был меньше, чем у домохозяйств с 1 ребёнком, на 10,3%, при наличии 3-х и более детьми он был меньше, чем с 2-мя детьми, на 36,2%.

Таблица 1

Располагаемые ресурсы и их использование в домохозяйствах с детьми
(по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)

Table 1

Available Resources and their Use in Households with Children
(Based on the Results of a Sample Survey of Household Budgets)

в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц

	Годы					Темп роста/снижения, 2022 г. к 2018 г., %	Резерв для создания сбережений за 2018–2022 гг., руб.
	2018	2019	2020	2021	2022		
Домашние хозяйства, имеющие ОДНОГО ребёнка							
Располагаемые ресурсы, руб.	26 690	26 914	27 434	29 675	32 433	121,5	
Расходы на потребление	17 039	18 167	18 386	20 804	22 507	132,1	
Резерв для создания сбережений ¹⁾	9 651	8 747	9 048	8 871	9 926		46 243
Домашние хозяйства, имеющие ДВУХ детей							
Располагаемые ресурсы, руб.	21 099	22 369	23 931	25 35	27 311	129,4	
Расходы на потребление	13 774	14 852	14 872	16 309	18 784	136,4	
Резерв для создания сбережений ¹⁾	7 325	7 517	9 059	9 042	8 527		41 470
Домашние хозяйства, имеющие ТРЁХ и БОЛЕЕ детей							
Располагаемые ресурсы, руб.	15 127	15 722	16 419	18 415	18 736	123,9	
Расходы на потребление	10 183	10 851	11 065	11 995	13 859	136,1	
Резерв для создания сбережений ¹⁾	4 944	4 871	5 354	6 420	4 877		26 466

¹⁾ определено как разница между располагаемыми ресурсами и расходами на потребление.

Источники: данные Росстата²¹, расчёты авторов.

²¹ Располагаемые ресурсы домашних хозяйств (в среднем на члена домохозяйств), в том числе имеющих детей в возрасте до 16 лет, из них: с 1 ребёнком, 2 детьми, 3 и более детьми // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 27.08.2023).

Располагаемые ресурсы обеспечиваются за счёт *денежных доходов* на 80–90% (таблица 2). Другие 10–20% доходов включают в себя *натуральные поступления* (поступления из личного подсобного хозяйства, полученные подарки, натуральные поступления от других домохозяйств и от работодателя) и *привлечённые средства и сбережения*. Натуральные поступления в целом незначительные – для всех типов домохозяйств с детьми они составляли от 2,5% (1 ребёнок) до 5,3% (3 и более детей). Недостаток от денежных доходов восполняется, в основном, за счёт при-

влечения дополнительных средств и сбережений, которые могут составлять в отдельные годы 13% и более. При этом у домохозяйств с 1 ребёнком и с 2-мя детьми наблюдается тенденция роста доли денежных доходов, что позволяет сокращать потребность в дополнительных средствах и сбережениях при достаточно устойчивой доле натуральных поступлений. У домохозяйств с 3-мя и более детьми денежные доходы отличаются нестабильностью, более высокой долей натуральных поступлений (не менее 4,5%), доля привлечённых средств и сбережений может превышать 13%.

Таблица 2
Основные компоненты располагаемых ресурсов домохозяйств с детьми в 2018–2022 гг.¹⁾
(располагаемые ресурсы =100%)

Table 2

Main Components of Disposable Resources of Households with Children in 2018–2022
(Disposable Resources =100%)

	Годы					Изменение 2022 г. к 2018 г., п.п.
	2018	2019	2020	2021	2022	
Домашние хозяйства, имеющие ОДНОГО ребёнка						
- денежный доход	84,4	88,1	88,2	89,2	89,6	5,2
- стоимость натуральных поступлений	2,5	2,6	2,6	2,5	2,5	0
- привлечённые средства и израсходованные сбережения	13,0	9,3	9,2	8,2	8,0	-5,0
Домашние хозяйства, имеющие ДВУХ детей						
- денежный доход	84,3	85,9	84,9	85,1	86,8	2,5
- стоимость натуральных поступлений	3,1	3,1	2,9	3,0	2,9	-0,2
- привлечённые средства и израсходованные сбережения	12,6	11,0	12,2	11,9	10,3	-2,3
Домашние хозяйства, имеющие ТРЁХ и БОЛЕЕ детей						
- денежный доход	83,9	87,0	84,4	81,7	88,7	4,8
- стоимость натуральных поступлений	4,5	4,8	5,0	4,6	5,3	0,8
- привлечённые средства и израсходованные сбережения	11,6	8,2	10,6	13,7	6,0	-5,6

¹⁾ по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств.

Источники: данные Росстата²².

Основным источником денежных доходов является оплата труда. В 2018 и 2022 гг. для домохозяйств с 1 ребёнком её доля (включая выплаты социального характера) приближалась к 80% и заметно превышала аналогичную долю у домохозяйств с 2 детьми (не более 75%) и с 3-мя и более детьми (не более 62%) (таблица 3). Второй по значимости источник доходов – социальные выпла-

ты. Для домохозяйств с 1 ребёнком их доля занимала в доходах около 11%, уступая значению этой доли у домохозяйств с 2-мя детьми (около 14%) и с 3-мя и более детьми (25–27%). При этом для домохозяйств с 1 ребёнком в составе социальных выплат преобладают пенсии – их доля почти в 2 раза выше, чем у пособий и компенсаций. Иное соотношение в составе социальных выплат у других домохозяйств с детьми – здесь преобладают пособия и компенсация. Особенно это выражено у домохозяйств с 3-мя и более детьми, у которых пособия и компенсации в 3–4 раза превышают

²² Структура располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств), 2022 г., 2021 г., 2020, г. 2019 г. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 27.08.2023).

пенсии. На третьем месте по значимости – доходы от самостоятельной занятости, занимающие 6–7% в доходах. Исключением стала аналогичная доля у домохозяйств с 3-мя и более детьми в 2021 г., которая достигла 9,7%. На четвертом месте – иные денежные поступления от частных лиц и организаций, занимающие в доходах менее 4% и наиболее значительные у домохозяйств с 3-мя и более детьми. При этом алименты занимают около 1% (0,8–1,2%). На пятом месте – доход, не отнесённый к определённой форме занятости (помимо основной работы и/или от нерегулярной трудовой деятельности), доля которого составляет не более 2%. На шестом месте – доход от собственности, занимающий менее 1%.

В период 2021–2018 гг. для всех типов домохозяйств с детьми выросла доля пособий, компенсаций и других социальных выплат, а также доля выплат по алиментам. При этом у домохозяйств с 1 ребёнком и особенно у домохозяйств с 3-мя и более детьми сократилась доля оплаты труда, что частично возмещалось у них ростом доли доходов от самостоятельной занятости. У домохозяйств с 2-мя детьми, напротив, доля оплаты труда выросла при одновременном снижении доли доходов от самостоятельной занятости. Доля денежных поступлений от частных лиц и организаций выросла только у домохозяйств с 3-мя и более детьми, в то время как у домохозяйств с 1 ребёнком и с 2-мя детьми она сократилась.

Структура денежных доходов домохозяйств с детьми в период 2018–2022 гг. Таблица 3
Table 3
 Structure of Cash Income of Households with Children in the Period 2018–2022

	Домохозяйства, имеющие детей в возрасте до 18 лет								
	2018 год, число детей			2021 год, число детей			Изменение в 2021 г. к 2018 г., п.п.		
	1	2	3 и более	1	2	3 и более	1	2	3 и более
Денежный доход – всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0			
Оплата труда (включая выплаты социального характера) ¹⁾	79,0	72,6	62,4	78,0	74,8	57,3	-1,0	2,2	-5,1
Доход от самостоятельной занятости ¹⁾	5,6	7,5	7,2	6,5	6,3	9,7	0,9	-1,2	2,5
Доход, не отнесённый к определённой форме занятости ²⁾	1,4	1,8	2,0	1,4	1,1	1,9	0	-0,7	-0,1
Доход от собственности – всего	0,8	0,7	0,6	0,6	0,7	0,6	-0,2	0	0
Социальные выплаты	10,9	14,0	24,8	11,6	14,5	26,9	0,7	0,5	2,1
в том числе									
пенсии	7,4	5,8	6,4	7,3	5,5	5,3	-0,1	-0,3	-1,1
пособия, компенсации и другие социальные выплаты	3,5	8,1	18,4	4,3	9,0	21,6	0,8	0,9	3,2
Иные денежные поступления от частных лиц и организаций	2,2	3,3	3,0	1,9	2,6	3,6	-0,3	-0,7	0,6
из них алименты и другие приравненные к ним выплаты	0,8	0,9	0,8	0,9	1,2	1,0	0,1	0,3	0,2

¹⁾ по месту основной работы.

²⁾ помимо основной работы и/или от нерегулярной трудовой деятельности.

Доля домохозяйств, испытывавших серьёзные финансовые затруднения, за 2018–2022 гг. снизилась в домохозяйствах с 1 ребёнком до 58,5% (-6,0 п.п.), с 2-мя и более детьми до 61,4% (-9,1 п.п.)²³. То есть более половины домохозяйств каждой из этих групп имели хронический дефицит в ресурсах.

²³ Распределение домашних хозяйств по степени удовлетворённости своим финансовым положением (в том числе имеющих детей в возрасте до 16 (18) лет) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 01.09.2023).

Финансовые проблемы неразрывно связаны с абсолютной монетарной бедностью, которая возрастает по мере роста числа детей (таблица 4). Среди домохозяйств с 1 ребёнком доля малоимущих домохозяйств в 2020 г. составила 7,6%, у домохозяйств с 2-мя детьми (16,4%) она была в 2 раза больше, а у домохозяйств с 3-мя и более детьми (37,2%) почти в 5 раз больше, чем с 1 ребёнком, и в 2,3 раза больше, чем с 2 детьми. В каждой группе доля малоимущих домохозяйств постепенно сокращается, однако глубина бедности, опреде-

ляемая дефицитом душевых денежных доходов до величины прожиточного минимума, остаётся значительной и с ростом числа детей возрастает.

Так, у малоимущих домохозяйств с 1 ребёнком в 2018–2020 гг. она составляла 25–27%, с 2-мя детьми 25–29%, с 3-мя и более детьми 32–35%.

Распределение малоимущих домохозяйств с детьми¹⁾ и глубина бедности²⁾

Таблица 4

Table 4

Distribution of Low-Income Households with Children and Depth of Poverty

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Изменение 2020 к 2018, п.п.
Доля малоимущих домохозяйств с детьми в общей численности домохозяйств соответствующей группы, %				
с 1 ребёнком	9,3	8,6	7,6	-1,7
с 2 детьми	19,8	21,5	16,4	-3,4
с 3 и более детьми	47,9	46,2	37,2	-10,7
Глубина бедности, %				
с 1 ребёнком	25,1	27,4	27,3	2,2
с 2 детьми	26,3	28,6	24,9	-1,3
с 3 и более детьми	32,5	35,4	32,0	-0,5

¹⁾ по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах (дети до 18 лет).

²⁾ определяется как дефицит душевых доходов до величины прожиточного минимума.

Источник: данные Росстата²⁴, расчёты авторов.

Недостаток ресурсов отражается на качестве питания. В 2022 г. в домохозяйствах с 3-мя и более детьми больше, чем в домохозяйствах другого типа, употреблялось хлеба и хлебных продуктов, но меньше овощей и бахчевых, фруктов и ягод, мяса и мясных продуктов, яиц, рыбы и рыбных продуктов (таблица 5). Если сравнивать фактическое потребление продуктов питания с нормами, которые предусматривались в потребительской корзине прожиточного минимума по методологии, действовавшей до 2021 г.²⁵, то у детей недостаточными были фактические объёмы потребления овощей и бахчевых, фруктов и ягод,

картофеля, молочных продуктов, в то же время выше рекомендованных были объёмы потребления мясных продуктов, сахара и кондитерских изделий, масла растительного и других жиров. Взрослые трудоспособного возраста недостаточно употребляли хлеба и хлебных продуктов, картофеля, овощей и бахчевых, масла растительного и других жиров, но превышенными были объёмы потребления мясных продуктов, сахара и кондитерских изделий. Фактическая энергетическая ценность питания детей была сопоставима с нижними значениями рекомендованных, а у взрослых она была существенно ниже.

Таблица 5

Потребление основных продуктов питания и энергетическая ценность домохозяйств с детьми до 16 лет, Россия, 2022 г. (в среднем на потребителя в год, кг)

Table 5

Consumption of Basic Food Products and Energy Value of Households with Children under 16 Years of Age, Russia, 2022 (Average per Consumer per Year, kg)

	Фактическое потребление домохозяйств, имеющие в составе			Минимальные нормы потребления (прожиточный минимум)	
	1 ребёнка	2 ребёнка	3 и более детей	Трудоспособные	Дети
1	2	3	4	5	6
Хлеб и хлебные продукты	78,1	73,5	85,0	126,5	77,6
Картофель	46,5	42,8	46,2	100,4	88,1

²⁴ Распределение малоимущих домашних хозяйств по основным демографическим и социально-экономическим категориям // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 01.09.2023). Социально-экономические индикаторы бедности в 2015-2022 гг. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13293> (дата обращения: 01.09.2023). Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, август 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 28.09.2023).

²⁵ С 2021 г. новыми правилами исчисления величины прожиточного минимума не предусматривается формирование минимальной потребительской корзины – см. Федеральный Закон от 24.10.1997 №134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 05.12.2022) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации».

1	2	3	4	5	6
Овощи и бахчевые	90,0	78,6	75,4	114,6	112,5
Фрукты и ягоды	64,9	58,1	54,2	60,0	118,1
Мясо и мясные продукты	85,3	77,3	70,8	58,6	44,0
Молоко и молочные продукты	224,1	203,5	204,9	290,0	360,7
Яйца, шт.	209	188	186	210,0	201,0
Рыба и рыбные продукты	18,5	16,1	15,3	18,5	18,6
Сахар и кондитерские изделия	26,2	24,8	25,7	23,8	21,8
Масло растительное и другие жиры	8,3	7,6	7,9	11,0	5,0
Энергетическая ценность ККАл/сутки	2266,9	2093,4	2152,1	2525–2916 (в зависимости от климат. зоны)	2038–2475 (в зависимости от климат. зоны)

Источники: ²⁶.

Сбалансированное питание является важной составляющей для поддержания здоровья детей и взрослых. Данные статистики показывают устойчиво высокое число детей, впервые признанных инвалидами. Ежегодно таких детей насчитывается, как правило, более 70 тыс. чел. В 2022 г. их было почти 79 тыс. чел. в возрасте до 18 лет (+6,8% к 2018 г.)²⁷. Среди трудоспособного населения по данным Минтруда России (расчёт Росстата) численность лиц, впервые признанных инвалидами, выросла в 2022 г. на 0,9% (до 229 тыс. чел.²⁸) после длительного снижения показателя в предыдущие годы. По итогам 2023 года также ожидается рост показателя, учитывая СВО. При признании инвалидности у взрослого трудоспособного возраста меняется структура денежных доходов в домохозяйствах с детьми в связи с замещением доходов от занятости на пенсии по инвалидности, а в случае летального исхода детям назначаются пенсии по потере кормильца. Для семей участников СВО структура денежных доходов трансформируется с учётом специальных выплат и льгот.

Повышение доходов в домохозяйстве за счёт трудоустройства женщин, имеющих малолетних детей, усложняет недостаточная обеспеченность

²⁶ Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах, пищевая и энергетическая ценность продуктов питания в домашних хозяйствах с детьми // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 27.08.2023). Постановление Правительства РФ от 29 января 2013 г. N 56 "Об утверждении Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации" с изменениями и дополнениями от 6 декабря 2013 г. (утратило силу с 1 января 2021 г.).

²⁷ Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней (по данным Минтруда) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 10.11.2023).

²⁸ Численность лиц, впервые признанных инвалидами (Данные Минтруда России, расчёт Росстата) // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 10.11.2023).

детей в возрасте от полутора до трёх лет местами в дошкольных образовательных организациях. Так, по состоянию на 1 января 2023 г. показатель обеспеченности в целом по России составил 511 мест на 1000 детей.²⁹ Кроме того, в 2018–2022 гг. при макроэкономическом уровне безработицы 4–5% (более высокий в коронакризисном 2020 г. (5,8%))³⁰ только у женщин с 1 ребёнком показатель (3,3–4,9%)³¹ соответствовал общей ситуации на рынке труда, в то время как при наличии 2-х детей (4,5–6,8%) и особенно 3-х и более детей (8,3–11%) уровень безработицы был заметно выше.

Снижение ресурсного обеспечения по мере роста числа детей ведёт к сокращению расходов на образование. Так, во 2 квартале 2023 г. в домохозяйствах с 1 ребёнком расходы на образование составили 430 руб. в среднем на члена домохозяйства при располагаемых ресурсах 35336 руб., при наличии 2-х детей они сократились, соответственно, на 5,5% и 18,5%, при наличии 3-х и более детей уменьшились на 19,1% и 12,8% по сравнению с домохозяйствами с 2-мя детьми³².

Определение реакции потребления на изменение в ресурсах с применением индикатора предельной склонности к потреблению MPC (marginal propensity to consume), определяемого

²⁹ Обеспеченность детей в возрасте от полутора до трёх лет местами в организациях, на 1000 детей // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/education> (дата обращения: 10.11.2023).

³⁰ Численность безработных в возрасте 15–72 лет и уровень безработицы // Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 01.09.2023).

³¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2018, 2019, 2020, 2021, 2022. // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 01.09.2023).

³² Уровень и состав располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) по 2 квартале 2023 года // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 27.09.2023).

отношением прироста расходов на потребление к приросту располагаемых ресурсов, показывает, что наибольшую склонность к потреблению имеют домохозяйства с 3-мя и более детьми, что объясняется более напряжённой ресурсной обеспеченностью. Для периода 2018–2022 гг. показатель MPC этого типа домохозяйств составил 0,85³³, означающий, что 0,85-ая часть каждого рубля прироста располагаемых ресурсов направлялась на потребление. У домохозяйств с 2-мя детьми показатель MPC в этот период составил 0,75, с 1 ребёнком 0,68. То есть домохозяйства с 1 ребёнком были более мотивированы на сбережения.

По данным Банка России, вероятность оказаться в сложном финансовом положении у семьи с детьми больше, и они чаще имеют долговые обязательства. Специалисты отмечают: в структуре финансовых активов домохозяйств преобладают банковские счета; кредитные карты чаще используют менее доходные группы – по подобию

инструменту кредитования отмечается наибольшая доля домохозяйств с просроченным платежом; семьи с детьми чаще принимают на себя обязательства, связанные с покупкой жилья; на обслуживание кредитов у семьи уходит в среднем около 50% доходов ежемесячно, а если число кредитов больше, то эта доля доходит до 80%. При появлении долговых обязательств в качестве основной причины около более половины заёмщиков ссылаются на финансовые трудности, называя среди основных причин падение доходов (30%), невозможность справиться с кредитной нагрузкой (20%), потерю работы (18%), недостаток свободных средств из-за роста цен (17%). Отмечается также неумение грамотно планировать свои финансы.³⁴

Расчёт покупательной способности расходов на потребление в среднем на душу показывает, что для периода 2018–2022 гг. была характерна тенденция снижения показателя (таблица 6).

Таблица 6

Покупательная способность (ПС) расходов на потребление и реальные располагаемые ресурсы домохозяйств с детьми в среднем на душу, Россия

Table 6

Purchasing Power (PP) of Consumption Expenditures and Real Disposable Resources of Households with Children on Average per Capita, Russia

	Годы					Изменение 2022 г. к 2018 г. %
	2018	2019	2020	2021	2022	
Домашние хозяйства, имеющие ОДНОГО ребёнка						
ПС расходов на потребление, ПК ¹⁾ в среднем на душу	1,78	1,79	1,74	1,75	1,64	92,4
Реальные располагаемые ресурсы, % к предыдущему году		95,3	98,1	96,2	94,4	84,9
Домашние хозяйства, имеющие ДВУХ детей						
ПС расходов на потребление, ПК ¹⁾ в среднем на душу	1,44	1,46	1,41	1,38	1,37	95,4
Реальные располагаемые ресурсы, % к предыдущему году		100,2	103,0	94,2	93,0	90,4
Домашние хозяйства, имеющие ТРЁХ и БОЛЕЕ детей						
ПС расходов на потребление, ПК ¹⁾ в среднем на душу	1,06	1,07	1,05	1,01	1,01	95,2
Реальные располагаемые ресурсы, % к предыдущему году		98,2	100,5	99,8	87,9	86,5

¹⁾потребительская корзина прожиточного минимума.

Источники: данные Росстата³⁵, [27], расчёты авторов.

³³ Рассчитано на основе данных Росстата: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 27.08.2023).

³⁴ ЦБ впервые подсчитал средний уровень дохода на одного члена семьи // Expert.ru: [сайт]. 19 апреля 2023. URL: <https://expert.ru/2023/04/19/tsb-vpervyue-podschital-sredniy-uroven-dokhoda-na-odnogo-chlena-semi/> (дата обращения: 27.08.2023); Бессонова Е., Цветкова А. Финансы российских домохозяйств в 2022 году. Аналитическая записка // Банк России: [сайт]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/146276/analytic_note_20230419_dip.pdf (дата обращения: 27.08.2023); Аналитики дали мрачный прогноз об уровне жизни россиян. Долговая яма будет только увеличиваться // МК.ru: [сайт]. 10.01.2023. URL: <https://www.mk.ru/economics/2023/01/10/analitiki-dali-mrachnyy-prognoz-ob-urovne-zhizni-rossiyan.html?ysclid=llhqo7gnbt173429179> (дата обращения: 15.08.2023); Коллекторы назвали основные причины просрочки россиян по кредитам // RG.ru: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/03/05/kollektory-nazvali-osnovnyie-prichiny-prosrochki-rossiian-po-kreditam.html> (дата обращения: 27.08.2023).

³⁵ Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации, август 2023 // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50802> (дата обращения: 01.09.2023).

Она сформировалась в условиях падения реальных располагаемых ресурсов. Так, у домохозяйств с 1 ребёнком покупательная способность расходов на потребление уменьшилась в 2022 г. к 2018 г. на 7,6% (до 1,64 ПК) при падении реальных располагаемых ресурсов на 15,1%. У домохозяйств с 2-мя детьми покупательная способность расходов на потребление снизилась, соответственно, на 4,6% (до 1,37 ПК) и 9,6%, у домохозяйств с 3-мя и более детьми на 4,8% (до 1,01 ПК) и 13,5%. В среднем снижение реальных располагаемых ресурсов на 1% у домохозяйств с 1 ребёнком сопровождалось уменьшением покупательной способности расходов на потребление на 0,50%, у домохозяйств с 2-мя детьми на 0,48%, с 3-мя и более детьми на 0,36%. То есть падение реальных располагаемых ресурсов в меньшей степени транслируется на низкую покупательную способность расходов на потребление.

Уровень покупательной способности расходов на потребление домохозяйств с детьми, сложив-

шийся в 2018–2022 гг., позволяет идентифицировать их по уровню жизни как низкообеспеченные (1–2 ПК). При этом у домохозяйств с 1 ребёнком уровень показателя (1,64–1,78 ПК) был смещён к верхней границе слоя, и они имели наименьший риск попадания в слой наименее обеспеченных (бедных) (до 1 ПК). У домохозяйств с 2-мя детьми при покупательной способности расходов на потребление (1,37–1,44 ПК) положение становится угрожающим из-за опасного смещения к слою наименее обеспеченных (бедных). Для домохозяйств с 3-мя и более детьми сложились предельно высокие риски бедности – покупательная способность расходов на потребление (1,01–1,07 ПК) критически приблизилась к слою наименее обеспеченных (бедных).

Неблагоприятная тенденция покупательной способности расходов на потребление в условиях падения реальных располагаемых ресурсов сформировалась под влиянием факторов риска, основной перечень которых приведён в таблице 7.

Таблица 7
Основные факторы риска уровня жизни домохозяйств с детьми в России, 2018–2022 гг.
Table 7
Main Risk Factors for the Standard of Living of Households with Children in Russia, 2018–2022

Внешние факторы риска	Внутренние факторы риска
<p>1. Социально-экономические</p> <p>1.1. Санкционные ограничения на российский экспорт:</p> <ul style="list-style-type: none"> • неблагоприятная трансформация межстрановых связей. <p>1.2. Санкционные ограничения на импорт для российского рынка:</p> <ul style="list-style-type: none"> • неблагоприятная трансформация межстрановых связей по импорту конечной и промежуточной продукции; • импортозамещение. <p>1.3. Санкционные ограничения на экспорт/импорт услуг:</p> <ul style="list-style-type: none"> • неблагоприятная трансформация межстрановых связей по сервисному обслуживанию оборудования; логистики; транспортных услуг; • ухудшение условий транспортировки продукции (удлинение сроков доставки, рост тарифов, отказ в страховании грузов, приостановка). <p>2. Финансовые</p> <ul style="list-style-type: none"> • неблагоприятная трансформация международных связей; • замораживание финансовых активов. <p>3. Демографические</p> <ul style="list-style-type: none"> • мобилизация; • миграционный отток. 	<p>1. Социально-экономические</p> <p><i>Макроэкономический уровень</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • неустойчивость экономики (рост / падение); • высокие темпы роста потребительских цен; • низкая реальная заработная плата; • низкие реальные располагаемые денежные доходы; • недостаточная обеспеченность детей в возрасте от полутора до трех лет местами в организациях; • устойчиво высокое число детей, впервые признанных инвалидами; • рост числа лиц трудоспособного возраста, впервые признанных инвалидами; • безработица; • масштабная бедность. <p><i>Домохозяйства с детьми</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • падение реальных располагаемых ресурсов; • падение покупательной способности расходов на потребление; • уменьшение покупательной способности расходов на потребление с ростом числа детей; • зависимость располагаемых ресурсов от уязвимых компонентов – натуральных поступлений, сбережений, алиментов и др.; • несбалансированное питание; • высокая зависимость от социальной поддержки; • рост уровня женской безработицы с ростом числа детей; • рост уровня бедности с ростом числа детей; • рост глубины бедности с ростом числа детей; • потребность в кредитах.

Внешние факторы риска	Внутренние факторы риска
	<p>2. Денежно-кредитные</p> <ul style="list-style-type: none"> • процентные: потери во вкладах; • снижение доходности ценных бумаг; • кредитные: возникновение долговых обязательств; • валютные: потери от снижения курса валют по сравнению с курсом приобретения. <p>3. Демографические</p> <ul style="list-style-type: none"> • естественная убыль населения с избыточной смертностью в трудоспособном возрасте; • рост нагрузки на трудоспособных с рождением детей (уход, содержание, воспитание); • рост числа разводов.

Заключение

Повышение уровня жизни домохозяйств с детьми предполагает устойчивый рост покупательной способности расходов на потребление, обеспечиваемый позитивной динамикой реальных располагаемых ресурсов. В 2018–2022 гг. факторы риска как внешние, так и внутренние складывались неблагоприятно, что проявилось в тенденции снижения покупательной способности расходов на потребление на фоне падения реальных располагаемых ресурсов.

По уровню жизни все типы домохозяйств с детьми идентифицируются как низкообеспеченные. Их покупательная способность расходов на потребление в рассматриваемом периоде находилась в диапазоне 1–2 ПК. Тенденция снижения показателя сигнализирует о наличии у всех типов домохозяйств с детьми рисков бедности (до 1 ПК). При этом у домохозяйств с 1 ребёнком риск бедности был наименьшим, у домохозяйств с 2-мя детьми он стал угрожающим, а домохозяйства с 3-мя и более детьми находились в зоне высокого риска бедности.

Полученные результаты опровергают гипотезу исследования для домохозяйств с 1 ребёнком и с 2-мя детьми о том, уровень жизни домохозяйств с 1 ребёнком соответствует обеспеченности *нижнего среднего слоя*, факторы риска создают угрозу снижения уровня жизни со смещением в слой *обеспеченности ниже среднего уровня*; у домохозяйств с 2-мя детьми уровень жизни соответствует обеспеченности ниже среднего уровня, факторы риска создают угрозу снижения уровня жизни, но в рамках слоя. Вместе с тем, подтверждена гипотеза исследования для домохозяйств с 3-мя и более детьми, согласно которой их уровень жизни соответствует слою низкообеспеченных, факторы риска создают угрозу снижения уровня жизни, но в рамках слоя.

Для решения проблем уровня жизни домохозяйств с детьми необходим комплекс мер государственной социальной политики, усиленный региональными мерами и направленный на снижение или предотвращение вероятных негативных последствий, спровоцированных факторами риска. Помимо общих мер, важных для повышения благосостояния населения (устойчивый рост доходов, снижение неравенства в доходах, уровня бедности, инфляции и т.д.) требуются меры, учитывающие специфику жизнедеятельности домохозяйств с детьми.

На данном этапе, когда ресурсная обеспеченность домохозяйств с детьми и покупательная способность расходов на потребление низкие, бедность значительная и глубокая, число детей с инвалидностью устойчиво нарастает, необходимы радикальные меры для улучшения ситуации. В частности, положительный вклад способны принести следующие меры:

1 – содействие эффективной занятости (достойный доход, повышение образовательного / профессионального уровня) мужчин и женщин трудоспособного возраста, исключаящей конфликт «семья-работа»;

2 – обеспечение условий для эффективной занятости (достойный доход, повышение образовательного / профессионального уровня) лиц трудоспособного возраста с ограниченными возможностями. Для неработающих по медицинским показаниям предусмотреть целевые социальные доплаты, обеспечивающие индивидуальный доход не ниже 2 ПМ (включает ПМ для трудоспособного возраста и ПМ ребёнка);

3 – создание 100%-ной обеспеченности малолетних детей местами в детских дошкольных организациях;

4 – в зоне расходных обязательств государства должны быть расходы на питание детей в дошкольных и школьных учреждениях, на услуги муници-

пального транспорта, на качественное лечение детей при заболеваниях любой степени тяжести;

5 – социальная помощь должна распространяться на домохозяйства с детьми не только в условиях бедности, но и при наличии высокого риска бедности;

6 – критерием для определения размеров социальных пособий на детей должен стать соци-

альный стандарт более высокого качества жизни, чем прожиточный минимум.

Результативность мер социальной политики для повышения уровня жизни домохозяйств с детьми будет во многом зависеть от того, в какой мере учтены факторы риска и какой стандарт является социальным ориентиром.

Список литературы

1. Семья и демографические процессы в современной России: Монография / Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский, А.Е. Иванова, О.В. Кучмаева, В.Г. Семенова; под ред. Т.К. Ростовской; ФНИСЦ РАН. М.: Изд-во «Экон-Информ». 2021. 257 с. ISBN 978-5-907427-21-1; DOI 10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021; EDN IWUIJX
2. Дети реформ: монография / Н.М. Римашевская, М.Е. Баскакова, В.Г. Доброхлеб [и др.]; под ред. Н.М. Римашевской; Российская академия наук, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Научный совет по проблемам гендерных отношений. М.: Институт экономических стратегий, 2011. 304 с. ISBN 978-5-93618-187-0; EDN QONUMJ
3. Римашевская Н.М. Детское население России: основные проблемы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1(13). С. 59–70.
4. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М., 2003. 61 с. ISBN 5-93255-108-9; EDN PYNJTT
5. Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / С.С. Бирюкова, Е.А. Горина, А.Р. Горяинова [и др.]; под ред. Л.Н. Овчаровой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 153 с. ISBN 978-5-7598-1970-7
6. Lee R.D., Reher D.S. Reher Economic and social implications of the demographic transition. Demographic Transition and Its Consequences. A supplement // Population and Development Review. 2011. Vol. 37. P. 11–33.
7. Thirteen Economic Facts about Social Mobility and the Role of Education / M. Greenstone, A. Looney, J. Patashnik, M. Yu // The Hamilton Project. Brookings. 2013. 26 p.
8. Римашевская Н.М. Риски бедности в современной России // Народонаселение. 2010. № 2(48). С. 4–9. EDN OCPGMP
9. Елизаров В.В., Синица А.Л. Факторы бедности семей с детьми и перспективы её снижения // Уровень жизни населения регионов России. 2019. № 2(212). С. 63–75. <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>; EDN MZVLOC
10. Сухова А.С. Услуги по уходу за детьми: масштабы и факторы потребления российскими семьями // Журнал исследований социальной политики. 2012. Том 9. № 4. С. 473–494
11. Мигунова Ю.В., Садыков Р.М. К вопросу о здоровом и качественном питании детей в семье // Рациональное питание, пищевые добавки и биостимуляторы. 2016. № 2. С. 67–72.
12. Аганбегян А.Г. Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение. 2021. Том 24. № 2. С. 4–18. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.1>
13. Вишневский А.Г. Сбережение народа или депопуляция России? [Текст]: докл. к XI Междунар. науч. конф. Государственного университета. Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества, Москва, 6–8 апреля 2010 г.; Высшая школа экономики. М.: Высшая школа экономики, 2010. 82 с. ISBN 978-5-7598-0774-2
14. Heckman J. Skill Formation and the Economics of Investing in Disadvantaged Children // Science. 2006. No. 312(5782). P. 1900–1902. <https://doi.org/10.1126/science.1128898>
15. Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Неравенство инвестиций в человеческий капитал российских детей // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 3. С. 98–115. <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-3-98-115>; EDN QKFCNV
16. Бурдяк А.Я. Денежные сбережения домашних хозяйств на разных этапах жизненного цикла // Финансовый журнал. 2014. № 1. С. 129–140.
17. Ярашева А.В., Бурдастова Ю.В. Сберегательные и кредитные стратегии домохозяйств // Народонаселение. 2013. № 2(60). С. 094–102. EDN QILJOL
18. Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 2. С. 4–17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>
19. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2022 год: [Ежегодник]. Вып. 1(202) / В.Н. Бобков [и др.]; отв. ред. В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина. М.: ИЭ РАН. 2023. 166 с. ISBN 978-5-9940-0736-5; EDN EADDAU
20. Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего: [монография] / В.Н. Бобков, Т.Е. Бобкова [и др.]; под ред. В.Н. Бобкова (отв. ред.), Н.В. Локтюхиной, Е.Ф. Шамаевой; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1; <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>; EDN WOQAYF

Информация об авторах:

Алефтина Александровна Гулюгина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: algula@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 305797) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>) (ResearcherID: H-2175-2018).

Татьяна Викторовна Чащина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория исследований социально-трудового положения домохозяйств с детьми, Институт экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: chashinatv@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 591597) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>) (ResearchID: GQH-0078-2022)

Заявленный вклад авторов:

Гулюгина А.А. – постановка проблемы, концепция исследования, обзор публикаций, обработка и анализ данных, анализ результатов исследования, выводы.

Чащина Т.В. – сбор, обработка и анализ данных, анализ результатов исследования.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Алефтина Александровна Гулюгина.

Статья поступила в редакцию 07.10.2023; одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Rostovskaya T.K. (ed.), Arkhangelsky V.N., Ivanova A.E., et al. Sem'ya i demograficheskie protsessy v sovremennoi Rossii: Monograph. FCTAS RAS. Moscow: Ekon-Inform; 2021. 257 p. (In Russ.) ISBN 978-5-907427-21-1; <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-21-1.2021>
2. Rimashevskaya N.M. (ed.), Baskakova M.E., Dobrokhleb V.G., et al. Deti reform: Monograph. Russian Academy of Sciences, Institute of Socio-Economic Problems of Population, Scientific Council on Gender Relations. Moscow: Institute of Economic Strategies; 2011. 304 p. (In Russ.) ISBN 978-5-93618-187-0
3. Rimashevskaya N.M. Children's population of Russia: the main problems of development. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz=Economic and social changes: facts, trends, forecast.* 2011;(1(13)):59–70. (In Russ.)
4. Vishnevsky A.G., Andreev E.M., Treivish A.I. Perspektivy razvitiya Rossii: rol' demograficheskogo faktora. Moscow; 2003. 61 p. ISBN 5-93255-108-9 (In Russ.)
5. Biryukova S.S., Gorina E.A., Ovcharova L.N. (ed.), et al. Sem'i s det'mi v Rossii: uroven' zhizni i politika sotsial'noi podderzhki. Report to the XX Apr. international Scientific Conference on the problems of economic and social development, Moscow, 9–12 Apr. 2019. Nats. research. un-t "Higher School of Economics". Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2019. 153 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-1970-7
6. Lee R.D., Reher D.S. Economic and social implications of the demographic transition. *Demographic Transition and Its Consequences. A supplement. Population and Development Review.* 2011;37:11–33.
7. Greenstone M., Looney A., Patashnik J., et al. Thirteen Economic Facts about Social Mobility and the Role of Education. *The Hamilton Project.* Brookings. 2013:26.
8. Rimashevskaya N.M. The risks of poverty in modern Russia. *Narodonaselenie=Population.* 2010;(2(48)):4–9. (In Russ.)
9. Elizarov V.V., Sinita A.L. Factors of poverty of families with children and prospects of its reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia.* 2019;(2(212)):63–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065>
10. Sukhova A.S. Child care services: the scale and factors of consumption by Russian families. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki=Journal of Social Policy Research.* 2012;9(4):473–494. (In Russ.)
11. Migunova Yu.V., Sadykov R.M. On the question of healthy and high-quality nutrition of children in the family. *Ratsional'noe pitanie, pishchevye dobavki i biostimulyatory=Rational nutrition, dietary supplements and biostimulants.* 2016;(2): 67–72. (In Russ.)
12. Aganbegyan A.G. How to restore the safety of the people of Russia. *Narodonaselenie=Population.* 2021;24(2):4–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.1>
13. Vishnevsky A.G. Saving the people or depopulation of Russia? Report for the XI International Scientific Conference. State University. Higher School of Economics on Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 6–8, 2010; Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics; 2010. 82 p. (In Russ.) ISBN 978-5-7598-0774-2
14. Heckman J. Skill Formation and the Economics of Investing in Disadvantaged Children. *Science.* 2006. 312(5782):1900–1902. <https://doi.org/10.1126/science.1128898>
15. Mareeva S., Slobodenyuk E. Unequal investing in the human capital of children. *Terra Economicus.* 2022;20(3):98–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-3-98-115>
16. Burdyak A.Ya. Monetary savings of households at different stages of the life cycle. *Finansovyi zhurnal =Financial journal.* 2014;(1):129–140. (In Russ.)
17. Yarasheva A.V., Burdastova Yu.V. Savings and credit strategies of households. *Narodonaselenie=Population.* 2013;(2(60)):094–102. (In Russ.)
18. Prokofieva L.M., Korchagina I.I. The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review.* 2023;10(2):4–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>

19. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. (eds.). Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii – 2022 god. Yearbook. Iss. 1(202). Moscow: Institute of Economics RAS; 2023. 166 p. (In Russ.) ISBN 978-5-9940-0736-5
20. Bobkov V.N. (ex. ed.), Loktyukhina N.V., Shamaeva E.F. (eds.). Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proektirovaniyu budushchego: Monograph. Moscow: FCTAS RAS; 2022. 274 p. ISBN 978-5-89697-388-1. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022>

Information about the authors:

Aleftina A. Gulyugina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia
(e-mail: algula@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 305797) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5413-5272>) (ResearcherID: H-2175-2018).

Tatyana V. Chashchina – PhD in Economics, Senior Research Worker of the Laboratory for Research on the Social and Labor Situation of Households with Children at the RAS Institute of Economics, Moscow, Russia
(e-mail: chashinatv@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 591597), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>),
(ResearchID: GQH-0078-2022)

Authors' declared contribution:

Aleftina A. Gulyugina – problem statement, research concept, review of publications, data processing and analysis, analysis of research results, conclusions.

Tatyana V. Chashchina – collection, processing and analysis of data, analysis of research results.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Aleftina A. Gulyugina.

The article was submitted 07.10.2023; approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Оригинальная статья

УДК 330.354

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_8_572_590

EDN SWTMGN

Оценка эффективности использования продуктовых карточек для бедных

Валерий Иванович Антипов¹, Татьяна Викторовна Чашина²

¹Москва, Россия

(valeriantipov27@yandex.ru)

²Институт экономики РАН, Москва, Россия

(chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме преодоления бедности населения России. Решить её можно, в том числе, посредством использования на законодательном уровне продуктовых карточек. В качестве одной из дополнительных мер поддержки лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, в статье рассматривается введение социальных продуктовых карточек. Предлагается использовать адресные продуктовые карточки для покупки отечественных продуктов для 16 миллионов лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума. Проведено обоснование возможности и целесообразности введения продуктовых карточек для малоимущих слоёв населения. Для оценки эффективности этого мероприятия была использована отечественная имитационная модель воспроизводства ВВП России P1-4-2(2023-0). Модель относится к классу имитационно-балансовых моделей и является последним вариантом однотипных моделей, отражающих материальный аспект воспроизводства ВВП экономики России. Модель P1-4-2(2023-0) опирается на официальную отчётность Федеральной службы государственной статистики по системе национально-го счетоводства с 1995 года и использует гипотезы экспертов о взаимосвязи различных параметров. Приводятся рабочие гипотезы модели, графики показателей сценария исходных данных и результатов прогноза на интервале 2024–2035 гг. Расчёты показали, что при гипотетическом увеличении денежных доходов беднейших слоёв населения в связи с введением продуктовых карточек, происходит существенное повышение ВВП и увеличение доходов консолидированного бюджета, что примерно на 75% компенсирует первоначальные расходы. Доказано, что мероприятия по внедрению адресных продуктовых карточек для бедных эффективны и приводят к существенному ускорению экономического развития.

Ключевые слова: борьба с бедностью, оценка расходов и дополнительных поступлений в бюджет, модель воспроизводства ВВП России P1-4-2(2023-0), покупательная способность населения, денежные доходы, уровень жизни, универсальный базовый доход

Для цитирования: Антипов В.И., Чашина Т.В. Оценка эффективности использования продуктовых карточек для бедных // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 572–590. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_8_572_590; EDN SWTMGN

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_8_572_590

EDN SWTMGN

Evaluation of the Effectiveness of the Use of Food Cards for the Poor

Valery I. Antipov¹, Tatyana V. Chashchina²

¹Moscow, Russia

(valeriantipov27@yandex.ru)

²Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(chashinatv@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>)

Abstract

The article is devoted to the current problem of overcoming poverty in Russia. The problem can be solved, among other things, through the use of food cards at the legislative level. As one of the additional measures to support persons with incomes below the subsistence level, the article discusses the introduction of social food cards. It is proposed to use targeted food cards to purchase domestic products for 16 million people with incomes below the subsistence level. The feasibility and feasibility of introducing food cards for the poor has been substantiated. To assess the effectiveness of this event, the domestic simulation model of Russian GDP reproduction P1-4-2 (2023-0) was used. Model belongs to the class of simulation-balance models and is the latest version of similar models that reflect the material aspect of GDP reproduction of the Russian economy. Model P1-4-2(2023-0) is based on official reporting by Federal State Statistics Service on the national accounting system since 1995 and uses expert hypotheses about the relationship between various parameters. The working hypotheses of the model, graphs of indicators of the initial data scenario and forecast results for the interval 2024 – 2035 are presented. Calculations have shown that with a hypothetical increase in cash incomes of the poorest segments of the population due to the introduction of food cards, there is a significant increase in GDP and an increase in consolidated budget revenues, which (on average) compensates for initial expenses by 75%. It has been proven that measures to introduce targeted food cards for the poor are effective and lead to a significant acceleration of economic development.

Keywords: the fight against poverty, assessment of expenditures and additional budget revenues, the model of reproduction of Russia's GDP P1-4-2(2023-0), purchasing power of the population, monetary income, standard of living, universal basic income

For citation: Antipov VI, Chashchina TV. Evaluation of the Effectiveness of the Use of Food Cards for the Poor. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):572–590. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_8_572_590

Введение

Объект исследования – малоимущее население России. **Цель исследования** – оценка влияния повышения покупательной способности населения на процесс воспроизводства ВВП России. **Гипотеза исследования** – увеличение денежных доходов малоимущих слоёв населения приводит к существенному повышению ВВП и увеличению доходов консолидированного бюджета, что (в среднем) на 75% компенсирует первоначальные расходы. **Предметом исследования** являются денежные доходы малоимущих слоёв населения России. **Метод исследования** заключался в гипотетическом увеличении денежных доходов населения и «погружении» домашних хозяйств (с новой характеристикой) в модель Р1-4-2(2023-0). Расчёты показали, что увеличение конечного потребления домашних хозяйств приводит к существенному увеличению ВВП и поступлений в консолидированный бюджет России.

Ликвидация бедности является важной целью внутренней политики всех развитых стран, включая Россию. Борьба с бедностью – это многоплановая система различных мероприятий, проводимых государством, общественными организациями и частными лицами. Разумеется, в каждой стране эта проблема решается по-своему, но есть и общие черты, и положительный опыт, который необходимо перенять. В данной статье мы коснёмся только одного элемента этой системы – использования продуктовых карточек для лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума. Чтобы почувствовать остроту проблемы, обратим внимание на выступление заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Татьяны Голиковой на ПМЭФ 16 июня 2023 года:

– в России 6 миллионов человек получают зарплаты ниже установленного уровня МРОТ. В России МРОТ с 1 января 2023 года составляет 16 242 рубля.

– в России 12 миллионов человек работают без трудовых договоров¹.

Это значит, что получение заработной платы ниже установленного уровня МРОТ не позволяет преодолевать абсолютную монетарную бедность в домохозяйствах 6 миллионов работников, а 12 миллионов работников лишены социально-трудовых прав, предусмотренных российским трудовым законодательством.

¹ Голикова оценила потребности в работниках для «технологического суверенитета» // Forbes: [сайт]. URL: <https://www.forbes.ru/society/491047-golikova-ocenila-potrebnosti-v-rabotnikah-dla-technologiceskogo-suvereniteta> (дата обращения: 21.06.2023).

Президент РФ на Петербургском международном экономическом форуме 16 июня 2023² подтвердил, что с 01.01.2024 МРОТ будет повышен на 18,5%, а к 2030 году минимальный размер оплаты труда должен вырасти в номинальном выражении, как минимум, вдвое к сегодняшнему уровню. Кстати, за последние десять лет данный показатель вырос более чем втрое – с 5205 рублей в 2013 году до 16 242 рублей в 2023 году. МРОТ служит основой для расчёта ряда выплат сотрудникам – зарплат, отпускных и командировочных, больничных. От него зависят размеры пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, уходу за ребёнком, расчёт страховых взносов и льготы для предпринимателей. Президент назвал цифру – около 5 млн человек затронет повышение минимального размера оплаты труда. Но на счетах многих компаний и предприятий банально не хватает денег. Только в том случае, если у работодателей появятся дополнительные средства, фонды оплаты труда (ФОТ) будут расти в соответствии с установленным законом параметрами МРОТ или быстрее. Разумеется, речь идёт, прежде всего, о частных коммерческих структурах. В госсекторе на индексацию ФОТ деньги выделяет бюджет.

Естественно, что не только размер МРОТ влияет на масштабы и глубину бедности. Она сохраняется вследствие в целом низкого уровня покупательной способности заработной платы в нашей стране.

Фундаментальная причина абсолютной монетарной бедности – нехватка средств на удовлетворение основных потребностей: 5% россиян испытывает нехватку денег на еду, 21% – на одежду, 61% – на покупку нового холодильника или телевизора.³

На рисунке 1 приведена динамика бедности в России в диапазоне от 1992 до 2020 гг. Бедность снижается, но все еще охватывает большие массы населения нашей страны. По данным Росстата в 2023 году, в первом квартале их насчитывалось 19,6 млн человек.

Обратимся к международному опыту снижения абсолютной монетарной бедности. Как известно,

² Выступление Президента России Владимира Путина на пленарном заседании на Петербургском международном экономическом форуме 16.06.2023 // Первый канал: [сайт]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vremya-pokazhet/vypuski/vystuplenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina-na-pmef> (дата обращения 16.06.2023).

³ Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения: 07.07.2023).

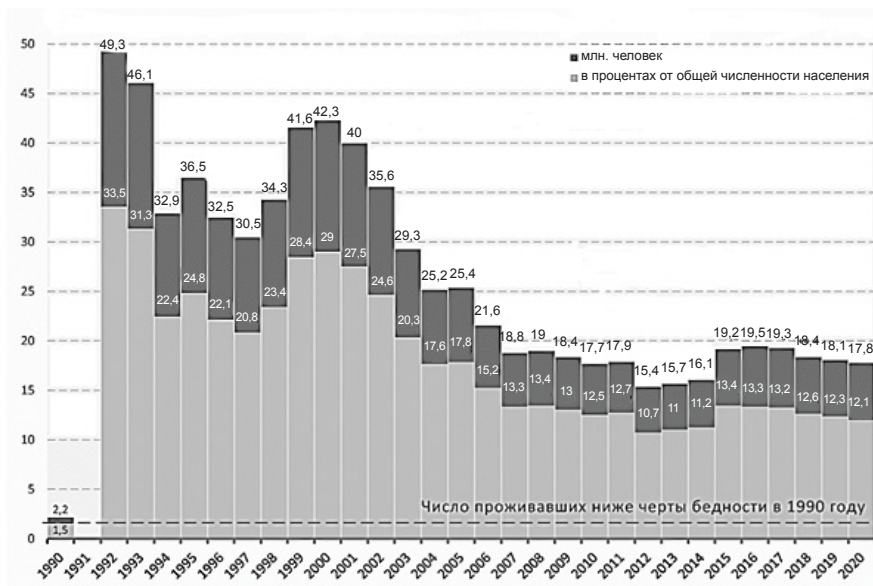

Рисунок 1. Динамика числа и доли россиян с доходами ниже прожиточного минимума в 1990–2020 гг.
Figure 1. Dynamics of the Number and Share of Russians with Incomes Below the Minimum Subsistence Level, 1990–2020

Источник: составлено Антиповым В.И. на основе данных сайта iFinances⁴.

в развитых странах существуют программы продуктовой помощи бедным. Например, в США уже 50 лет действует программа продуктовой помощи бедным. Это программа льготной покупки продуктов (официально англ. Supplemental Nutrition Assistance Program, SNAP, «Программа помощи в дополнительном питании», до 2008 года – «программа продуктовых талонов») – одна из 15 федеральных программ помощи жителям США, не имеющим доходов или имеющим низкие доходы. Отвечает за программу Министерство сельского хозяйства США через своё подразделение – Службу продовольствия и питания (англ. Food and Nutrition Service (FNS)) и представительства программы (SNAP offices) от профильных ведомств каждого штата. Эта программа является крупнейшей из 15 программ социальной помощи, реализуемых службой продовольствия и питания. В настоящее время большая часть средств распределяется с помощью пластиковых карт. По состоянию на октябрь 2016 года продовольственную помощь получали 43 215 557 человек из 21 328 525 домохозяйств. Средний месячный размер пособия на человека составил 126,13 долларов, на домохозяйство – 256,93 долларов⁵. В пе-

ресчёте на российский рубль (76 руб./\$) каждое пособие для человека – это примерно 9576 руб./месяц. Президент Франции Э. Макрон заявил о введении программы продуктовой помощи для бедных в 2023 году⁶.

В нашей стране также изучалась возможность введения продуктовых карточек для бедных, но эта работа не была доведена до принятия решения о их введении. В 2015 министерство промышленности и торговли заявляло, что программа продуктовых карточек для малоимущих россиян потребует 240 млрд рублей, а участвовать в программе смогут 15–16 млн человек⁷. По этим карточкам Минпромторг России предлагал разрешить покупку свежих овощей и фруктов, мясной продукции, птицы, яиц, молока и т. д. отечественного производства. Финансирование предполагалось получить из федерального и регионального бюджетов. Но в 2016 году начали появляться сообщения о корректировке предполагаемой программы, а в 2019 году она перестала упоминаться. На наш взгляд, целесообразно вернуться к этому способу снижения бедности.

⁴ Уровень бедности в России // iFinances: [сайт]. URL: <http://global-finances.ru-urovenbednosti-v-rossi-po-godam> (дата обращения: 10.06.2023).

⁵ The Supplemental Nutrition Assistance Program (SNAP) // Center on Budget and Policy Priorities: [сайт]. URL: <https://www.cbpp.org/research/food-assistance/the-supplemental-nutrition-assistance-program-snap> (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ Emmanuel Macron répond aux 12 priorités de l'Agenda citoyen // France bleu: [сайт]. URL: <https://www.francebleu.fr/infos/politique/presidentielle-emmanuel-macron-repond-aux-12-priorites-de-l-agenda-citoyen-de-ma-france-2022-1647943539> (дата обращения: 12.03.2023).

⁷ Выступление В. Евтухова на саммите розничной индустрии России и стран Евразийского Экономического Союза Retail Business Russia, 24.09.2015 // Р-Конф: [сайт]. URL: <https://rosconf.ru/summits/2015> (дата обращения: 03.06.2023).

Ниже приводятся результаты моделирования возможного введения продуктовых карточек для бедных в нашей стране.

Гипотетический вариант

Предполагается, что Правительство приняло решение о введении Программы продуктовой помощи для 16 млн бедных с ежемесячным пособием в 20 000 руб./месяц, начиная с 2024 года. Это означает, что «Домашние хозяйства» в 2024 году должны будут получить дополнительно к своим доходам $20\,000 \times 12 \times 16\,000\,000 = 3840$ млрд рублей.

В таблице 1 приведены данные о дополнительных поступлениях в доходы домашних хозяйств (ДН) при учете инфляции и продлении выплат на карточки до 2035 года.

Это значит, что выражение для регрессии расходов «Домашних хозяйств» от доходов населения $YDt = 0,8632 \times DНt - 859,21$ необходимо изменить на выражение вида $YDt = 0,8632 \times (DНt + dDНt) - 859,21$, а численные значения дополнительных доходов $dDНt$ следует брать из таблицы 1.

Следовательно, бюджетные расходы Правительства существенно возрастут, поэтому возникает вопрос об источниках финансирования этого мероприятия. Для ответа на этот вопрос необходимо видеть всю динамику основных экономических показателей экономики России, которая возникнет в процессе проведения мероприятия. Воспользуемся моделью воспроизводства ВВП России P1-4-2(2023-0), которая рассчитывает прогнозные оценки основных показателей экономики нашей страны с 2021 года по 2035 г., поскольку официальная СНС отчётность имеется только до 2020 года⁸.

Описание модели

Модель P1-4-2(2023-0) отражает материальный аспект воспроизводства ВВП экономики России. Она является последним вариантом в

длинной цепочке однотипных (по источникам информации и вычислительной архитектуре) моделей, создание которых началось в 2003 году. Каждый последующий вариант трансформации модели преследовал две общеизвестные цели: повышение адекватности модели и расширение ареала применимости модели для потенциальных заказчиков. Понятийный аппарат модели опирается на канонические определения учебников [2; 3], а также на опыт, накопленный в предыдущих исследованиях [4-30]. Весь модельный ряд P1-4 относится к классу имитационно-балансовых моделей, опирающихся на отчётность Системы национального счетоводства России и уравнения:

- баланса «Счёта товаров и услуг» СНС в текущих ценах;
- баланса «Счёта товаров и услуг» СНС в сопоставимых ценах;
- баланса «Счёта производства» СНС в текущих ценах;
- баланса «Счёта производства» СНС в сопоставимых ценах;
- баланса «Счёта образования доходов» СНС в текущих ценах;
- баланса основных фондов в текущих ценах;
- баланса основных фондов в сопоставимых ценах;
- баланса численности рабочей силы, занятых и безработных.

Отчётные данные по этим балансам публикуются Федеральной службой государственной статистики в «Российском статистическом ежегоднике» и других изданиях Росстата

Все остальные зависимости модели – регрессии. Перечислим некоторые.

- регрессия инвестиций в ОК от валовой прибыли (лаговая);
- регрессия вводов от инвестиций в ОК (лаговая);

Таблица 1

Дополнительные поступления в доходы домашних хозяйств при учете инфляции и продлении выплат до 2035 года

Table 1

Additional Revenues to Household Incomes When Taking into Account Inflation and Extending the Value of Supplements until 2035

млрд руб	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034	2035
dDH	2880,0	3028,8	3163,4	3285,4	3395,9	3496,1	3587,1	3669,8	3744,9	3813,3	3875,6	3932,5
dDH	3840,0	4038,4	4217,9	4380,5	4527,9	4661,5	4782,8	4893,0	4993,2	5084,4	5167,5	5243,3
dDH	4800,0	5048,0	5272,4	5475,6	5659,8	5826,9	5978,5	6116,3	6241,5	6355,5	6459,4	6554,1
dDH	5760,0	6057,5	6326,9	6570,8	6791,8	6992,3	7174,2	7339,5	7489,8	7626,6	7751,2	7864,9
ip	1,061	1,052	1,044	1,039	1,034	1,030	1,026	1,023	1,020	1,018	1,016	1,015

Источник: рассчитано Антиповым В.И.

⁸ Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 07.05.2023).

- регрессия расходов «Домашних хозяйств» от денежных доходов населения;
- регрессия расходов «Государства» от расходов федерального бюджета;
- регрессия «НКО» от расходов федерального бюджета;
- регрессия базисного дефлятора экспорта от валютного курса рубля и стоимости барреля нефти марки Brent;
- регрессия базисного дефлятора импорта от валютного курса рубля и базисного индекса потребительских цен;
- регрессия базисного индекса потребительских цен от валютного курса рубля и денежной массы M2.
- регрессия численности занятых от ВВП в сопоставимых ценах.

Всего около 30 зависимостей. Совокупность перечисленных балансов и регрессий называется фундаментальными характеристиками экономики России. Кроме этих зависимостей существуют ещё сценарные показатели, которые задаются экспертами:

- регрессия индекса потребительских цен (рисунки 2,3);
- динамика денежной массы M2;
- динамика валютного курса рубля (рисунок 4);
- базисный темп модифицированного экспорта (рисунок 5);
- доля импорта в отечественном выпуске в сопоставимых ценах (рисунок 6);
- коэффициент чистых налогов на продукты;
- коэффициент чистых налогов на производство и импорт;
- численность населения России;
- стоимость барреля нефти марки Brent (рисунок 7).

В качестве базисного года выбран 1995 год. Период наблюдения заключён между базисным годом и годом последней отчётности Росстата, т.е. используются отчётные данные за 1995–2020 гг. Период (горизонт) прогноза – 15 лет с 2021 по 2035 гг.

На рисунке 2 представлена рассчитанная авторами на основе данных Росстата прогнозная регрессия базисного индекса потребительских цен на основе валютного курса и динамики денежной массы.

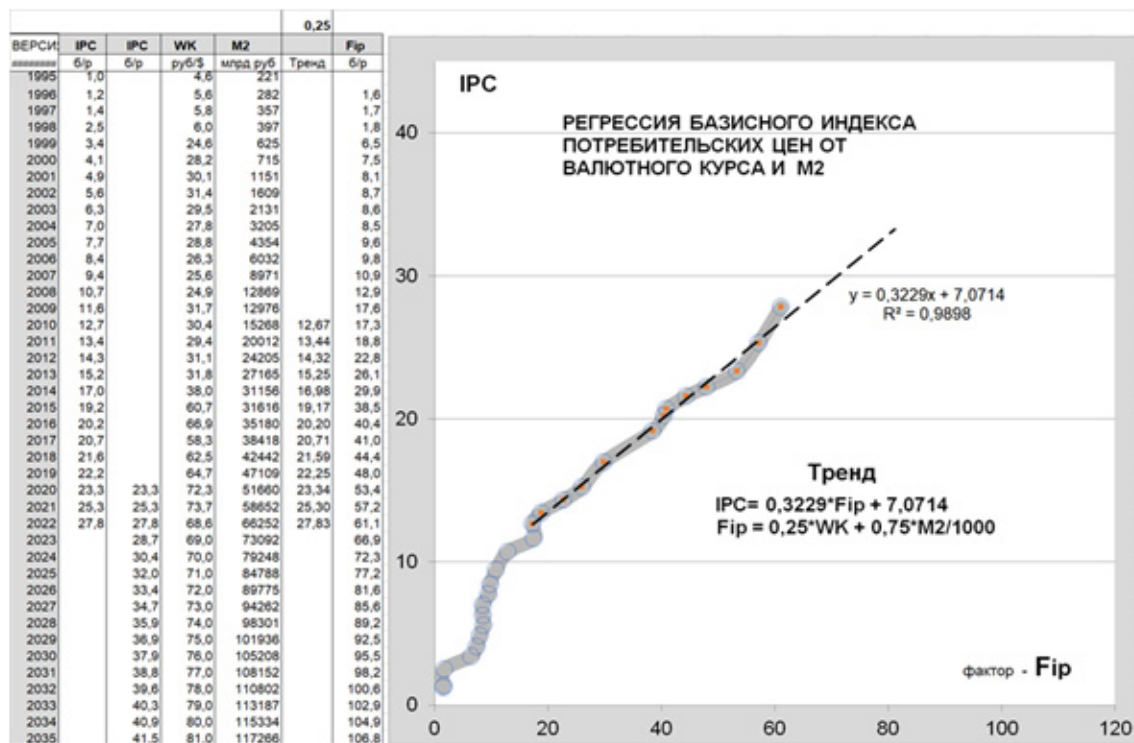

Рисунок 2. Регрессия базисного индекса потребительских цен
Figure 2. Regression of the Core Consumer Price Index

Источник: рассчитано Антиповым В.И. на основе данных Росстата⁹.

На рисунке 3 представлена сценарная динамика годового индекса потребительских цен, рассчитанная авторами на период до 2035 г.

⁹ Цены, инфляция // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 12.04.2023).

Рисунок 3. Динамика годового индекса потребительских цен
 Figure 3. Dynamics of the Annual Consumer Price Index

Источник: рассчитано Антиповым В.И. на основе данных Росстата¹⁰.

Реальные и прогнозные значения показателей паритета покупательной способности и валютного курса рубля представлены на рисунке 4.

Рисунок 4. Динамика валютного курса и ППС
 Figure 4. Exchange Rate and PPP Dynamics

Источник: рассчитано Антиповым В.И. на основе данных Росстата¹¹.

¹⁰ Цены, инфляция // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/price> (дата обращения: 10.04.2023).

¹¹ Оценка ВВП России в единой валюте по результатам международных сопоставлений// Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/G8QWHDOa/ocenka-vvp> (дата обращения: 01.06.2023).

Динамика и прогноз базисного темпа модифицированного импорта представлены на рисунке 5.

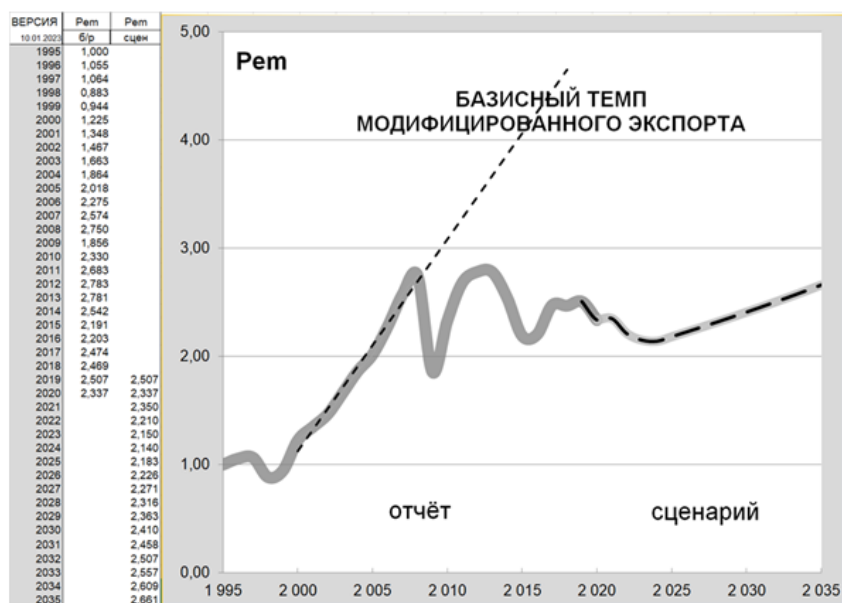

Рисунок 5. Динамика и прогноз базисного темпа модифицированного экспорта
Figure 5. Dynamics and Forecast of the Base Rate of Modified Exports

Источник: расчёты Антипова В.И.

Расчитанные динамика и прогноз доли импорта в отечественном выпуске в сопоставимых ценах представлены на рисунке 6.

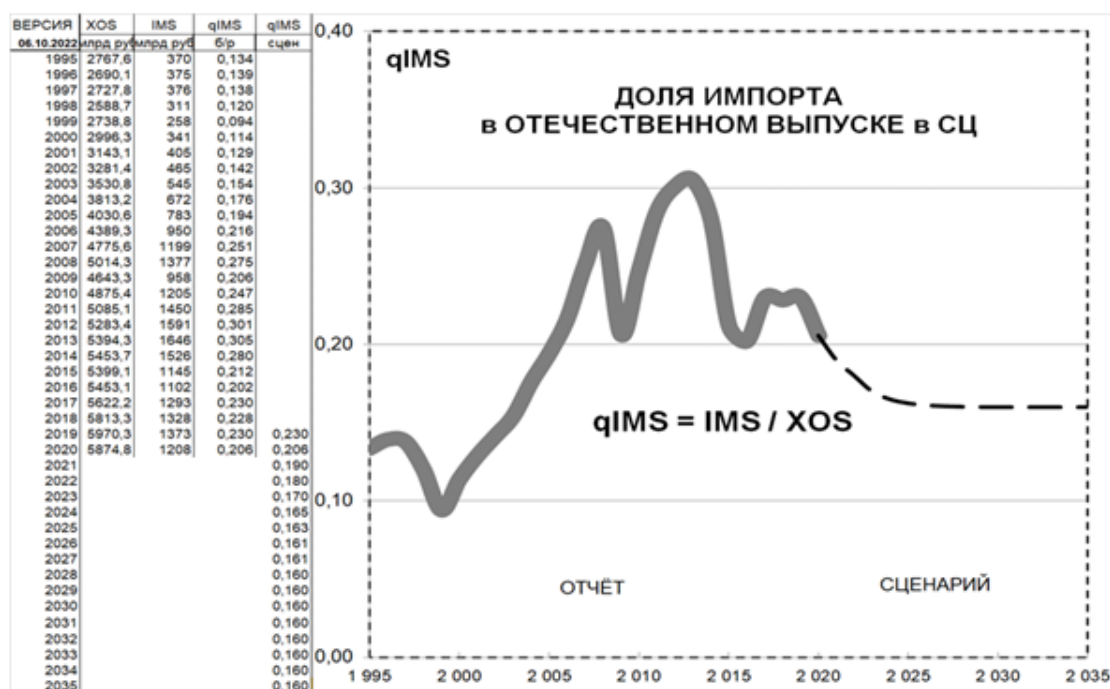

Рисунок 6. Динамика и прогноз доли импорта в отечественном выпуске в СЦ
Figure 6. Dynamics and Forecast of the Share of Imports in Domestic Output in the SP

Источник: рассчитано на основе данных Росстата¹².

¹² Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 03.05.2023).

Показатели и прогнозные показатели цен на нефть за рассматриваемый период приведены на рисунке 7.

Рисунок 7. Динамика и прогноз цен на нефть
Figure 7. Dynamics and Forecast of Oil Prices

Источник: рассчитано Антиповым В.И. на основе данных БКС экспресс¹³.

Обратим внимание на баланс показателей «Счёта товаров и услуг» и «Счёта производства» в СНС, который отражает производство и распределение выпуска (товаров и услуг) в экономике России в текущих ценах;

$$XO + CN1 + IM = Z + WN + YD + YG + YNK + EX + STR \quad (1)$$

XO – выпуск в основных ценах (ОЦ);

CN1 – чистые налоги на продукты (налоги на продукты минус субсидии);

IM – импорт в ценах аналогичных основным (ОЦ);

Z – промежуточное потребление в ценах покупателей (ЦП);

WN – валовое накопление в ценах покупателей (ЦП);

YD – расходы на конечное потребление домашних хозяйств (КП ДХ) в ЦП;

YG – расходы на конечное потребление государства (КП ГОС) в ЦП;

YNK – расходы на конечное потребление некоммерческих организаций (КП НКО) в ЦП;

EX – экспорт в ценах аналогичных ценам покупателей (ЦП);

STR – статистическое расхождение.

Правая и левая часть равенства (1) наблюдаются Росстатом РФ отдельно, а неувязка в текущих ценах устраняется дополнительным слагаемым STR.

Перенесём в уравнении (1) импорт – в правую часть, а промежуточное потребление – в левую часть. Тогда в левой части мы получим произведенный ВВП в рыночных ценах

$$WWP1 = XO - Z + CN1 \quad (2)$$

а в правой части - использованный ВВП в рыночных ценах (элементы использования ВВП в терминологии СНС).

$$WWP2 = WN + YD + YG + YNK + EX - IM + STR \quad (3)$$

Поскольку в текущих ценах $WWP1_t = WWP2_t$, то в дальнейшем будем пользоваться только символом WWP_t , поясняя его смысл.

Соотношение (2) в СНС называется «Счётом производства».

Соотношение (3) в СНС называется «Счётом товаров и услуг». Наблюдаемые значения приведены на рисунках 8, 9.

¹³ БКС экспресс: котировки и графики // БКС экспресс: [сайт]. URL: <https://bcs-express.ru/kotirovki-i-grafiki/usdrubukoil> (дата обращения: 18.06.2023).

Рисунок 8. Темпы произведенного и использованного ВВП
Figure 8. Rates of GDP Produced and Used

Источник: рассчитано Антиповым В.И. на основе данных Росстата¹⁴.

На рисунке 8 представлены темпы произведённого и использованного ВВП, на рисунке 9 – базисные темпы произведённого и использованного ВВП.

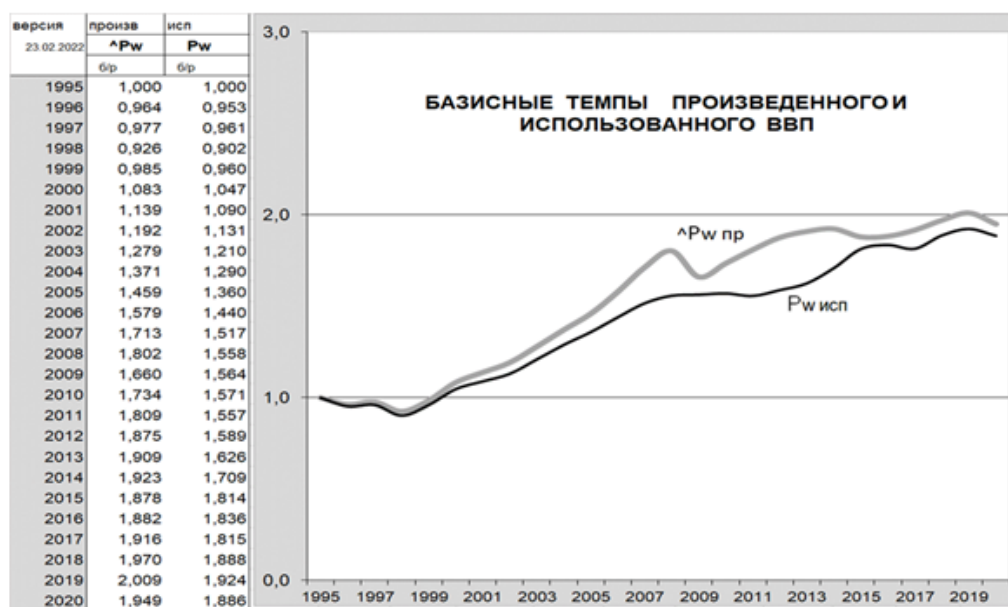

Рисунок 9. Базисные темпы произведенного и использованного ВВП
Figure 9. Baseline Rates of GDP Produced and Used

Источник: рассчитано Антиповым В.И. на основе данных Росстата¹⁵.

¹⁴ Национальные счета // Росстат: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 07.05.2023).

¹⁵ Там же (дата обращения: 07.05.2023).

Рассмотрим схему производства и распределения материальных потоков экономики России, приведённую на рисунке 10. Её формальная запись имеет вид:

$$XO + CN1 + IM = Z + IN + YD + YG + YNK + EXM + STR \quad (4)$$

где:

XO – отечественный выпуск в основных ценах;

CN1 – чистые налоги на продукты;

Z – промежуточное потребление;

IM – импорт;

IN – инвестиции в основной капитал;

YD – конечное потребление «Домашних хозяйств»;

YG – конечное потребление «Государства»;

YNK – конечное потребление организаций, обслуживающих ДХ;

EXM – модифицированный экспорт;

STR – статистическое расхождение.

Этот баланс опирается на официальную отчётность СНС, где величина EXM вычисляется следующим образом:

$$X_t = XO_t + CNL1_t \quad (5)$$

$$X_{St} = PO_{xt} * (XO_o + CNL1_o) \quad (6)$$

$$EXM_t = X_t + IM_t - Z_t - IN_t - YD_t - YG_t - YNK_t - STR_t \quad (7)$$

$$EXM_{St} = X_{St} + IM_{St} - Z_{St} - IN_{St} - YD_{St} - YG_{St} - YNK_{St} - EX_{St} \quad (8)$$

Откуда

$$DMet = EXM_t / EXM_{St} \quad (9)$$

$$PMet = EXM_{St} / EXM_o \quad (10)$$

где:

EXM_{St} – модифицированный экспорт в сопоставимых ценах;

DMet – базисный дефлятор модифицированного экспорта;

PMet – базисный темп модифицированного экспорта;

S – индекс сопоставимых цен.

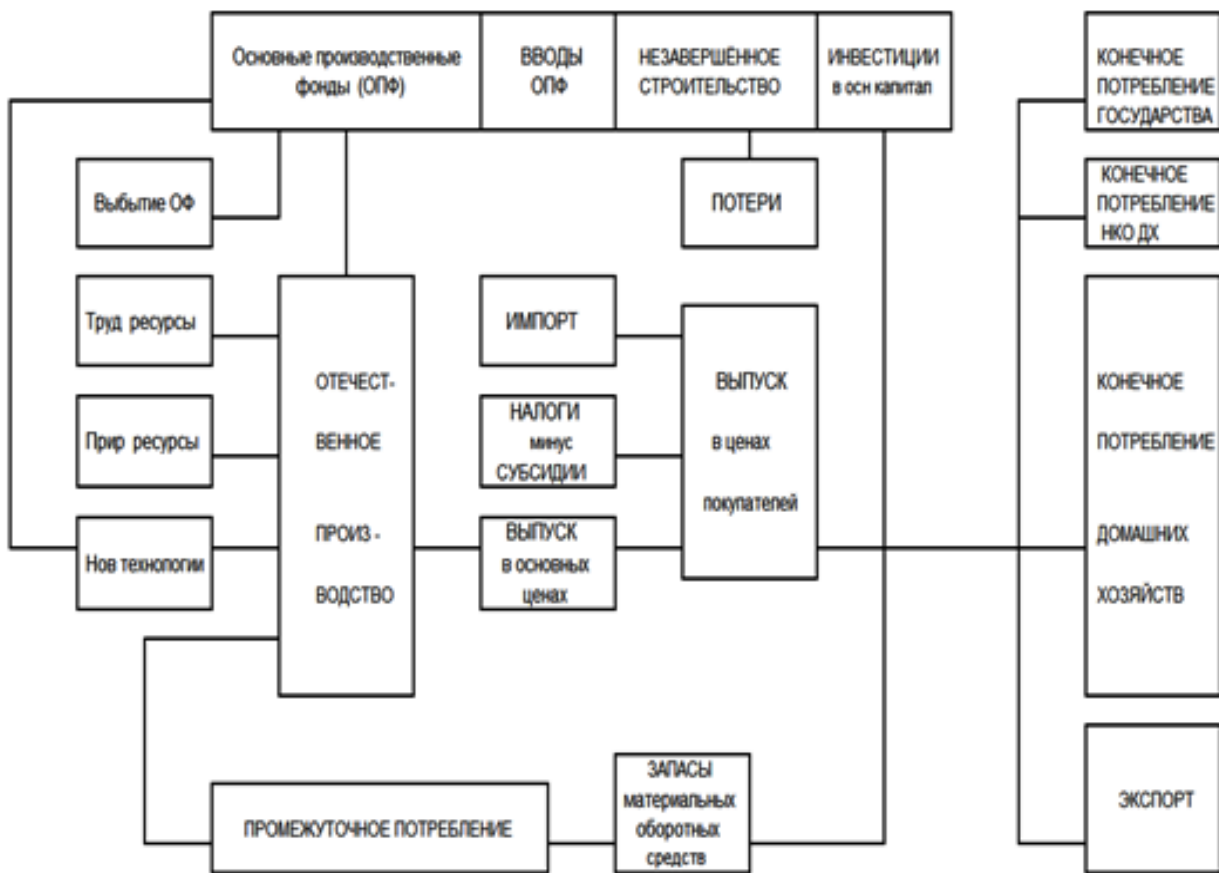

Рисунок 10. Схема циркуляции материальных потоков экономики России
Figure 10. Scheme of Circulation of Material Flows of the Russian Economy

Источник: составлено Антиповым В.И.

Необходимость в переходе от баланса (1) к балансу (4) возникла по двум причинам:

1. Согласно отчёту Росстата произведённый ВВП не равняется использованному ВВП в сопоставимых ценах (рисунки 8, 9).

2. Уравнения (1) и (3) – ошибочны. Логическая ошибка, допущенная разработчиками СНС в международном стандарте System of National Accounts 2008, New York, 2009, всегда будет приводить к разбалансировке произведённого и используемого ВВП. Дело в том, что «валовое накопление» – финансовая категория, которая не является частью материального потока. Это произошло потому, что аксиоматика Счёта товаров и услуг (принятая в «Международном стандарте системы сводных показателей национального счетоводства (СНС-93)» и одобренная Статистической комиссией при ООН) опиралась на определение дохода, данное сэром Джоном Ричардом Хиксом, которое гласит:

*Источником дохода может быть только добавленная стоимость. Выручка от реализации ранее накопленных активов (финансовых и нефинансовых) к доходам не относится. Изменения стоимости активов, вызванные инфляцией, к доходам не относятся.

*Доход – максимальная сумма, которую можно потратить на потребление, не затрагивая при этом первоначальную величину капитала.

*Доход – максимальная сумма денег, которую можно израсходовать на покупку потребительских товаров и услуг, не становясь при этом беднее, т.е. не уменьшая при этом своего накопленного богатства и не принимая на себя никаких финансовых обязательств.

Таким образом, сэр Джон Ричард Хикс имел в виду финансовые, а не материальные потоки в экономике, закономерности обращения которых различны. Соответственно, различно и формальное описание балансов финансового и материального аспекта воспроизводства ВВП. Поэтому Счёт товаров и услуг СНС – понятийная эклектика.

По определению валовое накопление = прирост ОК +затраты на капремонт + чистое приобретение ценностей +прирост запасов материальных оборотных средств. Безусловно, это важная финансовая категория, но она не имеет никакого отношения к инвестициям в ОК, незавершённому строительству и вводам ОК, которые определяют величину основного капитала.

Траектории показателей экономики

Это последовательность векторов показателей экономики на заданном промежутке времени. Будем считать, что:

– состояние экономики на интервале $t \in [0, T]$, полностью описывается некоторым вектором показателей C_t . Тактовый период модели 1 год.

– вектор C_t на интервале времени $t \in [0, t_0]$ в основном наблюдаются ФСГС и частично интерпретируются пользователями модели в рамках рабочих гипотез;

– компоненты вектора C_0 называются базисными, когда относительно них рассчитываются сопоставимые значения $CSt, t > 0$;

– последовательность векторов C_t на интервале $(t_0 + 1, T)$ называется прогнозом состояния экономики: $t_0 + 1$ – год начала прогноза, T – горизонт прогноза;

Эта последовательность может быть получена или как результат экспертных оценок, или как результат вычислений по уравнениям модели.

Прогноз по модели – это последовательность решений балансовых уравнений и регрессионных зависимостей, справедливых для интервала прогноза $t \in [t_0 + 1, T]$.

Прогноз по модели можно представить в операторной форме

$C_t = H(Bt, C_t, C_{t-1}, C_{t-2}, et, Ut), t \in [t_0 + 1, T]$, где $H(.)$ – численный нелинейный оператор модели; Bt – вектор сценарных параметров модели; C_t, C_{t-1}, C_{t-2} – состояния экономики; et – помехи всех видов;

Ut – управление (решения федерального и региональных правительств, отраслевые программы, изменения хозяйственного механизма и др).

Примем рабочую гипотезу о том, что все наблюдаемые Росстатом параметры макроэкономики можно представить как сумму некоторого тренда trC_t и помехи μC_t , т. е. $C_t = trC_t + \mu C_t$.

Мы не знаем будущих «помех» поэтому будем заниматься прогнозированием сбалансированных (в рамках приведённой системы уравнений) «трендов» различных показателей. Иллюзия детерминированности не должна нас обманывать, значения параметров реальной экономики будут случайными величинами, которые будут располагаться вокруг сбалансированных трендов. Если заказчики прогноза захотят учесть «возмущения» в виде санкций или кризисов, им придётся (при помощи экспертов) отразить это в исходном сценарии в виде поправок к трендам фундаментальных характеристик. Безусловно, мелкие «помехи» можно имитировать автоматически и получать «облако» случайных реализаций траекторий. Но как принимать решения в «облаке», мы не знаем. Параметров мелких «помех» мы тоже не знаем (слишком мало наблюдений), поэтому на первом этапе ограничимся решением самой простой задачи о сбалансированных трендах. Введём следующие определения:

Инерционный прогноз – последовательность векторов C_t

$C_t = H(B_t, C_t, C_{t-1}, C_{t-2}, \varepsilon_t, U_t)$ на интервале $t = [t_0 + 1, T]$

при условии $\varepsilon_t = 0$ и $U_t = \hat{U}_t$,

\hat{U}_t – продолжение стратегии управляющих воздействий, сформированных ранее.

Возмущённая траектория – последовательность векторов C_t

$C_t = H(B_t, C_t, C_{t-1}, C_{t-2}, \varepsilon_t, U_t)$ на интервале $t = [t_0 + 1, T]$

при условии $\varepsilon_t = \hat{\varepsilon}_t$ и $U_t = \hat{U}_t$.

где $\hat{\varepsilon}_t$ – предсказанное возмущение для интервала прогноза $t = [t_0, T]$.

Опорная траектория – траектория, относительно которой вычисляются (в виде разности показателей) отклонения параметров возмущённой траектории.

Набор госпрограмм Правительства РФ и планов крупных корпораций составляет для дальнейшего развития экономики и парирования известных «помех». Эту траекторию назовём вариантом планового развития экономики. Если изменить набор госпрограмм, то можно получить второй вариант сценария управления, третий и т.д. Таким образом, создаётся поле плановых прогнозов. Эксперты могли бы выбирать из всего поля прогнозов вариант, который с максимальной вероятностью приводил бы экономику к достижению заданной цели.

Например, для интервала 2024–2035 гг. необходимо рассчитать:

- «опорную траекторию» макропоказателей народного хозяйства России, которая будет при инерционном продолжении стратегии управления;
- «возмущённую траекторию», которая будет при проведении различных мероприятий Правительства (улучшение хозяйственного механизма, выполнение крупных государственных и отраслевых программ и т.д.).

Разность между показателями этих двух траекторий (между ВВП, инвестициями, доходами домашних хозяйств и т.д.) на всём протяжении прогнозного периода назовём эффектом от проводимых мероприятий. Разность базисных темпов ВВП этих траекторий в конце прогнозного периода – вкладом в прирост ВВП. Попутно отметим: оценка возмущений фундаментальных характеристик экономики, вызванных проведением различных программ – весьма трудоёмкое мероприятие, которое под силу только проектному институту.

Проблема индикативного планирования развития экономики России ещё не решена.

Следует отметить, что индикативное планирование используется во всех развитых странах с рыночной экономикой.

Прогноз и оценки

Допустим, что мы умеем получать «опорную траекторию» – прогноз инерционного развития экономики России на интервале 2021–2035 гг., тогда сразу возникает вопрос о применимости модели в плановой деятельности Правительства. Это возможно при некоторой трансформации фундаментальных характеристик модели. Рассмотрим конкретный пример. Был проведён численный эксперимент, где вначале была вычислена «опорная траектория» показателей развития экономики России для интервала 2021–2035 гг.

«Возмущённая траектория» была вычислена по регрессии конечного потребления домашних хозяйств, которая была скорректирована следующим образом:

выражение вида $YDt = 0,8632 \cdot (DNt + dDNt) - 859,21$,

где YDt – конечное потребление домашних хозяйств,

DNt – денежные доходы населения,

$dDNt$ – дополнительные поступления в доходы домашних хозяйств,

а численные значения дополнительных доходов $dDNt$ следует брать из таблицы 1.

Разница доходов консолидированного бюджета ($dDBJ$) для указанных вариантов развития экономики приведена в таблице 2.

Таким образом, Правительство, потратив в начале 2024 года 3840 млрд руб., получит в конце года 2540 млрд руб. в виде прироста доходов консолидированного бюджета. Его реальные затраты на программы составят только 33,9% от начальной суммы (3840 млрд руб.). Эта ситуация повторится в 2025 году, но уже с меньшими процентами. И так далее. При рассуждениях на эту тему регулярно возникает вопрос, где взять недостающие деньги, чтобы не испортить уже свёрстанный федеральный бюджет? Ответ, на наш взгляд, состоит в следующем:

- необходимо ввести прогрессивную шкалу налогообложения (принятую в большинстве стран);
- необходимо произвести национализацию отраслей, получающих природную ренту;
- необходимо ввести монополию государственной торговли спиртом и т.д.

На рисунках 11–17 представлены графики прогноза основных показателей развития экономики для «опорной» и «возмущённой» траектории.

Таблица 2

Разница доходов консолидированного бюджета для указанных вариантов развития экономики

Table 2

Difference in Consolidated Budget Revenues for the Indicated Economic Development Options

Версия 16.03.2023	dDH	dDBJ	прев
	млрд р	млрд р	%
2024	3840	2540	-33,9
2025	4038	2836	-29,8
2026	4218	3133	-25,7
2027	4381	3431	-21,7
2028	4528	3590	-20,7
2029	4662	3730	-20,0
2030	4783	3851	-19,5
2031	4893	3953	-19,2
2032	4993	4044	-19,0
2033	5084	4125	-18,9
2034	5167	4198	-18,8
2035	5243	4263	-18,7

Источник: результаты расчётов Антипова В.И. по модели P1-4-2(2023-0).

На рисунке 11 приведена динамика наблюдаемых значений и прогноз годовых темпов роста ВВП России, для инерционного и возмущённого развития экономики.

Рисунок 11. Динамика наблюдаемых значений и прогноз годовых темпов роста ВВП России
Figure 11. Dynamics and Forecast of Annual GDP Growth Rates in Russia

Источник: расчёты Антипова В.И.

Динамика и прогноз базисных темпов роста ВВП России для инерционного и возмущённого развития приведена на рисунке 12. На рисунке 12 явна видна эффективность предлагаемых мероприятий – очевиден прирост базисного темпа.

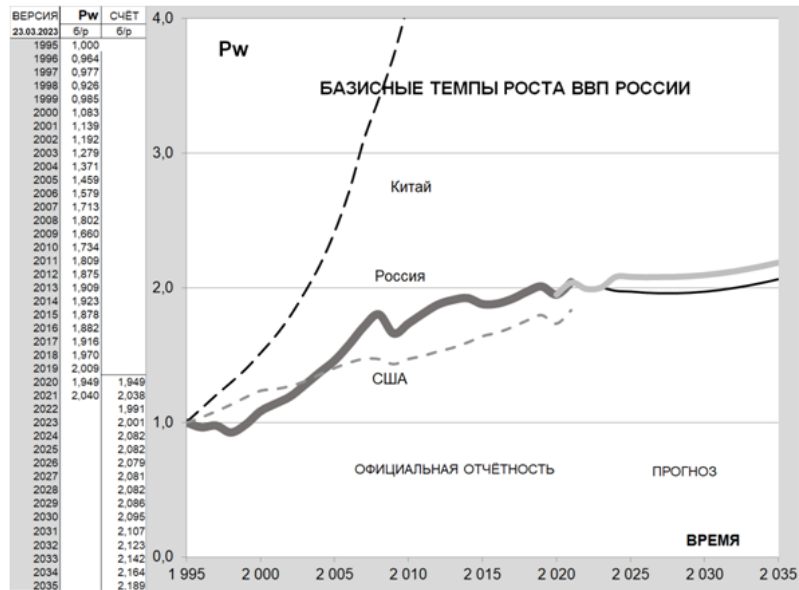

Рисунок 12. Динамика и прогноз базисных темпов роста ВВП России
Figure 12. Dynamics and Forecast of Basic GDP Growth Rates in Russia

Источник: расчёты Антипова В.И.

Динамика и прогноз годовых темпов конечного потребления домашних хозяйств для инерционного и возмущённого развития приведена на рисунке 13. На представленном рисунке явно видно возрастание темпов роста конечного потребления относительно инерционной траектории.

Рисунок 13. Динамика и прогноз годовых темпов конечного потребления домашних хозяйств
Figure 13. Dynamics and Forecast of Annual Rates of Final Consumption of Households

Источник: расчёты Антипова В.И.

Динамика наблюдаемых значений и прогноз базисных темпов конечного потребления домашних хозяйств для инерционного и возмущённого варианта развития представлена на рисунке 14. На этом рисунке хорошо видно возрастание величины потребления домашних хозяйств при проведении эксперимента введения продуктовых карточек.

Рисунок 14. Динамика и прогноз базисных темпов конечного потребления домашних хозяйств
Figure 14. Dynamics and Forecast of Basic Rates of Final Consumption of Households

Источник: расчёты Антипова В.И.

Как следует из рисунка 15, границы предельных мощностей не достигнуты. Сохраняется большой запас неиспользуемых мощностей.

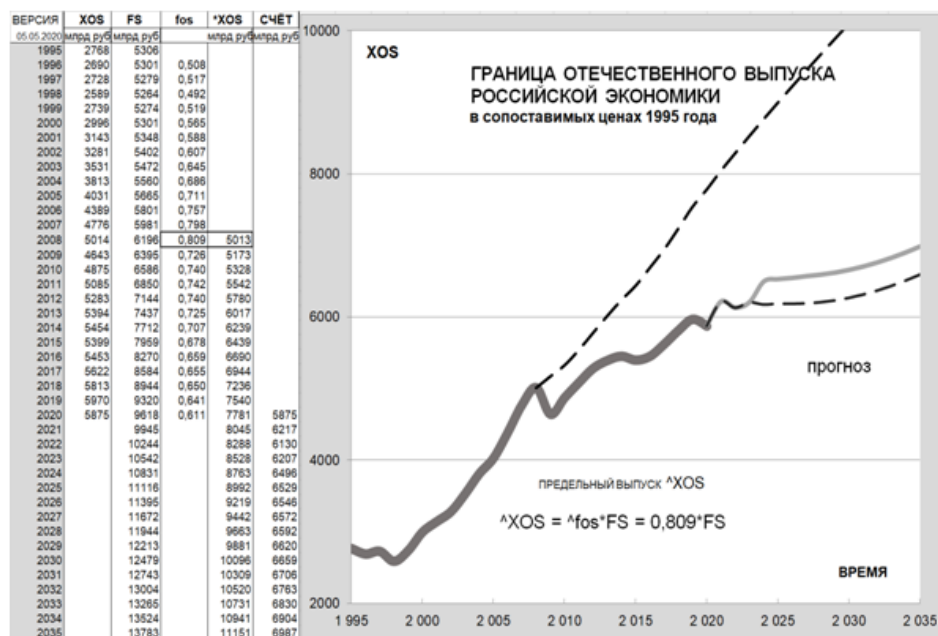

Рисунок 15. Оценка границы отечественного выпуска Российской Федерации
Figure 15. Estimation of the Domestic Output Border of the Russian Federation

Источник: расчёты Антипова В.И.

Оценка численности занятых и безработных для вариантов инерционного и возмущённого развития представлена на рисунке 16. Дополнительные потребности в рабочей силе незначительны – произошло незначительное увеличение численности занятых за счёт уменьшения численности безработных.

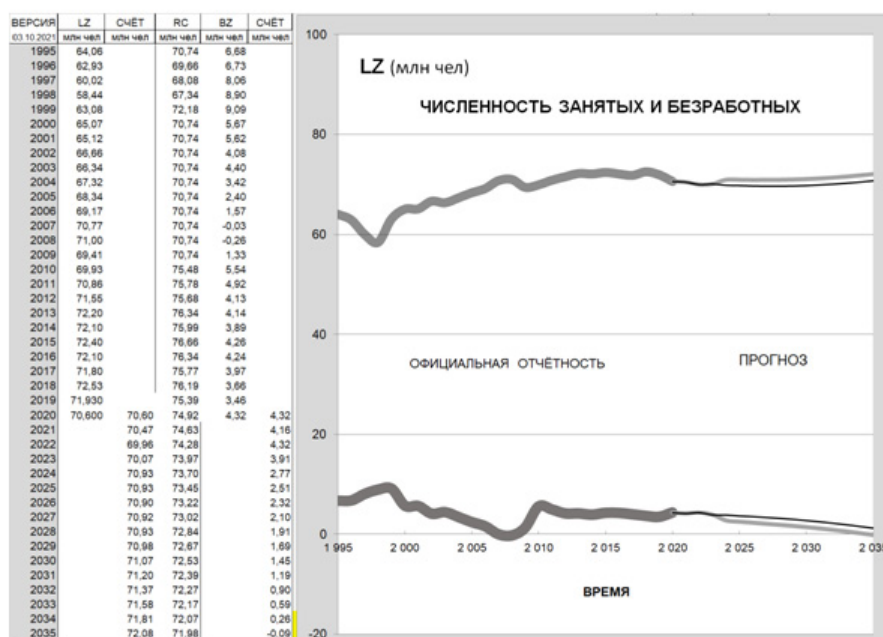

Рисунок 16. Оценка численности занятых и безработных
Figure 16. Estimation of the Number of Employed and Unemployed

Источник: расчёты Антипова В.И.

Динамика наблюдаемых значений и прогнозов доходов консолидированного бюджета для инерционного и возмущённого вариантов развития представлена на рисунке 17. Расчёты показывают, что в консолидированном бюджете при возмущённом развитии появляются дополнительные поступления, что позволяет Правительству РФ частично компенсировать предыдущие затраты.

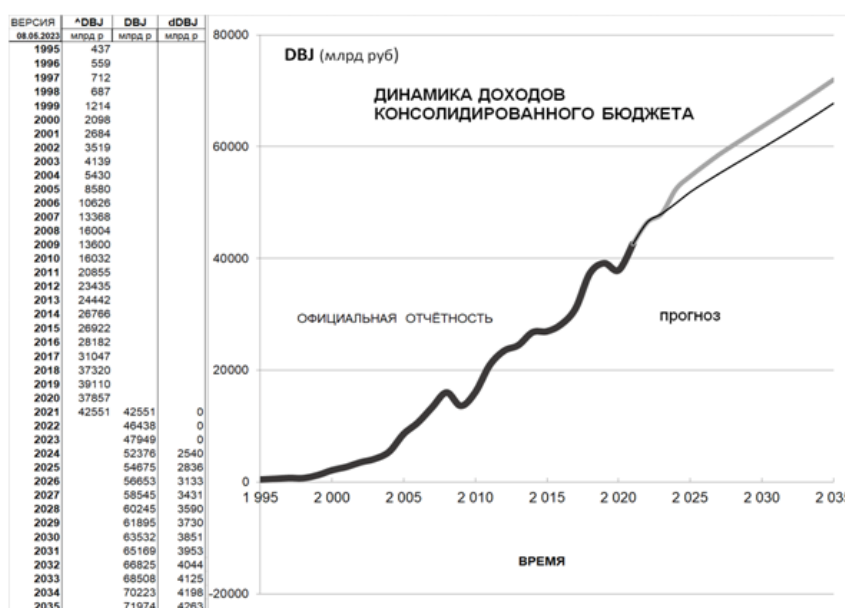

Рисунок 17. Динамика доходов консолидированного бюджета
Figure 17. Dynamics of Consolidated Budget Revenues

Источник: расчёты Антипова В.И.

Заключение

Переход России от директивной экономики к экономике с рыночным хозяйственным механизмом сопровождался сломом всей прежней системы управления экономикой. Всё это привело к потерям выпуска продукции в отраслях материального производства, и прежде всего, в промышленности, росту абсолютной монетарной бедности у значительной части населения и торможению экономического роста. В данной статье на част-

ном примере введения Программы продуктовых карточек для бедных в целях снижения абсолютной монетарной бедности показано, что экономика ещё «откликается» на увеличение внутреннего спроса. Моделирование показало, что мероприятия по внедрению продуктовых карточек для бедных эффективны и приводят не только к снижению бедности, но и к существенному ускорению экономического развития страны.

Список литературы

1. Моделирование выплаты базового дохода для преодоления абсолютной монетарной бедности, поддержки безработных граждан и семей с детьми / В.Н. Бобков, И.Б. Колмаков, В.И. Антипов, Е.В. Одинцова // Мир новой экономики. 2022. Том 16. № 3. С. 37–52. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-37-52>
2. Основы национального счетоводства (международный стандарт): учебник / Ю.Н. Иванов, С.Е. Казаринова, Л.А. Карасева [и др.]; под ред. Ю.Н. Иванова. М.: ИНФРА-М, 2005. 480 с.
3. System of National Accounts. European Communities, International Monetary Fund, Organization for Economic Co-operation and Development, United Nations and World Bank – 2008. New York, 2009. ISBN 978-92-1-161522-7
4. Технология моделирования экономики и модель современной экономики России / М.Ю. Андреев, И.Г. Поспелов, И.И. Поспелова [и др.]. М.: МИФИ, 2007. 262 с.
5. Антипов В.И., Митин Н.И., Пащенко Ф.Ф. Модифицированная макроэкономическая имитационная модель развития России // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2018. № 272. 36 с. <https://doi.org/10.20948/prepr-2018-272>
6. Capital-Labor substitution and economic efficiency / K.J. Arrow, H.B. Chenery, B.C. Minhas, R.M. Solow // Review of Economics and Statistics. 1961. № 2(45). P. 225–250. <https://doi.org/10.2307/1927286>
7. Проекты и риски будущего: концепции, модели, инструменты, прогнозы / ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. М.: КРАСАНД, 2011. 432 с.
8. Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития / отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий, С.Ю. Малков. М.: ООО «Книжный дом Либроком, 2012. 486 с. ISBN 978-5-397-02369-6; EDN QANIWL
9. Баркалов Н.Б. Производственные функции в моделях экономического роста. М.: МГУ, 1981. 128 с.
10. Бессонов В.А. Проблемы построения производственных функций в российской переходной экономике. М.: ИЭПП, 2002. 46 с.
11. Белоусов Д.Р., Солнцев О.Г., Хромов М.Ю. Построение долгосрочного научно-технологического прогноза для России методом Форсайт // Проблемы прогнозирования. 2008. № 1(106). С. 18–32. EDN ICITVB
12. Белоусов Д.Р. Итоги развития российской экономики в 2009 г. и ее долгосрочный прогноз // Проблемы прогнозирования. 2010. Т. 21. № 6. С. 24–44. EDN NTVQXH
13. Прикладное прогнозирование национальной экономики: учебное пособие / под ред. В.В. Ивантера, Н.И. Буданова, А.Г. Коровкина, В.С. Сутягина. М.: ЭкономистЪ, 2007. 896 с.
14. Колеров С.Б., Куранов Г.О. Статистическая балансовая модель СБМ-1 в системе сценарного прогнозирования Минэкономразвития России // XI Международная научная конференция «Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития»: Материалы XI Международной научной конференции, Минск, 14–15 октября 2010 года: в 5 т. Т. 2. Мн.: НИЭИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2010. 312 с.
15. Лебедев В.В., Лебедев К.В. Математическое и компьютерное моделирование экономики. М.: НТВ-Дизайн, 2002. 256 с.
16. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бахтизина Н.В. Вычислимая модель экономики знаний // Экономика и математические методы. 2009. Т. 45. № 1. С. 70–82.
17. Макаров В.Л., Афанасьев А.А., Лосев А.А. Вычислимая имитационная модель денежного обращения российской экономики // Экономика и математические методы. 2011. Т. 47. № 1. С. 3–27.
18. Долгосрочный прогноз развития экономики России на 2007–2030 гг. (по вариантам). ИНП РАН: [сайт]. URL: <https://esfor.ru/publication/dolgosrochnyj-prognoz-razvitiya-ekonomiki-rossii/> (дата обращения: 25.05.2023).
19. Поспелов И.Г. Равновесные модели экономики в период мирового финансового кризиса // Труды МФТИ. 2009. Т. 1. № 4. С. 66–83.
20. Широков А.А., Янговский А.А. Межотраслевая макроэкономическая модель как ядро комплексных прогнозных расчетов // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3(144). С. 18–31. <https://doi.org/10.1134/S1075700714030125>; EDN UGGSNV
21. Серебряков Г.Р. Опыт построения динамической межотраслевой равновесной модели российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2000. № 2. С. 1–17. EDN HRTTEN
22. Турунцева М.Ю., Киблицкая Т.Р. Качественные свойства различных подходов к прогнозированию социально-экономических показателей РФ. М.: ИЭПП, 2010. 148 с. ISBN 978-5-93255-286-5

23. Антипов В.И., Митин Н.А., Пащенко Ф.Ф. Модифицированная макроэкономическая имитационная модель развития России // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2018. № 272. С. 1–36. <https://doi.org/10.20948/prepr-2018-272>; EDN VOUGTM
24. Антипов В.И. Госплан: вчера, сегодня, завтра. М.: Концептуал, 2019. 208 с. ISBN 978-5-907172-17-3
25. Антипов В.И., Митин Н.А., Пащенко Ф.Ф. Модель воспроизводства ВВП России P1-4-0(2020-1). М.: ИПУ РАН, 2020. 114 с. ISBN 078-5-91450-247-5
26. Антипов В.И., Митин Н.А., Пащенко Ф.Ф. Макроэкономическая имитационная модель развития мировой экономики // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2019. № 153. С. 1–20. <https://doi.org/10.20948/prepr-2019-153>; EDN DXKERY
27. Антипов В.И., Митин Н.А., Шашев А.М. Макроэкономическая имитационная модель развития экономики США // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2020. № 125. С. 1–47. <https://doi.org/10.20948/prepr-2020-125>; EDN JLSJDL
28. Антипов В.И., Малинецкий Г.Г., Митин Н.А. Влияние мер, направленных на повышение благосостояния населения России, на макроэкономическую динамику // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2022. № 42. С. 1–18. <https://doi.org/10.20948/prepr-2022-42>; EDN HLJVVY
29. Антипов В.И., Малинецкий Г.Г., Митин Н.А. Цивилизационный аспект реформ экономики России // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2022. № 94. С. 1–32 с. <https://doi.org/10.20948/prepr-2022-94>; EDN NICHZM
30. Одицова Е.В., Черных Е.А., Чащина Т.В. Практические аспекты введения безусловного базового дохода и его влияние на сферу занятости: оценки экспертов и целевых категорий населения // Труд и социальные отношения. 2022. Том 33. № 5. С. 19–36. <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-5-19-36>; EDN LQOUXN

Информация об авторах:

Валерий Иванович Антипов – кандидат физико-математических наук, независимый исследователь, Москва, Россия (e-mail: valeriantipov27@yandex.ru) (РИНЦ Author ID: 184210)

Татьяна Викторовна Чащина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Института экономики РАН, Москва, Россия (e-mail: chashinatv@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 591597) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>) (ResearchID: GQH-0078-2022)

Заявленный вклад авторов:

Антипов В.И. – постановка проблемы, разработка концепции исследования, обзор исследований и публикаций, обработка и анализ данных, анализ результатов исследования, формулирование выводов исследования.

Чащина Т.В. – обзор исследований и публикаций, обработка данных, анализ результатов исследования.

Автор, ответственный за переписку – Татьяна Викторовна Чащина.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

- Bobkov V.N., Kolmakov I.B., Antipov V.I., et al. Modeling the payment of basic income to overcome absolute monetary poverty, support unemployed citizens and families with children. *Mir novoi ehkonomiki=The World of the New Economy*. 2022;16(3):37-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2022-16-3-37-52>
- Ivanov Yu.N. (ed.), Kazarinova S.E., Karaseva L.A., et al. *Osnovy natsional'nogo schetovodstva (mezhdunarodnyi standart): uchebnik*. Moscow: INFRA-M; 2005. 480 p. (In Russ.)
- System of National Accounts. European Communities, International Monetary Fund, Organisation for Economic Cooperation and Development, United Nations and World Bank – 2008. New York; 2009. ISBN 978-92-1-161522-7
- Andreev M.Yu., Pospelov I.G., Pospelova I.I., et al. Technology of economic modeling and model of modern Russian economy. Moscow: Moscow Engineering Physics Institute; 2007. 262 p. (In Russ.)
- Antipov V.I., Mitin N.I., Pashchenko F.F. Modified macroeconomic simulation model of Russia's development. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha=Keldysh Institute Preprints*. 2018;(272):1-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.20948/prepr-2018-272>
- Arrow K.J., Chenery H.B., Minhas B.C., et al. Capital-Labor substitution and economic efficiency. *Review of Economics and Statistics*. 1961;45(2):225-250. <https://doi.org/10.2307/1927286>
- Akaev A.A., Korotaev A.V., Malinetskii G.G., et al. (eds.) *Proekty i riski budushchego: kontseptsii, modeli, instrumenty, prognozy*. Moscow: KRASAND; 2011. 432 p. (In Russ.)
- Akaev A.A., Korotaev A.V., Malinetskii G.G. Modeling and forecasting of global, regional and national development. Moscow: Knizhnyy Dom Librokom; 2012. 486 p. (In Russ.) ISBN 978-5-397-02369-6
- Barkalov N.B. *Proizvodstvennyye funktsii v modelyakh ehkonomicheskogo rosta*. Moscow: Lomonosov MSU; 1981. 128 p. (In Russ.)
- Bessonov V.A. *Problemy postroeniya proizvodstvennykh funktsii v rossiiskoi perekhodnoi ehkonomike*. Moscow: Institute of Economics in Transition; 2002. 46 p. (In Russ.)
- Belousov D.R., Solntsev O.G., Khromov M.Yu. Using the foresight technique to build a long-term scientific and technological forecast for Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2008;19(1):10-19. (In Russ.)
- Belousov D.R. Results of the development of the Russian economy in 2009 and its long-term forecast. *Problems of Forecasting. Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2010;21(6):24-44. (In Russ.)

13. Ivanter V.V., Budanova N.I., Korovkin A.G., et al (eds.) *Prikladnoe prognozirovanie natsional'noi ehkonomiki: uchebnoe posobie*. Moscow: Economist; 2007. 896 p. (In Russ.)
14. Kolerov S.B., Kuranov G.O. Statisticheskaya balansovaya model' SBM-1 v sisteme stsenarnogo prognozirovaniya Minhkonomrazvitiya Rossii. In: XI Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Problemy prognozirovaniya i gosudarstvennogo regulirovaniya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya»: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii in 5 Vol.; 14–15 Oct. 2010; Minsk, Republic of Belarus. Vol. 2. Minsk: Scientific Research Institute of Economics of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus; 2010. 312 p. (In Russ.)
15. Lebedev V.V., Lebedev K.V. *Matematicheskoe i komp'yuternoe modelirovanie ehkonomiki*. Moscow: NTV-Dizain; 2002. 256 p. (In Russ.)
16. Makarov V.L., Bakhtizin A.R., Bakhtizina N.V. Computable model of the knowledge economy. *Ekonomika i matematicheskie metody=Journal of Economics and Mathematical Methods*. 2009;45(1):70-82. (In Russ.)
17. Makarov V.L., Afanasiev A.A., Losev A.A. Computable simulation model of money circulation in the Russian economy. *Ekonomika i matematicheskie metody=Journal of Economics and Mathematical Methods*. 2011;47(1):3-27. (In Russ.)
18. Dolgosrochnyi prognoz razvitiya ehkonomiki Rossii na 2007-2030 gg. (po variantam). IEF RAS: [website]. URL: <https://ecfor.ru/publication/dolgosrochnyj-prognoz-razvitiya-ekonomiki-rossii/> (date of application: 25.05.2023).
19. Pospelov I.G. Equilibrium models of the economy during the global financial crisis. *Trudy MFTI=Proceedings of the Moscow Institute of Physics and Technology (State University)*. 2009;1(4):66-83. (In Russ.)
20. Shirov A.A., Yantovsky A.A. Input-output macroeconomic model as the core of complex fore-casting calculations. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2014;25(3):18-31. (In Russ.) <https://doi.org/10.1134/S1075700714030125>
21. Serebryakov G.R. Building a Dynamic Interindustry Equilibrium Model of the Russian Economy. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*. 2000;11(4):331-341. (In Russ.)
22. Turuntseva M.Yu., Kiblitckaya T.R. Qualitative Specifics of Various Approaches to the Estimates of the RF Socio-Economic Indicators. Moscow: Institute for the Economy in Transition; 2010. 148 p. (In Russ.) ISBN 978-5-93255-286-5
23. Antipov V.I., Mitin N.I., Pashchenko F.F. Modified macroeconomic simulation model of Russia's development. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha=Keldysh Institute Preprints*. 2018;(272):1-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.20948/prepr-2018-272>
24. Antipov V.I. Gosplan: vchera, segodnya, zavtra. Moscow: Kontseptual; 2019. 208 p. (In Russ.)
25. Antipov V.I., Mitin N.A., Pashchenko F.F. The model of reproduction of Russia's GDP P1-4-0(2020-1). Moscow: ICS RAS; 2020. 114 p. (In Russ.) ISBN 078-5-91450-247-5
26. Antipov V.I., Mitin N.A., Pashchenko F.F. Macroeconomic simulation model of the global economy. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha=Keldysh Institute Preprints*. 2019;(153):1-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.20948/prepr-2019-153>
27. Antipov V.I., Mitin N.A., Shashev A.M. Macroeconomic simulation model of the development of the US economy. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha=Keldysh Institute Preprints*. 2020;(125):1-47. (In Russ.) <https://doi.org/10.20948/prepr-2020-125>
28. Antipov V.I., Malinetskiy G.G., Mitin N.A. The impact of measures aimed at improving the welfare of the Russian population on macroeconomic dynamics. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha=Keldysh Institute Preprints*. 2022;(42):1-18. (In Russ.) <https://doi.org/10.20948/prepr-2022-42>
29. Antipov V.I., Malinetskiy G.G., Mitin N.A. The civilizational aspect of the reforms of the Russian economy. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha=Keldysh Institute Preprints*. 2022;(94):1-32. (In Russ.) <https://doi.org/10.20948/prepr-2022-94>
30. Odintsova E.V., Chernykh E.A., Chashchina T.V. Practical aspects of the introduction of an unconditional basic income and its impact on employment: assessments of experts and target categories of the population. *Trud i sotsial'nye otnosheniya=Labour and Social Relations Journal*. 2022;33(5):19-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.20410/2073-7815-2022-33-5-19-36>

Information about the authors:

Valery I. Antipov – PhD of Physico-mathematical Sciences, Independent Researcher, Moscow, Russia
(e-mail: valeriantipov27@yandex.ru)

Tatyana V. Chashchina – PhD in Economics, Senior Research of the Sector of Socioeconomic Research of Quality and Standard of Living at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
(e-mail: chashinatv@mail.ru) (PIИЦ Author ID: 591597), (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3384-3413>), (ResearchID: GQH-0078-2022)

Authors' declared contribution:

Valery I. Antipov – statement of the problem, development of the research concept, review of research and publications, analysis of research results, formulation of research findings.

Tatyana V. Chashchina – review of research and publications, processing of survey data, analysis of research results.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The author responsible for the correspondence is Tatyana V. Chashchina.

The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted 30.06.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 311.2

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_9_591_601

EDN VHTVKK

Подходы к оценке вклада трудовых мигрантов в экономику принимающей страны

Ольга Дмитриевна Воробьева¹, Анастасия Евгеньевна Рубина²

^{1,2} Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

¹ (89166130069@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>)

² (rubinaanastasia.ev@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-9581-698X>)

Аннотация

Статья посвящена разработке методики оценки социально-экономического потенциала человеческого капитала диаспоры трудовых мигрантов и экономического вклада трудовой миграции в принимающей стране, которая была разработана в рамках гранта РФФИ № 20-511-05007 «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС» на примере армянской диаспоры в России. Проведён обзор подходов к изучению миграционных процессов в рамках теории человеческого капитала, а также имеющихся методик оценки экономического вклада трудовых мигрантов в экономику принимающих их стран. Даны понятия человеческого капитала диаспоры и социально-экономического потенциала. Методические подходы оценки социально-экономического потенциала человеческого капитала мигрантов в принимающей стране включают две группы компонентов: количественные оценки, состоящие из статистических показателей, включающих социально-экономические характеристики мигрантов, а также качественные, отображающие их ценностно-мотивационные установки. Описаны способы получения информации о данных характеристиках, а также их особенности. Определены методологические подходы к оценке вклада трудовых мигрантов в социально-экономическое развитие региона. Разработана методика оценки экономического вклада трудовой миграции в принимающей стране, включающая измерение вклада мигрантов в производство валового внутреннего продукта, производства товаров и услуг в принимающей стране, поступлений в федеральный и региональные бюджеты в виде оплаты налогов и сборов, расширения ёмкости потребительского рынка на величину средств, затрачиваемых трудовыми мигрантами в стране пребывания, общей оценки напряжённости на рынке труда, оценки структуры занятости и безработицы трудовых мигрантов, оценки их влияния на уровень оплаты труда местного населения, а также оценки влияния международной миграции на масштаб привлечения международных трудовых мигрантов.

Ключевые слова: человеческий капитал, социально-экономический потенциал мигрантов, диаспора, трудовая миграция, экономический вклад миграции, методика оценки, экономика принимающей страны

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 20-511-05007) «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС».

Для цитирования: Воробьева О.Д., Рубина А.Е. Подходы к оценке вклада трудовых мигрантов в экономику принимающей страны // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 591–601. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_9_591_601; EDN VHTVKK

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_9_591_601

EDN VHTVKK

Approaches to Assessing the Contribution of Migrant Workers to the Economy of the Host Country

Ol'ga D. Vorob'eva¹, Anastasiya E. Rubina²

^{1,2} Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (89166130069@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>)

² (rubinaanastasia.ev@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-9581-698X>)

Abstract

The article is devoted to the development of a methodology for assessing the socio-economic potential of the human capital of the diaspora of labor migrants, and the economic contribution of labor migration in the host country, which was developed under Russian Foundation for Basic Research grant № 20-511-05007 "Socio-economic potential of the Armenian Diaspora in the context of integration processes in the EAEU" on the example of the Armenian Diaspora in Russia. The review of approaches to the study of migration processes within the framework of the theory of human capital, as well as available methods for assessing the economic contribution of labor migrants to the economy of their host countries. The concepts of the diaspora's human capital and socio-economic potential are given. Methodological approaches to assessing the socio-economic potential of migrants' human capital in the host country include two groups of components: quantitative assessments consisting of statistical indicators including socio-economic characteristics of migrants, as well as qualitative ones reflecting their value and motivational attitudes. The methods of obtaining information about these characteristics, as well as their features, are described. Methodological approaches to assessing the contribution of labor migrants to the socio-economic development of the region are defined. A methodology has been developed for assessing the economic contribution of labor migration in the host country, including measuring the contribution of migrants to the production of gross domestic product, the production of goods and services in the host country, revenues to

federal and regional budgets in the form of taxes and fees, expanding the capacity of the consumer market by the amount of funds spent by labor migrants in the host country, general assessment of tension in the labor market, assessment of the structure of employment and unemployment of migrant workers, assessment of their impact on the level of wages of the local population, as well as assessing the impact of international migration on the scale of attracting international labor migrants.

Keywords: human capital, socio-economic potential of migrants, diaspora, labor migration, economic contribution of migration, assessment methodology, economy of the host country

Acknowledgments: The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (grant № 20-511-05007) "Socio-economic potential of the Armenian Diaspora in the context of integration processes in the EAEU".

For citation: Vorob'eva OD, Rubina AE. Approaches to Assessing the Contribution of Migrant Workers to the Economy of the Host Country. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):591–601. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_9_591_601

Введение

Экономическая значимость трудовой миграции в России в настоящее время не вызывает сомнений в связи с дефицитом трудовых ресурсов в отдельных видах экономической деятельности.

Обоснования вклада трудовых мигрантов в социально-экономическое развитие принимающих их регионов можно обнаружить у современных последователей теории человеческого капитала, доказывающих, что миграция положительно влияет не только на самого мигранта, но и на территорию, на которую он пребывает.

Р. Флорида отмечает, что в регионах, обладающих большим количеством высокообразованного населения или развитого человеческого капитала, наблюдается экономическое развитие в то время, как регионы с наименьшей долей развитого человеческого капитала сталкиваются со стагнацией или спадом социально-экономического развития. Регионы, целенаправленно «концентрирующие» таланты на своей территории, отличаются высокими темпами инновационного развития, поскольку прибывающее население привносит в трудовую сферу региона новые идеи и новые навыки [1].

Г. Оттавиано и Г. Пери выявили, что демографическое и культурное разнообразие оказывают положительное влияние на экономическое развитие регионов, а увеличение численности иммигрантов на предприятиях регионов улучшает производительность таких предприятий, поскольку навыки и квалификация трудовых мигрантов отличаются от навыков местного населения, а значит мигранты привносят в процесс производства новые действия, совершенствующие его. Также культурное разнообразие меняет структуру потребления населения, увеличивая разнообразие предоставляемых в регионе товаров и услуг [2].

По мнению А. Фаджиан, экономически развитые регионы привлекают более развитый человеческий капитал и молодёжь, получающую образование в этих регионах, что также оказывает положительное влияние на их дальнейшее развитие [3]. Рост производительности труда связан с

непрерывным притоком иммигрантов с высоко-развитым человеческим капиталом.

Влияние уровня образования на миграционную подвижность доказал в своём исследовании Н. Куйман и его коллеги [4]. В рамках проведённого ими лонгитюдного исследования авторы обосновали взаимосвязь интенсивности миграции населения с разным уровнем образования. Так, население с высшим образованием обладает большей миграционной подвижностью, чем население без высшего образования, причём территориями прибытия таких мигрантов, как правило, являются мегаполисы. Указанный феномен может быть обусловлен в том числе тем, что население с высоким уровнем образования рассчитывает на уже имеющиеся у него навыки и способности, которые повышают возможность успешного трудоустройства и интеграции на новой территории, а население с более низким уровнем образования при поиске работы и при решении жизненных проблем в большей степени полагается на собственное социальное окружение, которое уже сформировалось в родном регионе.

В связи с изложенным возникает потребность в поиске достоверной методики оценки экономического вклада, который привносит человеческий капитал трудового мигранта в принимающую его страну.

В социально-экономических исследованиях приводятся обоснования экономического вклада трудовых мигрантов в экономику принимающих их стран. Так, например, С.В. Рязанцев определил, что вклад трудовой миграции в принимающей стране можно оценить через доходы от финансовой деятельности миграционной инфраструктуры, их занятость и вклад в ВВП, потребление товаров и услуг [5].

Ивлиева О.Д. оценила вклад высококвалифицированных трудовых мигрантов в экономику Германии на основе данных о регистрации патентов [6].

В зарубежных исследованиях можно обнаружить использование эконометрических методов для оценки влияния международной трудовой миграции на экономику принимающих стран.

Р.Дж. Лалонд и Р. Топел измерили экономическое влияние иммигрантов в Соединённых Штатах Америки [7], а К. Типаялай – в Королевстве Таиланд [8].

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что в приведённых исследованиях отсутствует инструмент оценки экономического вклада трудовых мигрантов, тогда как такая потребность реально существует, и именно на этом сосредоточены усилия исследования, результаты которого излагаются в данной статье, предлагающей вариант универсальной методики, позволяющей измерить экономический вклад трудовых мигрантов в принимающей стране.

Текущее исследование направлено на создание такой методики, которая бы учитывала в том числе человеческий капитал и социально-экономический потенциал трудовых мигрантов в принимающей стране при оценке их влияния на экономику.

Учитывая, что социально-экономическое развитие зависит в том числе от культурного разнообразия пребывающих мигрантов, полагаем целесообразным при составлении методики оценки социального-экономического потенциала человеческого капитала ограничиться сбором информации по отдельным диаспорам трудовых мигрантов. Текущая методика оценки диаспоры социально-экономического потенциала человеческого капитала разработана на примере армянской диаспоры трудовых мигрантов в России.

Таким образом, **целью данного исследования является** разработка методики оценки социально-экономического потенциала человеческого капитала диаспоры трудовых мигрантов и экономического вклада трудовой миграции в принимающей стране. **Объект исследования** – диаспора трудовых мигрантов в принимающей стране, **предметом исследования** выступает методика оценки социально-экономического потенциала человеческого капитала диаспоры трудовых мигрантов и экономического вклада трудовой миграции в принимающей стране.

Исследование имеет следующую структуру: определены понятия человеческого капитала диаспоры и социально-экономического потенциала; обозначены методические подходы к оценке социально-экономического потенциала диаспоры трудовых мигрантов в принимающей стране; изложена методика оценки социально-экономического потенциала представителей диаспоры трудовых мигрантов в России; определены методологические подходы к оценке вклада в социально-экономическое развитие региона; разработана методика оценки экономического вклада трудовой миграции в принимающей стране.

Теоретические положения методики оценки вклада трудовых мигрантов в экономику принимающей страны

Для разработки методики оценки вклада трудовых мигрантов в экономику принимающей страны необходимо дать определения ключевым понятиям, в которых заключается сущность вклада трудовых мигрантов в экономику принимающих стран. Основной вклад в экономику принимающих стран производится за счёт социально-экономического потенциала и человеческого капитала трудовых мигрантов.

Понятие человеческого капитала диаспоры

В настоящее время под человеческим капиталом в общем смысле принято понимать воплощённые в людях знания, навыки, здоровье, миграционные установки, психофизические и демографические качества, позволяющие создавать их личное, социальное и экономическое благосостояние [9; 10; 11].

Под человеческим капиталом диаспоры мы понимаем воплощённые в переехавших на новую территорию индивидах знания, навыки, здоровье, психофизические и демографические качества, а также имеющиеся устойчивые социальные связи с их этнической группой в принимающей стране, которые принимающая страна использует для собственного социально-экономического развития.

Понятие социально-экономического потенциала

Термин «потенциал» возник от латинского слова *potentia* – сила. Термин используется для обозначения наличия следующих ресурсов: источников, возможностей, средств, запасов, которые могут быть использованы для достижения определённых целей [12]. Контекст социально-экономического потенциала, как правило, рассматривается в отношении географических, территориальных, региональных единиц. Под понятием «**экономический потенциал региона**» подразумевается совокупная возможность отраслей экономики производить промышленную, сельскохозяйственную продукцию, предоставлять транспортные и иные производственные услуги, а также оказывать услуги населению и т.д. [12].

Важнейшей составляющей и экономического, и социального потенциала является население, обладающее совокупностью демографических, трудовых, образовательных, профессиональных, культурных и прочих характеристик.

Исходя из необходимости измерения социально-экономического потенциала определённой группы населения, воспользуемся следующим определением: «Социально-экономический потенциал диаспоры трудовых мигрантов в принимающей стране – это совокупность всех имеющихся

в её распоряжении ресурсов, которые вовлечены в процессы общественного производства и социального развития, а также могут быть задействованы для роста экономики и улучшения качества жизни как членов диаспоры, так и населения принимающих и посылающих стран. [13, с. 120]».

Методические рекомендации для оценки социально-экономического потенциала диаспоры трудовых мигрантов в принимающей стране

Приступая к оценке социально-экономического потенциала человеческого капитала диаспоры **трудовых мигрантов в принимающей стране** необходимо, прежде всего, выделить две группы компонентов по признаку возможностей количественных и качественных оценок тех или иных характеристик.

К первой группе **количественных оценок** возможно отнести следующие социальные и экономические характеристики:

- демографические (половозрастной состав, брачную структуру, семейный состав, уровень образования);
- положение на рынке труда (занятые, безработные, структура занятости по видам экономической деятельности и профессиям);
- социальный статус на рынке труда (руководитель, квалифицированный работник, собственник, предприниматель);
- источник средств к существованию;
- уровень дохода (от различных видов деятельности – наёмного труда, предпринимательской деятельности, доходов от банковских вкладов и ценных бумаг и др.).

Ко второй группе **качественных оценок** могут быть отнесены следующие социальные и экономические характеристики:

- имущественный статус;
- установки на достижение успеха;
- социальная активность (участие в политических и общественных движениях, органах самоуправления, ведение страниц в социальных сетях);
- миграционные установки, включая возвратные;
- проблемы интеграции;
- связи и взаимодействие с другими общностями.

Методологические рекомендации для оценки вклада в социально-экономическое развитие региона

Определение экономического вклада иностранной рабочей силы возможно в результате ре-

шения методологических и методических вопросов, а эмпирические результаты в значительной степени зависят от того, какие процессы принимаются во внимание, а также наличия соответствующей статистической информации для расчётов [14].

Трудовые мигранты влияют на экономику страны-импортёра рабочей силы в разных аспектах, присутствуя на рынке труда принимающей страны в качестве:

- наёмных работников, которые вносят вклад в создание внутреннего валового продукта (ВВП) путём создания добавленной стоимости в отраслях их занятости, в формирование уровня оплаты труда;
- предпринимателей и инвесторов: вносят вклад в создание новых рабочих мест;
- высококвалифицированных специалистов и учёных – способствуют внедрению инноваций и технологий;
- налогоплательщиков: вносят вклад в формирование доходной части бюджетов на всех уровнях за счёт отчисления подоходного и других видов налогов;
- потребителей: вносят вклад в расширение ёмкости потребительского рынка товаров и услуг для личного потребления.

Трудовые мигранты оказывают влияние на экономику страны-экспортёра рабочей силы также по нескольким направлениям, выезжая из страны постоянного проживания в качестве:

- наёмных рабочих – снижая уровень безработицы в стране выезда и сокращая расходы бюджета на социальные выплаты по безработице, ввозя в страну происхождения часть заработанных денежных средств;
- предпринимателей – осваивая и используя различные технические, технологические и организационные новации и распространяя их, инвестируя заработанные денежные средства в малый и средний бизнес;
- высококвалифицированных специалистов и учёных – осваивая и распространяя полученные знания, опыт, полученные новые образовательные уровни;
- налогоплательщиков: вносят вклад в формирование доходной части бюджетов на всех уровнях за счёт отчисления различных видов налогов на ввозимые денежные средства;
- потребителей: вносят вклад в расширение ёмкости потребительского рынка товаров и услуг для личного потребления, расширяя возможности использования ввозимых денежных средств для развития видов экономической деятельности, связанных с личным потреблением и предпринимательством.

Методические рекомендации для оценки социально-экономического потенциала представителей диаспоры трудовых мигрантов в России

Для первой группы характеристик могут быть использованы данные официального статистического наблюдения, в частности такого вида сплошного статистического наблюдения как перепись населения, которая была проведена в 2021 году. Это наиболее полный, актуальный и достоверный источник информации о демографических, экономических и социальных характеристиках населения, находящегося на территории России. В анкете переписи населения предусматриваются вопросы, по которым возможно выделить различные этнические группы населения, в том числе и диаспоры трудовых мигрантов. Следует иметь в виду, что представители диаспоры могут быть иностранными гражданами, находящимися на территории России в качестве иммигрантов, относящимся к различным категориям: трудящимся, образовательным, вынужденным и т.д. Вместе с тем, к представителям диаспоры могут быть отнесены и лица, имеющие российское гражданство, вид на жительство и проживающие на территории России достаточно длительное время. Комбинация отдельных социально-экономических признаков, отмечаемых в анкете переписи, может дать необходимые количественные данные по характеристикам, отнесённым к первой группе.

Возможно получить следующие количественные **демографические показатели человеческого капитала по диаспоре трудовых мигрантов в принимающей стране:**

- численность диаспоры;
 - численность лиц диаспоры по полу и возрастным группам;
 - состоящие в браке, никогда не состоявшие в браке, вдовы и разведённые;
 - сгруппированность в семьи различного размера и состава;
 - уровень образования.
- Характеристики положения на рынке труда:**
- численность и уровень занятости;
 - численность безработных и уровень безработицы;
 - структура занятости по видам экономической деятельности;
 - структура занятости по профессиям;
 - источник средств к существованию в разрезе, предусмотренных анкетой переписи населения.

Текущее статистическое наблюдение за различными категориями мигрантов позволяет провести количественную оценку трудовых мигрантов в региональном разрезе и по видам экономической деятельности. Однако более подробные характеристики, такие как занимае-

мые должности, выполняемые функциональные обязанности не предусмотрены официальными статистическими наблюдениями, по данным которых возможно выделить представителей диаспоры **трудоустроенных в принимающей стране.**

Один из регулярных видов выборочного статистического наблюдения «**Обследование рабочей силы**», к сожалению, не предусматривает в анкете вопрос об этнической принадлежности. Дополнение анкеты этим вопросом могло бы существенно расширить возможности оценки социально-экономического потенциала любой диаспоральной группы в возрасте старше 15 лет по широкому кругу показателей, касающихся занятости, безработицы, поиску работы, образованию, состоянию в браке, типу семьи, источнику и уровню дохода, виду экономической деятельности и иным характеристикам в режиме мониторинга, исследуемым в данном выборочном обследовании домохозяйств.

Отдельные количественные и качественные оценки могут быть получены только с использованием **методологии социологических опросов населения.**

Для получения информации социологическими методами необходимо оценить:

- социальный статус на рынке труда (руководитель, квалифицированный работник, собственник, предприниматель);
- виды номинальных доходов по предусмотренным в балансах доходов и расходов населения группам:
 - доходы лиц, занятых предпринимательской деятельностью;
 - выплаченная заработная плата наёмных работников;
 - социальные выплаты (пенсии, пособия, стипендии, страховые возмещения и прочие выплаты);
 - доходы от собственности в виде процентов по вкладам, ценным бумагам, дивидендов;
 - деньги, полученные по переводам;
 - другие доходы.

Также с использованием методологии социологического опроса могут быть получены характеристики для оценки потенциала диаспоры **трудоустроенных в принимающей стране, отнесённые ко второй группе – качественных оценок. В их состав входят** перечисленные ниже социальные и экономические характеристики.

1. Имущественный статус. Постановка вопросов по достаточно деликатной теме должна быть простой, понятной и дающей возможность косвенным образом определить наличие, объём и характер имеющегося движимого и недвижимого имущества для группировки опрашиваемых по имущественному статусу.

2. Установки на достижение успеха. Данный блок вопросов должен позволить определить несколько уровней успеха, к которым стремятся опрашиваемые: идеальный, ожидаемый (при наличии определённых условий) и реальный (с учётом собственных обстоятельств) – аналогично классическому подходу к изучению репродуктивных установок. Это позволит определить объективные и субъективные возможности опрашиваемых.

3. Социальная активность. Данный блок вопросов может содержать прямые закрытые вопросы об участии в политических и общественных движениях, органах самоуправления, о ведении и целях ведения страниц в социальных сетях и другие.

4. Миграционные установки, включая возвратные. Вопросы, относящиеся к данному блоку, достаточно традиционные и часто используемые в социологических опросах при изучении миграционных процессов населения. Специфика вопросов для решения данной задачи – оценка социально-экономического потенциала, которая заключается в установлении потенциальной мобильности диаспоры в зависимости от различных социально-демографических и экономических характеристик, которыми обладают опрашиваемые. Установление тесноты взаимосвязи между факторными и результативными признаками участников опроса позволят более аргументированно прогнозировать их дальнейшее миграционное поведение.

5. Проблемы интеграции. Используя данный блок вопросов необходимо выявить наличие различных проблем, с которыми сталкиваются мигранты стремясь адаптироваться и интегрироваться в принимающее сообщество (языковые, профессиональные, бытовые, материальные и т.д.) и затем те препятствия, которые стоят в российской реальности на пути их решения (недостаточность правовой базы, правоприменительная практика, отсутствие институциональных и организационных структур и другие).

6. Связи и взаимодействие с другими общностями. Блок прямых закрытых и открытых вопросов о необходимости, достаточности масштабов, направлений и характера взаимодействия по линии этнического предпринимательства, социальной поддержки членов диаспоры, в принимающей стране, в стране исхода.

Понятие социально-экономического вклада в развитие региона.

Социально-экономический вклад международной миграции в развитие принимающей и отдающей страны носит разносторонний характер. Её влияние зависит от следующих основных параметров:

А) вида миграции:

- постоянная, временная;
- образовательная, трудовая;
- легальная, нелегальная;
- квалифицированная, неквалифицированная;
- семейная, брачная и проч.;

Б) состояния внутреннего рынка труда:

– дисбаланс между платёжеспособным спросом на рабочую силу и предложением трудовых ресурсов;

– дисбаланс между профессионально-квалификационными требованиями к рабочей силе на рынке труда страны-импортёра и количественными и качественными характеристиками рабочей силы в стране-экспортёре;

– внутригосударственная мобильность национальных трудовых ресурсов;

– условия и охрана труда и уровень оплаты труда;

В) социально-демографических условий;

– обеспеченность населения услугами социальной сферы (здравоохранения, образования и проч.);

– половозрастная структура населения;

– естественный прирост и воспроизводственные процессы.

Социально-экономический вклад в развитие региона представляет собой совокупность произведённой трудовыми мигрантами вновь созданной стоимости в виде внутреннего валового продукта в отраслях материального производства и сфере услуг, повышение ёмкости потребительского рынка, наполнения доходной части бюджета за счёт налоговых отчислений. Несомненный социальный эффект имеет сокращение дефицита трудовых ресурсов на рынке труда в результате привлечения и использования иностранной рабочей силы. Демографические последствия в результате омоложения возрастного состава населения, уровня брачности, также можно отнести к позитивным социальным последствиям международной трудовой миграции. Измерение прямых и косвенных экономических эффектов в результате данного процесса имеет несомненный практический смысл, так как позволяет аргументированно оценивать проводимую миграционную политику в отношении межгосударственной трудовой миграции населения.

Методические рекомендации для оценки экономического вклада трудовой миграции в принимающей стране

1. Вклад в производство валового внутреннего продукта.

Оценить вклад международных трудовых мигрантов в ВВП можно путём произведения от

умножения объёма ВВП в рыночных ценах на долю иностранной рабочей силы в общей численности занятых в экономике.

Вклад в создание ВВП трудовыми мигрантами из конкретной страны определяется умножением ВВП в рыночных ценах по видам экономической деятельности на долю трудовых мигрантов из данной страны-экспортёра рабочей силы, в общей численности занятых в конкретном виде экономической деятельности¹.

Эмпирические расчёты возможно провести, имея данные о производстве ВВП в разрезе видов экономической деятельности (ВЭД) и абсолютной численности и доле занятых трудовых мигрантов по отдельным видам экономической деятельности в общей численности занятых по каждому ВЭД. В расчётах не могут быть учтены трудовые мигранты, работающие на национальном российском рынке труда без официального разрешения или юридического оформления трудовых отношений с работодателем.

Вклад в производство ВВП определяется по следующей формуле:

$$GDP_{LMA} = GDP \left(\frac{Z}{Z_{lma}} \right) 100, \quad (1)$$

где

GDP_{LMA} – ВВП, произведённый трудовыми мигрантами из Армении (руб.);

GDP – объём произведённого ВВП в год в рыночных ценах (руб.);

Z – численность занятых в экономике России (чел.);

Z_{lma} – численность занятых трудовых мигрантов в экономике страны (чел.);

$\left(\frac{Z}{Z_{lma}} \right) 100$ – доля трудовых мигрантов в общей численности занятых в экономике РФ (процент).

Такие же расчёты могут быть проведены по ВЭД при наличии необходимых данных о численности занятых трудовых мигрантов.

Например: определяя экспертным путём долю нелегальных трудовых мигрантов из конкретной страны на российском рынке труда, возможно введение поправочного коэффициента «нелегальности», на величину которого умножается полученный результат.

2. Производство товаров и услуг в принимающей стране.

Измерение вклада международных трудовых мигрантов в производство товаров и услуг определяется как сумма оборота организаций,

которые производят товары и услуги в текущих ценах, умноженная на долю международных трудовых мигрантов из конкретной страны, в общей численности занятых производством товаров и услуг. Подобная оценка производится по отдельным видам экономической деятельности.

Производство товаров и услуг в принимающей стране определяется по следующей формуле:

$$TS = \sum OTS \left(\frac{Z_{ts}}{Z_{lma}} \cdot 100 \right), \quad (2)$$

где

TS – вклад трудовых мигрантов в производство товаров и услуг в России (руб.);

$\sum OTS$ – сумма оборота организаций, производящих товары и услуги в текущих ценах (руб.);

$\left(\frac{Z_{ts}}{Z_{lma}} \cdot 100 \right)$ – доля международных трудовых мигрантов, в общей численности занятых производством товаров и услуг (руб.).

3. Поступления в федеральный и региональные бюджеты в виде оплаты налогов и сборов.

Оценка поступлений в доходную часть федерального и региональных бюджетов рассчитывается исходя из размера ставки подоходного налога и размера среднемесячной оплаты труда трудового мигранта, умноженной на их численность. Подобная оценка производится по каждому отдельному виду экономической деятельности, суммируется для получения общей суммы поступлений в доходную часть федерального и региональных бюджетов.

Поступления в федеральный и региональные бюджеты в виде оплаты налогов и сборов рассчитываются следующим образом:

$$\sum N = PNV_{lma}, \quad (3)$$

где

$\sum N$ – сумма налоговых поступлений в определённый календарный период (руб.);

P – среднемесячная оплата труда мигрантов (руб.);

N – размер ставки подоходного налога (руб.);

V_{lma} – среднегодовая численность трудовых мигрантов (чел.).

4. Расширение ёмкости потребительского рынка на величину средств, затрачиваемых трудовыми мигрантами в стране пребывания для личного потребления.

Доходы экономики принимающей страны от текущего потребления трудовых мигрантов рассчитываются как определённая доля от объёма денежных переводов, пересылаемых трудовыми мигрантами. Установлено, что возможны несколько сценариев, по которым осуществляются переводы заработной платы в страны происхождения. Они отличаются той долей заработной

¹ Икромов Д.З. Влияние международной трудовой миграции из стран Центральной Азии на социально-экономическое развитие России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14/ Икромов Джовид Зафарович; науч. рук. Н.А. Ломагин; СПбГУ. Санкт-Петербург, 2017. 207 с.

платы, которую затрачивает трудовой мигрант в принимающей стране. По данным об объёме денежных переводов из страны-импортёра в страны-экспортёры рабочей силы может быть рассчитан показатель объёма внутреннего потребления как произведение объёма денежных переводов на долю потребления и делённое на долю переводов в общем объёме оплаты труда мигрантов в принимающей стране.

Расширение ёмкости потребительского рынка на величину средств, затрачиваемых трудовыми мигрантами в стране пребывания для личного потребления, рассчитывается по следующей формуле:

$$V_{dk} = \frac{R}{50} \cdot 30, \quad (4)$$

где

V_{dk} – объём внутреннего потребления (руб.);

R – объём денежных переводов в определённый календарный период (руб.).

В зависимости от сценария внутреннего потребления R может быть умножен на величину соотношения перевода и доли внутреннего потребления от заработанных средств.

Таким образом, **сумма вышеприведённых составляющих покажет общий экономический вклад (ЕС) трудовых мигрантов в экономику принимающей страны:**

$$EC = GDP_{LMA} + TS + \Sigma N + Vdk \quad (5)$$

Прочие виды экономического вклада бизнес-мигрантов, мигрантов-высококвалифицированных специалистов и учёных в форме распространения знаний, применения имеющегося опыта, не поддаётся прямой количественной оценке, однако имеет косвенный отдаленный не малый экономический результат.

5. Общая оценка напряжённости на рынке труда как одного из важнейших показателей социальной напряжённости определяется как соотношение численности безработных и количества вакансий. Оценить социальный эффект напряжённости на рынке труда в связи с привлечением международных трудовых мигрантов можно путём сопоставления числа вакансий по видам экономической деятельности и численностью иностранных трудовых мигрантов по видам экономической деятельности. Возможно произвести такое вычисление по субъектам и видам экономической деятельности и сопоставить виды деятельности, в которых заняты международные трудовые мигранты, с совокупным (средним) показателем по стране (региону). Однако, имеющиеся в результате официального статистического

наблюдения данные не позволяют произвести такие оценки².

Целевым показателем является разница между количеством вакансий и численностью безработных. Значение показателя более нуля свидетельствует о низкой степени напряжённости федерального и региональных рынков труда.

6. Оценка структуры занятости международных трудовых мигрантов и безработицы.

Структура занятости международных трудовых мигрантов по отраслям экономики сопоставляется с отраслевой структурой безработных по стране (региону). Показатель отражает степень давления трудовых мигрантов на рынок труда. Несовпадение отраслевой структуры безработных со структурой занятости международных трудовых мигрантов свидетельствует об отсутствии их влияния на рынке труда, и, следовательно, они не занимают места, на которые претендуют безработные граждане принимающей страны. Совпадение этих структурных показателей свидетельствует о конкуренции на рынке труда между национальной и иностранной рабочей силой.

7. Оценка влияния международных трудовых мигрантов на уровень оплаты труда местного населения.

Для оценки такого важного показателя как влияние ИРС на уровень оплаты труда местного населения потребуются данные о заработной плате ИРС на территории страны (региона). Такие данные можно получить от работодателей, привлекающих ИРС. Как правило, данная информация не публикуется в открытом доступе, но возможно использовать данные о денежных переводах трудовых мигрантов, что позволит выявить их среднюю заработную плату по стране (региону)³. Оценка влияния международных трудовых мигрантов на уровень оплаты труда местного населения определяется соотношением заработной платы международных трудовых мигрантов из конкретной страны и среднемесячной номинальной начисленной заработной платой (например в среднем по России).

Данный показатель рассчитывается как отношение средней заработной платы международных трудовых мигрантов к среднемесячной номинальной начисленной заработной плате в среднем по стране (региону), умноженное на 100%.

8. Рассматривая социальные индикаторы, необходимо произвести оценку влияния (вклада)

² Икромов Д.З. Влияние международной трудовой миграции из стран Центральной Азии на социально-экономическое развитие России: дис. канд. экон. наук: 08.00.14/ Икромов Джовид Зафарович; науч. рук. Н.А. Ломагин; СПбГУ. Санкт-Петербург, 2017. 207 с.

³ Там же

международной миграции на масштаб привлечения международных трудовых мигрантов.

Данную оценку можно осуществить по их доле в численности занятых в экономике страны (и её субъектов), которая рассчитывается по формуле:

отношение численности международных трудовых мигрантов к численности занятых в экономике, умноженное на 100%.

Совокупная (средняя) доля международных трудовых мигрантов в численности занятых в экономике сопоставляется с их долей в численности занятых в экономике по видам экономической деятельности. Выявляются отрасли с относительно высокой (выше средней) и относительно низкой (ниже средней) долей международных трудовых мигрантов в численности занятых в экономике. Целевым показателем в данном случае является изменение доли международных трудовых мигрантов в численности занятых. По различным экспертным оценкам уменьшение или увеличение данного показателя не более чем на 2% свидетельствует о низкой степени зависимости экономики принимающей страны и её субъектов от их притока⁴.

Экономический вклад трудовой миграции в развитие страны-экспортёра рабочей силы связан в первую очередь с поступлением в страну происхождения части заработанных средств в виде денежных переводов. Данные содержатся в отчётах ЦБ страны-импортёра рабочей силы, а также Мирового банка по странам получателям.

Денежные средства могут являться источником финансирования нескольких основных направлений:

- личное потребление домохозяйствами трудящихся-мигрантов в виде приобретения продуктов питания, предметов потребления, услуг здравоохранения и образования и т.д.;

- инвестиционные проекты для организации малого и среднего бизнеса;

- дебетовые банковские вклады.

Распределение объёма денежных переводов из страны-импортёра рабочей силы в страну-экспортёр по трём приведённым каналам использования возможно провести на основании данных выборочного обследования доходов и расходов населения, которое проводится в каждой стране, но имеет некоторую модификацию в названиях.

По данным выборочного обследования домохозяйств возможно определить не только объёмы денежных доходов, но и их источники и направления их использования. Структура использования денежных переводов домохозяйств трудовых мигрантов по трём указанным основным направлениям характеризует потребности и возможности домохозяйств по использованию полученных денежных переводов. По мере роста материального благосостояния домохозяйств растёт доля расходов на инвестиционные проекты и дебетовые вклады. Использование высокой доли денежных доходов на личное потребление характеризует невысокий уровень благосостояния домохозяйств трудовых мигрантов и населения в целом. Важно рассмотрение и анализ структуры использования домохозяйствами средств денежных переводов в динамике.

К важнейшим социальным эффектам можно отнести влияние международной трудовой миграции на снижение показателей степени напряжённости на рынке труда, а также на рост уровня оплаты труда местного населения в связи с отъездом трудовых ресурсов в другие страны.

Заключение

Организация сбора и обработки данных по всем видам статистического и социологического наблюдения позволит достаточно полно и точно определить социально-экономический потенциал человеческого капитала диаспоры **трудовых мигрантов в принимающей стране**, а также выявить подходы к прогнозированию процессов, влияющих на трансформацию их человеческого капитала и социально-экономического потенциала.

Для более полного сбора и систематизации необходимых данных для оценки вклада трудовых мигрантов в экономику принимающей страны, и в целях последующего комплексного анализа, целесообразно совершенствование государственной системы статистического учёта.

В дальнейших исследованиях планируется осуществление измерения социально-экономического потенциала диаспоры трудовых мигрантов и экономического вклада трудовой миграции в принимающей стране в разрезе регионов России по разработанным рекомендациям к методическим подходам, а также межрегиональное сравнение полученных показателей.

⁴ Икромов Д.З. Влияние международной трудовой миграции из стран Центральной Азии на социально-экономическое развитие России: дис. канд. экон. наук: 08.00.14/ Икромов Джовид Зафарович; науч. рук. Н.А. Ломагин; СПбГУ. Санкт-Петербург, 2017. 207 с..

Список литературы

1. Florida R., Mellander C., Stolarick K. Inside the Black Box of Regional Development: Human Capital, the Creative Class and Tolerance // *Journal of Economic Geography*. 2007. Vol. 8. P. 615–649. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbn023>
2. Ottaviano G., Peri G. Cities and Culture // *Journal of Urban Economics*. 2005. Vol. 58. P. 304–337. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2005.06.004>
3. Faggian A., McCann P. Human capital and regional development // *Handbook of Regional Growth and Development Theories*. 2009. P. 133–151.
4. Kooiman N., Latten J., Bontje M. Human capital migration: a longitudinal perspective // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2018. Vol. 109. P. 644–660. <https://doi.org/10.1111/tesg.12324>
5. Рязанцев С.В. Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2016. Т. 6. №2(22). С. 16–28. <https://www.doi.org/10.12737/18147>; EDN WEIIED
6. Ивлиева О.Д. Оценка вклада высококвалифицированной миграции в экономику Германии на основе данных Международной патентной системы // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2015. № 2. С. 59–65. EDN UCGNKX
7. Lalonde R., Topel R. Economic impact of international migration and the economic performance of migrants. In: *Handbook of Population and Family Economics*. Ct. 14. Vol. 1. Part B. Michigan State University, University of Chicago; 1997. P. 799–850. [https://doi.org/10.1016/S1574-003X\(97\)80006-2](https://doi.org/10.1016/S1574-003X(97)80006-2)
8. Tipayalai K. Impact of international labor migration on regional economic growth in Thailand // *Economic Structures*. 2020. № 9(15). URL:<https://journalofeconomicstructures.springeropen.com/articles/10.1186/s40008-020-00192-7> (дата обращения: 25.08.2023)
9. Schultz T.W. Investment in Human Capital // *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No 1. P. 1–17.
10. Becker G. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. New York: Columbia University Press, 1964. 187 p. ISBN: 0-226-04109-3
11. Ионцев В.А., Магомедова А.Г. Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах // *Экономика региона*. 2015. № 3(43). С. 89–102. <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>; EDN UISFRL
12. Минакова И.В. Либеральная модель развития как фактор, ограничивающий возможности реализации потенциала российской экономики // *Modern Economy Success*. 2017. № 6. С. 50–55. EDN YNDRXK
13. Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграции в ЕАЭС / А. Топилин, Г. Погосян, Г. Осадчая, Н. Рязанцев // *Центральная Азия и Кавказ*. 2021. Т. 24. № 3. С. 117–128. <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.03.09>; EDN JGYKTP
14. Икромов Д.З. Подходы в оценке влияний международной трудовой миграции на социально-экономическое развитие страны // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2(20). С. 4469–4474. EDN TWSYVP

Информация об авторах:

Ольга Дмитриевна Воробьева – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва Россия (e-mail: 89166130069@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 250138) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>)

Анастасия Евгеньевна Рубина – аспирант 3 г. о., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва Россия (e-mail: rubinaanastasia.ev@gmail.com) (РИНЦ Author ID: 998383) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9581-698X>)

Заявленный вклад авторов:

Воробьева О.Д. – научное руководство, разработка методик, разработка структуры работы;

Рубина А.Е. – сбор материалов, анализ литературы, изложение результатов в соответствии со структурой.

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Автор, ответственный за переписку – Рубина Анастасия Евгеньевна.

Статья поступила в редакцию 28.07.2023; одобрена после рецензирования 21.09.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Florida R., Mellander C., Stolarick K. Inside the Black Box of Regional Development: Human Capital, the Creative Class and Tolerance. *Journal of Economic Geography*. 2007;8:615-649. <https://doi.org/10.1093/jeg/lbn023>
2. Ottaviano G., Peri G. Cities and Culture. *Journal of Urban Economics*. 2005;58:304-337. <https://doi.org/10.1016/j.jue.2005.06.0043>.
3. Faggian A., McCann P. Human capital and regional development. *Handbook of Regional Growth and Development Theories*. 2009:133-151.
4. Kooiman N., Latten J., Bontje M. Human capital migration: a longitudinal perspective. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2018;109:644-660. <https://doi.org/10.1111/tesg.123245>.
5. Ryazantsev S.V. Contribution of labor migration to the Russian economy: evaluation methods and results. *Humanities. Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta=Bulletin of the Financial University*. 2016;6(2(22)):16-28. (in Russ.) <https://www.doi.org/10.12737/18147>
6. Ivlieva O.D. Assessment of the contribution of highly skilled migration to the German economy based on data from the International Patent System. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya=Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*. 2015;(2):59-65. (in Russ.)

7. Lalonde R., Topel R. Economic impact of international migration and the economic performance of migrants. In: Handbook of Population and Family Economics. Ch. 14. Vol. 1. Part B. Michigan State University, University of Chicago; 1997. P. 799-850. [https://doi.org/10.1016/S1574-003X\(97\)80006-2](https://doi.org/10.1016/S1574-003X(97)80006-2)
8. Tipayalai K. Impact of international labor migration on regional economic growth in Thailand. *Economic Structures*. 2020;9(15). URL:<https://journalofeconomicstructures.springeropen.com/articles/10.1186/s40008-020-00192-7> (accessed: 25.08.2023)
9. Schultz T.W. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961;51(1):1-17.
10. Becker G. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. New York: Columbia University Press; 1964. 187 p. ISBN: 0-226-04109-3
11. Iontsev V.A., Magomedova A.G. Demographic aspects of human capital development in Russia and its regions. *Ekonomika Regiona=Economy of Regions*. 2015;(3(43)):89-102. (in Russ.) <https://doi.org/10.17059/2015-3-8>
12. Minakova I.V. Liberal model of development as a factor limiting the possibilities of realizing the potential of the Russian economy. *Modern Economy Success*. 2017;6:50-55. (in Russ.)
13. Topilin G., Poghosyan G., Osadchaya G., et al. Socio-economic potential of the Armenian Diaspora in the context of integration into the EAEU. *Tsentrāl'naya Aziya i Kavkaz=Central Asia and The Caucasus*. 2021;24(3):117-128. (in Russ.) <https://doi.org/10.37178/ca-c.21.03.09>
14. Ikromov D.Z. Approaches to assessing the impact of international labor migration on the socio-economic development of the country. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental Research*. 2015;2(20):4469-4474. (in Russ.)

Information about the authors:

Ol'ga D. Vorob'eva – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Department of Reproduction of Labor Resources and Employment of the Population, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(e-mail: 89166130069@mail.ru) (РИИЦ Author ID: 250138) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1304-3715>)

Anastasiya E. Rubina – 3-rd year Postgraduate Student, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(e-mail: rubinaanastasia.ev@gmail.com) (РИИЦ Author ID: 998383) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9581-698X>)

Authors` declared contribution:

Ol'ga D. Vorob'eva – scientific guidance, methodology development, work structure development;

Anastasiya E. Rubina – collection of materials, analysis of literature, presentation of results in accordance with the structure.

The authors declare no conflict of interest.

The authors responsible for the correspondence is Anastasia Rubina.

The article was submitted 28.07.2023; approved after reviewing 21.09.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Оригинальная статья

УДК 316.3

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615

EDN VXNEGO

Армянская диаспора в России: занятость и социально-экономическое самочувствие

Осадчая Галина Ивановна¹, Юдина Татьяна Николаевна²

^{1,2} Институт демографических исследований Федерального Научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва Россия

¹ (osadchaya111@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-2597-9724>)

² (ioudinatn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>)

Аннотация

Распад Советского Союза в 1991 г. вызвал существенное усиление миграционного притока армянского населения в более благополучную Россию и принципиально изменил состав, экономический потенциал, включённость армянской диаспоры в принимающее общество. Целью исследования является оценка занятости и уровня социально-экономического самочувствия, как показателя особенностей и успешности протекания процесса адаптации в трёх российских регионах с наибольшей численностью армянской общины: в Краснодарском, Ставропольском краях, а также в Москве и Московской области. Статья подготовлена на основе анализа результатов совместного проекта России и Армении «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС». Методическая стратегия включает анкетный опрос представителей армянской диаспоры и глубинное интервью армянской диаспоры в данных регионах. В статье дан критический анализ научной литературы по социальному и социально-экономическому самочувствию социальных групп, показано, что понятие «социально-экономическое самочувствие» – это комплексный феномен, требующий уточнения интерпретации, операционализации и методики измерения. Обоснован подход, эмпирические индикаторы, методика по расчёту индексов социально-экономического самочувствия. Дан анализ занятости, социального – экономического самочувствия в экономической сфере (удовлетворённость работой, отношениями на работе; возможности обеспечения семьи, удовлетворённость материальным положением) и социальной сфере (отношения в семье, удовлетворённость местом и условиями проживания, образованием, здоровьем, отпуском и свободным временем, занятиями физкультурой и спортом), оценка социального настроения, перспектив и возможностей реализации жизненных планов. Сделан вывод о том, что в целом уровень социально-экономического самочувствия демонстрирует относительную устойчивость и активную включённость армян в общую российскую среду, особенно в Краснодарском крае. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при подготовке и реализации комплекса мер, направленных на создание условий для более полного использования социально-экономического потенциала армянской диаспоры для развития РФ.

Ключевые слова: диаспора, армянская диаспора, занятость, социально-экономическое самочувствие, социальное настроение, жизненные планы, удовлетворённость, индекс удовлетворённости, образ социального будущего; сводный индекс социально-экономического самочувствия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Социально-экономический потенциал армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС», № 20-511-05007

Для цитирования: Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Армянская диаспора в России: занятость и социально-экономическое самочувствие // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 602–615. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615; EDN VXNEGO

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615

EDN VXNEGO

Armenian Diaspora in Russia: Employment and Socio-economic Well-being

Galina I. Osadchaya¹, Tat'yana N. Yudina²

^{1,2} Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ (osadchaya111@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-2597-9724>)

² (ioudinatn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>)

Abstract

The collapse of the Soviet Union in 1991 caused a significant increase in the migration influx of the Armenian population to a more prosperous Russia and fundamentally changed the composition, economic potential, and inclusion of the Armenian diaspora in the host society. The aim of the study is to assess employment and the level of socio-economic well-being as an indicator of the peculiarities and success of the adaptation process in three Russian regions with the largest number of Armenian communities: in Krasnodar, Stavropol Territories, as well as in Moscow and the Moscow region. The article is based on the analysis of the results of the joint project of Russia and Armenia "Socio-economic potential of the Armenian Diaspora in the context of integration processes in the EAEU". The methodological strategy includes a questionnaire survey of representatives of the Armenian Diaspora and an in-depth interview of the Armenian Diaspora in these regions. The article provides a critical analysis of the scientific literature on the social and socio-economic well-being of social groups, shows

that the concept of "socio-economic well-being" is a complex phenomenon that requires clarification of interpretation, operationalization and measurement methods. The campaign, empirical indicators, and methodology for calculating indices of socio-economic well-being are substantiated. The analysis of employment, social and economic well-being in the economic sphere (job satisfaction, relationships at work; opportunities to provide for the family, satisfaction with the financial situation) and the social sphere (family relations, satisfaction with the place and living conditions, education, health, vacation and free time, physical education and sports), assessment of social mood, prospects and opportunities for the implementation of life plans. It is concluded that, in general, the level of socio-economic well-being demonstrates the relative stability and active involvement of Armenians in the general Russian environment, especially in the Krasnodar Territory. The results of the study can be used by the authorities in the preparation and implementation of a set of measures aimed at creating conditions for a more complete use of the socio-economic potential of the Armenian Diaspora for the development of the Russian Federation.

Keywords: diaspora, Armenian diaspora, employment, socio-economic well-being, social mood, life plans satisfaction, satisfaction index, image of the social future; composite index of socio-economic well-being

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project "Socio-economic potential of the Armenian Diaspora in the context of integration processes in the EAEU", No. 20-511-05007

For citation: Osadchaya GI, Yudina TN. Armenian Diaspora in Russia: Employment and Socio-economic Well-being. *Uroven' zhizni nasele-niya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):602–615. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_10_602_615

Введение

Формирование армянской диаспоры (по-армянски «спюрк») в России продолжалось на протяжении многих веков. Первые сведения об армянах в Древней Руси относятся к X–XI вв. Согласно Всероссийской переписи населения 2020–2021 г. численность армян составляет 946172 чел. (0,64% от общей численности населения России)¹. Армяне живут преимущественно в Краснодарском (211,1 тыс. чел.) и Ставропольском (135 тыс. чел.) краях, а также в Москве и Московской области (138,2 тыс. чел.). Основываясь на данных о миграции, сведениях о легализации иностранных граждан, ряд экспертов полагают, что на сегодняшний день на территории России проживает не менее 2 млн лиц армянской национальности. По оценке «Союза армян России», численность армянской диаспоры в России превышает 2,5 млн человек². Армянская диаспора является не только одной из самых многочисленных [1], но и одной самых влиятельных диаспор, вовлечённых в экономические процессы в России. Роль диаспоры, как правило непропорционально значима относительно её величины и эта особенность, как показывают исследования, имеет стойкую тенденцию к дальнейшему усилению, это делает проблему армянской диаспоры как одного из важнейших субъектов социально-экономических процессов, происходящих в России, все более актуальной [2; 3].

Вопросы жизнедеятельности армянской диаспоры в России всегда находились в поле зрения учёных. Они отмечают, что армянская диаспора России не является по своему составу однородной, а состоит из ряда слоёв, отличающихся друг

от друга по степени интегрированности в российское общество [4; 5]. Эти слои сформировались в результате ряда миграций, что сопровождалась заметной этно-социальной дифференциацией армян России, выделением армян-старожилов и «новомигрантов» как относительно автономных этнических групп. Реально выделились разные этнопоселенческие подгруппы армян: достаточно интегрированные, которых в литературе предложили даже называть «россияне» и в значительной части относительно обособленные в российской среде – «новоприбывшие» [6]. Высокий уровень интегрированности в российское общество армян-старожилов («россиян») объясняется во многом тем, что в Россию, особенно в столицу, в прошлом приезжали достаточно конкурентно-способные группы армян. Армянская диаспора до 1991 года являлась одной из наиболее высокообразованных и высококвалифицированных этнических общностей России, группой достаточно заметной среди других диаспор, прежде всего благодаря многим ярким представителям российской интеллигенции, особенно в области науки и культуры [6]. Почти половина (41%) армян-старожилов была занята в сфере науки, образования и культуры [4]. По итогам исследований Арутюняна Ю.В. в 2016 году, армяне-старожилы, а тем более их дети, родившиеся в России, армянского языка практически не знают [6]. Результаты данного исследования подтверждаются и результатами переписи населения 2020–2021 гг.: только 48,5% армян, проживающих в России, владеют армянским языком³.

После распада Советского Союза в Армении, как и в других республиках, произошли кардинальные политические и социально-экономические изменения. Армения из достаточно раз-

¹Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат: [сайт]. URL: <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 06.07.2023).

² Население Армении. Сколько всего армян в мире и в стране // ArmeniaGid.com: [сайт]. URL: <https://armeniagid.com/kultura/skolko-v-mire-armyan> (дата обращения: 06.08.2023).

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Росстат: [сайт]. URL: <https://11.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 06.07.2023).

витой в экономическом отношении республики⁴, в 1991-м году опустилась на предпоследнее место по уровню среднемесячной номинальной заработной платы в экономике среди 12 стран СНГ, а в 1992-м году – на последнее место. По уровню же безработицы заняла первое место⁵. Все это вызвало существенное усиление миграционного притока армянского населения в более благополучную Россию. В составе армянских «новомигрантов» выросла доля людей с относительно невысоким уровнем образования и профессиональной подготовки, выходцев из сёл и малых городов, которые раньше не имели ни средств, ни желания покидать свои родные места, и вынуждены были делать это теперь лишь под давлением чрезвычайных обстоятельств [6]. Для большинства важнейшим стимулом при переезде стал сиюминутный денежный (материальный) интерес. Поэтому они в России в основном довольствовались той работой, что им предлагали, лишь бы поскорее получить необходимые средства. Всё это отражалось на социально-профессиональном и отраслевом составе всей армянской диаспоры в 90-е годы. Кроме этого, на социальный состав армянской диаспоры большое влияние оказал массовый приток в Россию армянского населения из других республик бывшего Союза.

Неуправляемые миграционные процессы вызвали массу негативных явлений, в числе которых, появление очагов социальной и этнической напряжённости, особенно в местах компактного проживания мигрантов (в первую очередь Краснодарский и Ставропольский края), обострение криминогенной обстановки, расширение теневой экономики, ухудшение санитарных и эпидемиологических условий и т.п.

Поэтому в нашем исследовании мы сделали акцент на «новоприбывших» армян, приехавших в Россию с 1991 года [7]. Из республики Армения только с конца 1991 по 1995 гг. по официальным статистическим данным армянской стороны переехало в Россию 677 тыс. чел. (а по некоторым оценкам – до миллиона человек), большая часть которых покинули Армению в период 1992–1994 гг.⁶. Однако специально вопросы социально-экономического самочувствия членов армянской диаспоры в России в последние годы анализировались

⁴ Союзные республики. Основные экономические и социальные показатели // Статистический сборник/ Госкомстат СССР. М., 1991. С. 71.

⁵ Рынок труда в странах Содружества независимых государств: статистический сборник // Межгосударственный статистический комитет содружества независимых государств, 1998. С. 66, 102.

⁶ Статистический Ежегодник Армении 1990–2011 // Yerevan-Ереван: [сайт], 2012. URL: https://istmat.org/files/uploads/62724/statisticheskij_ezhegodnik_armenii_2012.pdf (дата обращения: 06.07.2023).

недостаточно. Больше уделялось внимания демографическим, социальным, политическим и этнокультурным характеристикам российских армян [4].

Целью нашего исследования стала оценка занятости и уровня социально-экономического самочувствия «новоприбывших» представителей армянской диаспоры как показателя успешности протекания их процесса адаптации для понимания особенностей их жизнедеятельности в трех российских регионах в Краснодарском, Ставропольском крае, а также в Москве и Московской области для повышения эффективности использования социально-экономического потенциала армянской диаспоры, решения проблем консолидации российского общества.

Объект исследования: представители армянской диаспоры, проживающие в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Москве и Московской области и приехавшие в Россию после 1991 года.

Предмет исследования: занятость и уровень социально-экономического самочувствия «новоприбывших» представителей армянской диаспоры как показатель успешности протекания их процесса адаптации в России.

Гипотеза исследования: занятость и уровень социально-экономического самочувствия «новоприбывших» представителей армянской диаспоры находится во всех трех изучаемых регионах России на высоком или среднем уровне, что говорит об успешности их жизнедеятельности в них.

Научная новизна данного исследования состоит в:

- разработке авторского теоретико-методологического подхода к изучению социально-экономического потенциала армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС; модели прикладного социологического исследования социально-экономического потенциала армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС; методической стратегии и инструментарий изучения социально-экономического потенциала армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС; научно-обоснованных рекомендаций по повышению эффективности использования социально-экономического потенциала армянской диаспоры в интересах социально-экономического развития России и Армении;

- выявлении особенностей миграционных процессов в России и Армении как источника роста или снижения численности армянской диаспоры в России; механизмов взаимодействия армянской диаспоры с государственными и негосу-

дарственными структурами в социально-экономических процессах в современной России, места и роли диаспоры в социально-экономических процессах; степени сплочённости и корпоративности армянской диаспоры в России, как преимущества в экономической деятельности; влияния армянской диаспоры в России на внутреннюю и внешнюю социально-экономическую политику Российского государства; изменений гражданской и этнической идентичности членов армянской диаспоры в России;

- оценке изменений условий формирования и условий жизнедеятельности армянской диаспоры в России после вступления Армении в ЕАЭС; социально-демографической структуры и качества социального капитала армянской диаспоры в России как предпосылки к лидерству в экономике;

- характеристике особенностей адаптации и интеграции; самоорганизации мигрантов из Армении; проблем и противоречий; институциональных аспектов деятельности армянской диаспоры в России.

Научная значимость обусловлена вкладом в теоретическое осмысление феномена диаспоры, разработку современной методологии изучения занятости и социально-экономического самочувствия армянской диаспоры в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС, обогащением теории эмпирическими данными, позволяющими зафиксировать особенности и устойчивые тенденции трансформации жизнедеятельности армянской диаспоры, её влияния на социально-экономические процессы в России и Армении.

Методология исследования

Многие исследователи [2; 8; 9] отмечают, что в российской и зарубежной научной литературе существуют множество трактовок понятия «диаспора», которые дают различные авторы или научные школы, но общепринятого определения нет. Это подчёркивает многогранность и неоднозначность понятия «диаспора», что, с одной стороны, позволяет рассматривать особенности существования современных этнических сообществ, с другой – возникает необходимость выбора концепции, которая позволила бы изучить современную этническую диаспору во всех её аспектах.

В нашем исследовании под диаспорой мы будем понимать «любое живущее в инородном окружении этническое или конфессиональное меньшинство, объединённое общим самосознанием, которое выражается в чувстве групповой солидарности». [10, с. 20].

Критический анализ позволил выявить, что сущность социального самочувствия является

предметом исследования многих учёных [11; 12; 13]. В силу того, что социальное самочувствие является комплексным феноменом, «до настоящего времени не достигнута однозначность в его толковании, а также отсутствует его однозначная операционализация через систему индикаторов и показателей» [14, с. 21].

Сегодня активно развивается подход, увязывающий социальное самочувствие с удовлетворённостью различными аспектами жизнедеятельности социальных групп, в том числе и этнических [15]. При этом социальное-экономическое самочувствие интерпретируется как интегральная характеристика личной удовлетворённости жизнью, различными её аспектами (сферами, доменами), обстановкой в месте проживания и ориентированности на перспективы и возможности реализации жизненных стратегий [13].

Мы можем наблюдать, что большинство известных нам методик измерения социально-экономического самочувствия включают оценку экономического благополучия, дохода, уровня жизни, социального статуса индивидов и групп и зависит от территориального, этнического и ряда других факторов исследуемой социальной группы. Тем не менее универсальные социологические методики измерения социального, так и социально-экономического самочувствия, отсутствуют.

Всё большее внимание исследователей привлекает тема социально-экономического самочувствия мигрантов. Так Садовская Е.Ю. рассматривает социальное самочувствие мигрантов как фактор, способствующий адаптации личности в новом социуме [16]. Кобозева Н.Н. изучает социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона⁷; Хасбулатова О.А. и Полетаев Д.В. выделяют гендерные аспекты в вопросах формирования социального самочувствия мигрантов [17; 18].

Важно, что социально-экономическое самочувствие имеет положительный или отрицательный «знак», каждый из которых символично подытоживает общее значение социально-экономического самочувствия изучаемой социальной группы⁸. Благодаря такой градации у нас появилась возможность для эвристического использования данного подхода при изучении социально-

⁷ Кобозева Н.Н. Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Кобозева Наталья Николаевна; науч. рук. канд. педаг. наук, доцент Т.Ф. Маслова; ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет», Ставрополь. 2008. 184 с.

⁸ Клиценко М.В. Социальное самочувствие населения города Хабаровска: автореф. дис. ...канд. полит. наук: 22.00.04 / Клиценко Михаил Вадимович; науч. рук. д-р полит. наук И.Ф. Ярулин; ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». Хабаровск, 2017. 24 с.

экономического самочувствия представителей армянской диаспоры в различных регионах России.

Исходя из подхода предложенного Г.Д. Гриценко [19], и дальше развитым другими исследователями, что социальное, в том числе и социально-экономическое самочувствие, как модель различных эмпирических конструкторов позволяет судить о той или иной степени социальной интеграции мигрантов в различных сферах общественной жизни и отражает субъективное восприятие мигрантами конкретной жизненной ситуации, мы будем рассматривать социальное-экономическое самочувствие «новоприбывших» представителей армянской диаспоры как показатель успешности протекания процесса интеграции⁹ [20]. Мы также будем учитывать тот аспект, что важным компонентом социально-экономического самочувствия представителей армянской диаспоры как комплексного феномена, отражающего удовлетворённость данной социальной группой различными сторонами своей жизнедеятельности, выступает субъективная оценка перспектив и возможностей реализации жизненных стратегий (например, получение российского гражданства или возвращение в Армению).

Исходя из того, что социально-экономическое самочувствие всегда имеет конкретно временной и территориальный характер, мы предлагаем выделить из всей совокупности слагаемых доминирующие в данный момент эмпирические индикаторы, а также факторы, играющие приоритетную роль в оценке социально-экономического самочувствия.

Учитывая, что социально-экономическое самочувствие определяет уровень интеграции «новоприбывших» представителей армянской диаспоры к новым условиям жизни, при выделении объективных факторов обязательным становится включение в факторный набор сфер общественной жизни, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой: экономической и социальной. Таким образом, мы будем характеризовать социально-экономическое самочувствие той или иной степенью достаточности новых социальных условий для постоянной актуализации потребностей, и той или иной степенью удовлетворённости реализации жизненных стратегий. Это даёт нам возможность сконструировать три уровня социально-экономического самочувствия: высокий, средний и низкий.

Предлагаем следующие эмпирические индикаторы социально-экономического самочувствия,

на которые необходимо опираться для определения уровня социально-экономического самочувствия. В экономической сфере: занятость, удовлетворённость работой, отношениями на работе; возможности обеспечения семьи, удовлетворённость материальным положением. В социальной сфере: отношения в семье, удовлетворённость местом и условиями проживания, образованием, здоровьем, отпуском и свободным временем, занятиями физкультурой и спортом. Кроме этого, предлагаем учитывать оценку социального настроения, перспектив и возможностей реализации жизненных планов.

Для расчёта уровня социально-экономического самочувствия воспользуемся методикой Красильниковой М.Д. по расчёту индексов. Согласно данной методике, сначала строятся «индивидуальные индексы по распределениям ответов респондентов на каждый вопрос. Они отражают разницу положительных и отрицательных ответов (в процентных пунктах) на отдельные вопросы – индикаторы, учитываемые при расчётах сводного индекса. К этой разнице прибавляется 100, чтобы избежать отрицательных ответов: каждый индекс изменяется в интервале от 0 до 200, а значение, равное 100, соответствует ситуации, когда доля положительных и отрицательных ответов совпадает. Сводный индекс социального самочувствия рассчитывается как простая арифметическая средняя из индивидуальных индексов» [21, с. 51].

При этом, если индекс равен или больше 165, это будет означать высокий уровень социально-экономического самочувствия; если он равен или ниже 135 – это свидетельствует о его низком уровне; если он лежит в интервале от 136 до 164 – это средний уровень.

Данные и методы

Анализ социально-экономического самочувствия армянских мигрантов проводится на основе результатов социологических исследований, реализованных по совместному проекту России и Армении «Армянская диаспора России в контексте интеграционных процессов в ЕАЭС». Методическая стратегия базируется: 1. На анкетном опросе представителей армянской диаспоры в Москве и Московской области, Краснодарском и Ставропольском краях. Опрошено 658 человек в Москве и Московской области, 310 человек в Краснодарском и 305 человек в Ставропольском краях. Выбор регионов был обусловлен наибольшей численностью армянских диаспор в этих регионах. Отбор респондентов проводился по двум основным признакам: этническая принадлежность и приезд в Россию после 1991 г.; 2. На глубинном интервью армянской диаспоры в Москве и Московской об-

⁹ Ничеговская М.А. Социальное самочувствие населения полиэтничного региона как показатель социальной адаптации: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Ничеговская М.А.; науч. рук. д-р социол. наук Шульга М.М.; ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь. 2017. 26 с.

ласти, Краснодарском и Ставропольском краях. Опрошено 127 человек. Отбор респондентов проводился по двум основным признакам: этническая принадлежность и приезд в Россию после 1991 г.

В обоих социологических исследованиях респонденты были отобраны методом снежного кома.

Результаты исследования

Занятость. На российском рынке труда члены армянской диаспоры занимают самые различные позиции и ниши. Как показали наши более ранние исследования, структура занятости членов армянской диаспоры значительно отличается от структуры занятости мигрантов из других

стран, например выходцев из Средней Азии [22; 23]. Они чаще, чем другие группы мигрантов, заняты высококвалифицированным, интеллектуальным трудом. За время пребывания в России они становятся не только квалифицированными наёмными работниками, но и руководителями, индивидуальными предпринимателями и бизнесменами. В целом по выборке: 46,3% являются квалифицированными наёмными работниками, 13,3% заняты неквалифицированным трудом, 11% – индивидуальные предприниматели, самозанятые, 8,8% – занимают руководящие должности, 7,8% – предприниматели, бизнесмены. Это характерно для всех исследуемых регионов России (таблица 1).

Таблица 1.

Социально-трудовой статус членов армянской диаспоры в Армении и России
(в процентах от числа опрошенных)

Table 1

Social and Labor Status of Members of the Armenian Diaspora in Armenia and Russia
(as a percentage of the number of respondent)

Регионы	Москва и Московская область		Краснодарский край		Ставропольский край	
	социально-трудовой статус в Армении	социально-трудовой статус в настоящее время	социально-трудовой статус в Армении	социально-трудовой статус в настоящее время:	социально-трудовой статус в Армении	социально-трудовой статус в настоящее время
Руководитель	6,0	8,2	8,1	12,6	6,9	6,6
Квалифицированный наёмный работник	23,5	44,6	40,3	43,9	28,1	52,7
Неквалифицированный наёмный работник	15,8	13,7	16,1	10,9	23,1	14,8
Предприниматель, бизнесмен	5,8	9,0	4,0	7,0	3,8	5,8
Индивидуальный предприниматель, самозанятый	7,0	8,5	12,9	19,1	9,4	9,5
Фрилансер	8,7	5,8	5,6	3,0	4,4	2,1
Другое (укажите)	33,3	10,2	12,9	3,5	24,4	8,6

Источник: расчёты авторов.

Значительное большинство новоприбывших мигрантов из Армении заняты в сфере услуг (21,8%), торговле (20,7%), только затем – в промышленности (5,6%), строительстве (10,0), транспорте (6,2%). Обращает на себя внимание, что каждый десятый мигрант из Армении в России работает в сфере образования. На наш взгляд, это связано с тем, что среди приехавших, половина имеет высшее образование. Заметим,

что сфера услуг, торговля, образование не являлись характерными секторами для работы в Армении. Эти тенденции характерны для всех трёх исследуемых регионов (таблица 2). Обращает на себя внимание уход из сферы сельского хозяйства, прибывших в Россию армян, даже в регионы, напрямую связанные с сельскохозяйственным производством (Краснодарский и Ставропольский края).

Таблица 2.

Сферы занятости членов армянской диаспоры в Армении и России
(в процентах от числа опрошенных)

Table 2

Areas of Employment of Members of the Armenian Diaspora in Armenia and Russia
(as a percentage of the number of respondents)

Регионы	Москва и Московская область		Краснодарский край		Ставропольский край	
	работали (работаете сейчас) в Армении	работаете сейчас в России	работали (работаете сейчас) в Армении	работаете сейчас в России	работали (работаете сейчас) в Армении	работаете сейчас в России
Промышленность	3,7	5,5	5,6	4,3	13,1	7,0
Строительство	8,8	7,9	16,0	15,6	4,6	9,9
Транспорт	3,7	4,7	12,0	9,1	5,9	7,0
Сельское хозяйство	6,6	,8	7,2	1,7	7,2	3,3
Торговля	15,4	20,6	12,8	22,1	15,7	19,4
Образование	4,6	10,1	7,2	6,9	11,8	14,9
Здравоохранение	3,7	9,1	7,2	6,9	3,9	5,8
Сфера услуг	8,3	20,6	20,0	26,4	9,8	20,2
Сфера информационных технологий (ИТ)	3,3	6,4	2,4	1,7	2,0	3,3
Другое (укажите)	41,9	14,3	9,6	5,2	26,1	9,1

Источник: расчёты авторов.

Социально-экономическое самочувствие в экономической сфере. Высокий уровень социально-экономического самочувствия характерен для представителей армянской диаспоры, проживающих в Краснодарском крае. Наиболее высоко респондентами Краснодарского края оценены отношения с коллегами, товарищами по работе и отношения с непосредственными руководителями, а также соответствие их работы знаниям, способностям и возможностям. Во многом такую степень удовлетворённости можно объяснить тем, что армянская диаспора стала обосновываться в Краснодаре ещё в XV–XVI веках. Так в 1896 году в черноморской области России проживало уже 14 тысяч армян, в частности, в таких городах, как Анапа, Новороссийск, Туапсе, Сочи, Екатеринодар (ныне Краснодар), Ейск, Армавир, Майкоп. При этом, в городах армяне занимались промышленным производством, открыв свои фабрики по переработке хлопка, производству топлёного масла и пр. Был открыт и торговый дом. Армяне открывали школы и печатные издания, газеты [10]. Все это дало возможность вновь прибывшим после 1991 гг. при поддержке

диаспоры получить хорошо оплачиваемую работу (таблица 3).

В Ставропольском крае социально-экономическое самочувствие значительно ниже. Он находится на среднем уровне. Самые низкие индексы удовлетворённости экономической сферой в крае связаны с уровнем оплаты труда и связанные с этим показателем – возможности для обеспечения семьи. Для них характерен низкий индекс адаптивного социально-экономического самочувствия. Это во многом связано с тем, что среднедушевой денежный доход Ставропольского края по итогам 2020 года (на момент проведения исследования) был значительно ниже, чем в Краснодарском: 24393 против 36604 рублей в месяц¹⁰. Кроме этого, в Ставропольском крае больше представителей армянской диаспоры заняты в сельском хозяйстве, оплата труда в котором ниже. Это подтвердили и результаты нашего опроса. Среди представителей армянской диаспоры Ставрополя высока доля тех (45,7%), кто не может позволить себе покупку товаров длительного пользования, ему затруднительно

¹⁰ Денежные доходы и расходы населения // Росстат [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13270> (дата обращения: 06.07.2023).

покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги и не хватает денег даже на еду.

В это время доля таких респондентов в Краснодарском крае составила лишь 9,6%.

Таблица 3

Сводный индекс социально-экономического самочувствия в экономической сфере и составляющих его частных индексов

Table 3

Summary Index of Socio-Economic Well-Being in the Economic Sphere and its Constituent Private Indices

	Москва и Московская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Оплата работы	163,1	171,4	124,6
Соответствие работы знаниям, способностям и возможностям	166,3	178,4	152,8
Удовлетворённость работой в целом	175,6	172,3	148,5
Отношения с непосредственными руководителями	176,0	184,7	172,8
Отношения с коллегами, товарищами по работе	184,0	189,2	178,3
Условия для повышения квалификации, профессионального роста	150,4	148,9	138,2
Возможности для обеспечения семьи	148,8	162,2	127,2
Индекс удовлетворённости экономической сферой	164,65	172,4	154,85

Источник: расчёты авторов.

Даже в Москве доля таких респондентов выше и составляет 21,3% (рисунок 1). В целом степень удовлетворённости работой у представителей армянской диаспоры, проживающих в Москве и Московской области, находится на высоком уровне, но возможности для обеспече-

ния семьи, оплата работы и условия для повышения квалификации, профессионального роста только на среднем. Заметим, что условия для повышения квалификации, профессионального роста являются самым низким по значению индексом для всех регионов.

Рисунок 1. Оценка респондентами доходного статуса, в % от числа опрошенных
Figure 1. Respondents' Assessment of Income Status, in % of the number of respondents

Источник: построено авторами на основании данных опроса.

Социально-экономическое самочувствие в социальной сфере. Уровень социально-экономического самочувствия в социальной сфере во всех исследуемых регионах, в отличие от экономической сферы, находится на среднем уровне.

Самая большая проблема в социальном плане во всех регионах у представителей армянской диаспоры связана с проведением своего отпуска и каникул. Для респондентов, проживающих в Москве и Московской области, второй по значимости проблемой является возможность по-

лучения образования и возможность для проведения свободного времени.

Представители армянской диаспоры Краснодарского края свой средний уровень социально-экономического самочувствия в социальной сфере связывают с возможностями для занятий физкультурой и спортом и для проведения свободного времени. Представители Ставропольского края также эти две позиции оценивают ниже всех других. Для Ставропольского края достаточно проблемной зоной являются и жилищные условия (таблица 4).

Таблица 4

Сводный индекс социально-экономического самочувствия в социальной сфере и составляющих его частных индексов

Table 4

Summary Index of Socio-Economic Well-Being in the Social Sphere and its Constituent Private Indices

	Москва и Московская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Состояние здоровья	172,9	163,6	169,5
Жилищные условия	164,9	171,0	151,8
Отношение в семье	186,8	189,3	181,9
Возможности для проведения отпуска, каникул	141,1	150,0	146,2
Возможности для проведения свободного времени	158,0	159,1	149,54
Возможности для занятий физкультурой и спортом	159,4	158,1	149,8
Возможности для получения образования	155,6	159,1	152,1
Индекс удовлетворённости социальной сферой	162,7	164,3	157,3

Источник: расчёты авторов.

Здесь больше всех доля тех, кто живёт в арендованной комнате или квартире, у друзей или родственников и в общежитии (рисунок 2).

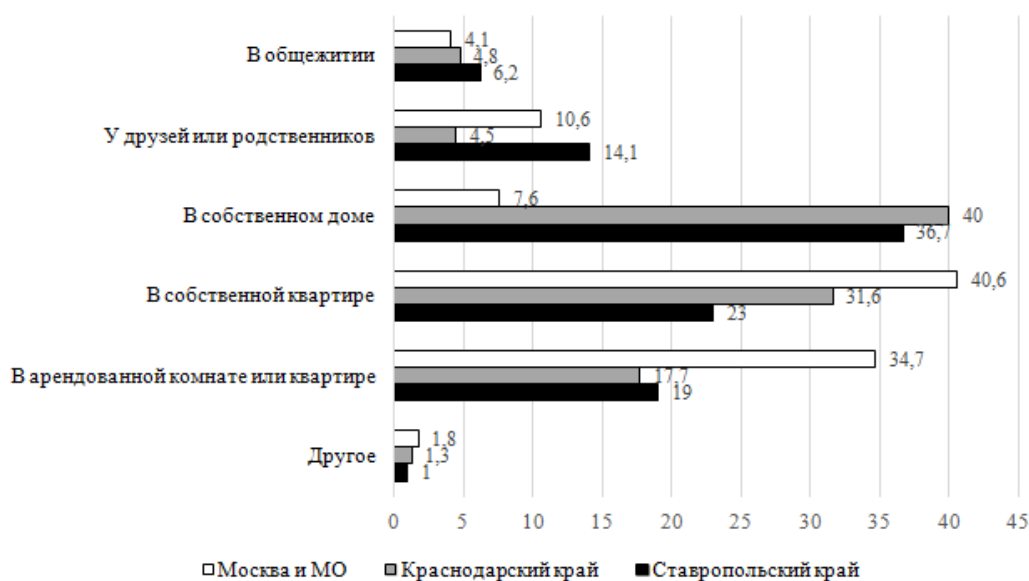

Рисунок 2. Место проживания респондентов в регионах России, в % от числа опрошенных
Figure 2. The Place of Residence of Respondents in the Regions of Russia, in % of the number of respondents

Источник: построено авторами на основании данных опроса.

Оценка настроения и образ социального будущего. В нашем исследовании мы исходили из подхода, что социальное настроение является одним из интегральных показателей восприятия представителями армянской диаспоры в различных регионах социально-экономических, общественно-политических, духовных процессов, происходящих в них, самоощущения ими своего материального и должностного положения [24] и оказывающих определённое влияние на социальную деятельность этого субъекта¹¹.

Под образом социального будущего мы понимаем «систему взглядов, ориентаций, установок на социальную перспективу, которая включает в себя социальные ожидания и формирующиеся на их основе жизненные планы» [13, с. 14].

Согласно расчётам только в Краснодарском крае индекс настроения представителей армянской диаспоры высокий. В московской агломерации и Ставропольском крае индекс оценки настроения средний (таблица 5).

Таблица 5

Индекс оценки социального настроения

Table 5

Social Mood Assessments

	Москва и Московская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Индекс оценки социального настроения	141,0	165,5	147,3

Источник: расчёты авторов.

Как мы отмечали выше, представления наших респондентов о собственных жизненных планах, перспективах действий являются также ключевыми составляющими социально-экономического самочувствия представителей армянской диаспоры. Мы исходили из того, что если респонденты

отвечали, что в перспективе связывают своё будущее с российском гражданством и не планируют возвращение в Армению, то это можно интерпретировать как самочувствие в России со знаком «плюс» и рассчитать индекс их жизненных планов (таблица 6).

Таблица 6

Сводный индекс социально-экономического самочувствия по жизненным планам и составляющих его частных индексов

Table 6

Summary Index of Socio-Economic Well-Being According to Life Plans and its Constituent Private Indices

	Москва и Московская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Когда Вы смотрите в будущее, кем Вы себя видите в перспективе?	128,3	133,8	116,6
Собираетесь ли Вы вернуться обратно в Армению?	143,9	163,2	154,6
Индекс жизненных планов	136,1	138,5	135,5

Источник: расчёты авторов.

Как видим, чаще своё будущее с Россией (с учётом двойного гражданства – Россия и Армения) связывают армяне, проживающие в Краснодарском крае. У них также нет активных настроений по возвращению обратно в Армению. Хотя все уровни жизненных планов отличает средний уровень адаптированного социально-экономического самочувствия. В Ставропольском крае и в Московском мегаполисе он низкий. В Москве и Московской области по сравнению с другими регионами доля тех, кто планирует переезд в третьи страны выше (рисунок 3).

Если интегрированно рассматривать все три региона, то около половины наших респондентов в перспективе видят себя гражданином/гражданкой России, связывающим свои профессиональные и личные устремления с Россией (48,4%), пятая часть гражданином/гражданкой России и Армении, связывает свои профессиональные и личные устремления с обеими странами (20,1%), около 10% гражданином/гражданкой Армении, с своей исторической Родиной (9,4%). А около 8% – гражданином/гражданкой третьей страны, связывающим (-ей) свои профессиональные и личные устремления с переездом в третьи страны.

¹¹ Яценко И. Н. Социальное настроение и самочувствие населения малого северного города: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Яценко И.Н.; науч. рук. д-р социол. наук Костина Н.Б.; Уральская академия государственной службы», Екатеринбург. 2006. 23 с.

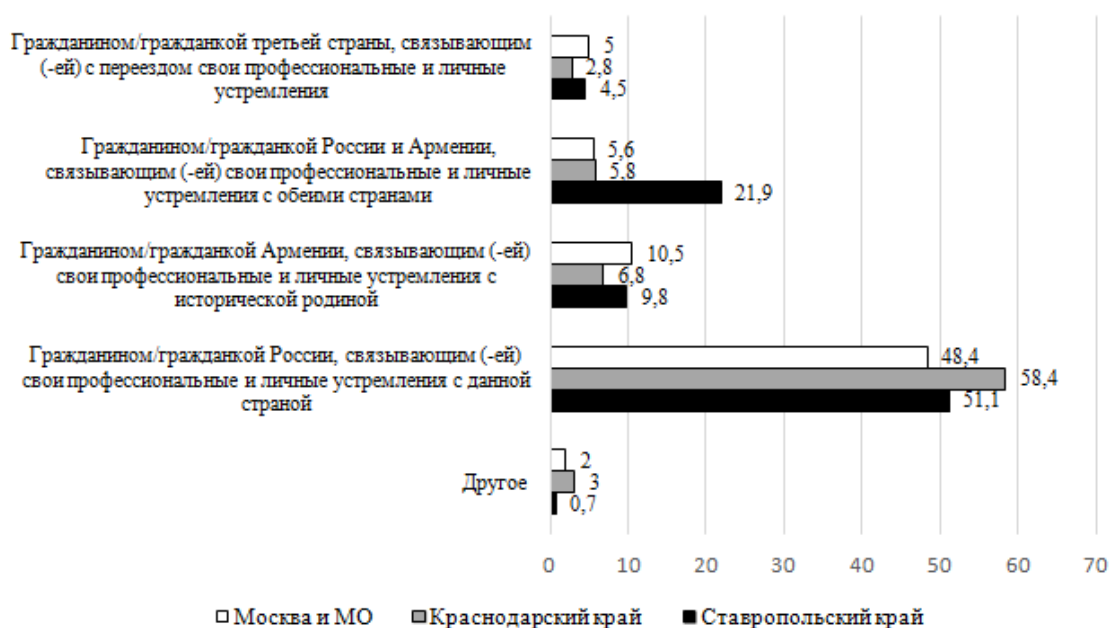

Рисунок 3. Оценка респондентами профессиональных и личных устремлений в перспективе, % от опрошенных

Figure 3. Respondents' Assessment of Professional and Personal Aspirations in the Future, % of respondents

Источник: построено авторами на основании данных опроса.

В целом по выборке 6 из 10 опрошенных не планирует возвращение в Армению. «Таких намерений у меня сейчас нет» отметило 40% и «Скорее всего никогда больше не вернусь» – 20%. В последней группе выше доля армян старше 60 лет (61–65 лет – 36,4%, 66 – 70 лет – 33,3%, 71+лет – 73,3%).

Причинами возвращения, которые назвали в основном молодые респонденты (от 18 до 24 лет), участвующие в глубинных интервью, связаны в первую очередь с пониманием того, что Армения, это их Родина, для которой характерны чистый воздух, экологически чистые продукты, природа, хороший климат. Для более старшего поколения (от 40 и выше) причинами возвращения названы семья, привязанность к родителям, родственникам и друзьям, желание прожить свою старость на Родине. Из 127 респондентов, только 27 высказали желание уехать из России, для ос-

тальных интервьюированных, как и массовом опросе, основными ответами явились «не собираюсь возвращаться в Армению», «на постоянное место жительства – нет, но буду ездить в гости к семье». При этом 17 из 27 респондентов, изъявивших желание уехать из России, имеют российское гражданство.

Выводы

Перед тем как сделать выводы по нашему исследованию, заметим, что оно было проведено до начала специальной военной операции на Украине и объявленных санкций по отношению к России. Спокойная и размеренная жизнь до февраля 2022 года определила занятость и социально-экономическое самочувствие представителей армянской диаспоры как выше среднего, особенно в Краснодарском крае (таблица 7).

Таблица 7

Сводный индекс социально-экономического самочувствия представителей армянской диаспоры

Table 7

Summary Index of Adaptive Socio-Economic Well-Being of Representatives of the Armenian Diaspora

	Москва и Московская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Сводный индекс социально-экономического самочувствия	146,1	157,95	144,36

Источник: расчёты авторов.

Армянская диаспора сохраняет свои позиции на рынке труда России и после начала военной операции. По данным ФСБ, среди основных стран, обеспечивших в 1 квартале 2023 г. основной приток трудовых мигрантов, находятся приезжие из Армении (47 337)¹². Россия остаётся для Армении крупнейшим источником денежных переводов из-за рубежа. За 2022 год, по данным ЦБ Армении, приток частных трансфертов в Армению за 2022 г. достиг \$5.2 млрд. Доля России в нём составляет около 70%¹³. Исходя из этого, можно на наш взгляд, с уверенностью утверждать, что результаты исследования в 2020 г. армянской диаспоры сохраняют своё значение и в настоящее время.

В целом процесс интеграции демонстрирует относительную устойчивость и активную включённость армян в общую российскую среду и отсутствие у большинства представителей армянской диаспоры возвратных установок на переезд в Армению.

Несмотря на достаточно высокий уровень социально-экономического самочувствия в целом, при переходе к более конкретным показателям удовлетворённости отмечается снижение её уровня среди членов армянской диаспоры во всех трёх исследуемых регионах, что отражается

на видении ими своего социального будущего. Кроме этого, социально-экономическое самочувствие зависит от конкретных исторических условий. Поэтому, что изменилось в сферах занятости, уровне социально-экономического самочувствия и жизненных планах представителей армянской диаспоры, требует дополнительного изучения.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке планов социально-экономического развития России, для корректировки соответствующих направлений государственной политики, повышения эффективности использования социально-экономического потенциала армянской диаспоры в интересах повышения качества жизни людей в принимающей стране и стране исхода, конкурентоспособности обоих государств, решения проблем консолидации российского общества, а также учебном процессе по направлениям «Социология», «Экономика», «Менеджмент» и др., в процессе профессиональной подготовки, переподготовки и повышении квалификации. Они создадут условия для эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития.

Список литературы

1. Джангозян С. Этапы формирования и развития армянской диаспоры // Вестник университета Месроп Маштоц. 2013. С. 94–109.
2. Стрельченко С.В. Социально-экономическая роль диаспоры в наше время // Меняющийся мир. ЭКО. 2006. Том 2. № 3. С. 158–169. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2006-3-158-169>
3. Социальная сплочённость армянской диаспоры в России: теория и практика измерения / Г.И. Осадчая, Е.Ю. Киреев, М.Л. Варганова, М.В. Рославцева // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10. № 2(38). С. 87–104. <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9030>; EDN PDVJJB
4. Иванов В.А., Карапетян А.В., Тасиц К.И. Армянская диаспора России: потенциал и проблемы // Регион и мир. 2016. Т. VII. № 2. С. 52–58. EDN XHGOMR
5. Геворкян Г.Н. Феномен гетерогенности армянской диаспоры Москвы (конец XX – начало XXI вв.): к постановке проблемы // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 1. С. 102–114. <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2020.1.31883>; EDN PУВЕОУ
6. Российские армяне. Этносоциологическое исследование. Ереван. Издательство "Гитутюн", 2016. 306 с.
7. Затицян А.Т. Влияние демографической ситуации на социально-экономическое развитие Республики Армения // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 1. С. 109–121. <https://doi.org/10.26726/2305-4484-2017-1-109-121>; EDN YQFXIN
8. Милитарёв А.Ю. О содержании термина «диаспора» (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24–33.
9. Захарян И.Э. Социальный капитал как концепция исследования современной диаспоры // Вестник СГТУ. 2012. № 4(68). С. 230–236. EDN PУXOVR
10. Интеграция VS Репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры России: Коллективная монография / Под ред. академика Г.А. Погосяна. Ер.: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2022. 196 с. ISBN 978-5-8080-1494-7

¹²Приток трудовых мигрантов в Россию вырос в I квартале в 1,6 раза // Ведомости: [сайт]. <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/05/10/974291-pritok-trudovih-migrantov-v-rossiyu-viros>. (дата публикации: 23.05.2023).

¹³ Армения в цифрах. Приток частных трансфертов в Армению за 2022 г достиг исторически максимальной планки в \$5.2 млрд. Доля России приблизилась к 70% // Finport: [сайт]. URL: https://finport.am/full_news.php?id=47583 (дата публикации: 01.02.2023).

11. Бурко В.А., Волкова Ж.В. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 43–62. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.1.4>; EDN YKJUXN
12. Трофимова И.Н. Динамика социально-экономического положения россиян в условиях кризиса 2014–2015 гг.: поселенческий фактор // Политика и общество. 2015. № 6(126). С. 702–708. <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2015.6.14828>
13. Дидковская Я.В., Вишневский Ю.Р., Трынов Д.В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 8–24. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.1>
14. Социальное самочувствие молодежи в Республике Татарстан (по материалам социологического мониторинга) / В.С. Коцюбинская, И.В. Морева, С.А. Алексеев, Л.Р. Замалетдинова. Республ. центр молодёж., инновац. и профилакт. программ. Казань, 2017. 119 с.
15. Рубина Л.Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63–75.
16. Садовская Е.Ю. Трудовая миграция как средство адаптации и экономическому кризису в Казахстане. Алматы: Ghalym, 2001. 216 с. ISBN 9965593035
17. Хасбулатова О.А., Егорова Л.С. Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48–54.
18. Полетаев Д. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 68–78. <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-07>; EDN YVSQCT
19. Гриценко Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2014. № 6(7). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 16.08.2023).
20. Шлыкова Е.В. Профиль адаптационного социального самочувствия населения в условиях навязываемого риска // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 114–126. EDN YIXSLZ
21. Красильникова М.Д. О методике расчёта Индекса социальных настроений // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 2 (64). С. 51–59. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/903/974/1219/06-krasilnikova-51-59.pdf>.
22. Погосян Г.А., Осадчая Г.И. Армянская диаспора России: интеграция vs репатриация // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 52–61. <https://doi.org/10.31857/S013216250015318-2>; EDN EDTTAO
23. Осадчая Г.И. Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 186–198. <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.13>; EDN APFKYJ
24. Морев М.В., Каминский В.С. Социальное настроение: факторы формирования и территориальные особенности // Проблемы развития территории. 2014. № 4(72). С. 48–65. EDN SJDWFR

Информация об авторах:

Осадчая Галина Ивановна – доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований, Федеральный Научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия (e-mail: osadchaya111@gmail.com) (РИНЦ Author ID: 118648) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2597-9724>) (WoS Researcher ID: G-2163-2017)

Юдина Татьяна Николаевна – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований, Федеральный Научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия (e-mail: ioudinatn@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 690209) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>) (WoS Researcher ID: P-5028-2015)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Татьяна Николаевна Юдина.

Статья поступила в редакцию 21.08.2023; одобрена после рецензирования 07.10.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Dzhangozyan S. Ehtapy formirovaniya i razvitiya armyanskoi diaspory. *Vestnik universiteta Mesrop Mashtots*. 2013;94-109. (In Russ.)
2. Strel'chenko S.V. Sotsial'no-ehkonomicheskaya rol' diaspory v nashe vremya. *Menyayushchiysya mir*. ЕНКО. 2006;2(3):158-169. (In Russ.) <https://doi.org/10.30680/ECOO131-7652-2006-3-158-169>
3. Osadchaya G.I., Kireev E.Yu., Vartanova M.L, et al. Roslavitseva. Social Cohesion of the Armenian Diaspora in Russia: Theory and Practice of Measurement. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2022;10(2(38)):87-104. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.2.9030>
4. Ivanov V.A., Karapetyan A.V., Tasits K.I. The Armenian Diaspora of Russia: potential and challenges. *Region i mir=Region and World*. 2016;VII(2):52-58. (In Russ.)

5. Gevorkyan G.N. The Fenomenon of Heterogeneity of the Armenian Diaspora in Moscow (late 20th – early 21st centuries): Towards the Topic Establishment. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya=History Magazine – Research*. 2020;(1):102-114. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0609.2020.1.31883>
6. Rossiiskie armyane. Ehtnosotsiologicheskoe issledovanie, Erevan: Gitutyun; 2016. 306 p. (In Russ.)
7. Zatikyan A.T. The Impact of the Demographic Situation on the Social-Economic Development of the Republic of Armenia. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki*. 2017;(1):109-121. (In Russ.) <https://doi.org/10.26726/2305-4484-2017-1-109-121>
8. Militarev A.Yu. O soderzhanii termina «diaspora» (k razrabotke definitsii). *Diaspory*. 1999;(1):24–33. (In Russ.)
9. Zakharyan I.Eh. Social Capital as a Concept for the Study of Modern Diaspora. *Vestnik SGTU*. 2012;4(68):230-236. (In Russ.)
10. Pogosyan G.A. (ed.). Integratsiya VS Repatriatsiya: sotsial'no-ehkonomicheskii potentsial armyanskoii diaspory Rossii: Kollektivnaya monografiya. Erevan: Gitutyun NAN RA; 2022. 196 p. (In Russ.) ISBN 978-5-8080-1494-7
11. Burko V.A., Volkova Zh.V. Social Well-Being of Elderly People in the Modern Russian Society (comparative analysis). *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki=PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2017;(1):43-62. (In Russ.) <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2017.1.4>
12. Trofimova I.N. Dinamika sotsial'no-ehkonomicheskogo polozheniya rossiyan v usloviyakh krizisa 2014–2015 gg.: poselencheskii faktor. *Politika i obshchestvo=Politics and Society*. 2015;6(126):702-708. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/1812-8696.2015.6.14828>
13. Didkovskaya YA.V., Vishnevskii YU.R., Trynov D.V. Studenchestvo industrial'nykh regionov Rossii: sotsial'noe samochuvstvie i obraz budushchego (na primere Sverdlovskoi oblasti i Permskogo kraja). *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ehkonomicheskie nauki=PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2020;(1):8-24. (In Russ.) <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.1>
14. Kotsyubinskaya V.S., Moreva I.V., Alekseev S.A., et al. Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi v Respublike Tatarstan (po materialam sotsiologicheskogo monitoringa). Kazan': Respubl. tsentr molodezh., innovats. i profilakt. Programm; 2017. 119 p. (In Russ.)
15. Rubina L.Ya. Professional'noe i sotsial'noe samochuvstvie uchitelei. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 1996;(6):63–75. (In Russ.)
16. Sadovskaya E.Yu. Trudovaya migratsiya kak sredstvo adaptatsii i ehkonomicheskomu krizisu v Kazakhstane. Almaty: Ghalym; 2001. 216 p. (In Russ.) ISBN 9965593035
17. Khasbulatova O.A., Egorova L.S. Sotsial'noe samochuvstvie zhenshchin i muzhchin v srednikh gorodakh Rossii. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2002;(11):48–54. (In Russ.)
18. Poletaev D. Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia. *Narodonaselenie=Population*. 2018;21(4):68–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-4-07>
19. Gritsenko G.D. Social wellbeing and social adaptation: the correlation of the notions. *Universum: obshchestvennye nauki: ehlektron. nauchn. zhurn*. 2014;6(7). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (In Russ.) (Accessed: 16.08.2023).
20. Shlykova E.V. Adaptation Profile Social Well-Being of the Population in the Conditions of Imposed Risk. *Izvestiya TuLGu. Gumanitarnye nauki=Proceedings of the TSU. Liberal arts*. 2017;(1):114-126. (In Russ.)
21. Krasil'nikova M.D. O metodike rascheta Indeksa sotsial'nykh nastroyenii. Monitoring obshhestvennogo mneniya. 2003;2(64):51–59. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/903/974/1219/06-krasilnikova-51-59.pdf>. (In Russ.)
22. Pogosyan G.A., Osadchaya G.I. Armenian Diaspora in Russia: Integration vs Repatriation. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(1):52-61. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250015318-2>
23. Osadchaya G.I. Assessing the level of social adaptation among young migrants in the megapolis. *Ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(1):186-198. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.13>
24. Morev M.V., Kaminskii V.S. Social Mood: Factors of Formation and Territorial Features. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*. 2014;4(72):48-65. (In Russ.)

Information about the authors:

Galina I. Osadchaya - Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, (Institute for Demographic Research FCATS RAS), Moscow Russia (e-mail: osadchaya111@gmail.com) (РИНЦ Author ID: 118648) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2597-9724>) (WoS Researcher ID: G-2163-2017)

Tat'yana N. Yudina – Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, (Institute for Demographic Research FCATS RAS), Moscow Russia (e-mail: ioudinatn@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 690209) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7785-8601>) (WoS Researcher ID: P-5028-2015)

Authors' declared contribution:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Tat'yana N. Yudina

The article was submitted 21.08.2023; approved after reviewing 07.10.2023; accepted for publication 01.12.2023

Оригинальная статья
УДК 316.35.023.6
https://doi.org/1999-9836_2023_19_4_11_616_629
EDN ZICJKA

Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения

Швыряев Павел Сергеевич

аспирант, факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

(ShvyryaevPS@spa.msu.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию актуального состояния проблемы киберпреступности в России. Проведено качественное социологическое исследование: опрос экспертов, занимающихся изучением проблемы киберпреступности. Исследование было направлено на то, чтобы получить экспертную оценку актуального состояния киберпреступности в России: выявление причин ухудшения ситуации в стране с проблемой киберпреступности; определение наиболее эффективных стратегий решения данной проблемы. Среди наиболее опасных особенностей киберпреступности экспертами были отмечены её латентный характер; нарастание масштаба и актуальности проблемы, её переход в угрозу национального масштаба; низкая эффективность расследования киберпреступлений правоохранительными органами; усиление экономического и социального ущерба от киберпреступлений; снижение порога входа и приобщения к киберпреступному сообществу; оформление киберпреступности как полноценной индустрии. Предложенные экспертами меры для решения проблемы можно объединить в следующие ключевые направления: более масштабная, глубокая и системная работа с населением по повышению осведомлённости, цифровой грамотности и образованности; модернизация правоохранительных органов, которые оказались не готовы к быстрому переходу преступности в цифровой сектор; более тесное международное сотрудничество, необходимость которого вытекает из трансграничной природы киберпреступности; решение проблемы дефицита высококвалифицированных кадров для всей российской ИТ-отрасли; выделение дополнительного финансирования на проекты по борьбе с киберпреступностью; эффективное и оперативное взаимодействие правоохранительных органов, банков и операторов связи для блокировки мошеннических ресурсов и номеров; совершенствование российского законодательства в сфере информационных технологий; более глубокая поддержка российских стартапов и инициатив в области информационной безопасности и просвещения населения.

Ключевые слова: цифровизация, киберпреступность, экспертный опрос, цифровая грамотность, правоохранительные органы

Для цитирования: Швыряев П.С. Проблема киберпреступности в России: актуальное состояние и перспективы решения // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 616–629. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_11_616_629; EDN ZICJKA

RAR (Research Article Report)
https://doi.org/1999-9836_2023_19_4_11_616_629
EDN ZICJKA

The Problem of Cybercrime in Russia: Current State and Prospects for Solution

Pavel S. Shvyryaev

Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(ShvyryaevPS@spa.msu.ru)

Abstract

The article is devoted to the study of the current state of the problem of cybercrime in Russia. A qualitative sociological study was conducted: a survey of experts involved in the study of the problem of cybercrime. The study was aimed at obtaining an expert assessment of the current state of cybercrime in Russia; identifying the reasons for the deterioration of the situation in the country with the problem of cybercrime; determining the most effective strategies for solving this problem. Among the most dangerous features of cybercrime, experts noted its latent nature; increasing scale and relevance of the problem, its transition to a threat on a national scale; low efficiency of investigation of cybercrimes by law enforcement agencies; increased economic and social damage from cybercrime; lowering the threshold for entry and joining the cybercriminal community; establishing cybercrime as a full-fledged industry. The measures proposed by experts to solve the problem can be combined into the following key areas: larger, deeper and more systematic work with the population to increase awareness, digital literacy and education; modernization of law enforcement agencies, which were not ready for the rapid transition of crime to the digital sector; closer international cooperation, the need for which arises from the cross-border nature of cybercrime; solving the problem of shortage of highly qualified personnel for the entire Russian IT industry; providing additional funding for projects to combat cybercrime; effective and prompt interaction between law enforcement agencies, banks and telecom operators to block fraudulent resources and numbers; improvement of Russian legislation in the field of information technology; deeper support for Russian startups and initiatives in the field of information security and public education.

Keywords: digitalization, cybercrime, expert survey, digital literacy, law enforcement agencies

For citation: Shvyryaev PS. The Problem of Cybercrime in Russia: Current State and Prospects for Solution. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):616–629. (in Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_11_616_629

Введение

Киберпреступность – одна из главных угроз для человечества в XXI веке. Киберпреступность и киберпреступления становятся актуальными угрозами в сфере безопасности человека, общества и государства [1, с. 141], одним из самых распространённых экономических преступлений во всём мире [2, с. 90]. Это неотъемлемый спутник цифровизации, негативная и крайне опасная сторона технологического развития. По мере нарастания масштабов технологической трансформации, проблема киберпреступности вставала всё более остро и в конечном итоге приобрела черты глобальной угрозы для всего человечества, наносящей ущерб мировой экономике, национальной безопасности, социальной стабильности и личным интересам [3, с. 2]. Киберпреступность становится одной из наиболее серьёзных проблем современного российского общества, наносящей огромный урон российской экономике и благосостоянию граждан [4, с. 553].

События во время пандемии показали, что глобальная система безопасности оказалась не готова к серьёзным трансформационным изменениям. Кибербезопасность стала серьёзной проблемой во время пандемии [5, с. 220]. Оказалась не готова и социальная система: резкий переход в онлайн привычной общественной жизни стал вызовом для значительной части населения планеты, чем оперативно воспользовались кибермошенники. Рост числа киберпреступлений в масштабах всей планеты – яркое проявление назревших проблем. Волна киберпреступности захлестнула и нашу страну [6, с. 145]. Потребность в аудите системы безопасности назрела и в России, которая столкнулась с беспрецедентным давлением в период пандемии и геополитической нестабильности 2022–2023 годов. Как в новых реалиях обеспечить цифровую стабильность и устойчивое развитие российской экономики и общества в целом?

В настоящий момент это один из ключевых вопросов, которым задаются российские управленцы, исследователи и лица, принимающие решения. Интерес к данной проблематике находит своё отражение и в научной литературе. Исследование проблемы киберпреступности занимают криминологи, юристы, виктимологи, психологи, экономисты, философы, специалисты в области международных отношений и представители других дисциплин. Исследование киберпреступности как социального феномена представителями социологической науки – только зарождающееся направление. В рамках этого направления можно выделить труды Комлева Ю.Ю. [7], Карповой Д.Н. [8], Сергеева А. Ю. и Широковой О. В. [9], Тимофеева А.В. и Комолова А.А. [10], Старостенко О.А. [11] и ряда других авторов.

Цель исследования: на основании результатов экспертного опроса выявить ключевые факторы, которые, по мнению опрошенных экспертов, оказывают влияние на состояние киберпреступности в России.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

1. Выявить оценку опрошенными экспертами актуального состояния киберпреступности в России.

2. Выявить ключевые факторы, которые, по мнению опрошенных экспертов, оказывают влияние на состояние киберпреступности в России.

3. Выявить оценку опрошенными экспертами эффективности реализуемой стратегии в области борьбы с киберпреступностью.

Объект исследования – киберпреступность в России.

Предмет исследования – факторы, оказывающие влияние на состояние киберпреступности в России.

Гипотеза исследования: актуальные стратегии борьбы с киберпреступностью требуют пересмотра и корректировки с учётом и глубоким пониманием социальной природы киберпреступности.

Существующие стратегии противодействия киберпреступности показали ограниченность своего применения и низкую степень эффективности. Эти стратегии в большинстве своём – ответная реакция на сложившуюся ситуацию, попытки минимизировать последствия, а не понять и ликвидировать причину. В последние годы, с ростом проблемы киберпреступности, сформировался отчётливый тренд на ужесточение законодательства за совершения преступных деяний в цифровой среде. Об этом заявляли эксперты¹, данная политика реализуется через принятие соответствующих законопроектов². Но какова эффективность таких законодательных мер в условиях, когда правоохранительные органы отстают от киберпреступников в техническом обеспечении и инструментах связи³, а источник атак нередко находится за пределами государства⁴? Более того, законодательство не успевает за стремитель-

¹ Необходимо ужесточить ответственность за киберпреступления – эксперты // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/08/05/neobhodimo-uzhestochit-otvetstvennost-zakiberprestupleniia-eksperty.html> (дата обращения: 16.07.2023).

² Президент подписал закон о конфискации имущества у киберпреступников // Interfax: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/906019> (дата обращения: 16.07.2023).

³ ГП: правоохранительные органы отстают в технических возможностях от киберпреступников // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/8915711> (дата обращения: 16.07.2023).

⁴ ФСБ сообщила об участии Пентагона в кибератаках против России // Известия: [сайт] URL: <https://iz.ru/1497823/2023-04-13/fsb-soobshchilo-ob-uchastii-pentagona-v-kiberatakakh-protiv-rossii> (дата обращения: 16.07.2023).

ным развитием информационных технологий [12, с. 98]. О каком эффективном противодействии с помощью законодательных инициатив можно говорить, когда правовая система не регламентирует актуальное состояние взаимоотношений в цифровой среде? Насколько целесообразно в таком случае ужесточение законодательства, если процент раскрываемости киберпреступлений сохраняется в России на низком уровне? Или же ситуация не столь линейна и требует иных, более глубоких и проработанных мер?

Таким образом, события пандемии и ускоренной цифровизации продемонстрировали высокую степень актуальности проблемы киберпреступности по двум основным причинам. Во-первых, существует потребность в том, чтобы углубить понимание социальной природы киберпреступности. Во-вторых, существующие методы и стратегии противодействия киберпреступности всё ещё ограничены по эффективности, что ставит вопрос о разработке комплексного подхода к борьбе с киберпреступностью.

Основные теоретические и методологические положения.

Актуальное состояние киберпреступности в России и перспективы решения проблемы. Экспертный опрос

Для углубления анализа сложившейся в России и мире ситуации с киберпреступностью, а также оценки возможностей и ограничений различных стратегий противодействия данной проблеме обратимся к опыту исследователей и практиков. Важно подчеркнуть, что заявленные в рамках опроса мнения экспертов – это субъективные оценки конкретных исследователей. Однако это не отменяет важности и ценности общения с экспертами и исследователями киберпреступности.

Обратимся к результатам экспертного опроса, который был проведён в формате дистанционного интервью в июле-августе 2023 года. В рамках данного исследования было проведено 17 экспертных интервью с представителями следующих организаций (в скобках указаны должности экспертов):

1. МИРЭА – Российский технологический университет (доцент кафедры государственного и административного права).

2. Институт государства и права Российской академии наук (старший научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии).

3. Финансовый университет при Правительстве РФ (младший научный сотрудник Департамента информационной безопасности).

4. Уральский юридический институт МВД России (кандидат юридических наук, сотрудник института).

5. Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Доктор юридических наук, профессор, академик РАН, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы).

6. Байкальский государственный университет (кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии).

7. Санкт-Петербургский юридический институт (аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права).

8. Краснодарский университет МВД России (первый эксперт – доцент кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук; второй эксперт – адъюнкт, лейтенант полиции РФ).

9. Московский финансово-промышленный университет «Синергия» (кандидат философских наук, доцент).

10. Иркутский юридический институт Академии Генеральной прокуратуры РФ (доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук).

11. Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (кандидат экономических наук, старший научный сотрудник).

12. Юридический институт Вятского государственного университета (доцент кафедры уголовного права, процесса и национальной безопасности, кандидат юридических наук).

13. Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (директор НИИ противодействия коррупции, доцент, доктор юридических наук).

14. Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова (аспирант кафедры социологии управления).

15. Омский государственный технический университет (доцент кафедры государственного и муниципального управления и таможенного дела, кандидат юридических наук).

16. Челябинский государственный университет (доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук).

Экспертная выборка включает как исследователей-теоретиков проблемы киберпреступности, так и практиков: бывших следователей, которые непосредственно работали в сфере расследования киберпреступлений, а также в образовательных учреждениях по подготовке специалистов для расследова-

ния в том числе и преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

Была разработана дорожная карта глубинного интервью (Приложение А), которое включает 4 блока вопросов по следующим темам:

1. Состояние киберпреступности в России.
2. Причины сложившейся ситуации.
3. Стратегии решения проблемы.
4. Заключительный блок.

Первый блок вопросов направлен на то, чтобы определить позицию эксперта по поводу актуального состояния киберпреступности в России: ключевые тренды, степень внимания со стороны государства, главный объект воздействия, возможные прогнозы на ближайшие 2–3 года.

Вопросы второго блока направлены на определение позиции эксперта по поводу причин сложившейся ситуации: ключевые факторы усугубления проблемы, эффективность государственной политики и правоохранительных органов, оценка влияния санкционного давления с 2022 года и прочих факторов.

Вопросы третьего блока направлены на то, чтобы выяснить отношения экспертов к реальным и потенциальным стратегиям решения проблемы, их возможностям и ограничениям.

Четвёртый блок предоставляет возможность эксперту в свободной форме изложить своё мнение по тем вопросам, которые не прозвучали ранее в ходе интервью.

Результаты исследования: экспертный опрос

Оценивая актуальное состояние киберпреступности в России, практически все эксперты отмечают актуальность данной проблемы, её рост в последние годы и фиксацию показателей на высоких уровнях по состоянию на 2023 год. Один из экспертов отметил, что в России фактически упустили нарастающую проблему, которая активно формировалась в течение последних нескольких лет. Другой эксперт на основании большого опыта работы в правоохранительных органах заявил, что, по его мнению, официальная статистика лишь отчасти отражает действительность, но не передаёт фактического масштаба проблемы. Это объясняется как особенностями классификации преступлений внутри российской правоохранительной системы, так и латентностью как характерной чертой такого рода преступлений. Жертва далеко не всегда может осознавать факт совершённого в отношении неё преступления, либо не заявлять об этом в полицию⁵. Тем не менее, даже

⁵ Киберпреступность в домашних тапочках // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/10/17/783976-kiberprestupnost> (дата обращения: 24.07.2023).

с учётом некоторых сложностей с систематизацией и классификацией преступлений, эксперты отмечают отчётливый тренд на стабильное увеличение количества киберпреступлений в России. Отмечается и возросшее количество кибератак, в том числе и на критическую инфраструктуру России, которые совершаются из-за рубежа. Стоит отметить, что повышение защищённости критической информационной инфраструктуры и устойчивости её функционирования – одно из основных направлений обеспечения информационной безопасности страны, провозглашённое в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации⁶.

Резкое усугубление проблемы киберпреступности в России в последние годы всё чаще поднимает вопрос о том, является ли в настоящий момент киберпреступность угрозой национальной безопасности. Этот вопрос обсуждается в научных и общественных кругах, средствах массовой информации. О важности данной проблемы заявляют высшие государственные лица страны. Вопрос о том, является ли в настоящий момент проблема киберпреступности угрозой национальной безопасности России, был задан экспертам. И больше 70% процентов опрошенных (12 из 17 экспертов) дали утвердительный ответ. Эксперты подчёркивают, что в данном вопросе важно больше не состояние в моменте, а ухудшающийся тренд: правоохранительные органы не успевают за злоумышленниками, не успевают и законодательство, масштабы угрозы постоянно растут, а процент раскрываемости всё ещё остаётся низким. Ряд экспертов высказали важную мысль о том, что в глобальном смысле проблема заключается в том, что российская громоздкая и инертная система принятия и исполнения решений не отвечает вызовам со стороны киберпреступности – очень быстрого и адаптивного врага, который быстро находит уязвимости этой системы и активно их эксплуатирует.

Далее экспертам был задан вопрос о том, в чём они видят главную опасность киберпреступности. Наиболее популярный ответ – это латентный характер киберпреступности. Проблема обнаружения и пресечения несанкционированного доступа в цифровую систему – одна из главных и наиболее актуальных в сфере компьютерной безопасности. Результаты расследований инцидентов показывают, что уязвимость в цифровой системе может довольно продолжительное время находиться в «спящем» режиме и совсем не эксплуатироваться до определённого момента. Резкий всплеск количества утечек в России

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

в 2022 году на фоне усиления международной конфронтации – характерный пример влияния внешних событий на состояние цифровой безопасности в целом государстве. Латентный характер киберпреступлений неразрывно связан с проблемой эффективности расследования киберпреступлений, на что особое внимание обращали бывшие следователи и преподаватели академий МВД России.

Неподконтрольность закономерностей развития технологий в общем и киберпреступности в частности – ещё одна важная опасность для человечества, которая делает затруднённым прогнозирование процесса цифровизации и попытки его урегулирования. Развитие технологий – сложный процесс, который включает в себя огромное количество факторов. В таких условиях высока вероятность появления трудно прогнозируемых событий, так называемых «чёрных лебедей», которые могут иметь разрушительные последствия для всей системы. В качестве серьёзной опасности киберпреступности эксперты отмечают и всё более заметный экономический и социальный ущерб, который за последние 4 года вырос более чем втрое⁷. Снижающийся порог входа в преступную индустрию – ещё одна важная проблема, которую отметили эксперты. Если ещё 30 лет назад киберпреступность была занятием наиболее талантливых и продвинутых знатоков в области информационных технологий (так называемых «хакеров»), то в настоящее время, в век высокой доступности интернета и устройств связи, порог входа в преступную индустрию сильно снижен. Например, для совершения преступных деяний в социальных сетях или звонков потенциальным жертвам не требуется каких-либо специальных знаний или умений: это, по сути, классические мошеннические операции одних людей в отношении других, совершаемые с использованием цифровых инструментов коммуникации. Низкий порог входа приводит к формированию полноценной индустрии киберпреступности, на что обратил внимание один из экспертов. Существуют полноценные нелегальные компании со своими офисами, оборудованием, системами найма и мотивации, которые занимаются незаконной киберпреступной деятельностью. Развитие данной индустрии – повод обратить на неё пристальное внимание как со стороны правоохранителей, так и общественности.

Ещё одна серьёзная опасность киберпреступности, о которой рассказали эксперты, – это низкая эффективность расследования киберпре-

ступлений. И если в расследовании относительно простых преступлений, не требующих высокой технической и исследовательской подготовки, эксперты отмечают положительную динамику, то в расследовании преступлений, совершённых злоумышленниками среднего и высокого уровня, ситуация складывается негативно. В процессе интервью эксперты, которые имеют непосредственный опыт работы в правоохранительных органах, перечислили целый ряд проблем, которые не позволяют российским правоохранительным органам эффективно бороться с новыми вызовами со стороны киберпреступного сообщества и оставляют их в отстающей позиции. К ключевым причинам низкой эффективности российской правоохранительной системы эксперты отнесли низкую мотивацию сотрудников, прежде всего материальную; низкий уровень подготовки слушателей академий, проблемы с повышением квалификации действующих сотрудников; отсутствие стандартизированного формата коммуникации правоохранительных органов с операторами мобильной связи и банками по обмену информацией; административно-территориальные барьеры при обмене информацией между регионами; проблемы в материально-техническом обеспечении; недоукомплектованность профильными ИТ-специалистами, которые должны работать в тесной связке со следователями. Все эти проблемы имеют системный характер и требуют системного решения, исходящего прежде всего от лиц, принимающих решения. Однако, как отметили некоторые эксперты, серьёзных подвижек в данном направлении до сих пор нет, несмотря на опыт пандемии. В 2022–2023 годах Россия столкнулась с новой, опасной волной киберпреступности, исходящей уже преимущественно из-за границы, которая направлена не только на граждан, но и на объекты критической инфраструктуры. С учётом как российской специфики, так и общемирового тренда роста киберпреступности, вопрос модернизации российской правоохранительной системы встаёт всё острее, по мнению экспертов. На примере последних нескольких лет можно было убедиться, что правоохранительная система с методами и подходами прошлого века малоэффективна против вызовов XXI века, в том числе и киберпреступности.

Наряду с низкой эффективностью правоохранительной системы эксперты отметили быстроту реакции и принятия решений со стороны преступного сообщества: происходит постоянный процесс тестирования новых преступных схем и их масштабирование на большое количество потенциальных жертв. В таких условиях как правоохранительные органы, так и законодательная

⁷ Интернет несёт потери // Ведомости: [сайт] URL: https://www.vedomosti.ru/imports substitution/new_technologies/articles/2023/03/14/966290-internet-neset-poteri (дата обращения: 06.08.2023).

база и инструменты информирования населения не всегда успевают за появлением новых способов мошенничества. Данная проблема вновь поднимает вопрос о выработке комплексного подхода к непрерывной, эффективной профилактике совершения киберпреступлений, что отмечалось некоторыми экспертами.

Принципиально не изменит ситуацию и ужесточение законодательства в отношении правонарушителей, считают эксперты. Один из экспертов ёмко сформулировала бесперспективность данного направления. «На мой взгляд, важно не ужесточение наказания в законодательстве, а неотвратимость ответственности. Тогда, когда за киберпреступления неизбежно будет следовать наказание, даже не самое жестокое, это будет более эффективной мерой, чем повышение санкций за него.» Такую позицию нельзя не поддержать. Какой эффект будет иметь закон⁸ о конфискации имущества киберпреступника, если он будет уверен в том, что его не смогут обнаружить? А в плане эффективности расследования киберпреступлений у российских правоохранительных органов остаются серьёзные проблемы, которые, в отличие от принятия нового закона, может потребовать фундаментального переустройства всей правоохранительной системы.

Среди ключевых трендов последних лет в области киберпреступлений наиболее популярный ответ – рост доли социальной инженерии. Действительно, в последние годы отмечается глобальный «поворот» от технологии к человеку – самому слабому звену системы. И эффективное средство решения данной проблемы до сих пор не найдено, поскольку для абсолютно любого человека свойственны ошибки, когнитивные искажения или проявления эмоций. Использование социальной инженерии здесь можно охарактеризовать как эксплуатацию природных человеческих уязвимостей.

Практически половина экспертов (7 из 17) отметили неготовность системы безопасности России к росту киберпреступности в России на фоне пандемии и после её окончания. Однако даже те эксперты, которые считают, что ситуация остаётся под контролем, отмечают тенденции к её ухудшению. По мнению экспертов, полной гарантии защиты от киберугроз сегодня не может дать ни одна структура в стране. На фоне усиления защиты государственной системы эксперты отмечают незащищённость рядовых граждан, что привело к значительному росту совершения киберпреступлений и атак в отношении них как в период пандемии, так и на фоне обострения геополити-

⁸ У киберпреступников будут конфисковывать незаконно полученное имущество // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17995469> (дата обращения: 08.08.2023).

ческой обстановки в 2022–2023 годах. Один из экспертов отметил, что проблемы безопасности в настоящий момент зачастую решаются государством «по остаточному принципу». Другой эксперт высказал позицию о том, что система безопасности России не могла быть готова к росту киберпреступности. А сам скачок киберпреступлений – это «вспышка преступности в резко изменившихся социальных условиях».

На вопрос о том, уделяется ли проблеме киберпреступности достаточное внимание со стороны органов государственной власти, ряд экспертов отметили низкую способность системы работать на опережение и предупреждать потенциальные киберугрозы. Эксперты подчёркивают, что несмотря на довольно широкую законодательную базу, которая включает в себя Доктрину информационной безопасности Российской Федерации⁹, федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁰, «О персональных данных»¹¹, Федеральный закон «О техническом регулировании»¹² и другие, заявления официальных лиц различного уровня о важности проблемы, реализуемая в настоящий момент политика борьбы с киберпреступностью имеет значительный потенциал к росту, что отметили несколько экспертов. И реализовать этот потенциал можно через повышение эффективности раскрытия киберпреступлений правоохранительными органами, а также через повышение профилактики киберпреступлений: в ряде случаев киберпреступление целесообразнее предупредить, чем ликвидировать последствия. Сотрудники академий МВД подчеркнули, что несмотря на то, что проблему низкой раскрываемости киберпреступлений констатировали ещё в 2020 году, более трёх лет назад, каких-либо фундаментальных изменений в данном вопросе до сих пор нет: проблема обучения следователей и привлечения квалифицированных ИТ-специалистов в правоохранительные органы остаётся острой.

Оценивая эффективность российских правоохранительных органов в борьбе с киберпреступностью, 11 экспертов отметили её неэффективность или низкую степень эффективности. Один из экспертов прямо отметил, что сегодня «правоохранительные органы практически ничем не могут помочь гражданам». Другой эксперт выразил

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

¹⁰ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

¹¹ Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных».

¹² Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании».

слабую надежду на сформированное в сентябре 2022 года управление по борьбе с киберпреступностью¹³. Несколько экспертов также подчеркнули, что при анализе эффективности правоохранительных органов важно ранжировать киберпреступников по уровню и степени их профессионализма: если в вопросе расследования условно простых преступлений, совершённых не профессиональными злоумышленниками без специальных средств связи и программного обеспечения, можно отметить положительную динамику, то в вопросах расследования киберпреступлений, совершённых профессионалами высокого уровня, сохраняются серьёзные сложности.

Каким образом могут повлиять отмеченные экспертами проблемы на дальнейший характер развития киберпреступности в стране на горизонте 2–3 лет? 11 из 17 экспертов прогнозируют дальнейшее усугубление проблемы: рост числа киберпреступлений на фоне сохраняющейся низкой раскрываемости. Один из экспертов прогнозирует ежегодный рост числа совершаемых киберпреступлений на 15–20 процентов; рост количества приостанавливаемых производством дел по причине неустановления лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности; снижение количества преступников, привлекаемых к уголовной ответственности; использование технологий DeepFake для совершения преступлений. Другой эксперт также отмечает, что ситуация с проблемой киберпреступности будет усугубляться на фоне сохраняющейся замедленной реакции со стороны органов безопасности, которые и дальше не будут успевать за новыми трендами и схемами совершения преступлений в цифровой среде. Третий эксперт отметил, что в ближайшие 2–3 года общее количество кибератак увеличится минимум на 30 процентов, при этом атаки всё чаще будут хорошо организованы группировками или отдельными хакерами. Один из экспертов при ответе на этот вопрос отметил важность характера развития технологий, в том числе искусственного интеллекта: *всё более активное внедрение ИИ в преступную деятельность, в частности, Chat GPT уже сейчас позволяет маскировать безграмотность некоторых «компьютерных преступников»*. Внимание на проблему искусственного интеллекта обратил и другой эксперт, подчеркнув, что преступники уже сейчас активно осваивают ИИ и продолжают это делать для совершения противозаконных деяний. Учитывая, что предугадать развитие искусственного интеллекта и последствия этого развития сложно, проблеме использования искусственного интеллекта

¹³ В МВД создано управление по борьбе с киберпреступностью // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5592758> (дата обращения: 30.07.2023).

в преступных целях должно быть уделено важное внимание со стороны исследователей, практиков-разработчиков, лиц, принимающих решения. Таким образом, киберпреступления с использованием искусственного интеллекта – ещё одно важное направления для исследования в рамках общей проблемы киберпреступности.

Второй блок вопросов направлен на раскрытие тех причин, которые, по мнению экспертов, лежат в основе становления и развития проблемы киберпреступности в стране. Общий тезис можно свести к тому, что рост киберпреступности в последние годы – это общемировой тренд и связан с ускоренной цифровизацией и легкодоступностью технологий, однако это не отменяет причин, которые усугубили ситуацию в стране. К таким причинам эксперты относят низкую цифровую грамотность населения, отток квалифицированных ИТ-кадров, отсутствие стандартов безопасности компьютерных программ, несовершенство правоохранительной системы, влияние недружественных стран и иных внешних факторов, изменения на программном и аппаратном рынке на фоне санкционного давления и курс на импортозамещение. Один из экспертов отметил ряд правовых причин, которые представляют собой несовершенства российского уголовного, гражданского и административного законодательства. В качестве иллюстрации эксперт привёл следующие примеры: *«не урегулирован вопрос оценки ущерба, причиненного компьютерными правонарушениями и преступлениями, а также то, какими критериями должен руководствоваться суд при определении размера ущерба и его возмещения виновными лицами»*. Отмечается и недостаточная проработанность концепции информационной безопасности: *«отсутствие правовой регламентации ответственности должностных лиц за определённые сферы экономической, в том числе хозяйственной, а также общественной жизни конкретных государственных и общественных институтов»*.

Экспертам был предложен вопрос о том, какие ключевые решения могли быть предприняты для недопущения столь стремительного ухудшения ситуации в последние несколько лет. Предлагаемые экспертами решения можно разбить на несколько ключевых блоков.

1. Более масштабная, глубокая и системная работа с населением по повышению осведомлённости, цифровой грамотности и образованности. Цифровая грамотность – важный элемент достижения состояния информационной безопасности [13, с. 123]. В России важной задачей в рамках данного направления является устранение дисбаланса между темпами цифровизации в стране и

ростом уровня цифровых компетенций граждан [14, с. 191]. Один из экспертов предложил введение специальных курсов по информационной гигиене на уровне общего, специального и высшего образования. Другие эксперты отметили важность постоянной работы с населением как одной из базовых составляющих профилактики предупреждения киберпреступлений. Ещё один эксперт описал высокую грамотность населения как «прививку от киберпосягательств». *«Сформированная на необходимом уровне цифровая грамотность станет не только одним из столпов эффективного противодействия, но и особой «вакциной», не позволяющей развиваться вирусу. Когда сам организм борется с вирусом. Я бы назвала это «прививкой от киберпосягательств».*

2. Модернизация правоохранительных органов, которые оказались не готовы к быстрому переходу преступности в цифровой сектор. Один из экспертов отметил ряд шагов, которые могли бы повысить эффективность правоохранителей в расследовании киберпреступлений: *«увеличение штатной численности подразделений Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России, введение специализации в следственных подразделениях и районных судах по данному направлению, установление данным сотрудникам дополнительных надбавок к должностным окладам «за сложность и напряжённость», повышение квалификации сотрудников органов предварительного расследования по данному направлению на системной основе».* Отсутствие централизованного процесса обучения и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов отметил и другой эксперт, непосредственно работающий в академии МВД. Также эксперты отметили и сохраняющиеся проблемы с кадрами: российская правоохранительная система испытывает кадровый голод, особенно в области высококвалифицированных ИТ-специалистов, ключевой задачей которых и должна быть борьба с киберпреступностью на стороне государственной власти. С учётом вышесказанного, важно особое внимание уделять совершенствованию обучения сотрудников, формированию компетенций у каждого выпускника ведомственных образовательных организаций [15, с. 67]. Актуальной остаётся задача развития киберполиции, которая обусловлена складывающимися на современном этапе правоотношениями и отвечает потребностям информационного общества [16, с. 78].

3. Более тесное международное сотрудничество, необходимость которого вытекает из трансграничной сущности киберпреступности.

При этом при рассмотрении вопросов взаимодействия государств в целях противодействия киберпреступности можно выделить два важных аспекта: 1) официальное международное сотрудничество, в том числе выдача (экстрадиция) и оказание взаимной правовой помощи; 2) неофициальное сотрудничество [17, с. 678]. Один из экспертов, имеющий опыт работы в правоохранительных органах, отметил, что тесное взаимодействие российских правоохранителей с их коллегами из других стран по линии Интерпола для расследования киберпреступлений так и не было установлено. Если в вопросах традиционных преступлений, совершаемых в физическом мире, обмен информацией активно происходил, то в вопросах расследования киберпреступлений взаимодействие было минимально. Несмотря на то, что в 2022 году Россия не была исключена из Интерпола, наложенные ограничения могут ещё сильнее затруднить взаимодействие между спецслужбами, в том числе и по расследованию киберпреступлений. Санкционное давление и накладываемые ограничения со стороны «недружественных» стран характеризуются экспертами как неблагоприятные в вопросе решения проблемы киберпреступности в стране. Один из экспертов подчеркнул, что *«международное сотрудничество играет важную роль не только для обмена опытом противодействия киберпреступлениям, но и для принятия совместных мер, в том числе правовых, преследующих указанные цели. Тем более, как уже отмечалось, такие преступления выходят за пределы границ отдельного государства, а значит и вопрос юрисдикции может быть не решён или вызывать проблемы при отсутствии договорённостей между странами, отражённых в международных документах».*

4. Решение проблемы дефицита высококвалифицированных кадров как для всей российской ИТ-отрасли для построения надёжных и устойчивых к проникновению цифровых систем, так и в правоохранительных органах для эффективного расследования совершённых преступлений и проведения профилактических мероприятий. В 2022 году российское государство столкнулось с масштабной, серьёзной волной отъезда квалифицированных кадров, в том числе и ИТ-специалистов [18, с. 238]. Несколько экспертов подчеркнули, что в решении проблемы киберпреступности кадры имеют ключевое, основополагающее значение, и в этом вопросе у России сохраняются серьёзные проблемы. Один из экспертов подчеркнул серьёзность проблемы оттока квалифицированных ИТ-кадров не только в моменте, но и на долгосрочную перспективу, что может внести свой негативный вклад

в перспективные технические разработки в области кибербезопасности.

5. Выделение дополнительного финансирования на проекты по борьбе с киберпреступностью. Особо эксперты подчёркивали проблему в правоохранительных органах, где система материального поощрения не позволяет привлекать и удерживать перспективных, квалифицированных специалистов. Эксперты отметили и недостаточное финансирование в рамках федеральных проектов и инициатив, направленных на борьбу с киберпреступностью в России.

6. Эффективное и оперативное взаимодействие правоохранительных органов, банков и операторов связи для блокировки мошеннических ресурсов и номеров. Эксперты подчёркивают, что положительные решения в данном вопросе были приняты с сильным запозданием: лишь в 2021 году на эту проблему обратил внимание президент страны¹⁴. Тем не менее, один из экспертов в ходе интервью отметил сохранение проблемы по состоянию на середину 2023 года: в регионах формат взаимодействия между правоохранительными органами и операторами связи может строиться не на формальных предписаниях, а на основании личных знакомств и предпочтений, что имеет свои негативные последствия, которые приобретают системный характер.

7. Совершенствование российского законодательства в сфере информационных технологий. Один из экспертов отметил необходимость «полного обновления норм, регулирующих сеть «Интернет». Уголовно-правовые составы действующего российского законодательства, предусматривающие ответственность за рассматриваемые преступления, не адаптированы к новым видам преступных посягательств, совершаемых в области информационно-коммуникационных технологий [19, с. 101]. Существует необходимость детально проработать национальное законодательство и международные акты, предусматривающие ответственность за совершение киберпреступлений [20, с. 320].

8. Более глубокая поддержка российских стартапов и инициатив в области информационной безопасности и просвещения населения. Активная интеграция российской коммерческой экспертизы в государственные органы, правоохранительные институты.

Но были ли решения, подобные предлагаемым экспертами, предприняты и эффективно реализованы государством? Эксперты отметили, что

¹⁴ Путин поручил МВД наладить взаимодействие с банками для борьбы с мошенничеством // Ведомости: [сайт]. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2021/03/03/860016-putin-poruchil-mvd-naladit-vzaimodeistvie-s-bankami-dlya-borbi-s-moshennichestvom> (дата обращения: 01.08.2023).

в некоторых вопросах можно выделить отдельные эффективные решения, которые могут иметь положительный, но ограниченный эффект, и такие, которые не способствуют изменению ситуации в целом. Такие меры, по мнению экспертов, имеют запоздалый характер и не способны в корне переломить ситуацию. Один из экспертов отметил, что киберпреступность, в отличие от государственной машины, хаотична: она не имеет чётких процедур и регламентов, распространяется молниеносно и может принимать самые разные формы, зачастую сложно прогнозируемые. Для государства, которое более инертно и функционирует по своим законам и нормам, такой противник является весьма проблематичным.

На прямой вопрос «Является ли реализуемая в России в настоящий момент политика в области борьбы с киберпреступностью результативной и эффективной?» ни один из опрошенных 17 экспертов не дал чёткого утвердительного ответа. 9 экспертов отметили некоторые положительные решения, которых, однако, недостаточно для принципиального изменения ситуации. 2 эксперта отметили, что российская политика в области противодействия киберпреступности в настоящий момент полностью неэффективна. Остальные эксперты чёткую позицию по данному вопросу не высказали.

Какие положительные решения за последние несколько лет в области противодействия киберпреступности в России отметили эксперты? По мнению экспертов, положительный эффект имели профилактические мероприятия и информирование населения; широкое освещение данной проблемы в СМИ; деятельность российских компаний Антивирус Касперского и InfoWatch; стандарты Банка России; подготовка и введение в действие комплекса законов о защите критической инфраструктуры; внедрение Государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак; создание Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки («ФНЦЕРТ»); деятельность Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (НКЦКИ); деятельность банков по возврату украденных средств; постепенное налаживание процесса взаимодействия правоохранителей с банками и операторами связи; финансирование проектов в области информационной безопасности и противодействия киберпреступности; некоторые законодательные инициативы в области противодействия киберпреступности. Однако, как уже ранее отметили эксперты, данного набора ограниченных, зачастую запоздалых, несистемных и непоследовательных мер недостаточно для стабилизации ситу-

ации в моменте, а тем более решения проблемы в перспективе.

Какие препятствия в настоящий момент встают перед Россией в борьбе с киберпреступностью? Эксперты отметили следующие:

1. Негативные последствия на фоне внешнего давления, вызванного как санкциями, так и кибератаками на российскую инфраструктуру и граждан страны.

2. Отсутствие единого, централизованного подхода к повышению цифровой грамотности и образованности населения, оперативного информирования о новых угрозах.

3. Ограничения и проблемы правоохранительной системы: уровень подготовки кадров, административно-территориальные барьеры, сложности обмена информацией с банками и операторами связи, низкая скорость реакции и чрезмерная бюрократизированность.

4. Коррупция.

5. Недостаточное финансирование в сфере противодействия киберпреступности.

6. Недостаточное внимание к проблеме со стороны лиц, принимающих решения. Латентность всей государственной системы.

Описанные выше проблемы один из экспертов суммировала таким образом. *«Отсутствие комплексного реагирования на проблему. В одном направлении работа ведётся, в других нет. Но только комплексное противодействие будет высоко эффективно. Это и право, и профилактика, и кадры, и наука. Ещё и международный аспект, и отток кадров».* Можно дополнить, что при таком подходе в системе безопасности неизбежно создаются пробелы и уязвимости, которыми очень быстро начинают пользоваться киберпреступники.

Есть ли решения у данных проблем? Здесь ряд экспертов снова обратили внимание на отсутствие системного подхода к решению проблемы киберпреступности. Усугубление проблемы киберпреступности в мире и России приходится на экстраординарные события планетарного масштаба: пандемию COVID-19 в 2020–2021 годах и усиление геополитического напряжённости начиная с 2022 года. В таких условиях фокус внимания ключевых лиц может смещаться на более приоритетные, как им кажется, проблемы. Однако это ошибочная позиция. Очевидно, что информационные технологии и цифровой мир – это новая реальность, неотъемлемая черта образа человечества настоящего и будущего. А киберпреступность – неразрывный спутник этой новой

реальности. Не замечать эту проблему или занижать её значимость, не предпринимать решительные действия по борьбе с киберпреступностью – стратегия не только проигрышная, но и опасная для благополучия населения и развития страны. В такой ситуации принципиальное значение приобретает вопрос, который всё ещё остается открытым: готово ли государство перестраиваться под новые условия для конкурентной борьбы с новым серьёзным противником либо намерено продолжать сохранять отстающую, проигрышную позицию?

Выводы по результатам исследования

Общение с экспертами и исследователями киберпреступности подтвердило гипотезу о том, что в России не были предприняты необходимые меры для недопущения ухудшения ситуации. Было бы наивно надеяться, что с массовым распространением электронной коммерции, онлайн-банкинга, удалённой работы и прочего широкого круга активностей в цифровой среде и с использованием информационных технологий этим новым трендом не воспользуются преступники. А возможности технологий по сохранению анонимности, сокрытию следов преступлений или подделке голоса или изображений лишь способствуют повышению вероятности совершения деяния без последствий для злоумышленника.

Рост киберпреступности в России – это проявление неэффективности российской государственной системы перед деятельностью очень неудобного и эффективного противника. В большинстве своем пассивная, бюрократизированная и инертная система столкнулась с крайне гибким, адаптивным и умным врагом, влияние которого долгое время недооценивалось и который представляет колоссальную угрозу для самой системы сегодня.

Эффективная борьба с этим врагом требует иного подхода, который принципиально отличается от тех стратегий, которые использовались в отношении реальных преступлений и которые привычны для системы. Эксперты подчеркнули, что меры по борьбе с киберпреступностью имеют запоздалый характер и являются ответной реакцией на уже совершённые события. В борьбе с таким быстрым и адаптивным врагом это уже по умолчанию проигрышная стратегия: когда законодатели обсуждают законопроекты по пресечению одной преступной схемы, преступники активно тестируют уже другие.

Список литературы

1. Плотникова Т.В., Котельникова О.В. Феномен киберпреступности в условиях XXI века // Право: история и современность. 2020. № 3(12). С. 141–150. <https://doi.org/10.17277/pravo.2020.03.pp.141-150>; EDN XERGDJ
2. Султыганова А.А., Куницман М.В. Киберпреступность как следствие цифровизации экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 9-2(79). С. 88–91. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-9-2-88-91>; EDN YDKKZC
3. Exploring the global geography of cybercrime and its driving forces / S. Chen, M. Hao, F. Ding, D. Jiang, J. Dong, S. Zhang, Q. Guo, C. Gao // Palgrave Communications. 2023. Vol. 1. No. 10. P. 1–10. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01560-x>
4. Циклаури В.Ю., Афанасьева Л.В. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Управленческий учет. 2022. № 6–3. С. 553–561. <https://doi.org/10.25806/uu6-32022553-561>; EDN BZOTQH
5. COVID-19 pandemic and the cyberthreat landscape: Research challenges and opportunities / H. Saleous, M. Ismail, S.H. AlDaajeh [et al.] // Digital communications and networks. 2022. № 9. P. 211–222. <https://doi.org/10.1016/j.dcan.2022.06.005>
6. Прокофьева Т.В. О мерах по совершенствованию борьбы с киберпреступностью в Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 1(842). С. 142–146. https://doi.org/10.52070/2500-3488_2022_1_842_142; EDN ODPGSG
7. Комлев Ю.Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2(1). С. 17–26. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-17-26>; EDN CLLGON
8. Карпова Д.Н. Киберпреступность: глобальная проблема и её решение // Власть. 2014. № 8. С. 46–50.
9. Сергеев А.Ю., Широкова О.В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений // Цифровая социология. 2023. Т. 6. № 1. С. 59–71. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-1-59-71>
10. Тимофеев А.В., Комолов А.А. Киберпреступность как социальная угроза и объект правового регулирования // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2021. № 1. С. 95–101. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-1-95-101>
11. Старостенко О.А. Закономерности становления и развития кибермошенничества в России и за рубежом // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 138–143. EDN UCURDF
12. Никульченкова Е.В. О необходимости введения дефиниции “киберпреступление” в уголовный закон Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия. Право. 2022. Т. 19. № 3. С. 98–107. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19\(3\).98-107](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(3).98-107); EDN NGKTBX
13. Цифровая грамотность населения как средство обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь и Российской Федерации / Н.Н. Ковалева, А.С. Анисимова, И.В. Шахновская, П.В. Соловьев // Вестник Полоцкого государственного университета. 2023. Серия D. Экономические и юридические науки. № 1. С. 118–124. <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2023-63-1-118-124>; EDN MCOHJG
14. Швыряев П.С. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 184–196. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-184-196>; EDN KFWYZW
15. Осипенко А.Л., Луговик В.Ф. Проблемы доступа правоохранительных органов к скрываемой компьютерной информации при раскрытии преступлений // Общество и право. 2021. № 2(76). С. 60–68. EDN NGIAPT
16. Михайлюк В.А. Киберполиция – современный правоохранительный орган в борьбе с интернет-преступностью // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 1(99). С. 74–79.
17. Клевцов К.К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Том 13. № 3. С. 678–695. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.306>; EDN BGHNMV
18. Швыряев П.С. Кадровая обеспеченность в сфере информационных технологий в России: проблемы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 97. С. 231–240. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-231-240>
19. Кобец П.Н. Правовые основы предупреждения киберпреступлений: отечественный и зарубежный опыт // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 2. С. 101–105. <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2022-285-101-105>
20. Долженко Н.И., Хмелевская И.Г. К вопросу о содержательных аспектах киберпреступности // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2020. Том 45. № 2. С. 315–322. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-44-2-315-322>; EDN WKUGYD

Информация об авторе:

Павел Сергеевич Швыряев – аспирант, факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
(e-mail: ShvyryaevPS@sra.msu.ru)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Plotnikova T.V., Kotel'nikova O.V. Fenomen kiberneticheskoy prestupnosti v usloviyakh XXI veka. *Pravo: istoriya i sovremennost'*. 2020;(3(12));141–150. (In Russ.) [https://doi.org/10.17277/pravo.2020.03.pp.141–150](https://doi.org/10.17277/pravo.2020.03.pp.141-150)
2. Sultyganova A.A., Kuntsman M.V. Cybercrime as a consequence digitalization of the economy. *Ehkonomika i biznes: teoriya i praktika=Journal of Economy and Business*. 2021;(9-2(79));88-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-9-2-88-91>
3. Chen S., Hao M., Ding F., et al. Exploring the global geography of cybercrime and its driving forces. *Palgrave Communications*. 2023;1(10):1-10. <https://doi.org/10.1057/s41599-023-01560-x>
4. Tsiklauri V.Y., Afanasyeva L.V. Cybercrime in Russia: a new challenge to society and the state. *Upravlencheskiy uchet=Management Accounting*. 2022;(6-3):553-561. (In Russ.) <https://doi.org/10.25806/uu6-32022553-561>
5. Saleous H., Ismail M., Aldajeh S.H., et al. COVID-19 pandemic and the cyberthreat landscape: Research challenges and opportunities. *Digital communications and networks*. 2022;(9):211-222. <https://doi.org/10.1016/j.dcan.2022.06.005>
6. Prokofieva T.V. On Measures to Improve the Fight Against Cybercrimes in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki=Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2022;842(1):142–146. (In Russ.) https://doi.org/10.52070/2500-3488_2022_1_842_142
7. Komlev Yu.Yu. From digitalization of society to cybercrime, cyber deviance and the development of digital deviantology. *Russian Journal of Deviant Behavior=Russian Journal of Deviant Behavior*. 2022;1(2);17–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-17-26>
8. Karpova D.N. Kiberprestupnost': global'naja problema i ee reshenie. *Vlast'*. 2014;8;46-50. (In Russ.)
9. Sergeev A.Yu., Shirokova O.V. Fraud in a digital society in the context of social change. *Tsifrovaya sotsiologiya=Digital Sociology*. 2022;6(1):59–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-1-59-71>
10. Timofeev A.V., Komolov A.A. Cybercrime as a Social Threat and an Object of Legal Regulation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie Nauki=Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*. 2021;1:95–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2021-1-95-101>
11. Starostenko O.A. Regularities of the Formation and Development of Cyber Fraud in Russia and Abroad. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii=Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation*. 2021;(1):138-143. (In Russ.)
12. Nikulchenkova E.V. On the Need to Introduce the Definition of “Cybercrime” into the Criminal Law of the Russian Federation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Pravo”=Herald of Omsk University. Series “Law”*. 2022;19(3):98-107. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19\(3\).98-107](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2022.19(3).98-107)
13. Kovaleva NN., Anisimova AS., Shakhnovskaya IV., et al. Digital literacy of the population as a means of information security in the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. Seriya D. *Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki=Vestnik of Polotsk State University. Part D. Economic and legal sciences*. 2023;(1):118-124. (In Russ.) <https://doi.org/10.52928/2070-1632-2023-63-1-118-124>
14. Shvyriaev P. Cybercrime in Russia as a new challenge for society and the state. *Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyi vestnik=Public Administration. E-journal (Russia)*. 2021;(89):184-196. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-184-196>
15. Osipenko A.L., Lugovik V.F. Problems of access of law enforcement agencies to concealed computer information when solving crimes. *Obshchestvo i pravo=Society and law*. 2021;(2(76)):60-68. (In Russ.)
16. Mikhailyuk V.A. Cyber police is a modern law enforcement agency in the fight against internet crime. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii=Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023;(1(99)):74-79. (In Russ.)
17. Klevtsov K.K. International cooperation in the fight against cyberpression in the context of response to new challenges and threats. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo=Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2022;13(3):678-695. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.306>
18. Shvyriaev P. Staffing in the Field of Information Technology in Russia: Problems and Prospects. *Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyi vestnik=Public Administration. E-journal (Russia)*. 2023;(97):231-240. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-97-231-240>
19. Kobets P.N. Legal Basis for Cybercrime Prevention: Domestic and Foreign Experience. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii=Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(2):101-105. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-625X-2022-285-101-105>
20. Dolzhenko N.I., Khmelevskaya I.G. To the question of the content aspects of cyber crime. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo=NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*. 2020;45(2):315-322 (in Rus.) <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-44-2-315-322>

Information about the author:

Pavel S. Shvyriaev – Postgraduate student, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (e-mail: ShvyriaevPS@spa.msu.ru)
The author declare no conflict of interest.

The article was submitted 12.09.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Приложение А
Дорожная карта глубинного интервью с экспертами
(государственными служащими, специалистами в области информационной безопасности,
исследователями киберпреступности)

Appendices A
Roadmap for In-depth Interviews with Experts
(Government Officials, Information Security Specialists, Cybercrime Researchers)

№	Тема	№	Вопрос	Ответ
1.	Состояние киберпреступности в России	1	Как бы Вы охарактеризовали актуальное состояние киберпреступности в России в 2023 году?	
		2	Можно ли говорить о том, что сегодня проблема киберпреступности – угроза национальной безопасности России?	
		3	В чем, на Ваш взгляд, главная опасность киберпреступности?	
		4	Какие ключевые тренды за последние несколько лет в сфере киберпреступлений в России Вы бы отметили?	
		5	Как Вы считаете, оказалась ли система безопасности России готова к росту количества киберпреступлений в период пандемии и после её окончания? Или же ситуация вышла из-под контроля?	
		6	Как Вы считаете, в настоящий момент проблеме киберпреступности в России уделяется достаточное внимание со стороны государственной власти?	
		7	В какой степени, на Ваш взгляд, эффективны российские правоохранительные органы в борьбе с киберпреступностью?	
		8	Как Вы считаете, кто сегодня в России главный объект киберпреступного воздействия: общество, государство, бизнес?	
		9	А кто в России в настоящее время несёт наиболее серьёзные потери от киберпреступной деятельности: бизнес, государство, общество?	
		10	А кто сейчас в России наименее защищён перед угрозой киберпреступности: общество, бизнес, государство?	
		11	Можно ли спрогнозировать дальнейшее развитие проблемы киберпреступности в России? Если да, каким Вам представляется состояние киберпреступности в России на горизонте ближайших 2–3 лет?	
2.	Причины сложившейся ситуации	1	Как Вы считаете, каковы ключевые причины роста количества киберпреступлений в России в последние годы?	
		2	Какие ключевые факторы влияют на состояние киберпреступности в России, на Ваш взгляд?	
		3	На Ваш взгляд, какие ключевые решения должны были быть предприняты для недопущения ухудшения ситуации с киберпреступностью в России в последние годы?	
		4	Были ли они предприняты? Если нет, то по какой причине, на Ваш взгляд?	
		5	Как Вы считаете, в какой степени российская законодательная база отвечает вызовам со стороны киберпреступной угрозы? Актуальна ли она и эффективна в борьбе с киберпреступностью?	
		6	Как Вы считаете, в России реализуемая сегодня политика по борьбе с киберпреступностью является результативной и эффективной?	

Окончание Приложения А

№	Тема	№	Вопрос	Ответ
		7	Какие эффективные решения в борьбе с киберпреступностью в России Вы бы отметили? Если таковые имели место быть, на Ваш взгляд.	
		8	Как Вы считаете, влияет ли уровень цифровой грамотности населения на состояние киберпреступности в государстве? Как бы вы оценили уровень цифровой грамотности населения в России?	
		9	Как Вы считаете, каким образом мог повлиять отток высококвалифицированных ИТ-кадров в 2022 году на состояние киберпреступности в стране? А влияет ли “утечка мозгов”, которая наблюдается в течение многих лет в России?	
		10	Как Вы считаете, каким образом санкционное давление и курс на импортозамещение могли повлиять и повлияют на состояние киберпреступности в России?	
3.	Стратегии решения проблемы	1	Какие, на Ваш взгляд, препятствия встают перед Россией на пути решения проблемы киберпреступности?	
		2	Есть ли решения у этих проблем? Если да, какими Вы видите эти решения?	
		3	В последние несколько лет набирает популярность кибериммунный подход к разработке и внедрению цифровых систем, где первостепенный приоритет отдаётся безопасности и отказоустойчивости системы. Как Вы считаете, сегодня уже назрел пересмотр сложившегося подхода к разработке цифровых систем? Должен ли принцип безопасности лежать в основе цифровых систем будущего?	
		4	На ваш взгляд, ужесточение законодательства за киберпреступную деятельность и халатность в отношении конфиденциальных данных эффективно в борьбе с киберпреступностью?	
		5	Эффективна ли работа с населением в рамках борьбы с киберпреступностью? Сегодня в России проводятся массовые кампании по информированию граждан, повышению их цифровой грамотности. На Ваш взгляд, есть ли смысл в такой деятельности? И если да, как можно повысить эффективность и результативность таких кампаний?	
		6	Как Вы считаете, какое место занимает международное сотрудничество в решении проблемы киберпреступности? Какое влияние в данном контексте может оказать курс России на разрыв отношений с “недружественными” странами?	
4	Заключительный блок	1	Если Вы хотели бы что-то добавить по проблеме киберпреступности и стратегиям борьбы с ней, это можно сделать в рамках данного блока.	

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 172.1

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_12_630_640

EDN CYWCRK

О философии государственного, державного мышления и биологизме социума

Виктор Иванович Шамшурин¹, Нина Григорьевна Шамшурина²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (shamshuriny2@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1099-346X>)

²Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Москва, Россия (shamshurina8@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6015-4787>)

Аннотация

Философское осмысление государственного, державного мышления как основа общественного мнения, направлено на обоснование идеи суверенитета (само-господства как само-тождества) личности, общества и государства в соответствии с культурно-историческими, цивилизационными и религиозными традициями преемства, имеющими целью утверждения собственной авторской позиции, вырабатываемой на основе универсализма, системности и целостности как объективности, страхующими от рисков и ошибок. Иногда в ряде исследований, при этом, делается упор на биологической, телесно-экономической составляющей, подчас, - на психологической (даже – психопатической), точнее – психо-соматической. В данной статье особо отмечен ещё и не менее важный духовный, философско-религиозный аспект темы. При этом уточняется следующее очень важное положение: когда говорят специально о культурно-цивилизационном аспекте, то это, на поверку, скорее уточнение одного из трёх вышеназванных аспектов, как определённых репрезентативных баз данных в виде социологических или исторических выборок. При определении предмета исследования говорить только об онтологическом как биологическом, только физиологическом и даже экономическом измерении мира политического и происходящих в нём процессов значит упускать возможности рассмотрения этого предмета в наибольшем количестве вариантов. Уже сама оценка-квалификация чего бы то ни было как именно только «биологического», или природного, или материалистического (диалектико-материалистического), или экономического начала, в силу своей рефлексивности, не является чисто биологическим и т.д., но и одновременно, и методологическим, гносеологическим, познавательным этапом. Любой, сколь угодно конкретный эмпирический факт в правовой, социально-политической области, есть совокупность абстрактных суждений, которые тем не менее, нуждаются в философско-стратегическом прослеживании связи с механизмом своего осуществления в реальном социуме.

Ключевые слова: эсхатология, сотериология, личность, общество, государство, культура, цивилизация

Для цитирования: Шамшурин В.И., Шамшурина Н.Г. О философии государственного, державного мышления и биологизме социума // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 630–640. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_12_630_640; EDN CYWCRK

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_12_630_640

EDN CYWCRK

On the Philosophy of State, Sovereign Thinking and the Biologism of Society

Viktor I. Shamshurin¹, Nina G. Shamshurina²

¹Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia (shamshuriny2@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1099-346X>)

²Sechenov First Moscow State Medical University, Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Moscow, Russia (shamshurina8@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6015-4787>)

Abstract

Philosophical understanding of state, sovereign thinking as the basis of public opinion is aimed at substantiating the idea of sovereignty (self-dominance as self-identity) of the individual, society and state in accordance with cultural, historical, civilizational and religious traditions of succession, with the goal of establishing one's own author's position, developed on the basis of universalism, consistency and integrity as objectivity, insuring against risks and errors. Sometimes in a number of studies, the emphasis is placed on the biological, bodily-economic component, and sometimes on the psychological (even psychopathic), or more precisely, psycho-somatic. This article also highlights the equally important spiritual, philosophical and religious aspect of the topic. At the same time, the following very important point is clarified: when they speak specifically about the cultural-civilizational aspect, then this, in fact, is rather a clarification of one of the three above-mentioned aspects, as certain representative databases in the form of sociological or historical samples. When defining the subject of research, talking only about the ontological as biological, only the physiological and even economic dimension of the political world and the processes occurring in it means missing the opportunity to consider this subject in the greatest number of options. The very assessment and qualification of anything as just a "biological", or natural, or materialistic (dialectical-materialistic), or economic principle, due to its reflexivity, is not purely biological, etc., but also simultaneously, and the methodological, epistemological, cognitive stage. Any, no matter

how specific, empirical fact in the legal, socio-political field is a set of abstract judgments, which, nevertheless, require philosophical and strategic tracing of the connection with the mechanism of its implementation in real society.

Keywords: eschatology, soteriology, person, society, state, culture, civilization

For citation: Shamshurin VI, Shamshurina NG. On the Philosophy of State, Sovereign Thinking and the Biologism of Society. *Uroven' zhizni nasele-niya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):630–640. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_12_630_640

Введение

Сейчас много говорят, пишут и, смеем надеяться, думают о единстве общества и государства. Но что это значит? Другими словами, что это за мышление? Что это за философия государственного, державного мышления? Какое при этом органическое единство, и взаимосвязь каких элементов следует иметь в виду? Иногда, при этом, делается упор на биологическую, экономическую, психологическую составляющую. И здесь, прежде всего, конечно же весьма важны такие авторы, как К. Маркс и ранние Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков. Л.И. Петражицкий, постмодерн, например, М. Фуко, Р. Челлен, Дж. Агамбен, Р. Эспозито, Б. ла Тур, Э. Гидденс, Н. Роуз и др. При этом некоторые (Гидденс, Роуз) делают акцент на индивиду, его жизненных потребностях; другие же (Эспозито [1]) предлагают вовсе отменить противопоставление «публичного» – «частному» и утвердить понятие «общего» [Подробнее см. 2–5].

Второй раздел

Особо отметим духовный, философско-религиозный аспект темы. Об этом – у В.С. Соловьёва («Идея сверхчеловека») [6] и С.Л. Франка («Крушение кумиров») [7], Н.О. Лосского [8] и В.Н. Лосского [9]. Несомненный интерес здесь представляет и К.И. Скворцов [10]. Иногда говорят специально о культурно-цивилизационном аспекте, но это, на поверку, скорее, уточнение одного из трёх вышеназванных аспектов.

В философском аспекте результаты дискуссии о личности человека, обществе и государстве, об их органическом единстве более ясны в контексте ответственно осознанной самоорефлексии в виде самоотождественности того, другого и третьего. Как говорил И. Кант, высшая ценность в том, чтобы сказать «это мыслю «Я» в самоотождестве и единстве». Это созвучно в самом системном, как считали Т. Парсонс, Р. Мертон и Ю. Хабермас, универсальном и целостном виде пониманию самой сути политической науки. В этом «виде» мышления о человеке, обществе и государстве, собственно, и заключается его (мышления) государственность и державность как само-удержание от девиантных вариантов самораспада личности, как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Самораспад может быть проявлен в помрачении разума, которое бы-

вает как на личностном, так и на общественном и, к сожалению, – на государственном уровнях.

Последняя, в каком-то смысле, медицинская симптоматика в социально-политической области, в юриспруденции довольно мягко квалифицируется в виде необязательности, недобросовестности, недоговороспособности и неплатежеспособности, иждивенчества и паразитарности, низкой социальной ответственности, когда никто не отвечает за свои слова и действия и не прослеживает их последствий. Проще говоря, постоянно изменяет и предаёт себя и других, как в краткосрочном, так и среднесрочном и, что важнее всего, – долгосрочном режимах.

Кстати, о подобном аспекте, назовём его, повторяем, государственным, державным мышлением, говорит на позднем этапе своего творчества в теории «пан-мэонизма» Н.А. Бердяев. Здесь уместно отдать дань одной из лучших его работ «Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация)» [11], с его пристальным вниманием к третьему аспекту личности. Предыдущие два, повторяем, более пристально рассматривались Бердяевым в ранний период его творчества. При этом отметим, что важен органическо-целостный аспект в осмыслении человека, общества и государства в контексте и духовных, и природных, как отмечали В.И. Вернадский [12] и евразийцы. Особенно его ведущие представители – Г.В. Вернадский (его сын) [13], С.Н. Трубецкой и Л.П. Карсавин.

Третий раздел

Напомним о важности помнить о троичности в контексте анализа: 1) причина как источник чего бы то ни было; 2) проявленность, осуществлённость действия этого источника, отражённого в последствиях; 3) смысловая осознанность, как понимание-рефлексия первого и второго. В религиозной экзегетике это: 1) Бог-Отец; 2) Бог-Сын; 3) Бог-Дух. Но какое отношение это имеет к социальности и что такое социальность?

Здесь возможны два, идущих ещё из Древнего Рима, понимания.

Во-первых, это – *socium* – формальная общность, официальный союз чужих, в общем-то, друг-другу людей, механическое скопление незнакомцев на одной территории. Во-вторых, это *socius* – товарищество, дружественное единство,

душевная общность и общение сообщества единомышленников, способных, по Платону и Аристотелю, к единомыслию (омонойи) людей. Это единомыслие возникает относительно совместной цели, понимаемой как благо, для достижения которого люди способны координировать свои индивидуальные и социальные мысли, слова и действия в тех или иных институционально-управленческих, организационно-управленческих формах государственной власти: исполнительной, законодательной и судебной-процессуальной. Так вот, это единомыслие и назовём государственным, державным, мышлением.

Здесь показателен наиболее часто употребляемый в социально-политической теории и практике термин, а именно, – «акт». Он, как известно, именно троичен, поскольку имеет три истолкования. Он (1) субъектен (личностен); 2) конклюдентен (деятелен); 3) рефлексивен, т.к. подразумевает договороспособность, как литеральную, так и мнемоническую. «Акт» – это: «действие», одновременно это рефлексия по поводу действия в плане оценки продуктивных возможностей и предостережений от контрпродуктивных вероятных последствий, рисков, нарушений и злоупотреблений в договорах и обязательствах. Но это ещё и «субъект», который «действует» и, одновременно, договаривается по поводу действий.

Поэтому говорить только об онтологическом как биологическом, только физиологическом измерении социально-политического мира (как это зачастую делается в постмодерне) в корне не верно. Уже сама оценка или квалификация чего бы то ни было как именно «биологического» начала в силу своей рефлексивности, не является чисто биологическим, а, одномоментно, и методологическим, гносеологическим, познавательным этапом. Как справедливо полагал Л.И. Петражицкий, любой сколь угодно конкретный эмпирический факт в правовой, социально-политической области есть совокупность абстрактных суждений. Точное, на этот счёт замечание постоянно делал В.В. Миронов: главное в изучении философии – это природа именно идеального объекта.

Если даже мы говорим в духе киников, скептиков, софистов, а ныне повторяющих их аргументацию (причём не всегда так развёрнуто и доказательно как их предшественники, на которых они почему-то никогда не ссылаются) представителей пост- и нео-пост и т.д. модерна, что «мир это миг», «здесь и теперь», «сумма психических и био-физиологических состояний» и «за него и держись», трансцендентальный вопрос остаётся: что такое социум и политика – это «клиника»? Каков их статус и откуда берутся «эксперты», способные ставить диагнозы и знающие «норму»,

благодаря которой можно говорить об «отклонениях» или о «здоровье» – индивидуальном, социально-политическом? Почему возможна такая метафизическая, философская отстранённость? В любом случае мы утверждаем в духе Платона, Канта и новоникейцев, что в любой сложнейшей ситуации возможен объективный взгляд «со стороны» (знаменитое «айронэ», т.е. «ирония» Сократа), согласно которому «истус зонас тон эон». «И ныне, и присно, и во веки веков», т.е. «всегда будет вечный миг». Но это слабое, несостоятельное, поскольку самопротиворечивое, суждение. Логичнее допускать и право «мета-биологичности» как трансцендентности, трансцендентальности и в праве этой «мета-биологичности» на существование и, тем более, на её изучение.

Как тут не вспомнить случай с софистом, который, читая лекцию своим ученикам, утверждал, кстати, опять-таки, более аргументированно, чем в нынешнем постмодернизме, относительность/релятивность и конвенционализм/субъективность всякого знания, говоря о том, что «не существует абсолютно непререкаемых суждений» и «каждый по-своему прав». И был совершенно озадачен вопросом одного из слушателей, спросившего: «Учитель, а суждение о том, что нет абсолютно непререкаемых суждений – это абсолютно непререкаемое суждение?». Ошарашенный и не зная, что ответить, этот горе философ-софист, смутившись, сначала прервал, а после и вовсе закончил лекцию, т.к. и утверждение, и отрицание ставят, как это совершенно ясно, крест на его доктрине.

Продолжая вышесказанное, следует сделать необходимое, на наш взгляд уточнение по поводу того, что же «держит» людей в согласии их мыслей, действий, да и просто рядом друг с другом. Здесь нужно отметить отличительную черту дисциплин, изучающих человеческие сообщества. Единство предмета изучения и того, кто изучает этот предмет. Это прежде всего человек, который изучает себя и себе подобных. В любом случае, проблема субъекта может быть рассмотрена и биологически, и психологически, и гносеологически. Причём, повторяем, гносеологическим, т.е. философским будет и первый, и второй, и, соответственно, третий этапы анализа проблемы субъективности как в индивидуальном, так и в социально-политической областях.

Уже древние греки в этом смысле говорили о субъектах, как о: (1) лучших, исключительных, особенных, избранных и превосходящих всех иных смертных полубогах и героях, способных к системному и стратегическому мышлению, а потому и к власти. Это знатные и благородные басилевсы. Они-то и повелевают (2) заурядным

и бездарным большинством, состоящем, в лучшем случае, из способных лишь к частным, местным интересам, обывателей, которых обозначали «идиотэс». И (3) не способными, как считается в язычестве вообще ни к какому целеполаганию, рабам, которые – в общем-то и не люди, и которых, подобно скотине, нужно гнать кнутом к корыту с едой, т.к. у них вообще нет никаких интересов, и они не понимают даже собственной выгоды. В определении нуворишей – это «нищоброды», которые даже могут испытывать благодарность к своим хозяевам. Первая группа людей (собственно говоря, они-то и есть «полноценные люди», мудрецы-философы, просвещённые относительно истинного хода вещей) – и являются истинно «духовными» (пневматиками), или «знающими» (гностики). Вторая – это «душевные» (психики). Третья категория – «плотские» или «телесные» (гилики, соматики). Собственно говоря, эта типология, встречается и в античности, в язычестве, и в Христианстве.

Но развёрнутые её обоснования принципиально различны и в гносеологическом, и в психологическом, и в биологическом планах.

В первом случае (в язычестве) мы видим утверждение непроходимой границы между людьми, сообществами, государствами и даже цивилизациями. Мы даже наблюдаем утверждение инаковости человеческих природ: познавательных, психо-эмоциональных и биологических. У стойков и, особенно, у гностиков выдвигается идея особой и важнейшей миссии просвещённых сверх-людей – супер-менов – «пневматиков». Достижение этой миссии сверхчеловеками означало и означает (как продолжают эту старую как мир и дряхлую линию «супрематизма-эксептионализма» и ныне и в личном, и в политическом планах современные адепты этой старой идеи) означало и означает циклическое уничтожение (или как сейчас говорят – «отмену») физических, психических и духовных миров и культур, не соответствующих миру и культуре такого самоназначенного «гегемона», предводителя, вождя. Остальные подлежат «отмене» и не имеют право на самобытность, онтологию. И, по сути, иллюзорны. Нет ответа, впрочем, на вопрос, а не иллюзорны ли те, которые считают других – «иллюзорными»?

Повторяем, в античности проводится чёткое, доведённое позже в творчестве А. Шопенгауэра, Р. Киплинга, Ж. де Гобино и Ф. Ницше до предела, «фашистское», «расистское» и «колониалистское» деление людей на «особенных» и «не очень»; «высших» и «низших»; «исключительных» и «заурядных»; «превосходных» и «ничтожных»; «полноценных» и «неполноценных»; «цивилизованных» и «диких»; «свободных» и «холопов», «господ» и

«быдло». Даже безотносительно к юридическим критериям рабства. Первые свободны (парэзия) «прежде всего» от труда и повелевают остальных. Вторые рождены и предназначены обеспечивать их «парэзию», «паразитарность», для того чтобы они занимались свободными искусствами, поэзией, музыкой, танцами, философией, главное – управляли, занимаясь искусствами или, в крайнем случае, покровительствуя (как Меценат, Нерон или Дж. Сорос) им. Все остальные – трудятся на них в качестве прислуги. Здесь главная философия, так сказать «государственное, державное мышление» состоит в том, что кому больше дано, тому ещё больше и прибавится. Больше прав – меньше обязанностей, а незнающие должны служить знающим.

В Христианстве – то же деление, но возможен и даже предвосхищается, как благая весть, переход и в виде взлётов, социальных лифтов. Но и утверждается предостережение от падений. Есть расцветы, но есть и закаты. Есть добродетели, но возможны и пороки, которые трагически, ошибочно принимаются за добродетели. Есть модернизации, но есть и кризисы-стагнации. Но в любом случае, вектор силы устремлён вверх – к Преображению и Спасению. При свободном волеизъявительном и инициативном следовании этому вектору будет и всесильное вспомоществование. Кому больше дано – с того больше и спросится. Знающие должны служить незнающим. Больше прав – больше обязанностей. Как говорит ап. Павел: «мы сильные несём немощи бессильных, а не себе угождать».

Оживление 1-го подхода в виде колониализма, гегемонизма, расизма, нацизма, фашизма, ксенофобии – сейчас очевидно. Чрезвычайно в этом отношении показательны ныне и такое направление как трансгуманизм. В нём расизм как некий нео-биологизм выходит на новую орбиту. Передовой расой становится даже не духовная, психическая или биологическая популяция. Передовым становится поколение электронных, «нейронных» то ли людей, то ли роботов-киборгов, то ли аватаров, превосходящих низшую, белковую расу и «гносеологически, и онтологически, и психически». Как при этом, не разобравшись ни в человеке, ни в электричестве, решить проблему устойчивой идентичности, как державности существования и мышления – непонятно. Да это, видимо и не так важно для сторонников подобной точки зрения, которая, к сожалению, осознанно или не осознанно продолжает, по сути, обоснование языческой традиции изначального неравенства как запрограммированного недостойнства людей разных социальных групп, национальностей, стран, культур, цивилизаций и т.д.

И раньше и теперь кичливое превосходство, ра-
сизм не нуждались и не нуждаются в доказатель-
ствах и данных опыта. Это было бы «унижением»
«высшего» перед «низшим». Главное здесь – фа-
натическое чувство превосходства в отношении
всего «низшего и отжившего», которое просто-
напросто надо взрывать, уничтожать, унижать,
или, хотя бы «отменять». Но всякая культура, ко-
торая отменяет другую культуру – прежде всего
отменяет самоё себя.

Четвёртый раздел

Критерии теорий природы человека, обще-
ства и государства имеют, особенно, с точки зре-
ния философии политики и права не только соци-
ально-политические, правовые и экономические,
психологические, биологические, не только обще-
культурно-цивилизационные последствия. Но и
эсхатологические, сотереологические, т.е. значи-
мые с точки зрения и биологического, и психоло-
гического.

При этом здоровье, излечение и общества
напрямую зависит не только от врача, но и по-
литика, от выбора самого человека и человече-
ства: какой путь развития им по нраву, что их «де-
ржит» на гребне успеха, что и как при этом надо
мыслить «державно»? Выбор одних и тех же бес-
конечно повторяющихся ошибок, принимаемых
за излечение и прогресс, или жизненный выбор,
в соответствии с которым, как говорил Амвросий
Оптинский, жить так, как колесо вертится, – чуть
только одной точкой касается земли, а остальны-
ми непременно стремится вверх; а мы как заля-
жем на землю, так и встать не можем [14, с. 342].
Во втором случае встать и выжить можно, в пер-
вом – нет.

Таким образом, следует говорить о держав-
ности, державном мышлении в духе Л.А. Тихоми-
рова, как о единстве жизни человека и общества,
как единстве убеждений и жизни по убеждениям.
При этом речь идёт о жизни преемственных по-
колений. Это «та тесная связь людей между собой,
которая даёт людям нравственное единение и со-
ставляет сферу развития нашего нравственного
чувства, – всё это реально проявляется и совер-
шается только в отечестве. Его существование
в виде факта совершенно объективного, прояв-
ляется как внутренне, психологически, так и вне-
шне, в виде известного исторического процесса»
[15, с. 144].

Точно так же и известный социолог Г. Лебон
прекрасно характеризует внутреннее психологи-
ческое единение жизни общества как отечества,
обрисовывая то, что он называет «душой народа».
Здесь и чувства, и физиология, и наследствен-
ность. Всё это делает родину второй матерью. Но
здесь и родители, т.е. институт семьи. Третье, ко-

торое обыкновенно считают самым могуществен-
ным по влиянию, но по Лебону, есть самое сла-
бое – влияние среды. Лебон конечно же несколь-
ко преувеличивает значение психологического
фактора, но чётко пишет об общности истори-
ческого дела людей, которое волею или неволею
преемственно передается. Тогда только и можно
говорить об организации в государстве и о госу-
дарстве [16].

Напротив, «недоделанная нация» (по метко-
му определению Л.А. Тихомирова), не достро-
ившая единства своей психики, языка, единства
духовного, а мы скажем, по совокупности, – «де-
ржавности», – не может удобно и стройно сози-
дать, именно «строить» и свою внешнюю жизнь.
Государственное строительство – это долгий и
тяжкий исторический труд. Именно «недостро-
енность», как неустроенность чувствует каждое
поколение. Оно чувствует, что его жизнь, гар-
моническая, стройная, дружная, а потому и бла-
годенственная, страдает от каждого проявления
«недоделанности национального единства» [15,
с. 152]. Поэтому заметим, что политика нацио-
нального единства, как культура державности,
культура государственного, державного мыш-
ления, – во всех государствах без исключения,
составляет задачу, которая преемственно пере-
даётся и осуществляется в течение всей жизни
нации. Эта задача национального единства как
державность, державное мышление (на каких бы
основаниях она не совершалась – лучше, конеч-
но, на устойчивых) – очень сложна. В неё вхо-
дит, повторяем множество составных элементов,
нуждающихся в согласовании, т.е. в управлении.
При этом каждый из них следует развивать и
согласовывать с той же преемственностью и сис-
тематичностью, что и целое. В противном случае,
немедленно и неминуемо, наступает разложение
и целого, и его составных частей, нарушающее
все функции совместной жизни. В этом случае
тесно сплетаются и заботы каждого поколения
и его (поколения) связи-преемства с традицией,
как жизнь поколения для себя и, одновременно,
жизнь «в преемстве», как передача жизни-пре-
емства – следующим поколениям. Это и есть за-
дача национального единства, как державность,
державное мышление, и она очень сложна. В неё
входит множество составных элементов, из кото-
рых каждый приходится развивать с той же пре-
емственностью и систематичностью. Эта задача и
есть организация общего управления, организа-
ция государства. Если же речь здесь идёт о рели-
гии, как наиболее сложной составляющей жизни
людей, то отметим следующее. Если утверждать,
что религия – личное, частное дело каждого от-
дельного человека, то здесь говорить о преемстве

просто не приходится. Это тогда не религия, а набор бытовых привычек отдельных людей, ничем не связанных друг с другом или безблагодатная религия. Набор привычек – только разъединяет. Преемство преданий, религия объединяет. Религия и содержит преемство преданий и главных устоев, поэтому нравственно объединяет, формирует державное мышление, объединяющее людей в одном смысловом поле.

Если говорить о государстве и государственном управлении, то отсутствие державности как органического преемства-единства, хотя бы и в одном только государственном аппарате в лице одного только чиновничества, вне его связи с обществом погубило не одну державу. Например, Византию, в которой, как известно, диктатура чиновничества как раз и довело страну до гибели. Кроме того, здесь сыграл свою роль и другой, «ведомственный», не согласованный с другими интересами, интерес. Это – национализм в виде так называемого «эллинского сепаратизма», как националистическая гордыня, что в многонациональной стране совершенно неприемлемо. Поэтому, державное мышление – это прежде всего и совмещение, как баланс, созвучие (симфония) государственной целостности и местного обособления. Когда берёт верх одно из двух, то нет не только державности, но и благополучия ни для государства, ни для регионов. Более того, – в проигрыше и то, и другое. Но есть ещё и третье – столкновение местнических мышлений, или, как сейчас принято говорить в постмодерне – «локальных нарративов», каждый из которых с переменчивым успехом претендует на державность, главенство, наперекор общей пользе государства и его народов в целом. Это было не раз во многих странах в виде междоусобиц, гражданских войн, смут и мятежей, имевших целью борьбу за обособление от целого, а не в борьбу за единство целого, общего дела. Было это и в России. И преемство державного мышления – ещё и в памяти об ошибках, и в их преодолении.

Собственно, гимн державности как единству державы, как единству Святой Руси, содержат уже первые памятники письменности нашей страны. Святая Русь, собственно говоря, по мнению А.С. Хомякова, «создана самим Христианством» [17, с. 448]. Об этом прозрения, пророчества Св. Илариона, поклонника Даниила, совершившего паломничество в Иерусалим. Об этом – «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет» Нестора летописца. Об этом «Слово Даниила Заточника». Призыв: «Вострубим, как в златоконные трубы, во все силы ума своего» [18, с. 67]. Предостережение: «Ибо сказал брат брату: «Это моё и то моё же; И стали князья про малое «это

великое» говорить, и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую» [19, с. 12].

И Хомяков, и Данилевский, и многие-многие другие деятели русской культуры считали, что единство, общечеловеческие ценности, культура, цивилизация в их крепости и освящении – от одной и неразрушимой связи с Христианством, как основой и культуры, и цивилизованности, и «отделение Церкви от человечества возможно и понятно при юридическом рационализме западных определений и совершенно невозможно при живой целостности православия» [17, с. 454].

Под благословением чистого закона державности, явленного высокой святостью Православного Христианства, развились по А.С. Хомякову, общежительные добродетели, которым и до сих пор удивляются даже иноземцы, несколько беспристрастные. Благородное смирение, кротость, соединённая с крепостью духа, неистощимое терпение, способность к самопожертвованию, верность преданию подают всем народам «убедительный пример и великий урок, достойный подражания (если можно подражать тому, что есть последствие целого исторического развития)» [17, с. 457]. Тут многое ещё нужно изучать и потому, по А.С. Хомякову, многие самые разные явления считаются бессознательными. «Их должно называть недосознанными» [17, с. 463]. Это тоже составная часть философии государственного, державного мышления.

Ещё одна очень важная тема, связанная с рассмотрением проблемы государственного, державного мышления касается того, что сейчас наконец-то, всё явственнее можно слышать справедливые призывы к интеллектуальной деколонизации и интеллектуальном суверенитете. Но что это значит? Это именно философский вопрос. Речь здесь идёт не только о том, чтобы избавляться от неоправданного использования иностранных евро-атлантических терминов, вербального аппарата, семантико-семиотическое наполнение и использование которого, кстати, подчас гораздо менее эвристически плодотворно, нежели те наработки, которые предлагает отечественная культура. Избавляться надо и от того, что Н.Я. Данилевский называл «европейничаньем» [20, гл. XI]. Это безродный и беспочвенный космополитизм, который сам Николай Яковлевич считал пустым, даже разрушительным термином. Действительно, скажем так, чтобы быть «настоящим» в этом смысле космополитом, надо жить в космосе – пустом, безвоздушном, вне-биологическом пространстве, в котором нет пространственной, исторической, временной и любой другой определённости. Также будут

разрушительными и любые другие однозначные попытки определения человеческого естества, приводящие к однобоким соблазнам истолкования человека, общества и государства в категориях однозначного эконоцентризма или биологического детерминизма в духе Т.Р. Мальтуса, Ч. Дарвина или М. Фуко; психопатизма З. Фрейда. В этом смысле следует избегать и избавляться от вторичности и эпигонства, последнее, как подражание, реферативность и отсутствие своей авторской позиции и есть несамостоятельность, «не-само-державность». Истинная суверенность в этом смысле не запрещает инокультурные лексемы, смыслы, вербальный аппарат хотя бы потому, что любой язык как средство интерактивного смыслового обмена – уже есть заимствование. Например, сейчас внешнеполитическую позицию России не просто искажают, её не хотят видеть и слышать, пытаются отменить и даже уничтожить, «нанести стратегическое поражение» ... При этом забывается то, любая культура, которая запрещает или отменяет какую-либо другую культуру, тем самым запрещает и отменяет саму себя. Поскольку, как уже было сказано – отменяется основная функция языка как средства информационно-коммуникационного обмена, взаимодействия равноценных смыслов. Если смыслы признаются неравноценными, то они не подлежат обмену или же такой обмен становится непродуктивным. Нельзя слишком долго менять стекляшки на золото и наоборот. Стекло, как и золото, нужно менять на равноценные им по качеству и стоимости изделия. Иначе обмен просто прекратится. Так и со смыслами.

Напротив, философия государственного, державного мышления видит своё само-господство (суверенитет) в выработке отношения, повторяем, авторской позиции к любым заимствованиям. Считаюсь, повторяем, со значимостью доказательности авторской позиции оппонента. В этом смысле де-американизация и де-европеизация, о которых, повторяем, в последнее время так много говорят на самых разных, в том числе и на самых высоких, уровнях – это «айронэ» – отстранённость, стремление к суверенности, которая не отменяет универсальность и многополярность как право на «инаковость», право на то, чтобы быть другим в единой и устойчивой системе нравственных координат.

Что касается именно биологических начал социально-политического мира, то отметим следующее. Само слово «био-политика» носит гносеологический, т.е. понятийный, а, значит, мета-биологический характер. И тогда, это именно философское, как системное, универсальное и целостное и, в этом смысле, государственное,

державное мышление. Точнее, – один из его аспектов, правомерный в случае учёта ряда других, о которых уже говорилось ранее: историко-культурных, цивилизационных, религиозных.

Всякая одноаспектность, выдавание частного за всеобщее, видового за родовое, против чего, собственно говоря, и предостерегает философия государственного, державного мышления, чревата серьёзнейшими кризисами, ошибками и даже катастрофическими последствиями для любой страны и человечества в целом, и не только в стратегическом, но и тактическом, даже – оперативно-тактическом отношениях. В реальной политике излишняя поверхностность, пристрастность, предубеждённость не даёт возможности просчитать опасности и предостеречь от корпоративной, стратифицированной позиции «непогрешимости», отвращает от истинного космополитизма, который в отличие от беспочвенничества, призывает к вселенскости «метафизики всеединства» (по В.С. Соловьёву).

В конце концов, есть опасность, чреватая потерей статуса научности экспертизы, как таковой, в силу утраты научной, информационной, политической, религиозной, вообще рефлексивной автохтонности как право на объективность, в случае нарциссического утверждения тем или иным сообществом или лидерам своего права на «непогрешимость».

В самом деле, проблема субъективизма как пристрастности и предубеждённости и, как следствие, ошибочности экспертизы в социально-политической, правовой и экономической; тем более – в биологической областях, стоит особенно остро. Особенно, если речь идёт именно о светском характере жизни общества, где как говорят, «каждый по своему прав» и нет, как почему то полагают некоторые в духе постмодерна, онтологии нравственно-юридического нормирования (как например, в случае с гравитацией в области физики).

Кто, собственно говоря, во всех этих вопросах является здесь гносеологическим и (или) онтологическим субъектом? Другими словами, мыслящим и действующим как именно существующим лицом? В Церкви можно говорить о гносеологическом субъекте в виде единства союза молящихся как о «единомыслии» (омонойя). Или об онтологическом единстве, явленном в процессе Евхаристического причащения.

А в повседневной жизни? Кто может в политике поручиться не только за какое-либо знание помыслов людей, которых он считает единомышленниками, но даже и за самих себя? Как говорил Митя Карамазов, во мне – такие глубины, в которых я не только другим, но и самому себе не могу

признаться.... Уже римляне, повторяем, понимали и разделяли *socium* – формальную общность, официальный союз, механическое сборище случайно собравшихся людей, и *socius* – товарищество, дружественное единство, душевное единство как особую общность.

Любые исследования человека или сообщества людей как субъекта имеют и могут иметь заведомые, если угодно, вероучительные установки, от которых не только долговременно, но и напрямую, оперативно, будут зависеть те или иные результаты исследований, осуществляемые с помощью политических решений в обществе. Обозначим эти установки.

Во-первых, это установка, согласно которой, человек – целиком и полностью является продуктом внешних обстоятельств. Природно-биологических, медицинских, социально-политических, психо-эмоциональных, цивилизационных, т.е. механизмов-сил, безжалостных и неотвратимых.

Во-вторых, человек – духовно-нравственное существо, ибо несмотря на все экзистенциальные и прочие трудности и ограничения, в том числе, и биологические, в пространстве, времени, бытии, он, всё-таки, обладает высочайшим даром – свободой воли и, следовательно выбора между тем, что правильно и что неправильно, добром и злом, легитимным поступком и криминальным действием, красотой и безобразием, добродетелью и пороком, истиной и ложью, здоровьем и болезнью. Он может ошибаться, приняв ложь за истину (отрицательная свобода), но у него есть и шанс на благо исцеления и излечения (положительная свобода).

Предположим, что истинно первое допущение. Но тогда совершенно не понятна мета-позиция, трансцендентность, так сказать, эксперта-аналитика. Откуда вообще в этих условиях берётся наука, искусство, та же философия, политика, общество, вообще общественное мнение? В том числе и мнение человека о самом себе, т.е. сам человек? Кроме того, возникает следующий вопрос. А несёт ли в этом случае человек, ведущий такой «растительный» образ жизни, если он даже существует без всяких раздумий о том, кто он и есть ли он вообще, хоть какую-то ответственность за что бы то ни было? Не «справедливее» ли сначала «исправить» «неправильную» и «несправедливую» среду влияния, провести реформу, модернизировать «негодную формацию», устранить «эксплуататоров» или удалить «некомпетентную номенклатуру», «неумелую элиту» или, по крайней мере «выявить», «преодолеть» и, в дальнейшем, удалить какой-то «вредный» био-психологический «комплекс»? Или, например, утвердить раз и навсегда правильный (не важно – «либеральный», «коммунистический» или какой-то другой)

строй, комплекс, учение и т.д. А уж только потом спрашивать ответственности с человека.

Но вот беда – это «потом» никогда не наступает. С юридической же точки зрения, как подтверждает история и современность, наблюдается перенапряжение уголовно- и административно-принудительной функции закона и не по отношению к «внешним средам» и всяким «комплексам», а именно по отношению к тому же человеку, который, согласно этому подходу, является всего лишь их продуктом. Но тот же опыт показывает: без свободной воли и личного ответственно-нравственного выбора личности и общества, их «трансцендентального единства апперцепции», так и «социального единения» никакой устойчивой социально-политической стабилизации и выхода из правового хаоса и «влияния сред» избавления не наступает.

Кроме того, говоря о социально-политической субъектности в виде философии государственного, державного мышления, укажем и на сам факт, социологический, по существу, неустойчивости данных в области изучения именно светского «общественного мнения», склонного, как это метко отмечал П.И. Новгородцев, к резким переменам. При этом устойчивых данных не дают ни опросы, ни разного рода анкетирования, ни кластеры, ни плебисциты, ни референдумы, ни даже голосования.

Тем более спорной представляется без должного философского анализа такое явление как «коллективная биологическая жизнь» ... Это тем более справедливо, если говорить о таких, постоянно сейчас употребляемых в постмодерне терминах, как «база», «теоретическое поле» и т.д., и т.п. Повторяем, и с гносеологической, и с онтологической точек зрения эти высказывания, принимаемые как утверждения, даже аксиомы, нуждаются в доказательствах. Здесь имманентно, имплицитно, скажем даже априорно, но подразумевается фатальный детерминизм. Но как было сказано ранее, возникает слишком много вопросов к концепциям предопределённости и обусловленности и в отношении исследуемой области, и в отношении самих исследователей.

Позволим себе сказать следующее: утверждение любой зависимости от внешней среды – это уже теоретическое высказывание, как свидетельство творческой активности человека, а не внешней среды, т.к. это свидетельство, прежде всего, его, человека, свободной оценки, идущей, в конце концов, именно от человека. Сама среда, как известно, пока ещё не даёт никаких оценок ни о себе, ни о человеке, на которого «она влияет». Если руководствоваться установками «внешних сред», то тогда нужно иметь в виду следующее. Становится

необходимым изучать любые био-природные и другие среды – географические, биологические, психо-эмоциональные, даже цифровые. А, по Фрейдю, и сексуальные комплексы, т.е. какие угодно. Однако в этом случае любая форма теоретизирования, как само-рефлексия, как проявление культуры мышления, осмысления чего бы то ни было – будь то наука (особенно фундаментальная), искусство, история, литература, философия, религия – не самоценны, дисциплинарно не автономны, – опять-таки. Это некие «культурные коды», которые передаются внешними, апостериорными, а не априорными, как определял И. Кант, способами.

Взгляд на политику, как исключительно био-политику, пост модернизма, лишает любую гуманитарную науку права на существование, статуса самостоятельности, в том числе и политологию. Но тогда политику как искусство, т.е. творческий поиск нового знания (по Аристотелю), начинают путать с биологическими реакциями, зависящими от механического воздействия чего-то извне.

Однако политика не передаётся только контактным, так и хочется сказать, «тактильным» способом. Так странствуют по истории «архетипы» и «абсолютные предпосылки сознания», они то возникают, то исчезают без всяких видимых на то причин при полном, так сказать, благополучии «внешних сред» или полном их отсутствии, например, в информационно-коммуникационной среде и почему интерес к ним то растёт, то идёт на спад. Как говорится «свободный дух дышит, где хочет». Но известно: при нарушении неких невидимых, именно религиозно-нравственных начал неминуемо и без единого исключения наступают неотвратимые последствия. Об этом свидетельствуют не только древние времена, но и не столь отдалённые, в том числе и современность. И в этом честно признавались и А.С. Пушкин, и М.Ю. Лермонтов, и Н.Я. Данилевский, и О. Шпенглер, и К. Юнг, и Р.Дж. Коллингвуд и многие, многие другие.

В любом случае, какая бы то ни было культура не может быть только био-контекстной. Культура не вирус, вроде гриппа. Заметим, опять-таки, некоторые культуры, казалось бы, навсегда утраченные, возрождаются, а некоторые, незабываемые, стоящие, казалось бы, на вершине могущества – вырождаются и пропадают без следа. На это, кстати, обратил внимание один из ярчайших адептов теории фатального влияния внешних сред П. Гольбах, утверждавший главенство именно биологических, географических, природных, а не культурных факторов. Он, как известно, называл человека музыкальным инструментом «пи-

анино», которое играет только потому, что по его клавишам бьют те или иные внешние силы, которые на самом деле и представляют интерес. И изучать надо их, точнее – силу их удара, а не ту музыку, которая при этом звучит. Но, в конце концов, признался, что при глубоком изучении предмета оказывается, что если и справедливо, что человек – это «пианино», то – это «бешеное пианино», поскольку всё-таки музыка звучит (а то и не звучит вовсе!) не благодаря, а вопреки каким бы то ни было силам! И это противоречит биологизму, отрицает его.

Если в зарубежной традиции такая критика, как самокритика-отстранённая рефлексия по отношению к собственным выводам довольно редкое дело (если судить об этом, основываясь на взглядах Левкиппа, Демокрита, Эмпедокла, Ибн-Халдуна, Дидро, Руссо, Мальтуса, Дарвина, Маркса; за исключением того же П. Гольбаха; или ученика Фрейда Адлера и, отчасти, самого Фрейда), то в истории мысли России есть огромное количество авторов, которые всесторонне и критично рассматривали не только взгляды своих оппонентов, но и свои собственные взгляды. Пытались именно системно сопрягать и природные, и социальные, и психологические, и разумные, и вероучительные начала человеческой жизни и в этом смысле стояли на позициях державного мышления.

Это подтверждается творчеством Нестора летописца, «Слова о полку Игореве», Даниила Заточника и кончая великими русскими поэтами, писателями и философами, пытавшимся именно «системно», «государственно-державно» взглянуть на человека и его глубины и противоречия, как внешние, так и внутренние, во «всеединстве» (Г. Сковорода, А.С. Хомяков, А.С. Пушкин, Ф.М. Тютчев, Ф.М. Достоевский). Интересны В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский с его ярчайшей критикой дарвинизма, Бердяев, Булгаков, отец и сын Лосские, Вернадские, Л.А. Тихомиров, И.Л. Солоневич. Сейчас можно отметить творчество естествоиспытателя академика Н.Н. Моисеева, философов А.С. Панарина, В.Н. Расторгуева и многих других авторов.

Выводы

Как бы то ни было, говоря о роли био-политики, обычно имеется в виду, независимо от того, осознаётся это или нет, одно из двух типов философских рефлексий: 1. Это философия «государственно-державного», «культуро-державного», «человеко-державного» мышления, которое именно «держит» человека в состоянии самодисциплины, сосредоточенности (если угодно, – поста) и ответственности, удерживает от ошибок,

если угодно. 2. Никакой самодисциплины и ответственности нет, «всё дозволено»; а есть «препоны, силы, среды и трудности», которые не понятно как, но надо преодолевать.

Во втором случае люди уже самим фактом своего рождения, своей биологией, предназначаются или к спасению, или к гибели; к успеху или упадку. И кому на роду что написано, того и не миновать.... Но точно ли это люди, а не марионетки? И точно ли такие рекомендации –

наука и философия, а не обывательское частное мнение?

В первом случае, при всех ошибках и опасностях и в самой страшной ситуации есть шанс на благо при наличии соответствующей с нашей стороны инициативы [6, с. 362]. В первом случае о продуктивных научных рекомендациях «всех сил ума своего» как философии государственного, державного мышления говорить можно. Во втором – затруднительно.

Список литературы

1. *Esposito R., Nanafi Z.* Community, immunity, biopolitics // *Angelaki*. 2013. Vol. 18. Iss. 3. P. 83–90. <https://doi.org/10.1080/0969725x.2013.834666>
2. *Аласания К.Ю.* Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2023. 316 с. ISBN 978-5-93883-499-6
3. *Аласания К.Ю.* Биополитика: ключевые направления концептуализации в современной политической науке // *Философия политики и права: Ежегодник научных работ*. 2023. Вып. 14. С. 9–19. EDN BMAFHL
4. *Аласания К.Ю.* «Идентичность» как понятие биополитики в эпоху глобализма // *Философия политики и права: Ежегодник научных работ*. 2022. Вып. 13. С. 52–62. EDN GFXFEA
5. Каким мир будет после пандемии: прогнозы современных философов // *snob.ru*: [сайт]. 17.04.2020. URL: <https://snob.ru/entry/191734/> (дата обращения: 20.06.2023).
6. *Соловьёв В.С.* Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 824 с. ISBN 5-244-00192-2
7. *Франк С.Л.* Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с.
8. *Лосский Н.О.* Ценность и бытие. М.: АСТ, 2000. 864 с. ISBN 966-03-0722-5
9. *Лосский В.Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
10. *Скворцов К.И.* Философия Отцов и Учителей Церкви. М.: О-во любителей православной литературы, 2007. 472 с. ISBN 485-779-2
11. *Бердяев Н.А.* Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация). Париж: YMCA-PRESS, 1947. 219 с.
12. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с. ISBN 5-02-003325-1
13. *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. М.: Айрис Пресс, 2004. 368 с. ISBN 5-8112-0019-6
14. *Оптинские старцы: наставления, письма, дневники*. М.: Лепта Книга, 2011. 816 с. ISBN 978-5-91173-282-0
15. *Тихомиров Л.А.* Христианство и политика. М.; Калуга: Аликс, 2002. 616 с. ISBN 5-89653-012-9
16. *Лебон Г.* Психология народов и масс. М., 2023. 288 с.
17. *Хомяков А.С.* По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // *Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 2 т. М.: Университет. тип., 1861. С. 195–260*
18. Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу. // *Литература Древней Руси*. М.: АСТ, 2021. С. 67–75.
19. Слово о полку Игореве // *Литература Древней Руси*. М.: АСТ, 2021. С. 3–55.
20. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Де Либри, 2016. 768 с. ISBN 978-5-386-07994-9

Информация об авторах:

Виктор Иванович Шамшурин – доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (e-mail: shamshuriny2@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1099-346X>)

Нина Григорьевна Шамшурина – доктор экономических наук, профессор кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Москва, Россия (e-mail: shamshurina8@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6015-4787>)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Виктор Иванович Шамшурин.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Esposito R., Hanafi Z. Community, immunity, biopolitics. *Angelaki*. 2013;18(3):83-90. <https://doi.org/10.1080/0969725x.2013.834666>
2. Alasaniya K.Yu. Biopolitika ot Spensera do Ehspozito: klyuchevye kontseptsii i podkhody. Moscow: Publisher A.V. Vorobyov; 2023. 316 p. (In Russ.) ISBN 978-5-93883-499-6
3. Alasania K.Yu. Alasaniya K.YU. Biopolitika: klyuchevye napravleniya kontseptualizatsii v sovremennoi politicheskoi nauke. *Filosofiya politiki i prava*. 2023;(14):9-19. (In Russ.)
4. Alasaniya K.Yu. «Identichnost'» kak ponyatie biopolitiki v ehpokhu globalizma. *Filosofiya politiki i prava*. 2022;(13):52-62. (In Russ.)
5. Kakim mir budet posle pandemii: prognozy sovremennykh filosofov // snob.ru: [site]. 17.04.2020. URL: <https://snob.ru/entry/191734/> (access date: 06.20.2023). (In Russ.)
6. Soloviev V.S. Sochineniya v 2 tomakh. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1990. 824 p. (In Russ.) ISBN 5-244-00192-2
7. Frank S.L. Sochineniya. Moscow: Pravda; 1990. 607 p. (In Russ.)
8. Lossky N.O. Tsennost' i bytie. Moscow: AST; 2000. 864 p. (In Russ.) ISBN 966-03-0722-5
9. Lossky V.N. Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoi Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie. Moscow: SEI Center; 1991. 288 p. (In Russ.)
10. Skvortsov K.I. Filosofiya Ottsov i Uchitelei Tserkvi. Moscow: Society of Lovers of Orthodox Literature; 2007. 472 p. (In Russ.) ISBN 485-779-2
11. Berdyaev N.A. Opyt ehskhatologicheskoi metafiziki (Tvorchestvo i ob"ektivatsiya). Paris: YMCA-RESS; 1947. 219 p. (In Russ.)
12. Vernadskiy V.I. Filosofskie mysli naturalista. Moscow: Nauka; 1988. 520 p. (In Russ.) ISBN 5-02-003325-1
13. Vernadskiy G.V. Nachertanie russkoi istorii. Moscow: Airis press; 2004. 368 p. (In Russ.) ISBN 5-8112-0019-6
14. Optinskiy startsy: nastavlenniya, pis'ma, dnevniki. Moscow: Lepta kniga; 2011. 816 p. (In Russ.) ISBN 978-5-91173-282-0
15. Tikhomirov L.A. Khristianstvo i politika. Moscow; Kaluga: Alir; 2002. 616 p. (In Russ.) ISBN 5-89653-012-9
16. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. Moscow; 2023. 288 p. (In Russ.)
17. Khomyakov A. S. Po povodu sta't'i I. V. Kireevskogo "O kharaktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii". In: Khomyakov A. S. Polnoe sobranie sochinenii v 2 t. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1861. P. 195–260. (In Russ.)
18. Slovo Daniila Zatochnika, napisannoe im svoemu knyazyu Yaroslavu Vladimirovichu. In: Literatura Drevnei Rusi. Moscow: AST; 2021. P. 67–75. (In Russ.)
19. Slovo o polku Igoreve. In: Literatura Drevnei Rusi. Moscow: AST; 2021. P. 3–55. (In Russ.)
20. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. Moscow: De libri; 2016. 768 p. (In Russ.) ISBN 978-5-386-07994-9

Information about the authors:

Viktor I. Shamshurin – Doctor of Sociological Sciences, Professor in the Department of Philosophy of Politics and Law, the Faculty of Philosophy, the Moscow State University of M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
(e-mail: shamshuriny2@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1099-346X>)

Nina G. Shamshurina – Doctor of Economical Sciences, Professor in the Department of Medicine Sociology, Economics of Healthcare and Health Insurance, Sechenov First Moscow State Medical University, Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Moscow, Russia
(shamshurina8@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6015-4787>)

Authors' declared contribution:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Viktor I. Shamshurin.

The article was submitted 16.08.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 01.12.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Материалы конференции

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_13_641_644

EDN EGQDAP

О конференции «Экономика труда и проблемы миграции»: на Пятом Российском экономическом конгрессе

Вячеслав Николаевич Бобков

Институт экономики РАН, Москва, Россия

(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

Для цитирования: Бобков В.Н. О конференции «Экономика труда и проблемы миграции»: на Пятом Российском экономическом конгрессе // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 641–644. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_13_641_644; EDN EGQDAP

CNF (Conference proceedings)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_13_641_644

EDN EGQDAP

About «The Labor Economics and Migration Problems» Conference: at the Vth Russian Economic Congress

Vyacheslav N. Bobkov

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

(bobkovvn@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>)

For citation: Bobkov VN. About «The Labor Economics and Migration Problems» Conference: at the Vth Russian Economic Congress. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):641–644. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_13_641_644

11–15 сентября 2023 г. в г. Екатеринбурге в смешанном формате состоялся Пятый Российский экономический конгресс (РЭК-2023), организованный совместно Новой экономической ассоциацией, Институтом экономики Российской академии наук, Уральским государственным экономическим университетом, Институтом экономики Уральского отделения Российской академии наук, Уральским государственным горным университетом, Уральским институтом управления – филиалом РАНХиГС, Центральным экономико-математическим институтом Российской академии наук и экономическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Конгресс проходил на площадках Уральского государственного экономического университета, Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Уральского государственного горного университета, Уральского института управления – филиала РАНХиГС. На Конгресс было отобрано 969 научных докладов участников из 99 городов России и 12 стран ближнего и дальнего зарубежья. В рамках РЭК-2023 состоялось 214 сессий в рамках 19 тематических конференций, в том числе Конференции молодых учёных. Были проведены 8 пленарных круглых столов, посвящённых актуальным проблемам экономики.

Конгресс объединил представителей различных школ и направлений экономической науки, академического и вузовского научного сообщества. Участники представляли около 180 организаций, в том числе 75 университетов и 37 институтов Российской академии наук¹.

Основная часть

Автор данной статьи являлся координатором конференции «Экономика труда и проблемы миграции»² (вместе с проф. И.А. Денисовой). Конференция состояла из 13 тематических сессий, в каждой из которых было сделано и обсуждено 4–5 докладов. Всего более 60 докладов.

На сессиях конференции были рассмотрены следующие проблемы:

1. *Новая экономика труда* (О новой экономике труда; Приоритеты и механизмы социальной политики в сфере труда; Труд: кризис, его преодоление и миграционное перемещение; Устойчивая и неустойчивая занятость в Российской Федерации);
2. *Качество профессионального образования* (Образование как фактор адаптации к измене-

¹ РЭК-2023: [официальный сайт]. URL: <https://econorus.org/congress.phtml> (дата обращения 30.09.2023)

² Тематическая конференция РЭК-2023 «Экономика труда и проблемы миграции» // РЭК-2023: [официальный сайт]. URL: <https://econorus.org/con2023/program.phtml?vid=tconf&eid=195> (дата обращения 30.09.2023)

ниям на рынке труда; Рынок труда как драйвер трансформаций в системе образования; Обучение выпускников вузов в начале трудовой карьеры: масштабы, характеристики, детерминанты);

3. *Переходы выпускников от учёбы к работе* (Рынок труда выпускников: исследовательские проблемы, информационные системы и методология исследований в России; Учёт образовательных характеристик при согласовании спроса и предложения на российском рынке труда; От совмещения учёбы с работой к совмещению работы с учёбой? Изменение модели российского высшего образования; Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России);

4–5. *Качество занятости* (две сессии): (Качество занятости работников: операционализация понятия с применением интегрального индексного подхода; Влияние дистанционной занятости на удовлетворённость работой, доходами и карьерой; Инновационная активность россиян на рабочем месте: индивидуальные характеристики сотрудников-инноваторов и организационный контекст; Особенности трудового положения российских домохозяйств с детьми; Влияние повышения пенсионного возраста на положение населения старшего возраста на российском рынке труда; Развитие самозанятости в России: значение для рынка труда, риски и перспективы; Зелёные рабочие места: анализ требований в вакансиях; Влияние индивидуальных характеристик на занятость, предпринимательство и самозанятость в РФ; Производственный травматизм и профессиональная заболеваемость как вызов человеческому потенциалу России; Экономическая безопасность после 2022 года: творческий потенциал и технологический суверенитет);

6. *Гендерные и поколенные особенности занятости* (Актуальные аспекты занятости и трудового поведения женщин с семейными обязанностями; Особенности профессионального выбора и трудового поведения современной молодежи; Реализация способностей человека к труду за пределами трудоспособного возраста: балансирование между вызовами и возможностями; Гендерный разрыв в стартовых заработных платах выпускников российских вузов);

7. *Региональные особенности занятости* (Трансформационные процессы на региональном рынке труда Воронежской области в условиях социально-экономической турбулентности; Перспективы занятости населения в городах и сельской периферии: опыт регионального исследования; Цифровизация занятости в регионах России; Мониторинг удовлетворённости получателей государственных услуг в Самарской области)

8. *Занятость и цифровые технологии* (Цифровая занятость: устойчивая или нет?; Цифровые навыки занятых: ключевые детерминанты; Зарубежный опыт регулирования платформенной занятости и распространения социальной защиты на платформенных работников; Оценка влияния владения цифровыми навыками на вероятность безработицы);

9. *Производительность труда* (Факторы роста производительности труда; Идентификация структурных сдвигов в производительности труда: анализ данных России; К вопросу о методологии оценки производительности труда на железнодорожном транспорте; Качество занятости в условиях нестабильности 2020–2022 г. (на материалах социологического исследования Вологодской области);

10. *Доходы от занятости* (Особенности дифференциации доходов и заработной платы у различных групп населения; Регулирование МРОТ: регионализация VS централизация; Есть ли альтернатива у педагогов для увеличения доходов, кроме репетиторства? Анализ оплаты труда педагогических работников на основе открытых источников информации; Влияние численности занятых на заработную плату и цены на жильё в российских регионах);

11. *Международные проблемы миграции* (Влияние международной трудовой миграции на рынок труда современной России; К вопросу об измерении объёмов и характеристик международной трудовой миграции в России; Влияние цикла международной миграции на динамику и направления двусторонних денежных трансфертов; Тенденции развития рынка труда и внешней трудовой миграции в современной России);

12. *Трудовая миграция и национальная безопасность* (Платформенная занятость как инструмент регулирования миграции; Прекаризация занятости поколенных групп трудовых мигрантов в России; Покупательная способность оплаты труда как фактор миграции в арктических районах Якутии; Цифровая трансформация правового регулирования миграции);

13. *Региональные проблемы трудовой миграции* (Тенденции и проблемы миграции населения в российском макрорегионе: Дальний Восток; К вопросу о разрешении проблемы миграционного оттока населения на Дальнем Востоке России в ракурсе действия государственных инструментов социально-экономического развития; Миграция в крупногородские агломерации: вопросы измерения, направления и структурные особенности; Последствия изменений климата для труда и занятости в России; Межрегиональная миграция и результаты на рынке труда выпускников);

Конференция завершилась круглым столом «Новые и старые вызовы для российского рынка труда», на котором были обсуждены доклады (Вызовы для роста производительности в России; Проблемы и выбор стратегии формирования трудового потенциала Дальнего Востока; Влияние коммерциализации здравоохранения на мотивацию и условия труда медицинских специалистов: прямые и косвенные эффекты; Занятость и оплата труда в сфере культуры: российская специфика в контексте бюджетной реформы; Инструменты бережливого производства: опыт оптимизации процессов обеспечения работы служб занятости населения) и подведены итоги 4-дневной работы.

Высокий уровень конференции подчёркивал состав докладчиков, которых представляли:

- член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, 24 доктора и 48 кандидатов экономических наук из 17 городов Российской Федерации. Они представляли следующие организации: Академические исследовательские институты (Вологодский научный центр РАН (г. Вологда); Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва); Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (г. Москва); Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (г. Москва); Институт экономики РАН (г. Москва); Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск); Институт экономики Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург); Институт экономических исследований Дальневосточного отделения наук РАН (г. Хабаровск); Социологический институт ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург); Тихоокеанский институт географических исследований дальневосточного отделения РАН (г. Владивосток); Якутский научный центр Сибирского отделения наук (г. Якутск);

- Высшие учебные заведения (Академия труда и социальных отношений (г. Москва); Воронежский государственный университет (г. Воронеж); Государственный университет управления (г. Москва); Казанский государственный университет (г. Казань); Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва); Научно-исследовательский университет – Высшая школа экономики (г. Москва); Научно-исследовательский Томский государственный университет (г. Томск); Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (г. Москва); Российская Академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте Российской Федерации (г. Москва); Российская экономическая школа (г. Москва); Российский университет транспорта (г. Москва); Самарский государственный экономический

университет (г. Самара); Санкт-Петербургский государственный экономический университет (г. Санкт-Петербург); Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург); Тюменский государственный университет (г. Тюмень); Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург); Уфимский государственный университет науки и технологий (г. Уфа); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (г. Москва);

- Отраслевые институты, ведомства и организации (АНО «Научный центр евразийской интеграции и сотрудничества (г. Москва); Арктический научно-исследовательский центр р. Саха (Якутия) (г. Якутск); ВНИИ труда при Минтруда и социальной защиты (г. Москва); Научно-исследовательский финансовый институт при Министерстве финансов (г. Москва); ОАО «Российские железные дороги» (г. Москва).

Заключение

Конференция «Экономика труда и проблемы миграции» внесла вклад в углубление осмысления современных проблем экономики труда и трудовой миграции. На её площадках прошли плодотворные дискуссии представителей различных научных школ, намечены возможные решения актуальных задач, стоящих перед Российской Федерацией в области социально-трудовых отношений в условиях современных вызовов.

Организационную поддержку в успешном проведении конференции оказала кафедра экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (зав. кафедрой доцент С.Б. Долженко)

По итогам РЭК-2023 программный комитет Конгресса объявил о публикации электронных Сборников материалов тематических конференций, в которые войдут тезисы докладов в авторской редакции (от 4 000 до 8 000 печатных знаков с учётом пробелов), включённых в программу Конгресса. Сборники будут проиндексированы в РИНЦ.

Научные статьи по итогам докладов на Конференции, по инициативе их авторов, могут быть опубликованы в научно-практическом журнале «Уровень жизни населения регионов России» (ВАК, К1)³ Института экономики РАН⁴.

³ Уровень жизни населения регионов России: [офф. сайт]. URL: <https://vcug-journal.ru> (дата обращения 30.09.2023)

⁴ Институт экономики Российской академии наук: [офф. сайт]. URL: <https://inecon.org> (дата обращения 30.09.2023)

Информация об авторе:

Вячеслав Николаевич Бобков – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, заведующий сектором социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики Российской академии наук; координатор конференции «Экономика труда и проблемы миграции» Пятого Российского экономического конгресса, Москва, Россия (e-mail: bobkovvn@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (ResearcherID: U-6527-2019)
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Материалы конференции поступили в редакцию 29.09.2023; приняты к публикации 01.12.2023.

Information about the author:

Vyacheslav N. Bobkov – Doctor of Economics, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Chief Research Worker, Head of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Coordinator of the Labor Economics and Migration Problems Conference at the Vth Russian Economic Congress, Moscow, Russia (e-mail: bobkovvn@mail.ru) (РИНЦ Author ID: 275902) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7364-5297>) (ResearcherID: U-6527-2019)
The author declares no conflicts of interests.

The Conference materials submitted 29.09.2023; accepted for publication 01.12.2023

Материалы конференции

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_14_645_647

EDN ERXQJR

Нобелевская премия по экономике за 2023 год «за углубление нашего понимания позиций женщин на рынке труда»

Екатерина Алексеевна Черных^{1,2}

¹ Институт экономики РАН, Москва, Россия

² Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
(chernykh.ekaterina108@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>)

Для цитирования: Черных Е.А. Нобелевская премия по экономике за 2023 год «за углубление нашего понимания позиций женщин на рынке труда» // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 645–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_14_645_647; EDN ERXQJR

CNF (Conference proceedings)

DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_14_645_647

EDN ERXQJR

Nobel Prize in Economic Sciences for 2023 “for Having Advanced Our Understanding of Women’s Labour Market Outcomes”

Ekaterina A. Chernykh^{1,2}

¹ Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

² Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

(chernykh.ekaterina108@gmail.com), (<https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>)

For citation: Chernykh EA. Nobel Prize in Economic Sciences for 2023 “for Having Advanced Our Understanding of Women’s Labour Market Outcomes”. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):645–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_14_645_647

Премия по экономике памяти Альфреда Нобеля за 2023 год присудили американке Клаудии Голдин «за углубление нашего понимания позиций женщин на рынке труда»¹. Результаты Голдин опровергают экономические стереотипы и показывают, в каких случаях гендерная дискриминация присутствует, а когда разница в зарплатах объясняется объективными экономическими и социальными процессами.

Клаудия Голдин более 50 лет специализируется на исследованиях женской занятости, тематика её статей включает женскую рабочую силу, гендерный разрыв и неравенство в доходах, технологические изменения, образование и иммиграцию. Голдин – третья женщина, получившая Нобелевскую премию по экономике за всю её историю, и первая, получившая её без мужчин-соавторов.

Традиционно в экономической науке считалось, что уровень участия женщин в рабочей силе зависит от этапа экономического развития: с развитием экономики на рынке труда появляется больше возможностей для занятости женщин. Проанализировав архивные данные, Голдин, доказала [1], что в долгосрочной перспективе (за последние 2–2,5 века) уровень участия женщин в рабочей силе по мере экономического развития сначала сокращается (с переходом от аграрного общества к индустриальному), а затем начинает плавно расти (с развитием рынка услуг в начале

XX века), то есть представляет собой U-образную кривую². Из-за того, что данные о работающих женщинах прошлого были отрывочными и неполными, экономисты недооценивали их роль на рынке труда [2].

Объем предложения женской рабочей силы – результат индивидуальных решений женщин, которые они принимают на разных этапах своей жизни под влиянием социальных норм, институциональных барьеров, потребностей членов семьи, а также на основе опыта родителей. Изменение положения женщин на рынке труда – это длительный процесс снятия ограничений со стороны спроса (например, отмена законодательных запретов на найм женщин) и со стороны предложения. В 1960-е гг. девушки, основываясь на опыте своих матерей, среди которых занятыми были около 30%, в основном считали, что не будут работать в 35 лет, однако занятыми после 35 лет оказались 65% из них. Следующая когорта женщин, достигшая совершеннолетия в 1970-е и 1980-е гг., уже скорректировала ожидания и инвестировала в образование больше, и это привело к увеличению доли трудоустроенных женщин.

Кроме того, в 1970-е на рынке женского труда произошла «тихая революция», связанная с изобретением оральных контрацептивов. Голдин доказала и достаточно точно измерила эконо-

¹ Press release // Nobelprize: [сайт]. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/2023/press-release/> (дата обращения: 15.10.2023).

² Нобелевку по экономике дали за объяснение, почему женщинам недоплачивают // RBC: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/10/2023/6523cd729a794756ab3038a8> (дата обращения: 15.10.2023).

мический эффект «таблеток» [3]. Она сравнила карьерные траектории женщин, которые в молодости имели доступ к оральной контрацепции, и тех, кто не имели (разный возраст совершеннолетия в разных штатах) и оценила экономические последствия «таблеток», отделив влияние других факторов. Доступ к оральной контрацепции оказался главным фактором, из-за которого с 1970 по 1990 год увеличилось число студенток на «мужских» специальностях, требующих длительного обучения. Возможность женщин контролировать наступление беременности привела к их большим финансовым инвестициям в образование и карьере, что сыграло роль в сокращении гендерных различий³. Эффект оральной контрацепции с точки зрения роли женщин на рынке труда оказался более сильным, чем эффект легализации абортов.

Во всём мире, включая и развитые страны, несмотря на все новации, на рынке труда сохраняется гендерный разрыв в оплате труда при выполнении одинаковой работы и сохраняется «стеклянный потолок» в женской карьере.⁴ В экономической литературе этот разрыв часто объясняют дискриминационными практиками: 1) мужчины склонны продвигать по службе мужчин, потому что им легче с ними общаться за «мужскими занятиями»⁵; 2) женщины от природы менее конкурентны, реже идут на конфликты и поэтому не могут добиться более высоких должностей и зарплат; 3) женщины сами выбирают специальности, где уровень оплаты ниже (и соответственно требования к навыкам ниже), потому что их легче совмещать с заботой о семье – проблема «самоотбора». Клаудия Голдин последовательно проверяла и опровергала эти теории.

В своих исследованиях учёная показала, что выпускницы программ MBA американских вузов получали такие же должности и зарплаты, как и их однокурсники-мужчины, успешно продвигались по службе и в течение первых нескольких лет разрыв в доходе практически отсутствовал, но к пятому году карьеры он увеличивался, а к десятому – удваивался [4]. Большая часть гендерного разрыва в доходах сейчас в основном возникает с рождением первого ребёнка, а не из-за различий в образовании и выборе профессии⁶. Особенно ему

³ Премию Нобеля по экономике присудили за исследование роли женщин на рынке труда // Nplus1: [сайт]. URL: <https://nplus1.ru/news/2023/10/09/econom-nobel-2023> (дата обращения: 15.10.2023).

⁴ Почему женщины продолжают зарабатывать меньше мужчин // Econs: [сайт]. URL: <https://econs.online/articles/nauchnaya-povestka/pochemu-zhenshchiny-prodolzhayut-zarabatyvat-mensh/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁵ «Мужской клуб»: почему мужчины продвигают мужчин // Econs: [сайт]. URL: <https://econs.online/articles/coffee-break/muzhskoy-klub-pochemu-muzhchiny-prodvigayut-muzhch/>; The Old Boys' Club: Schmoozing and the Gender Gap // NBER: [сайт]. URL: <https://www.nber.org/papers/w26530> (дата обращения: 15.10.2023).

⁶ Нобелевскую премию по экономике получила американский профессор // RIA: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20231009/nobelevka-1901482095.html> (дата обращения: 15.10.2023).

подвержены женщины, работающие неполный рабочий, чтобы уделять больше времени детям.

Голдин доказала, что в современном мире основной вклад в гендерный разрыв вносит разница в оплате труда *внутри* одних и тех же специальностей, а не между ними. Разрывы в зарплатах максимальные в профессиях, которые предполагают активное общение сотрудников с коллегами и клиентами в рабочие часы и сверхурочно (например, юристы в крупных компаниях) и минимальные там, где есть возможность работать в наиболее удобные для работников дни и часы (например, в научной деятельности или в IT-специальностях). Таким образом, «штраф» за отсутствие на работе – не столько следствие гендерной дискриминации, сколько специфика специальностей, где вознаграждается сверхурочная работа и не приветствуется гибкий график.

Голдин считает, что гендерные различия будут всегда, потому что женщины часто принимают сознательное решение перейти на меньшую занятость, чтобы совмещать семью с карьерой. Если женщины больше занимаются семьёй, то у них остаётся меньше времени на карьеру – они работают меньше часов, берутся за менее ответственную работу и, как следствие, меньше зарабатывают. Соблюдение здорового баланса между работой и личной жизнью отрицательно влияет на карьерный рост и доходы⁷. Но для многих женщин это по-прежнему вынужденный выбор, потому что на них ложится большая часть ухода за детьми.

Даже пары, которые хотели бы разделить поровну уход за детьми, часто не могут этого сделать, потому что упустили бы довольно существенную часть своего дохода. К. Голдин называет этот феномен «жадной работой»⁸. Вознаграждение работника, который работает 24/7 непропорционально затраченному времени: удвоение рабочего времени увеличивает заработок более чем в два раза. Если у этого человека есть семейные обязанности, то тогда их кто-то должен взять на себя, и этот кто-то выберет работу с более гибким графиком и с меньшими требованиями, и, как следствие, будет зарабатывать меньше. Этим «кем-то» обычно становится женщина.

По оценкам Голдин, то, что женщины выбирают низкооплачиваемые профессии, может объяснить только 25–30% разницы в доходах между мужчинами и женщинами, а две трети зарплатного разрыва обусловлены «жадной» работой: подавляющее большинство гендерных различий происходит внутри профессий, а не между профессиями.

⁷ Goldin Demystifies Gender Economics // Thecrimson: [сайт]. URL: <https://www.thecrimson.com/article/2007/4/26/goldin-demystifies-gender-economics-gender-will/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁸ Claudia Goldin on Career and Family // Press.princeton: [сайт]. URL: <https://press.princeton.edu/ideas/claudia-goldin-on-career-and-family> (дата обращения: 15.10.2023).

Помочь современным женщинам не терять в зарплате из-за материнства может переход компаний на более гибкий график, причём не только для женщин, но и для мужчин. Если работа по гибкому графику будет доступна и мужчинам, а не только женщинам, то не будет поводов для дискриминации. Стимулировать и убеждать мужчин, чтобы те активнее участвовали в уходе за детьми и считали это социальной нормой тоже нужно, но эти изменения потребуют много времени, потому что неравенство в семье и то, что «жадную» работу выбирают обычно мужчины, уходит корнями в исторические и культурные традиции. Пандемия показала, что «жадную» работу можно сделать более гибкой. В свою очередь, гибкую работу также можно сделать более продуктивной, т.е. более высокооплачиваемой, за счёт частичной работы из дома.

Для того, чтобы увидеть плоды политики по сокращению гендерного разрыва, потребуется

время – её успех зависит от решений молодых когорт об инвестициях в свой человеческий капитал, о выборе профессии и создании семьи. Вероятно дело не в неправильной социальной или экономической политике – нужно просто подождать, пока сменятся поколения. Важную роль также играют сегодняшние ожидания женщин, формирующиеся под влиянием социально-экономической политики⁹.

Неравное отношение к женщинам на рынке труда – это проблема не только справедливости, но и экономической эффективности. Неравенство возможностей приводит к большим издержкам для общества. По расчётам McKinsey за 2015 г., достижение в течение 10 лет полного гендерного паритета в мире привело бы к дополнительному увеличению глобального ВВП на четверть и удвоило бы вклад женщин в рост мирового ВВП¹⁰.

Список литературы

1. Goldin C. Life-cycle labor-force participation of married women: Historical evidence and implications // *Journal of Labor Economics*. 1989. Vol. 1. No. 7. P. 20-47. <http://dx.doi.org/10.1086/298197>
2. Goldin C. The U-Shaped Female Labor Force Function in Economic Development and Economic History: Working paper 4707. National Bureau of Economic Research, 1994. <https://doi.org/10.3386/w4707>
3. Goldin C. The Quiet Revolution That Transformed Women's Employment, Education, and Family // *American Economic Review*. 2006. Vol. 96. No. 2. P. 1-21. <https://doi.org/10.1257/000282806777212350>
4. Goldin C, Katz L.F., Kuziemko I. The Homecoming of American College Women: The Reversal of the College Gender Gap // *Journal of Economic Perspectives*. 2006. Vol. 20 No. 4. P. 133-156. <https://doi.org/10.1257/jep.20.4.133>

Информация об авторе:

Екатерина Алексеевна Черных – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Сектора социально-экономических исследований качества и уровня жизни Центра развития человеческого потенциала Института экономики РАН; ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия (e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com) (e-library AuthorID: 473083) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>) (ResearcherID: AAF-7310-2021)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Goldin Claudia. Life-cycle labor-force participation of married women: Historical evidence and implications. *Journal of Labor Economics*. 1989;7(1):20-47. <http://dx.doi.org/10.1086/298197>
2. Goldin Claudia. The U-Shaped Female Labor Force Function in Economic Development and Economic History: Working paper 4707. National Bureau of Economic Research; 1994. <https://doi.org/10.3386/w4707>
3. Goldin, Claudia. The Quiet Revolution That Transformed Women's Employment, Education, and Family. *American Economic Review*. 2006;96(2):1-21. <https://doi.org/10.1257/000282806777212350>
4. Goldin C, Katz L.F., Kuziemko I. The Homecoming of American College Women: The Reversal of the College Gender Gap. *Journal of Economic Perspectives*. 2006;20(4):133-156. <https://doi.org/10.1257/jep.20.4.133>

Information about the author:

Ekaterina A. Chernykh – PhD in Economics, Leading Research Worker of the Department of Socioeconomic Research of Living Standards and Quality of Live at the Centre of Development of Human Potential at the RAS Institute of Economics; Leading Research Worker of the Scientific Centre of Labour Economics at the Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia (e-mail: chernykh.ekaterina108@gmail.com) (РИНЦ Author ID: 473083) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6970-487X>) (WoS ResearcherID: AAF-7310-2021)

The author declare no conflict of interest.

The article was submitted 19.10.2023; accepted for publication 01.12.2023.

⁹ Экономист как детектив: Нобелевская премия по экономике – 2023 // Econs: [сайт]. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/ekonomist-kak-detektiv-nobelevskaya-premiya-po-ekonomike-2023/> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁰ The power of parity: how advancing women's equality can add \$12 trillion to global growth // McKinsey: [сайт]. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Industries/Public%20and%20Social%20Sector/Our%20Insights/How%20advancing%20womens%20equality%20can%20add%2012%20trillion%20to%20global%20growth/MGI%20Power%20of%20parity_Full%20report_September%202015.pdf (дата обращения: 15.10.2023).

ПЕРСОНАЛИИ

Персоналии

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_15_648_650

EDN ZUHVNT

Юбилей мудрого поэта, патриота и гражданина великой страны (к 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова)

Гарри Григорьевич Мачхелян

Москва, Россия

(garry_machkhelyan@mail.ru)

Для цитирования: Мачхелян Г.Г. Юбилей мудрого поэта, патриота и гражданина великой страны (к 100-летию со дня рождения Расула Гамзатова) // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 648–650. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_15_648_650; EDN ZUHVNT

PER (Personalities)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_15_648_650

EDN ZUHVNT

Anniversary Celebrations Dedicated to the Great Country's Wise Poet, Patriot and Citizen (Commemorating the 100th Anniversary of Rasul Gamzatov's Birth)

Garry G. Machkhelyan

Moscow, Russia

(garry_machkhelyan@mail.ru)

For citation: Machkhelyan, GG. Anniversary Celebrations Dedicated to the Great Country's Wise Poet, Patriot and Citizen (Commemorating the 100th Anniversary of Rasul Gamzatov's Birth). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):648-650. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_15_648_650

8 сентября 2023 года народы Российской Федерации и всё прогрессивное человечество отметили знаменательную дату – столетний юбилей Расула Гамзатовича Гамзатова. Его имя связывается сегодня с представлением о целой Стране поэзии, которая широко известна и любима миллионами граждан в нашей стране и за рубежом.

Расул Гамзатов – обладатель огромного множества титулов, удостоенный в своё время международной премии «Лучший поэт XX века». Однако «самый высший и бессмертный его титул – Поэт Расул Гамзатов» [1:3]. Расул Гамзатов – это мудрый поэт, патриот и гражданин великой страны.

28 сентября 2023 года в Кремле был организован торжественный вечер, посвящённый столетию со дня рождения Расула Гамзатова, а также состоялся грандиозный концерт известных артистов Российской Федерации и Дагестана, который в воскресенье, 1 октября в течение трёх часов имели возможность видеть зрители первого канала телевидения. На торжественном вечере и концерте присутствовали многочисленные гости из России и зарубежных стран, в том числе близкие и родственники Расула Гамзатова – его дочери Патимат, Салихат и Зарема, внуки и правнуки Расул, Мадина, Амина и многие другие.

На торжественном вечере с приветственной речью выступил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Информация об этом была опубликована на электронном сайте ве-

дущего федерального печатного органа нашей страны «Российская газета».¹ Президент охарактеризовал творчество Расула Гамзатова как «вселенную, где правит всё лучшее», а самого поэта назвал «верным сыном древнего аварского народа, душой Дагестана, да и всей России», который «был и остаётся ярчайшей звездой отечественной культуры». Сегодня, как и прежде, ярко проявляется магия слова Расула Гамзатова как мудрейшего поэта, посвятившего своё творчество всем сторонам жизни народа. «Поэт он огромный, сделавший знаменитым и Дагестан, и аварский язык, и свои горы. Сердце его мудрое, щедрое, живое... с врагами он сражался без жалости, бил их мудростью. Поэт он не только дагестанский, но и русский поэт. Его всегда называют в числе любимых поэтов» – такими словами характеризует Расула Гамзатова Роберт Рождественский [2:4].

В своём выступлении на торжественном вечере в Кремле глава нашего государства, говоря о стихах Расула Гамзатова, в частности, подчеркнул: что всем нам близки строки поэта о том, что «есть только две достойные причины, которые должны побуждать мужчину к действию. Одна из них – любовь к женщине: хранительнице очага, матери, супруге, дочери... Другая:

Любовь к земле родной,
Которая вошла нам в плоть и кровь
И сделалась звездой неугасимой.»²

В.В. Путин так отозвался о любви Расула Гамзатова к родной земле Дагестана: «О чём бы Расул Гамзатов не слагал стихи, источником его огромной души и поэзии всегда был родной Дагестан. Он любил его самозабвенно, и знаю – эта любовь взаимна».

Расул Гамзатов признаётся, что очень любит свой горный край, что «в горах его сердце» [3:113]. Одна из его поэм так и называется: «В горах моё сердце» (перевод Я. Хелемского). Эпиграфом к ней служит строка Роберта Бёрнса: «В горах моё сердце А сам я – внизу».

В мировой поэзии Расул Гамзатов выступает не только как поэт-патриот, гражданин своей Родины, но и как пламенный певец любви к женщине-Матери, родной маме:

Изрёк пророк:
Нет Бога, кроме Бога.
Я говорю:
Нет мамы, кроме мамы.

Отношение Расула Гамзатова к матери отчётливо выражено в его страстном призыве: «Берегите матерей!» Этот призыв поэт услышал в пос-

леднем наказе, с которым к нему обратился его отец – народный поэт Гамзат Цадаса:

Душу дома – маму – береги ты
Слышишь, сын мой, маму береги.

Расул Гамзатов называет многие свои стихи о матери песнями, в которых он воспекает то, что вечно ново – священное слово «мама», обретающее музыку свою. В стихотворении «Мама (слово-чудо, слово-свет)» поэт утверждает:

Слово это сроду не обманет,
В нём сокрыто жизни существо,
В нём исток всего, ему конца нет
Встаньте! Я произношу его: «Мама!»

В творчестве Расула Гамзатова всего выделяется тринадцать «песен о матери».

Теме любви мужчины к женщине как верному спутнику жизни, матери его детей Расул Гамзатов посвятил очень много стихотворений и поэм. Муза поэта славит любовь как особое, прекрасное, возвышенное чувство, облагораживающее человека, вдохновляющее его на великие свершения...

Названия стихов и поэм, сборников произведений Расула Гамзатова говорят сами за себя: «Песня о любви большой», «С чем мне сравнить любовь? Бог ведь!», «Моя любовь – чинара – два ствола...», «Был ранен любовью не раз и не два», «В училище любви будь молод или сед», «Я влюблён в сто девушек», «Какую песню спеть тебе родная?» Все эти произведения Расула Гамзатова полны рыцарского отношения к женщине, преклонения перед её нежностью и красотой. Меритом мужского достоинства, настоящего мужества в сердце мужчины, считает поэт, является отношение к женщине [4:36].

В сборнике «С женщиной наедине» Расул Гамзатов подчёркивает:

«Любовь – на подвиг нас ведёт она,
Любовь рождает силы в человеке,
Любовь – с ней жизнь становится полна,
Лишь полноводные люблю я реки.»

Поэт обещает, что всегда будет говорить о любви как о счастье:

Пусть сердце от любви сгорит – повсюду
О ней твердить я, как о счастье, буду [4:135].

Расула Гамзатова всю жизнь не покидала мечта о стране любви, уверенность в том, что непременно должна существовать такая страна как единственно достойная человека романтическая держава. Поэт со всей присущей ему страстностью высказывается об этом в одном из стихотворений в упомянутом сборнике «С женщиной наедине»:

Хочу любовь провозгласить страную,
Чтоб все там жили в мире и тепле,
Чтоб начинался гимн её строкою:
«Любовь всего превыше на земле»...
...Хочу чтоб все людские племена
В стране любви убежище просили [4:10].

¹ <http://rg.ru/2023/09/28/putin-podelilsia-vospominaniia-mi-o-rasule-gamzatove.html>

² president/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-vechere-posvjachyonnom-100-letiyu-rasula-gamzatova-28-09-2023.h...

В поэме «Я влюблён в сто девушек» Расул Гамзатов подчёркивает, обращаясь к любимой женщине:

«В тебе сто девушек любя,
В сто раз сильней люблю тебя!» [5:93].

Перед взором автора настоящей статьи постоянно стоят образы самых близких ему женщин – родной мамы и верного спутника жизни – любимой супруги, матери их детей, вдохновившие на создание двух новых песен: песни «Волшебное сияющее слово» (на слова стихотворения Расула

Гамзатова «Мама (слово-чудо, слово-свет)», английский текст и музыка Г.Г. Мачхеляна) и песни «Колыбельная любимой» (на слова стихотворения Расула Гамзатова «Какую песню спеть тебе, родная?»), музыка Г.Г. Мачхеляна).

Эти песни иллюстрируют описанное в статье направление творчества Расула Гамзатова, посвящённое искренней любви мужчины к женщине. Они представлены вниманию читателю журнала «Уровень жизни населения регионов России» в текущем выпуске журнала.

Список литературы

1. Гамзатов Р.Г. Имя твоё. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2005. 350 с. ISBN 5-98390-013-7
2. Гамзатов Р.Г. Вечный бой. Стихи и поэмы. Пер. с аварского. М.: Воениздат, 1983. 430 с.
3. Гамзатов Р.Г. Поэмы. Пер. с авар. М.: «Советская Россия», 1983, 352с.
4. Гамзатов Р.Г. С женщиной наедине. Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2006. 260 с. ISBN 5-98390-013-7
5. Гамзатов Р.Г. Стихотворения и поэмы. М.: «Молодая гвардия», 1992. 190 с.

Информация об авторе:

Гарри Григорьевич Мачхелян – кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь, Москва, Россия (e-mail: garry_machkhelyan@mail.ru)

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 25.10.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Gamzatov RG. Imya Tvooyo. Makhachkala: Epokha; 2005. 350 p. (In Russ.)
2. Gamzatov RG. Vechnyy Boy. Stikhi I Poemy. Translation from Avar. Moscow: Voenizdat; 1983. 430 p. (In Russ.)
3. Gamzatov RG. Poemy. Translation from Avar. Moskva: Sovetskaya Rossiya; 1983. 352 p. (In Russ.)
4. Gamzatov RG. S Zhenshchinoy Nayedinye. Makhachkala: Epokha; 2006. 260 p. (In Russ.)
5. Gamzatov RG. Stikhotvoreniya I Poemy. Moskva: Molodaya Gvardiya; 1992. 190 p. (In Russ.)

Information about the author:

Garry G. Machkhelyan – PhDin Economics, Associate Professor, Independent, Researcher. Moscow, Russia (e-mail: garry_machkhelyan@mail.ru)

The author declare no conflict of interest.

The article was submitted 25.10.2023; accepted for publication 01.12.2023.

Разное
https://doi.org/10.52180//1999-9836_2023_19_4_16_651
 EDN DHVNVY

MIS (Miscellaneous)
https://doi.org/10.52180//1999-9836_2023_19_4_16_651
 EDN DHVNVY

Волшебное сияющее слово

A Bright and Magic Word

Слова Расула Гамзатова
 Музыка Г.Г. Мачхеляна

Lyrics by Rasul Gamzatov
 Done into English by Garry G. Machkhelyan.
 Music by Garry G. Machkhelyan

Воспеваю то, что вечно ново.
 И хотя совсем не гимн пою,
 Но в душе родившееся слово
 Обретает музыку свою.

Glorifying what is new for ever,
 Even if I ain't singing a hymn
 The word that's born of all most wise and clever
 Is full of tender music to begin.

Но когда скажу я, как впервые,
 Это Слово – Чудо, Слово – Свет, –
 Встаньте, люди! Павшие, живые!
 Встаньте, дети бурных наших лет!

When I'm saying for the first time this word –
 That's so sacred, magic, fine and bright,
 Stand up, the fallen, and the alive thank God,
 Kid of our stormy yester ears, upright!

Слово это – зов и заклинанье,
 В этом слове сущего душа.
 Это – искра первая сознания,
 Первая улыбка малыша.

It's the word of call and that of charming
 With the soul of all that's really live
 It's the sparkle of consciousness first coming
 And the child's initial smile sublime.

Слово это сроду не обманет,
 В нём сокрыто жизни существо.
 В нём – исток всего. Ему конца нет.
 Встаньте!.. Я произношу его:
 «Мама!».

It's the word that surely won't deceive you
 It embraces life's essence to come.
 Attention! I'm uttering it to you:
 "Mummy!"
 "Mummy! Mum!"
 "Mummy! Mum!"

ВОЛШЕБНОЕ СИЯЮЩЕЕ СЛОВО

Слова Расула Гамзатова

Музыка Гарри Мачхеляна

Вос - пе - ва - ю то, что веч - но но - во. И хо - тя сов - сем не гимн по - ю,
 Но ког - да ска - жу я, как впер - вы - е, э - то Сло - во - Чу - до, Сло - во - Свет, -
 но вду - ше ро - див - ше - е - ся сло - во об - ре - та - ет му - зы - ку сво - ю.
 встань - те, лю - ди! Пав - ши - е, жи - вы - е! Встань - те, де - ти бур - ных на - ших лет!
 Сло - во э - то - зов и за - кли - нань - е, в э - том сло - ве су - ще - го ду - ша. Э - то - иск - ра пер - ва - я соз -
 на - ни - я, пер - ва - я улыб - ка ма - лы - ша. Сло - во э - то сроду не об - ма - нет,
 в нём со - кры - то жиз - ни су - щест - во. В нём - ис - ток все - го. Е - му кон - ца нет.
 Встань - те!.. Я про - из - но - шу е - го: "Ма - ма!" "Ма - ма!" "Ма - ма!"

Разное
https://doi.org/10.52180//1999-9836_2023_19_4_17_652
 EDN HVCFUL

MIS (Miscellaneous)
https://doi.org/10.52180//1999-9836_2023_19_4_17_652
 EDN HVCFUL

Колыбельная любимой

Lullaby for My One and Only Love

Слова Расула Гамзатова

Музыка Г.Г. Мачхелияна

Какую песню спеть тебе, родная.
 Спи, ночь в июле ровно шесть часов.
 Лежанку, где лежишь ты, засыпая,
 Я словно колыбель качать готов.

Спокойной ночи говорю я снова.
 Я верую, что не настанет дня,
 Когда тебе два этих тихих слова
 Промолвит кто-нибудь поздней меня. } 2 раза

Пусть, милая, тебе спокойно спится,
 А я пока долину осматрю.
 Скажу, чтоб вовремя запели птицы,
 Задую звезды и зажгу зарю.

Рассвет грядущий темень ночи смажет,
 И мы восславим вновь начало дня.
 Пусть утро доброе тебе не скажет
 Никто на свете раннее меня. } 2 раза

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЛЮБИМОЙ

Слова Расула Гамзатова

Музыка Г.Г. Мачхелияна

Музыкальная партитура песни «Колыбельная любимой». Партитура включает ноты для голоса и фортепиано, с соответствующими текстами на русском языке. Музыка написана в тональности G-бемоль мажор (Gm) и 6/8 такта. Партитура начинается с 7-го такта и заканчивается на 55-м такте. В тексте присутствуют повторения, обозначенные цифрами 1 и 2. Музыкальные символы, такие как секции (§) и факты (Φ), используются для обозначения структуры произведения.

